

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

ДРЕВНИЕ И ТРАДИЦИОННЫЕ КУЛЬТУРЫ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СО СРЕДОЙ ОБИТАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Материалы
I Международной междисциплинарной конференции

Челябинск
Издательство Челябинского государственного университета
2021

УДК 903
ББК Т48
Д730

Редакционный совет:
кандидат исторических наук *Е. В. Куприянова*,
кандидат исторических наук *Е. А. Чайко*,
кандидат философских наук *Ф. Н. Петров*

Редакционная коллегия:
О. Ю. Мальцева, А. Л. Плаксина, К. А. Гаева

Рецензенты:
Т. Н. Соболяникова, кандидат исторических наук,
заведующая сектором сохранения и использования объектов культурного наследия отдела
археологии БУ ХАМО — Югры «Музей природы и человека»;
И. В. Андреева, кандидат педагогических наук, доцент кафедры туризма и музееведения
Челябинского государственного института культуры

Д730 **Древние и традиционные культуры во взаимодействии со средой обитания: проблемы исторической реконструкции** : материалы I Междунар. междисциплинар. конф. / отв. ред. Е. В. Куприянова. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2021. 241 с.

ISBN 978-5-7271-1763-7

В апреле 2021 г. в Челябинском государственном университете прошла первая Международная междисциплинарная конференция «Древние и традиционные культуры во взаимодействии со средой обитания: проблемы исторической реконструкции», собравшая участников из России, ближнего и дальнего зарубежья. Сборник материалов конференции знакомит с результатами исследований по археологии, этнографии, музееведению, исторической реконструкции, представленными в докладах участниками конференции.

Предназначено для специалистов, студентов и преподавателей исторических специальностей, краеведов, сотрудников музеев и всех интересующихся вопросами исторической реконструкции.

УДК 903(57)(082)
ББК Т48(2)я431

СОДЕРЖАНИЕ

ДРЕВНИЕ И ТРАДИЦИОННЫЕ КУЛЬТУРЫ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СО СРЕДОЙ ОБИТАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Введение	5
Епимахов А. В., Куприянова Е. В., Хоммель П., Хэнкс Б. К. Археология и комплексные методы исследования. От представлений о линейной эволюции к мозаике культурных традиций (бронзовый век Урала в свете больших серий радиоуглеродных дат)	7
Петров Ф. Н. Скотоводы Зауральской степи периода ПБВ-3: новые материалы исследований	30
Куприянова Е. В., Джонсон Дж. А., Батанина Н. С., Петров Н. Ф., Плешанова Н. В. Моделирование системы расселения племён в бронзовом веке на примере долины реки Уй	38
Требелева Г. В., Кизилов А. С. Ещё раз к вопросу о «понтийском лимесе», или О географических и геополитических принципах расположения древних фортификационных сооружений черноморского побережья в античное время	51
Усманова Э. Р., Фомин В. Н. Красный цвет в «андроновском» костюме эпохи бронзы: технология крашения (по материалам памятников Лисаковской округи)	61
Гильмитдинова А. Х. О понятийном аппарате при реконструкции социальной организации ранних кочевников Южного Урала по данным археологии	69
Сунцова Н. Ю. Древесные растения в погребальной обрядности удмуртов (на примере археологических и этнографических материалов)	76
Усманова Э. Р., Захаров С. В., Джумабеков Д. А., Антонов М. А. Традиция культа гор в Улытау (Центральный Казахстан), или Ритуальный разговор с горой	81
Куприянова Е. В. К вопросу о способах освоения новых территорий населением Южного Зауралья в бронзовом веке (материалы раскопок поселения Томино 1)	92
Грудочко И. В., Плаксина А. Л. Ландшафтный подход к изучению курганов с «усами» Южного Зауралья (предварительный анализ)	105
Полякова А. А. Объект индустриальной истории Урала — «Французская горка (развалины (руины) Бельгийской фактории)», или Рудник «Холмистый»: от формирования до современного состояния. Материалы исследования 2019–2020 гг.	113
Кириллов А. К. Реконструкция погребальных и календарных обрядов методами археoaстрономии	123

ЭТНОГРАФИЯ И КОМПЛЕКСНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Савельева Т. В.

Реконструкция народного славянского праздника «Иванов день»: типологический аспект 140

Голева Т. Г.

Использование устных источников для описания системы природопользования коми-пермяков в середине XX века 146

Адукова Т. Ю.

Нагрудник яга в национальном костюме башкир в условиях современности: проблемы реставрации, реконструкции и развития современных форм 156

Чернышева Ю. С.

К вопросу о рекрутской обрядности в русских традициях Прикамья 166

Теуш О. А.

Преобразование гидроландшафта европейского севера России в традиционной культуре населения

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Чайко Е. А.

Историческая реконструкция: векторы интерпретации (историографический аспект) 181

Трофимова Е. А., Костомаров В. М., Маслюженко Д. Н., Новиков И. К.

Энеолитическое святилище Савин-1: от открытия до музеефикации (проблемы и перспективы) 188

Семьян М. В., Петров Ф. Н.

Реконструкция объектов жилой архитектуры бронзового века: опыт новых решений в музейном макетировании 195

Макуров Ю. С.

Модель казахского кладбища в историческом парке заповедника «Аркаим»: опыт строительства и наблюдения за руинизацией 202

Семьян И. А., Бакас С.

Экспериментальное исследование версий реконструкции составного лука синташтинской культуры 212

Мальцева О. Ю.

Фестиваль заповедника «Аркаим»: опыт этнокультурного проектирования . . . 219

Халтурина Л. А.

Говорящие предметы (из опыта реставрации предметов фонда Музея природы и человека г. Ханты-Мансийска) 227

Симкин В. Е.

Идентификационные признаки остеологического материала на примере предметов из коллекций Музея природы и человека г. Ханты-Мансийска 233

Третьякова А. Е.

Опыт изучения и реконструкции керамики бытового назначения из этнографических фондов Музея археологии и этнографии Челябинского государственного университета 238

ВВЕДЕНИЕ

13–15 апреля 2021 г. в Челябинском государственном университете прошла первая международная междисциплинарная конференция «Древние и традиционные культуры во взаимодействии со средой обитания: проблемы исторической реконструкции». К участию в конференции был привлечен широкий круг исследователей — историки, археологи, этнографы, музеееды, антропологи, геологи, почвоведы, экологи и другие специалисты, занимающиеся изучением взаимодействия человека с окружающим миром в различные исторические эпохи.

В конференции приняли участие 45 представителей из 17 городов России, ближнего и дальнего зарубежья. Было зачитано 35 докладов по археологии, антропологии, этнографии, музееведению, комплексным методам исследования исторических источников.

Как подтвердили результаты конференции, направление исторической реконструкции является одним из самых актуальных и перспективных в исторических исследованиях. Проекты по реконструкции не только позволяют на практике верифицировать предложенные гипотезы, но и облачают научное знание в презентативную форму, способствующую популяризации исторического знания. В представленных докладах был продемонстрирован широкий спектр методов, как гуманитарных, так и естественнонаучных, использующихся для современных исторических реконструкций.

На подведении итогов многими выступавшими было отмечено, что проведение конференций подобной широты охвата тематики, объединяющих на заседаниях доклады специалистов различных направлений, является актуальным для развития исторической науки, образования, музейного дела, междисциплинарных взаимодействий. Ф. Н. Петровым было высказано и единогласно поддержано всеми участниками предложение сделать конференцию периодической с частотой проведения раз в два года.

К публикации в сборнике материалов конференции было представлено 26 статей, отражающих результаты зачитанных докладов по направлениям «Археология и комплексные методы исследования», «Этнография и комплексные методы исследования», «Общие проблемы реконструкции и популяризации исторического наследия». Представленные исследования выполнены учеными из России, США, Великобритании, Греции, Казахстана, Украины.

Блок докладов, посвященных анализу археологических материалов с применением комплексного подхода и методов естественных наук, представляет результаты реконструкции различных аспектов жизни бесписьменных обществ: системы расселения, взаимодействия групп населения в отдельные исторические эпохи, комплексные реконструкции культурной и экономической жизни отдельных сообществ и т. д. Большинство исследований выполнено археологами совместно со специалистами естественнонаучных и иных направлений. Исследования Е. В. Куприяновой и Ф. Н. Петрова посвящены созданию целостного образа отдельных археологических объектов (поселение Томино 1 и поселение Левобережное): культурная атрибуция, реконструкция системы хозяйствования, архитектуры, элементов обрядности. Несколько докладов (Е. В. Куприянова с соавторами, Э. Р. Усманова с соавторами, Г. В. Требелева и А. С. Кизилов, И. В. Грудочко и А. Л. Плаксина) рассматривают пространственное расположение различных археологических объектов — поселений, ритуальных сооружений на вершинах гор, античных фортификационных сооружений, курганов с «усами», исходя из него реконструируя экономику, межкультурные связи и экономическую систему древних обществ. Применению естественнонаучных методов к анализу различных археологических данных (методы радиоуглеродного датирования, химический анализ красителей, определение пород дерева, археоастрономические исследования календарных систем) посвящены статьи А. В. Епимахова с соавторами, Э. Р. Усмановой

и В. Н. Фомина, Н. Ю. Сунцовой, А. К. Кириллова. Исследование А. Х. Гильмитдиновой поднимает теоретические вопросы реконструкции социальных систем древности и правомерности применения в них различных терминов для дефиниций социальных групп. Объекту индустриальной археологии «Рудник “Холмистый”» и проблемам сохранности объектов культурного наследия Урала посвящена статья А. А. Поляковой.

В этнографическом разделе представлены примеры бытования отдельных явлений духовной и материальной культуры в различных этнических группах, как в локальной традиции, так и на широких территориях: элементов костюма (Т. Ю. Адукова), системы природопользования (Т. Г. Голева, О. А. Теуш), рекрутских обрядов (Ю. С. Чернышевой), праздника Ивана Купала (Т. В. Савельева). Большинство исследований основано на сравнении исторических данных с современной ситуацией и представляют в ретроспективе и перспективе процесс изменений традиционной культуры, актуализацию ее элементов в массовом сознании человека XXI века.

В блоке «Общие проблемы реконструкции и популяризации исторического наследия» представлен широкий спектр направлений. Опыту создания современных реконструкций исторических сооружений в натуральную величину на территории исторических парков (казахское кладбище, святилище Савин-1) посвящены статьи Ю. С. Макурова, Е. А. Трофимовой с соавторами. Миниатюрные реконструкции жилых объектов бронзового века, созданные для музейных экспозиций на основании научных данных, описаны в статье М. В. Семьян и Ф. Н. Петрова. Отдельным направлением выступили статьи, представляющие процессы познания древних артефактов: реконструкции (И. А. Семьян и С. Бакас), копирования и изучения технологий (А. Е. Третьякова), реставрации (Л. А. Халтурина, В. Е. Симкин). В этом же блоке материалов описаны опыты проведения фестивалей традиционной культуры (О. Ю. Мальцева), затронуты теоретические проблемы (Е. А. Чайко).

Одной из главных целей исторических реконструкций является популяризация научного знания, преподнесение его в доступной и интересной форме широкой аудитории. Другой важной целью является объединение разрозненных фактов и научных данных в общую картину, формирование целостных образов древних и традиционных обществ в рамках профессиональных исследований. Таким образом, два направления исторических реконструкций — научное и популяризаторское — сформировали тематику проведенной конференции. Опубликованные в сборнике статьи отнюдь не отражают всех направлений исторических исследований, в которых актуальными являются комплексные, визуальные, теоретические и другие виды реконструкций артефактов, объектов, явлений, сфер жизни древних обществ, но дают представление о том, насколько разнообразен их спектр. Очень многие из представленных исследований были выполнены в рамках различных грантов и целевых программ, что свидетельствует о заинтересованности науки и общества в этом направлении деятельности.

Оргкомитет конференции «Древние и традиционные культуры во взаимодействии со средой обитания: проблемы исторической реконструкции» выражает благодарность всем ее участникам и авторам, представившим материалы для сборника. Надеемся, что это мероприятие станет периодическим и в дальнейшем расширит как географию участников, так и охват и разнообразие обсуждаемой проблематики.

Е. В. Куприянова

АРХЕОЛОГИЯ И КОМПЛЕКСНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 902/904

А. В. Епимахов, Е. В. Куприянова, П. Хоммель, Б. К. Хэнкс

ОТ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЛИНЕЙНОЙ ЭВОЛЮЦИИ К МОЗАИКЕ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ (бронзовый век Урала в свете больших серий радиоуглеродных дат)

Бронзовый век Урала представляет собой одну из ключевых точек древней истории Евразии в силу ряда естественных и культурных факторов. Реконструкция культурной ситуации здесь базируется в основном на археологических материалах, хотя значительный прогресс в последние годы был достигнут в применении данных абсолютной хронологии. В статье представлен пример анализа взаимодействия различных групп населения, оставивших памятники различных культур, сосредоточенные в небольшом микрорайоне (округа с. Степное Пластовского района Челябинской области), с использованием большого массива полученных радиоуглеродных дат и максимума информационных возможностей археологических данных.

Ключевые слова: бронзовый век, Южное Зауралье, синташтинская культура, петровская культура, алакульская культура.

Введение

Бронзовый век Урала — часть огромного мира археологических культур и масштабных общностей Северной Евразии. Тем не менее именно Урал стал одной из важнейших зон пересечения многих традиций в силу своего географического положения, разнообразия ландшафтов и минеральных богатств. Особо внимание специалистов также обусловлено историей археологических открытий: немалая часть эпонимных памятников исследована именно на Урале. II тыс. до н. э., пожалуй, дает наиболее дробную картину культур, которые требуют упорядочивания во времени и пространстве. Проблема, однако, состоит в том, что почти все археологические культуры региона и сопредельных территорий выделены довольно давно на основании очень краткого списка критериев, обычно это облик керамики, в меньшей степени погребальная обрядность. При обращении к материалам поселений ясность культурных атрибуций сильно размывается. Причины этого многообразны: малая мощность культурного слоя, редкость примеров надежной стратиграфии, сильная фрагментация находок¹ и пр.

¹ В результате, например, хорошо разработанная типология металлического инвентаря имеет очень ограниченное применение. Добавим к этому, что многие типы являются «сквозными» и не позволяют провести их культурную диагностику.

Наряду с этим есть и более глубинные проблемы. На протяжении всего II тыс. до н. э. система жизнеобеспечения кардинально не изменялась — комплексное животноводство в сочетании с оседлостью. Вариации в этом аспекте, скорее, отражают локальную адаптацию, чем общий тренд. Ничего удивительного, что почти весь орудийный комплекс, непосредственно связанный с системой жизнеобеспечения, остается достаточно стабильным на протяжении многих веков и культурно индифферентным. Характер формирования коллекций поселений не предполагает, в отличие от погребений, целенаправленного создания и/или отбора артефактов носителями традиции. В результате массовый материал (прежде всего керамика) гораздо более вариативен и конкретные находки часто не имеют культурно диагностирующих черт. Более того, примеры сочетания разных традиций в составе коллекций имеют массовый характер, а «монокультурные» памятники единичны.

В целом культурно-исторический подход по-прежнему доминирует в исследованиях бронзового века этой части Северной Евразии, хотя постепенно тематика расширяется, в том числе и за счет применения новых методов. При этом исследования по новым темам в той или иной степени опираются на культурно атрибуцию комплексов, отдельных памятников или групп памятников. Таким образом, первичная группировка материалов базируется на заключениях о культурной атрибуции, в меньшей степени — на датировке. Последняя, хотя и достигла значительного прогресса [13; 18; 20; 23 и т. д.], сохраняет довольно многочисленные белые пятна и часто вынуждена опираться на экстраполяции. Ответы на содержательные вопросы (происхождение, взаимодействия и связи, демография и т. д.), с нашей точки зрения, должны опираться на анализ конкретных ситуаций. В связи с этим мы считаем принципиально важной задачей реконструкцию примеров, в которых задействованы разные типы памятников различных культур, сосредоточенных на небольших по площади участках, естественно, с использованием максимума информационных возможностей археологических данных. Такие возможности имеются в распоряжении авторов в отношении микрорайона у с. Степное в Южном Зауралье (Россия).

Реконструкция культурной ситуации в округе села Степное в эпохи средней и поздней бронзы в рамках сравнительного анализа материалов погребальных памятников

Микрорайон в округе села Степное в Пластовском районе Челябинской области представляет интерес с точки зрения реконструкции взаимодействия различных археологических культур бронзового века, поскольку здесь одной исследовательской командой было изучено несколько погребальных памятников, содержащих материалы одного культурно-хронологического пласта. В результате этого имеется возможность детального сравнения как стратиграфического соотношения объектов внутри одного памятника, так и соотношения памятников между собой по сходству и преемственности деталей обрядов, материальной культуры, типов керамики.

Три могильника — Степное-25, Степное-1 и Степное VII, расположенные вблизи друг от друга, практически по одной линии СЗ—ЮВ вдоль левого берега реки Уй (рис. 1), образуют некую систему захоронений, созданных одной или связанными друг с другом группами населения. Могильник Степное-1 расположен в непосредственной близости от укрепленного поселения Степное, самого северного из известных на сегодняшний день поселений синташтинской культуры; в нём содержатся материалы синташтинской, петровской и алакульской культур. Раскопками исследовано четыре синташтинских и два петровских кургана [7]. Изученные курганы существуют полностью separately, материалы синташтинской и петровской культур никогда не пересекались в рамках одного комплекса. И в тех, и в других присутствуют в качестве впускных алакульские захоронения, что, безусловно, свидетельствует о более позднем времени их создания.

В 1,5 км к юго-востоку от поселения и могильника Степное-1, выше по течению реки Уй, расположен могильник Степное VII, содержащий материалы петровской и алакульской культур. В нем исследовано шесть центрально ориентированных комплексов, из которых три монокультурных (два петровских и один алакульский) и три содержат петровско-алакульские материалы, наглядно демонстрирующие стратиграфически и семантически продолжение петровских традиций алакульским населением [10; 8]. Синташтинские материалы отсутствуют, но в крупных петровских погребениях зафиксирована группа керамики, имеющая много схожих черт с синташтинской («синташтоидная») [7].

В 2,8–3,5 км к юго-востоку от могильника Степное VII, выше по течению реки Уй, находится могильник Степное-25 [11]. В силу того, что синташтинско-петровская часть памятника (пять курганов) была раскопана в 1950-х гг., анализ его материалов недоступен по ряду позиций (в частности, полностью отсутствуют данные антропологии и большая часть деталей погребального обряда, но заново обработанный керамический комплекс представляет возможности для сравнительного изучения). Анализ керамики показал, что четыре кургана имели в основе синташтинские центральные погребения, в двух из них, очевидно, присутствовали петровские детские периферийные захоронения; дефиниция пятого кургана затруднена отсутствием керамики. Стратиграфическая ситуация по материалам старых раскопок не реконструируется. На расстоянии от первой курганной группы была расположена цепочка курганов срубной КИО с архаичными чертами, а также несколько ритуальных сооружений, содержащих материалы алакульской и черкаскульской культур.

Культурным ядром для всех памятников является синташтинско-петровско-алакульская генетическая линия. При этом внутренняя стратиграфия объектов и анализ культурной ситуации в некрополях позволяют предложить модель взаимодействия разных культур, которая, по замыслу данной статьи, может быть подтверждена или опровергнута серией полученных радиоуглеродных датировок.

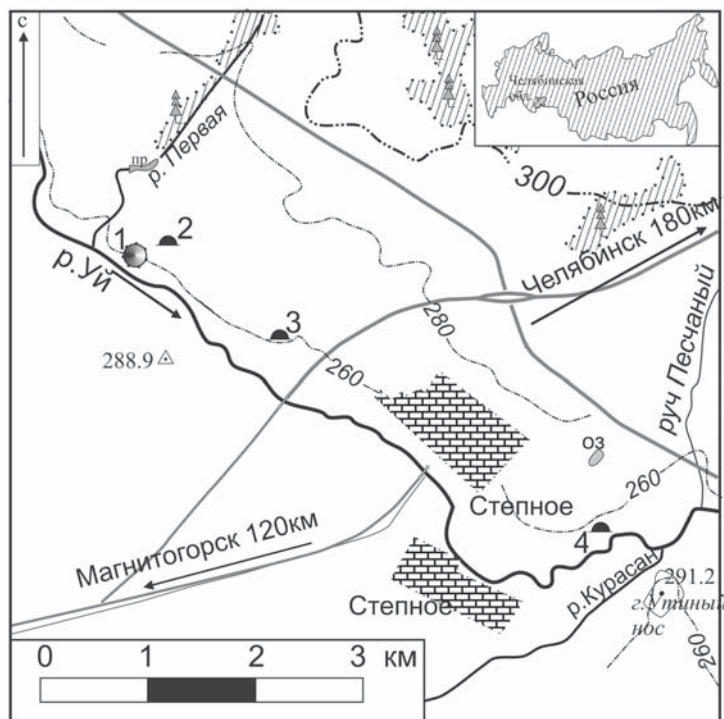

Рис. 1. Карта памятников бронзового века у с. Степное. 1 — поселение Степное; 2 — могильник Степное-1; 3 — могильник Степное VII; 4 — могильник Степное 25

**Структура погребальных комплексов синташтинской и петровской культур
в могильниках у с. Степное**

Памятник	Синташтинские комплексы		Петровские комплексы	
	Одна центральная индивидуальная яма	Несколько коллективных центральных ям	Одна центральная индивидуальная яма	Несколько коллективных центральных ям
Степное-1	1	3	2	–
Степное VII	–	–	1	4
Степное 25	5(?)	–	–	–

Интересным представляется факт культурного распределения по типам курганных комплексов. В могильнике Степное-1 изучены крупные многомогильные комплексы синташтинской культуры и курганы с одним индивидуальным центральным захоронением синташтинской и петровской культур. В могильнике Степное VII — крупные многомогильные комплексы петровской культуры. В могильнике Степное 25 — курганы с одним индивидуальным центральным захоронением синташтинской культуры.

Керамические комплексы могильников демонстрируют типологическое и стилистическое сходство. В трех могильниках выделяются практически идентичные либо очень схожие сосуды, технологические приемы и орнаментальные мотивы, присущие определенному мастеру или школе гончарства (рис. 2–4). При этом синташтинский керамический комплекс в целом демонстрирует несколько большую неустойчивость и вариативность, а петровский и алакульский тяготеют к стандартизации и единообразию. В петровской серии могильников Степное-1 и VII, а также в алакульской серии могильника Степное VII выделяются типологически монолитные группы сосудов из крупных центральных погребений, обладающие единой стилистикой, в то время как керамика периферийных погребений эклектична и разнообразна. Это можно интерпретировать как существование в социумах элитных групп, местом погребения членов которых являлись коллективные центральные ямы.

В погребальном обряде трех могильников общие черты проявляются в традициях парных жертвоприношений лошадей и символики колесничества, использовании камня в архитектуре, сложных ритуалах жертвоприношений, манипуляциях с предметами при совершении ритуалов и пр. Колесничный комплекс, являющийся «визитной карточкой» синташтинской и петровской культурных традиций, проявляется на исследованных памятниках очень ярко. В синташтинских погребениях Степного-1 и -2 Степного 25 это парные «частичные» жертвоприношения лошадей (голова + ноги) на перекрытиях ям (в погребениях Степного-1 зафиксированы и другие элементы колесничного комплекса — колесные ямки, псалии, оружие дистанционного боя; в Степном 25 многие детали не зафиксированы как следствие методики старых раскопок). В петровских комплексах Степного-1 и Степного VII это целые туши лошадей, расположенные вне погребений, на подкурганной площадке или в отдельных ямах. Здесь также отмечены колесные ямки, псалии, оружие дистанционного боя. Таким образом, перекрестный анализ показывает общность черт синташтинской и петровской традиции могильников.

Возрастные выборки антропологических серий представительны для анализа синташтинской группы Степного-1, а также петровской и алакульской группы Степного VII. В синташтинской антропологической серии могильника Степное-1 определен возраст 37 погребенных (табл. 2).

Более 40 % погребенных умерли в возрасте от 10 до 25 лет — в наиболее жизнеспособный и стрессоустойчивый период жизни человека. В то же время очень мало младен-

Рис. 2. Керамика синташтинской культуры, изготовленная в одном стиле (1–3, 6–7 — могильник Степное-1; 4–5 — могильник Степное 25)

ческих погребений, доля которых в других могильниках бронзового века этого региона обычно составляет более половины относительно погребенных других возрастов. Эта неестественная возрастная структура уже была отмечена для других синташтинских могильников [2] и заставляла высказать предположение о выборочном погребении индивидов в курганах синташтинского периода и существовании альтернативных погребальных практик.

Таблица 2

Возраст погребенных в синташтинских курганах могильника Степное-1 ¹						
Возраст	0–1	1–4	4–10	10–17	17–25	25+
Кол-во	7	1	10	12	3	4
%	19	2,7	27	32,4	8,1	10,8

¹ Антропологические определения выполнены А. А. Хохловым (г. Самара, Россия) и К. Боннэр (США).

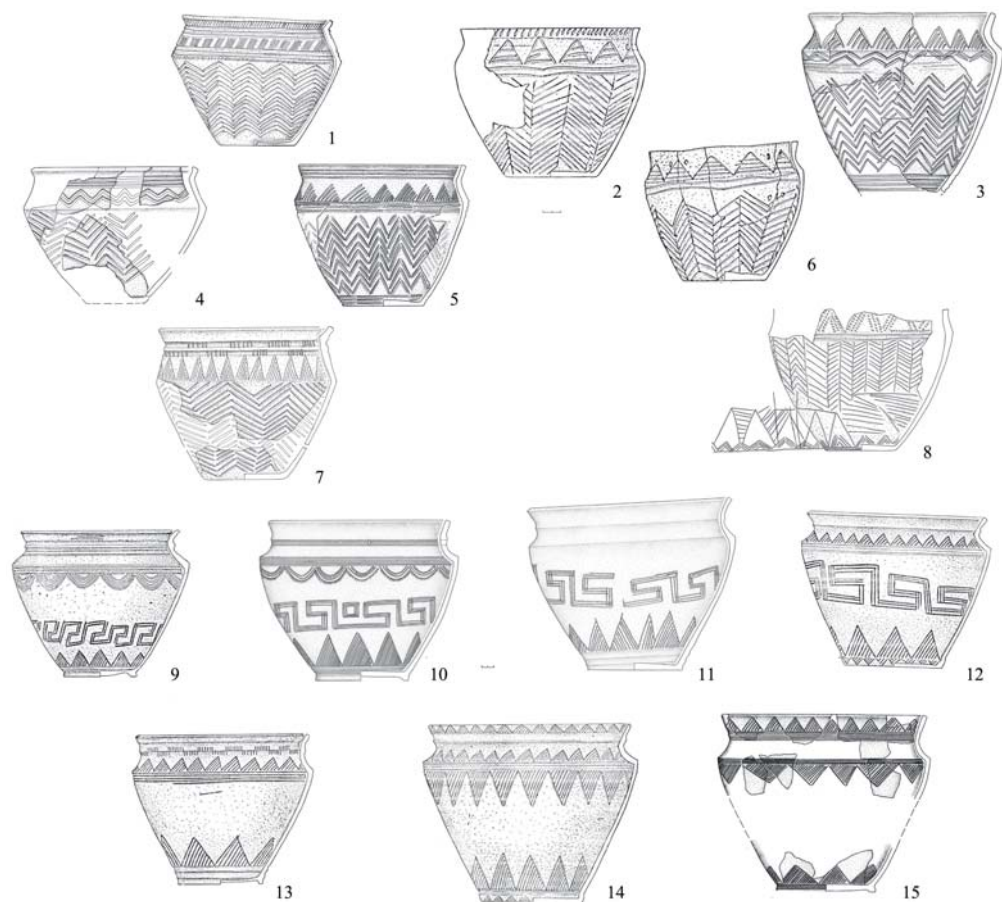

Рис. 3. Керамика синташтинской и петровской культур, изготовленная в одном стиле (1, 4–5, 7, 15 — могильник Степное-1; 2–3, 6, 9–14 — могильник Степное VII; 8 — могильник Степное 25)

В двух курганах петровской культуры могильника Степное-1 погребены двое мужчин в возрасте 20–25 и 30–35 лет и два ребенка — младенец и ребенок 5–6±2 лет.

Среди антропологического материала могильника Степное VII были выявлены останки 68 погребенных, из которых 36 принадлежат к алакульской серии, 31 — к петровской, и один (погребение 52) не может быть интерпретирован из-за отсутствия инвентаря.

Таблица 3

Возрастная структура погребенных могильника Степное-VII¹

Возраст		0–1 лет	1–4 года	4–10 лет	10–17 лет	17–25 лет	25+
Петровская культура	Кол-во	11	–	4	9	5	2
	%	35,5		13	29	16	6,5
Алакульская культура	Кол-во	30	–	1	3	–	2
	%2	83,2		2,8	8,4		5,6

¹ Антропологические определения выполнены А. А. Хохловым (г. Самара, Россия) и С. Р. Газизовой (г. Челябинск, Россия).

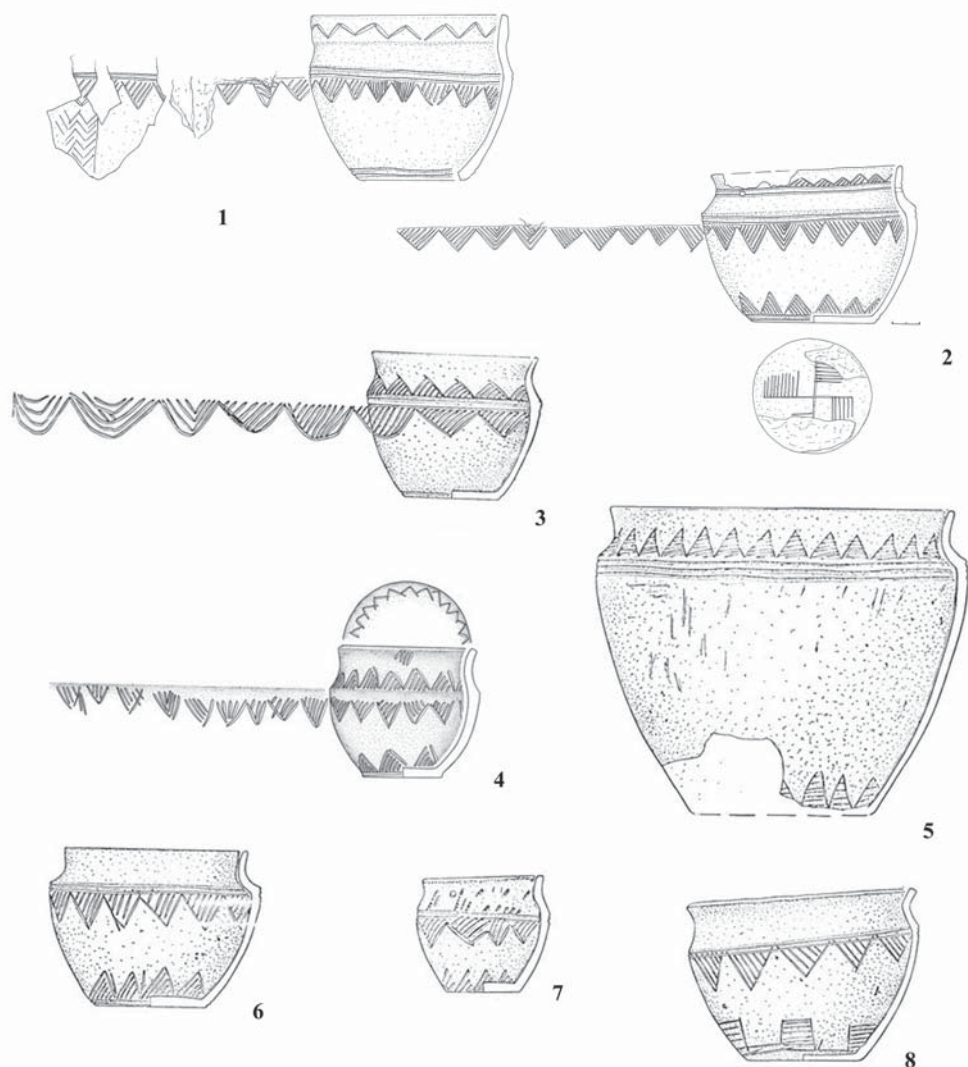

Рис. 4. Керамика алакульской культуры, изготовленная в одном стиле (1–2 – могильник Степное 25; 3–8 — могильник Степное VII)

Сравнение возрастных серий погребенных в различных культурных группах представлено на графике (рис. 5).

Различия в возрастном составе петровской и алакульской серии этого памятника очевидны. Структура возраста погребенных петровской серии сходна по процентному составу с синташтинской серией могильника Степное-1: погребенные в возрасте от 10 до 25 лет составляют 45 % от всех возрастных групп, младенческих погребений относительно мало — 35,5 %. В алакульской серии подавляющее большинство — дети до 1 года (83,2 %). Количество погребенных остальных возрастов невелико. Как в петровской, так и в алакульской группах полностью отсутствуют погребенные дети возрастом от года до 4 лет. Эта же возрастная группа практически отсутствует и в могильнике Степное-1.

На основании анализа палеоантропологических определений можно констатировать, что возрастной состав погребенных очень схож у синташтинского и петровского населения обоих могильников благодаря преобладанию погребенных подросткового

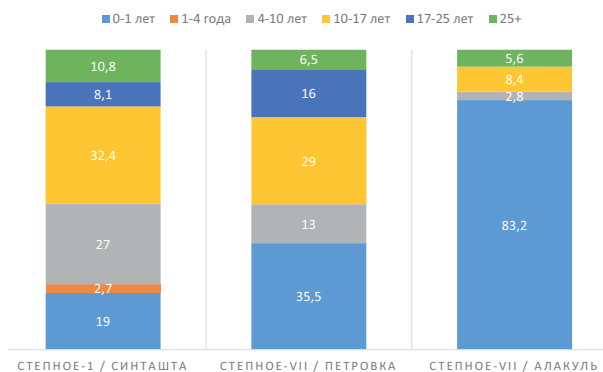

Рис. 5. Возрастная структура погребенных

и юношеского возраста, малому количеству младенцев и практическому отсутствию взрослых и пожилых людей. Поскольку основная масса антропологического материала получена из «коллективных» комплексов, доминирующих по количеству погребенных индивидов, можно сделать вывод, что данная структура смертности отражает отбор погребенных для этого типа сооружений и одинакова для синташтинской и петровской популяций.

Алакульская структура возраста погребенных в целом приближена к нормальной структуре погребальных комплексов в древних обществах с крайне высокой младенческой смертностью.

Таким образом, стратиграфические пересечения синташтинских и петровских ритуальных объектов на Степном-1 и VII отсутствуют, на Степном 25 предполагаются, но достоверно не доказаны. Сравнение материалов могильников показывает сходство внутри синташтинской и петровской линий керамики всех трех памятников, внутри синташтинской и петровской ритуальной традиции «колесничества», что позволяет предполагать создание некрополей одними и теми же синташтинским и петровским социумами, представители которых по каким-то причинам оказались погребены в разных некрополях. Сравнение антропологических выборок показывает идентичный принцип возрастного отбора для погребения синташтинского и петровского населения. При этом различные типы погребальных комплексов (коллективные и индивидуальные) этих культур практически не пересекаются в пределах одного памятника.

Результаты датирования и методы анализа

В результате реализации ряда проектов для четырех памятников микрорайона накоплено 27 AMS-дат, полученных в пяти лабораториях (University of Arizona; University of California, Irvine; Oxford Radiocarbon Accelerator Unit; Klaus-Tschira-Labor, Curt-Engelhorn-Zentrum Archaeometrie; ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН). Основным материалом анализа стал коллаген, выделенный из костей домашних травоядных животных ($n = 15$) и костей и зубов человека ($n = 6$), меньше представлен уголь ($n = 4$), единично дерево и ткань. Для 15 образцов коллагена мы располагаем данными по легким изотопам азота и углерода. Их анализ иллюстрирует распадение на группы в зависимости от положения в трофической цепи: травоядные животные (средние значения $\delta^{13}\text{C}$ — $-20,18$; $\delta^{15}\text{N}$ — $4,53$), люди (средние значения $\delta^{13}\text{C}$ — $-19,6$; $\delta^{15}\text{N}$ — $10,3$). Размах вариации по азоту для животных в значительной степени обеспечен единичным анализом с одной из наиболее ранних дат в рамках серии (IGANAMS-7804, 3600 ± 20).

С точки зрения культурной атрибуции образцы распределились следующим образом: синташтинская культура — 12; петровская — 10; алакульская — 4; срубная — 1. Поселение в исследованной части содержало синташтинскую керамику и учтено в составе этой группы. В выборке 12 условно закрытых комплексов, часть из них имеет следы вторжения или неоднократного использования.

Процедура изучения предполагает предварительный анализ серии в целом для выявления статистических выбросов. В ходе предварительного анализа был выявлен

один пример статистического выброса — дата, полученная при анализе деревянной рукоятки топора (OxA-33724, 3172 ± 33), оказалась значительно моложе четырех других из этого погребения. В целом этот результат сильно отличается не только от других дат комплекса, но серии петровских дат в целом, включая ранее полученные значения [20; 23]. Для остальных 26 результатов во всех возможных случаях проведена проверка согласованности дат в пределах закрытого комплекса либо заведомо единовременного отложения. Таких примеров в нашей выборке шесть (от двух до пяти дат). В случаях достоверного расхождения проводилась повторная выверка контекста для выявления искажающих факторов.

Все результаты датирования откалиброваны (OxCal 4.4 [17]) с использованием атмосферной кривой IntCal20 для Северного полушария [27] (табл. 4). На следующем этапе значения группировались по сериям на основании культурной атрибуции за исключением единичной срубной даты. Для проверки однородности групп использована процедура суммирования вероятностей. При определении хронологического соотношения культурных традиций приоритет отдан данным стратиграфии и планиграфии погребальных комплексов, так как калибровка значений формирует достаточно широкие интервалы (локальное плато калибровочной кривой). Для примеров с установленной последовательностью совершения захоронения было использовано статистическое моделирование.

Обсуждение

Серия в целом ($n = 26$) по результатам калибровки охватывает период от конца XXII до конца XVII в. до н. э. (рис. 6). Это слишком протяженный интервал для сходных по многим чертам традиций, что требует рассмотрения причин этого обстоятельства. Для проверки использованы анализы, происходящие из единого контекста.

Наиболее поздние значения связаны с алакульскими датами могильника Степное VII (IGAN_{AMS}-5647, 3380 ± 25). Наиболее древние значения имеют четыре образца со срубной, алакульской и петровской атрибуцией (OxA-30999, 3626 ± 33 ; IGANAMS-7804, 3600 ± 20 ; AA90947, 3589 ± 53 ; AA90948, 3584 ± 55). В двух случаях мы имеем дело с единичными анализами комплекса, в одном имеются дублирующие даты — погребение 17 могильника Степное VII (рис. 7–9).

Это коллективное погребение характеризуется наибольшим разбросом значений, не согласующихся между собой. Наиболее поздняя дата по астрагалу (MAMS-32156, 3472 ± 24) может отражать разновременность отложениям материалов, т. к. находка сделана вне прямой связи с покойными, хотя и на дне камеры. В выбросы также попала упомянутая выше дата по деревянной рукоятки топора (результат длительного хранения после извлечения из археологического контекста?). Однако и данные по погребенным тоже существенно разнятся (при безусловной одновременности упокоения), а наложение интервалов обусловлено в основном высокими показателями среднеквадратического отклонения. Изотопный анализ иллюстрирует смещение значений по изотопу углерода относительно ранее выявленных значений по зауральским памятникам [21, fig. 5–6]. Эта картина может отражать отклонение от реальных значений при датировании в сторону удревнения за счет употребления продуктов водного происхождения. Однако утверждать это категорически пока невозможно, т. к. нет сравнительного материала по легким изотопам рыбы или моллюсков данного микрорайона.

Не демонстрируют согласованности даты еще по двум комплексам могильника Степное-1: синташтинское погребение 1 кургана 7 и петровское погребение 1 кургана 8. Первый пример, с нашей точки зрения, как минимум отчасти иллюстрирует практику длительного функционирования комплекса: на перекрытии могильной ямы, вероятно, совершались дополнительные жертвоприношения животных. Наиболее древняя дата этого комплекса, полученная по астрагалу мелкого рогатого скота, скорее всего, отражает использование данного предмета в течение некоторого периода до совершения

Таблица 4

Результаты датирования

№	Памятник	Комплекс	Материал	Index lab	Age ±	$\delta^{13}C$	$\delta^{15}N$	C/N _{at}	calBC (95,4 %)	Medi- ana	Культура	Reference
1	Могильник Степное-1	курган 7, погребение 1	Bone/Bos Taurus	OxA-34142	3519 32	-20,7506	3,56074	3,181	1936-1747	-1833	синт.	шпрubl.
2		курган 7, погребение 1	Bone/Bos Taurus	OxA-34143	3437 33	-20,2746	4,43707	3,208	1878-1628	-1742	синт.	шпрubl.
3		курган 7, погребение 1	Bone/Ovis Aries	OxA-34150	3545 31	-19,5764	4,87257	3,182	2011-1769	-1887	синт.	шпрubl.
4		курган 7, погребение 2	Bone/Ovis Aries	OxA-34144	3479 30	-20,4362	4,08392	3,169	1887-1696	-1806	синт.	шпрubl.
5		курган 7, погребение 2	Bone/Ovis Aries	OxA-34149	3493 31	-19,8225	4,09627	3,19	1897-1697	-1814	синт.	шпрubl.
6		курган 7, погребение 5	Bone/Ovis Aries	OxA-34151	3509 31	-19,545	5,81193	3,202	1924-1745	-1825	синт.	шпрubl.
7		курган 7, погребение 5	Bone/Ovis Aries	OxA-34145	3455 32	-20,0516	4,13059	3,229	1883-1645	-1771	синт.	шпрubl.
8		курган 7, погребение 5	Bone/Bos Taurus	OxA-34146	3518 32	-20,4379	5,01474	3,222	1935-1746	-1832	синт.	шпрubl.
9		курган 8, погребение 1	Bone/Equus caballus, #1	OxA-34147	3440 31	-20,8288	3,0219	3,22	1879-1631	-1746	петр.	шпрubl.
10		курган 8, погребение 1	Bone/Equus caballus, #2	OxA-34148	3528 30	-21,007	3,04921	3,198	1942-1751	-1840	петр.	шпрubl.
11	Поселение Степное	уч. 8/G, яма #2, postholes	Charcoal	UCIAMS-71442	3490 20				1883-1747	-1813	синт.	шпрubl.
12		уч. A/3, гл. (-75) cm	Charcoal	UCIAMS-71443	3505 20				1890-1749	-1820	синт.	шпрubl.
13		уч. 1/B, гл. (-75)-(-80) cm	Charcoal	UCIAMS-71444	3535 20				1938-1773	-1851	синт.	шпрubl.
14		уч. 5/A, гл. (-155) cm	Charcoal	UCIAMS-71445	3480 20				1882-1742	-1809	синт.	шпрubl.
15	Могильник Степное VII	комплекс 4, погребение 17	Bone/Human	AA90948	3584 55	-19,5	10,20	3,20	2133-1751	-1938	петр.	[25]
16		комплекс 4, погребение 17	Bone/Human	AA90949	3540 52	-19,5	10,80	3,20	2026-1701	-1876	петр.	[25]
17		комплекс 4, погребение 17	Wood/Axe handle	OxA-33724	3172 33	-23,5887			1506-1326	-1449	петр.	шпрubl.
18		комплекс 4, погребение 17	Tooth/Human	OxA-30999	3626 33				2131-1891	-1989	петр.	[16]
19		комплекс 4, погребение 17	Bone/Animal	MAMS-32156	3472 24	-21,7		2,90	1881-1697	-1803	петр.	
20		комплекс 4, погребение 31	Bone/Human	AA90947	3589 53	-19,8	9,90	3,20	2133-1770	-1945	алак.	[25]
21		комплекс 4, погребение 33	Bone/Ovis Aries	MAMS-32157	3402 24	-23,5		3,40	1751-1619	-1688	алак.	[23]
22		комплекс 8, погребение 1	Bone/Human	IGAN _{AMS} -5647	3380 25				1745-1566	-1666	алак.	[12]
23		комплекс 8, погребение 1	Cloth fragment	IGAN _{AMS} -5648	3440 25				1878-1637	-1746	петр.	[12]
24	Могильник Степное VII	комплекс 8, погребение 2	Bone/Human	MAMS-32154	3473 25	-21,5		3,00	1882-1698	-1804	петр.	[23]
25		комплекс 8, погребение 2	Bone/Animal	MAMS-32155	3453 24	-21,3		3,00	1880-1688	-1767	петр.	[23]
26	Могильник Степное 25	курган 4, жертвенник	Bone/Goat	IGAN _{AMS} -7804	3600 20	-19,35	7,81	3,18	2026-1891	-1955	сруб.	шпрubl.
27		Ритуальный комплекс 3	Bone/Bos Taurus	IGAN _{AMS} -7805	3444 20	-20,04	4,45	3,18	1876-1687	-1751	алак.	шпрubl.

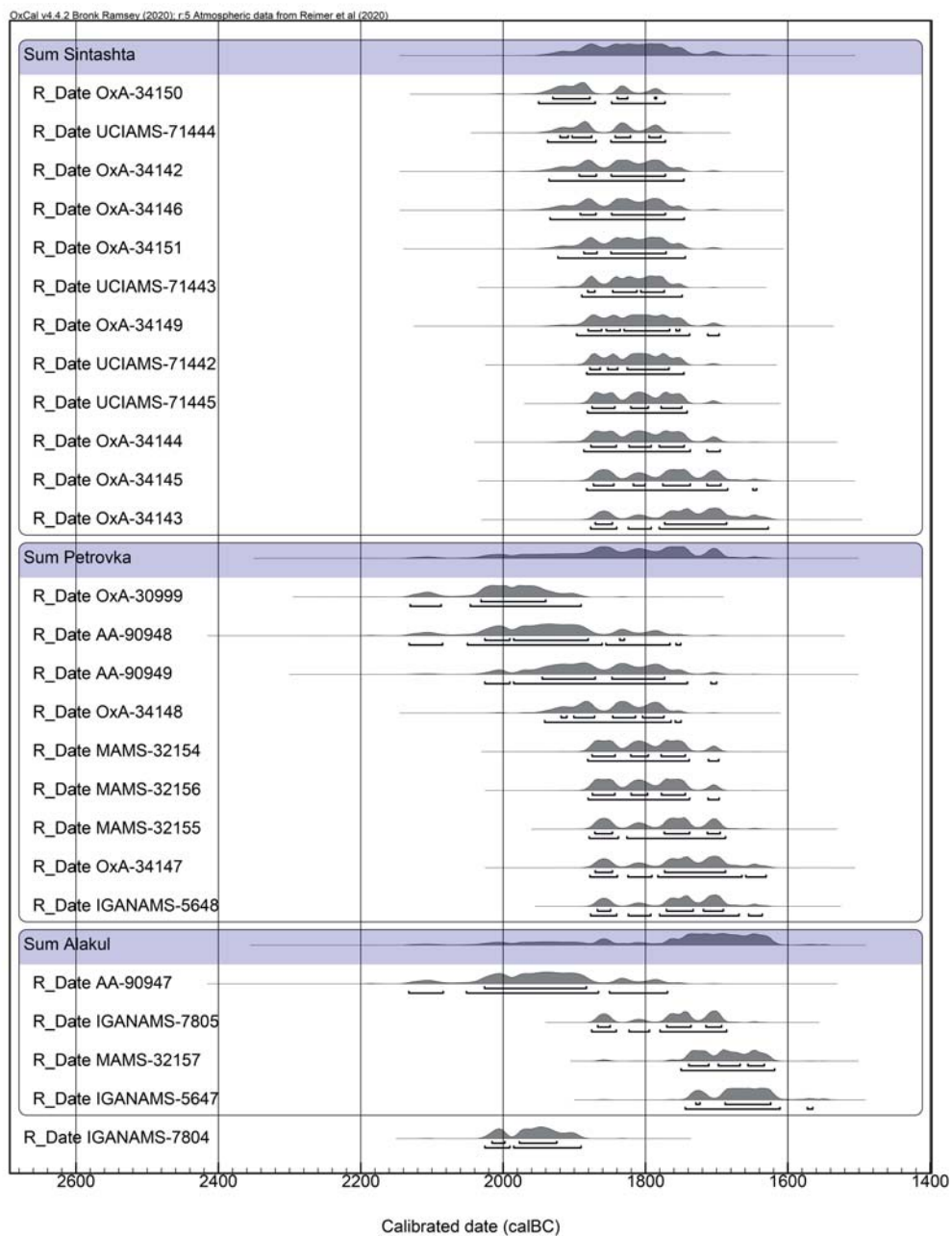

Рис. 6. Результаты калибровки археологических культур бронзового века в микрорайоне Степное

похорон. Второй пример относится к парному жертвоприношению лошадей на краю могильной ямы. Разница в локализации и сохранности животных, несогласованность их поз, в противовес обычной симметрии парных жертвоприношений лошадей в петровских могильниках, не исключают их последовательного размещения, но зафиксированная разница датировок все же слишком велика. Изотопный анализ аномалий не демонстрирует. Остается предположить, что сказалась относительно небольшая глубина залегания либо условия хранения.

Единичный пример надежной стратиграфии (курган 7 могильника Степное-1) имеет ограниченный потенциал для моделирования вследствие малого числа дат (пять). В рамках модели выделены две фазы (м. я. 1 и 2), для которых статистически определены границы, а также оценена длительность функционирования комплекса в целом (рис. 10). В последнем случае мы ориентировались на медианы границ, дающие цифру 87 лет. С нашей точки зрения, это вполне реалистичная оценка (хотя мы допускаем,

что умножение количества дат сузит интервал), т. к. участники ритуалов явно учитывали расположение более ранних элементов погребальной архитектуры.

Группировка результатов по археологическим культурам

Синташтинская серия дат представлена восемью образцами из кургана 7 могильника *Степное-1*. Суммирование вероятностей формирует несколько неоднородный график (около 1950–1850 г. до н. э.), профиль которого частично обусловлен характером калибровочной кривой, частично — разбросом значений (по медианам калиброванных интервалов — 91 год).

Курган включал в себя три крупных центральных (1–3) и два периферийных детских (4–5) погребения. Планировка комплекса хаотична; расположение центральных ям в линию, фрагменты нескольких ровиков заставляют предполагать поэтапность его формирования и неоднократные изменения в первоначальном замысле ориентации объектов. Фиксация ям в плане и профиле указывает на более раннее происхождение ямы 1 относительно ямы 2, очертания которой на уровне материка прорезают верхние слои заполнения ямы 1. Стратиграфическая позиция погребений 2 и 3 до конца не выяснена, но, скорее всего, погребение 2 также является поздним по отношению к погребению 3 [7, с. 57]. Погребения 1 и 3, совершенные первоначально, были затем ограблены. Погребение 2, совершенное позднее, не ограблено (рис. 11–12). Периферийные погре-

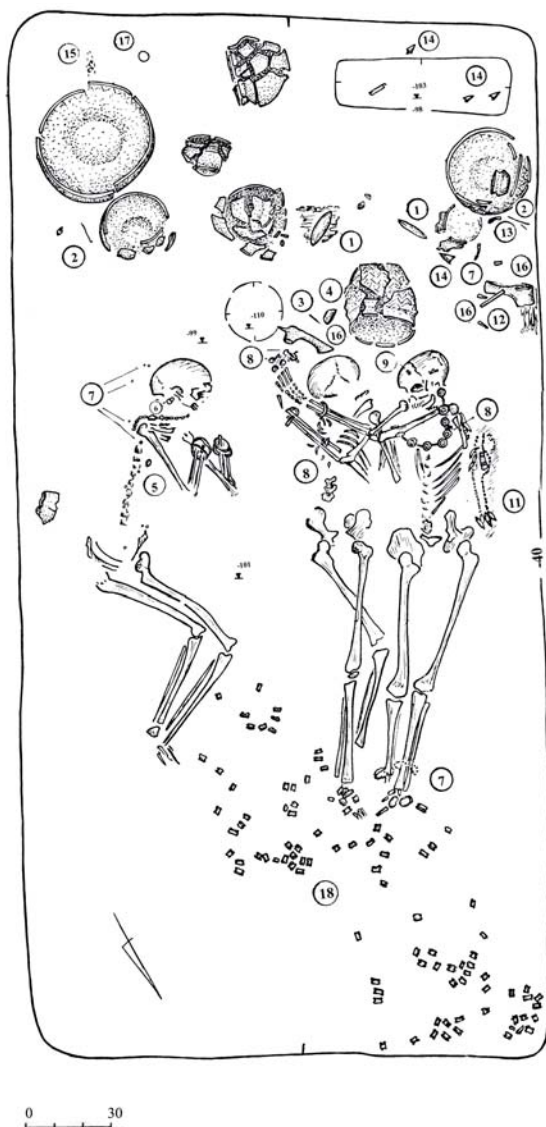

Рис. 7. Могильник Степное VII. Комплекс 4, погребение 17, план (1 — нож бронзовый; 2 — игла бронзовая; 3 — проколка бронзовая; 4 — пряслице костяное; 5 — бляшка бронзовая; 6 — подвеска; 7 — бусы бронзовые; 8 — перстень бронзовый; 9 — обойма бронзовая; 10 — амулеты из клыков; 11 — накончик; 12 — пинцет; 13 — сплеск металла; 14 — наконечник стрелы; 15 — деревянный предмет; 16 — топор-тесло; 17 — органические останки; 18 — наброс астрагалов)

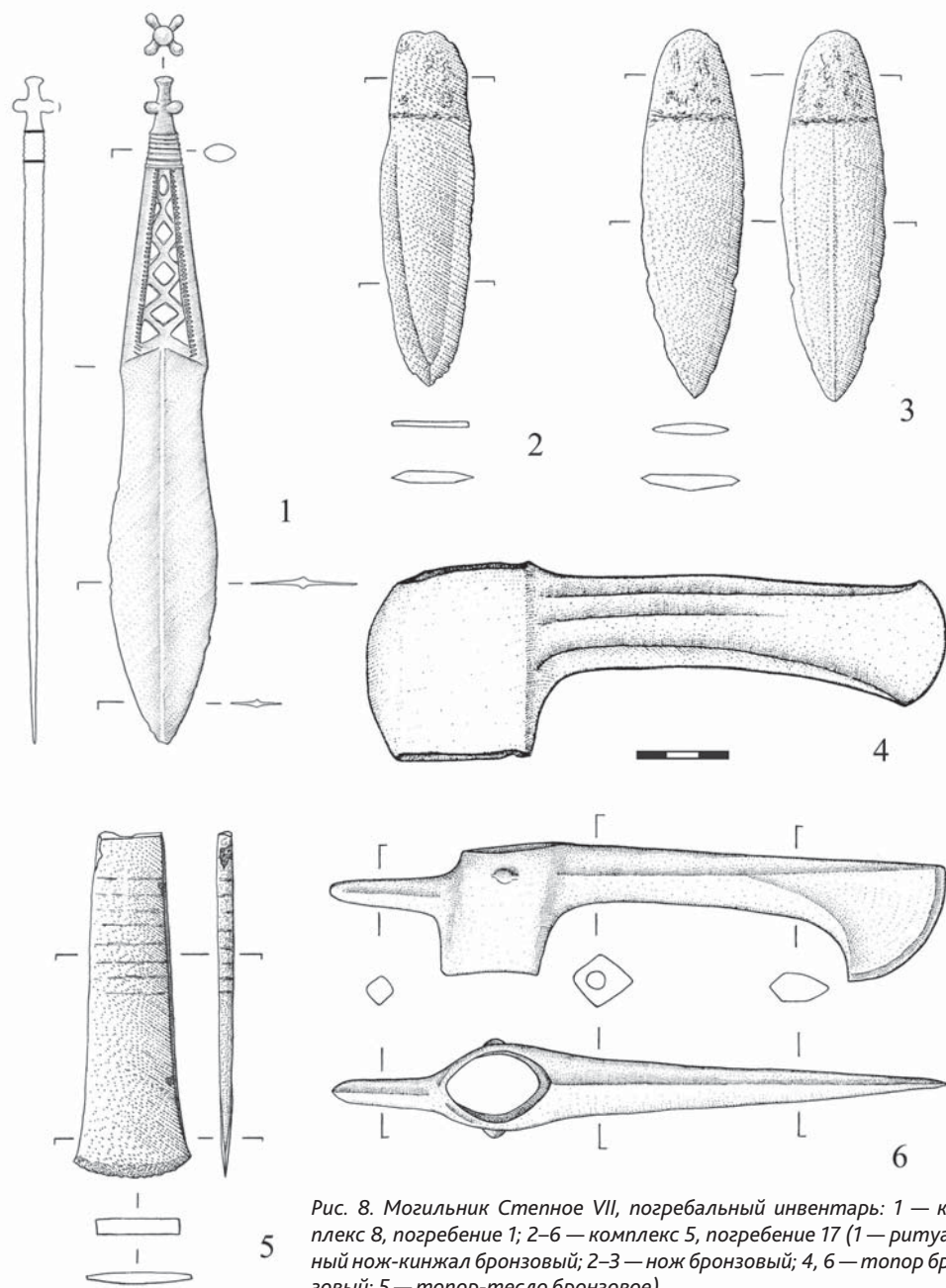

Рис. 8. Могильник Степное VII, погребальный инвентарь: 1 — комплекс 8, погребение 1; 2–6 — комплекс 5, погребение 17 (1 — ритуальный нож-кинжал бронзовый; 2–3 — нож бронзовый; 4, 6 — топор бронзовый; 5 — топор-тесло бронзовое)

бения были совершены позже, по крайней мере, одной из центральных ям, планиграфически же они образуют дугу, параллельную цепочке крупных погребений.

Полученные даты в целом подтверждают реконструированную последовательность сооружения кургана. Из погребения 1 получены три даты. Самая древняя происходит из придонной части ямы: кость, астрагал МРС, часть жертвенного комплекса (на дне) (ОхА-34150, 3545±31, 2 σ 2011–1769). Она же является самой древней из всех полученных дат кургана. Вторая дата из жертвенника на перекрытии ямы также одна из самых

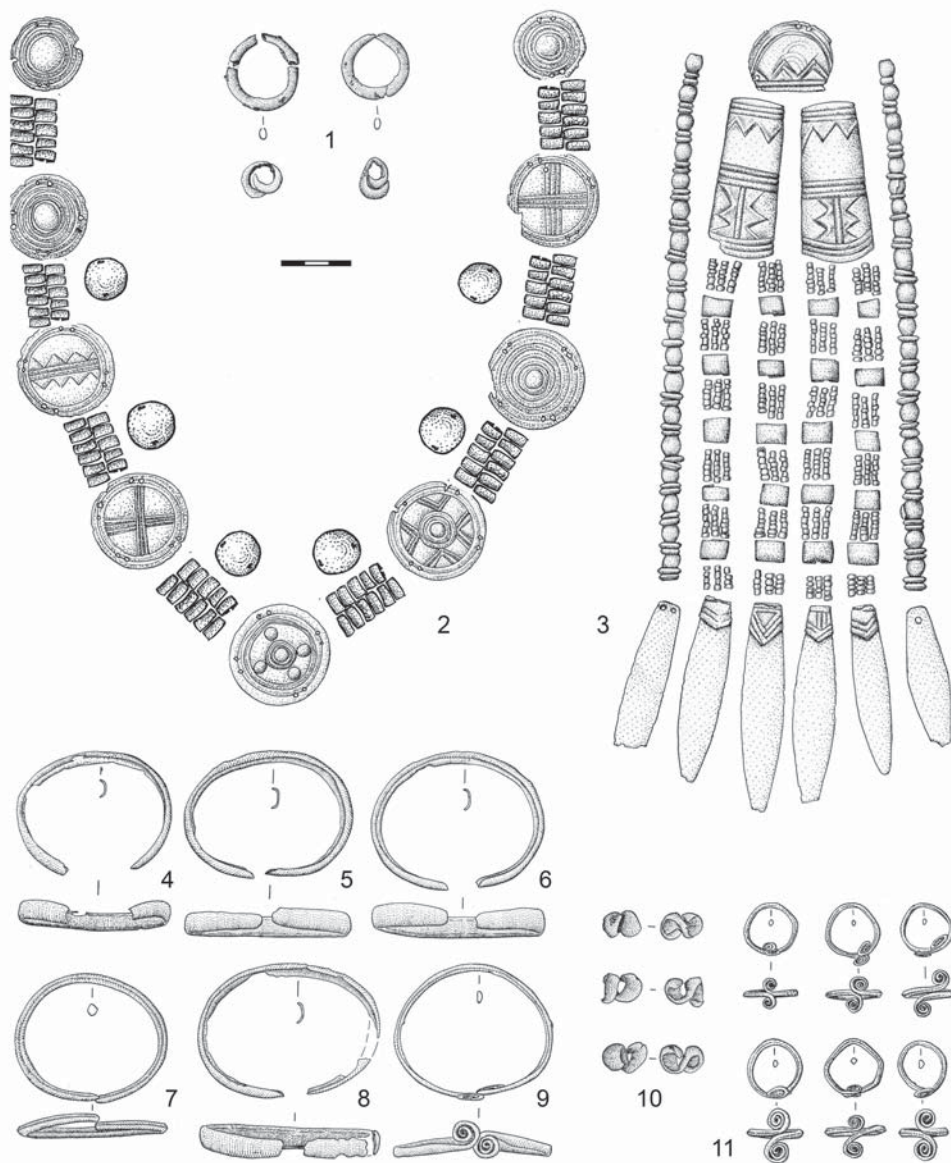

Рис. 9. Могилище Степное VII, погребение 17. Комплекс металлических украшений.
 1 — височные кольца и подвески в полтора оборота, 2 — лицевая подвеска, 3 — наkosник,
 4–9 — браслеты, 10 — подвеска в полтора оборота, 11 — перстни

старых: кость, КРС, жертвенный комплекс *in situ* над погребением (ОхА-34142, 3519±32, 2 σ 1936–1747). Третья дата происходит из другого жертвенного комплекса на перекрытии, но имеет более молодой возраст: кость, КРС, жертвенный комплекс *in situ* над погребением (ОхА-34143, 3437±33, 2 σ 1878–1628). Разновременный характер жертвенных комплексов на перекрытии не только указывает на время их совершения — позднее, чем самого захоронения, но и говорит об их разновременности, что совершенно логично, учитывая сложный комплексный характер синташтинских обрядов жертвоприношений.

Обе даты из погребения 2 моложе двух дат из погребения 1 и практически одновременны друг другу и дате одного из жертвенников погребения 1. Одна из них получена

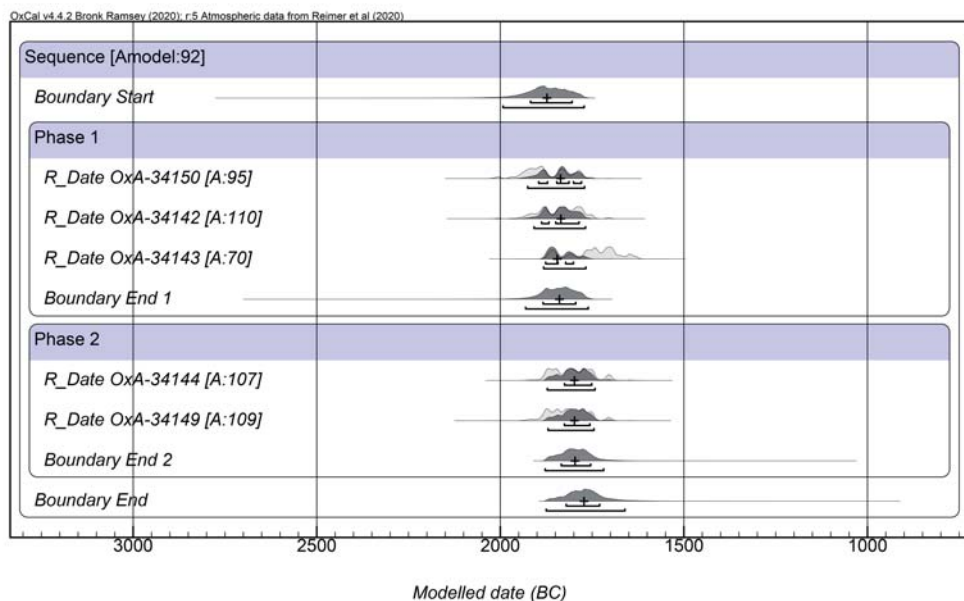

Рис. 10. Могильник Степное 1, курган 7. Результаты моделирования хронологии

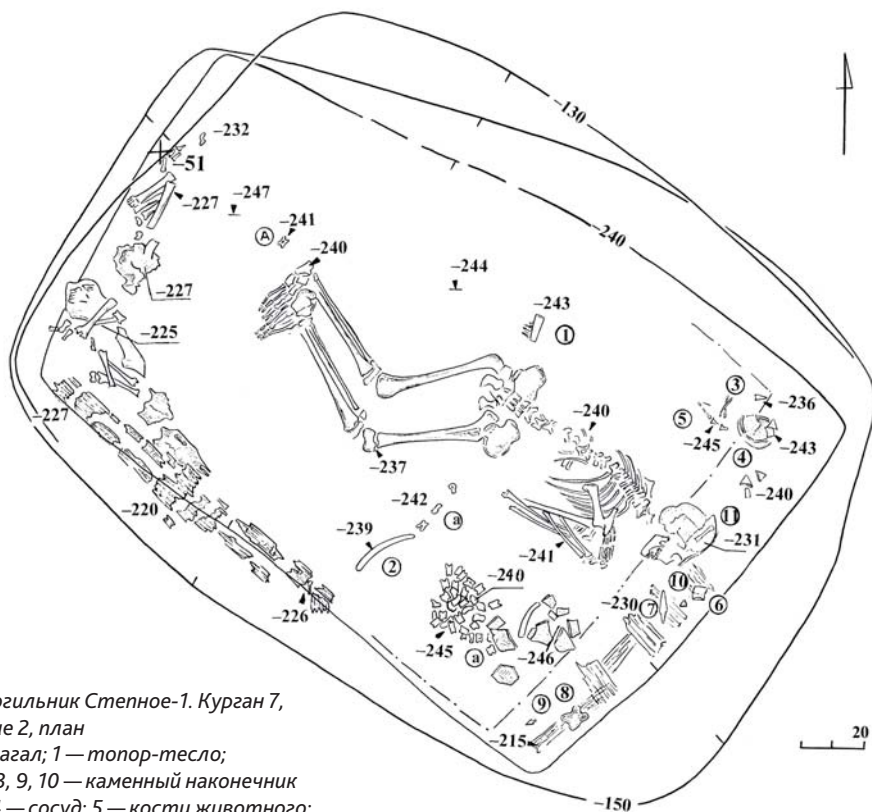

Рис. 11. Могильник Степное-1. Курган 7, погребение 2, план
 (А — астрагал; 1 — топор-тесло;
 2 — серп; 3, 9, 10 — каменный наконечник
 стрелы; 4 — сосуд; 5 — кости животного;
 6 — фрагменты сосуда; 7 — бронзовый нож;
 8 — астрагал КРС; 11 — роговая лопаточка)

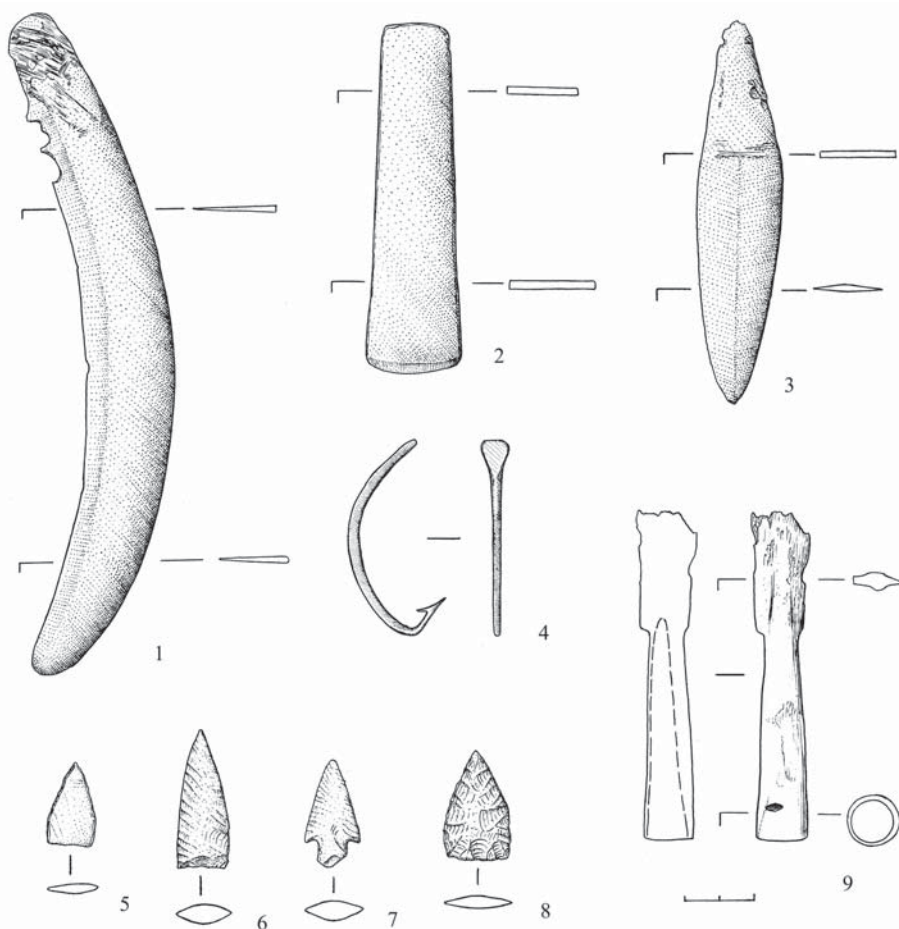

Рис. 12. Могильник Степное-1. Курган 7, погребение 2, погребальный инвентарь (1 — серп бронзовый; 2 — топор-тесло бронзовое; 3 — нож бронзовый; 4 — крюк бронзовый; 5–8 — наконечники стрел каменные; 9 — лопаточка из рога лося)

из придонной части ямы: кость, МРС (астргал), часть жертвенного комплекса (на дне) (ОхА-34149, 3493±31, 2 σ 1897–1697). Вторая — из жертвенника на перекрытии: кость, КРС, жертвенный комплекс in situ над погребением (ОхА-34144, 3479±30, 2 σ 1887–1696).

Из детского погребения 5 получены три даты. Кость МРС из сосуда в погребении (ОхА-34151, 3509±31, 2 σ 1924–1745), являвшаяся частью жертвенной пищи, имеет практически один временной интервал с образцом из жертвенного комплекса с перекрытия: кость, КРС, жертвенный комплекс in situ над погребением (ОхА-34146, 3518±32, 2 σ 1935–1746). Здесь логичным было бы предположить единовременное совершение захоронения и жертвоприношения. Эти даты близки по времени также дате более древнего жертвенника с перекрытия погребения 1. Дата третьего образца из жертвенника на перекрытии очень близка к дате самого молодого жертвенника с перекрытия погребения 1 и жертвенника с перекрытия погребения 2: кость, МРС, жертвенный комплекс in situ над погребением (ОхА-34145, 3455±32, 2 σ 1883–1645).

Руководствуясь полученными датами, можно предположить, что первым было совершено погребение в яме 1. Затем было совершено погребение в яме 5, сооружены жертвенники на его перекрытии и на перекрытии ямы 1. В последнюю очередь было совершено погребение в яме 2, сооружен жертвенник на его перекрытии и дополне-

ны жертвенные комплексы на перекрытиях ям 1 и 5. Полученная последовательность полностью согласуется с данными стратиграфии и выявляет один из возможных принципов синташтинских жертвоприношений: жертвенные комплексы на перекрытиях более ранних ям дополнялись при совершении каждого нового погребального ритуала в соседних ямах.

В целом синташтинский набор дат, полученный с кургана 7, укладывается во временной промежуток 2011–1628 гг. до н. э. Эти даты полностью согласуются с четырьмя датами, полученными из синташтинского слоя укрепленного поселения Степное.

Петровская серия дат представлена двумя образцами из кургана 8 могильника *Степное-1* и семью образцами из могильника *Степное VII*. Суммирование вероятностей формирует неоднородный асимметричный график со смещением вершины вправо с большим разбросом крайних значений (243 года по медианам калиброванных интервалов).

Судя по ним самым древним из продатированных объектов была яма 17 комплекса 4 могильника *Степное VII*. Два погребенных на дне индивидуума имеют очень ранние даты, более ранние, чем все синташтинские образцы: индивид 3 (AA90948, 3584 ± 55 , 2σ 2133–1751), индивид 1 (AA90949, 3540 ± 52 , 2σ 2026–1701). Астрагал из этой же ямы, происходящий из наброса, совершенного сверху из северного угла погребения, датируется позднее (MAMS-32156, 3472 ± 24 , 2σ 1881–1699), что в целом не противоречит логике, поскольку наброс астрагалов располагался отдельно от общего комплекса артефактов в погребении и мог быть следствием постпогребальных ритуалов.

Две даты из погребения 2 комплекса 8 того же могильника также разнятся, но не слишком. Кость человека имеет более раннее происхождение (MAMS-32154, 3473 ± 25 , 2σ 1882–1698), кость животного чуть более позднее (MAMS-32155, 3453 ± 24 , 2σ 1880–1688). Погребение было ограблено в древности, но вполне вероятно, что кость животного происходит из жертвенника на перекрытии ямы, совершенного позднее захоронения на дне. Более позднее время создания комплекса в целом относительно ямы 17 согласуется с анализом керамического комплекса, который в яме 17 имеет архаичный и близкий к синташтинскому («синташтоидный») облик [6, с. 145–160], а в яме 2 комплекса 8 — классический петровский.

Представляют интерес также данные из кургана 8 могильника *Степное-1*, где были взяты образцы скелетов двух лошадей, располагавшихся на подкурганной площадке возле центральной ямы. Даты образцов сильно различаются: особь № 1 (OxA-34147, 3440 ± 31 , 2σ 1879–1631), особь № 2 (OxA-34148, 3528 ± 30 , 2σ 1942–1751). Эта информация может иметь большое значение для реконструкции внутренней логики совершения жертвоприношений: при наличии общей концепции состава жертвенного комплекса (парность лошадей в петровских жертвенниках зафиксирована почти в 100 % случаев), особи могли быть принесены в жертву в разное время. В данном случае о разновременности говорят и позы лошадей. В большинстве случаев в жертвенниках подобного типа они симметричны (ногами друг к другу/ногами в разные стороны), что послужило даже основанием для выделения типов [3, с. 150–158]. В данном комплексе северная лошадь (особь № 2) обращена ногами к погребению, а южная (№ 1) — спиной к погребению. Дата более древней лошади близка по времени к датировкам погребения 17 могильника *Степное VII*, дата поздней — ко времени функционирования ямы 2 комплекса 8 того же могильника.

Ширина диапазона петровской серии дат (2133–1631 гг. до н. э.) перекрывает синташтинский интервал серии и производит впечатление синхронности существования двух культур.

Алакульская серия дат состоит из одного образца из могильника *Степное 25* и четырех образцов из могильника *Степное VII*. Разброс значений этой небольшой серии очень велик (279 лет по медианам калиброванных интервалов), что иллюстрирует асимметричный график суммирования вероятностей — вершина смещена вправо.

Шлейф ранних значений создает датировка погребения 31 могильника Степное VII (AA-90947, 3589±53). Оно является одним из немногих достоверно подтвержденных фактов многократного использования могильных ям: на дне *in situ* зафиксированы останки индивидуума очень плохой сохранности, поверх которого лежал второй скелет, очень хорошей сохранности. Вся керамика в погребении имеет классический алакульский облик, состав украшений костюма двух погребенных практически идентичен. Скорее всего, оба погребения были совершены в краткий промежуток времени, но первый погребенный находился в очень плохих условиях (без перекрытия?), поэтому скелет фактически не сохранился. Удревнение даты, сделанной по костям этого индивида, может быть обусловлено первоначальными условиями его залегания.

Немного разнятся две даты, полученные из погребения 1 комплекса 8. Один образец был взят от скелета погребенного индивидуума (IGANAMS-5647, 3380±25, 2 σ 1745–1566), второй — более древний — от ткани, являвшейся частью лицевой подвески, лежавшей в сумке (IGANAMS-5648, 3440±25, 2 σ 1878–1637). Украшение, найденное в алакульском погребении, имеет классический петровский облик; аналогичная подвеска была найдена в погребении 17 этого же могильника, что служит аргументом ее производства в петровский период и передачи погребенной по наследству (?) [12, с. 19]. Датировка подвески полностью совпадает с интервалом серии петровских дат этого могильника, описанной выше.

Датировка образца из жертвенного комплекса ямы 33 этого же могильника (MAMS-32157, 3402±24, 2 σ 1751–1619) близка к датировке погребенного в яме 1 комплекса 8.

Еще один образец, полученный из жертвенника под одним из менгиров могильника Степное 25 (IGANAMS-7805, 3444±20, 2 σ 1876–1687), отнесен к алакульской серии, поскольку в верхних слоях рядом с менгиром обнаружены фрагменты алакульского сосуда, но в целом больше тяготеет к серии петровских датировок. Поскольку среди объектов могильника были синташтинские, петровские, алакульские и черкаскульские сооружения, фрагменты керамики вне самой жертвенной ямы не могут служить достоверным аргументом его культурной принадлежности.

Таким образом, достоверные алакульские даты в целом позднее синташтинских и петровских для памятников микрорайона. Это подтверждают и стратиграфические наблюдения на могильниках Степное-1 и VII.

Единственная дата срубной культуры из жертвенного комплекса кургана № 4 могильника Степное 25, содержавшего материалы (IGANAMS-7804, 3600±20), относится к наиболее ранним во всей выборке. Автором раскопок при публикации материалов была высказана версия об одновременности сооружения двух групп курганов в могильнике — синташтинской и срубной, основываясь на архаичном облике погребального обряда срубных курганов и керамического комплекса [5, с. 38; 9, с. 137]. Дата эту гипотезу подтверждает, но пока речь идет о единичном образце, что недостаточно для окончательных заключений.

Подводя итог, отметим, что анализ результатов радиоуглеродного датирования показал следующее. Группировка датировок по культурным традициям обнажает некоторые противоречия, только частично снимаемые при уточнении контекста. В некоторых случаях требуется существенное расширение серий. Остается открытым вопрос о том, насколько полно синташтинская серия отражает весь период бытования традиции, т. к. анализами охвачен один курган и локальный участок поселения. Во всяком случае для синташтинской серии Зауралья в целом есть достоверная группа более ранних значений. Синташтинские и петровские памятники в районе Степного демонстрируют синхронность в рамках XIX–XVIII вв. до н. э. Алакульские комплексы относятся к более позднему периоду XVIII–XVII вв. до н. э., что надежно удостоверено стратиграфией.

Сделанные на основе имеющихся данных заключения ставят ряд вопросов:

1. Как соотносятся выводы по микрорайону с другими сериями значений?

2. Следует ли экстраполировать вывод о синхронности традиций на памятники за пределами микрорайона или это отражение локальной специфики?

3. Каковы формы сосуществования и взаимодействия групп населения с разными культурными традициями в пределах небольшой территории?

Сравнение с предшествующими результатами датирования

Наиболее надежны и многочисленны данные по синташтинским объектам, для некоторых из которых удалось использовать методы байесовой статистики, оценить длительность функционирования поселений и выделить этапы [14]. Наиболее ранние достоверные синташтинские даты заметно старше рассматриваемой серии (Hd-28408, 3644±31; MAMS-11657, 3643±27 и др.) [1], т. е. не исключено, что даты из микрорайона Степное отражают наиболее позднюю фазу существования синташтинских древностей. В качестве косвенного аргумента в пользу такого заключения может быть использовано и расположение микрорайона на северной периферии синташтинской ойкумены, т. е. расселение носителей традиции происходило с юга на север.

Петровская серия более проблемна, что отчасти отразилось и в публикуемых материалах. Однако, как показано выше, трудно считать полностью достоверными ранние значения, поскольку есть противоречия в датах одного комплекса. В этих условиях мы склонны ориентироваться на серию петровских AMS-дат Зауралья, которая укладывается в XIX–XVIII вв. до н. э. Если при сравнении синташтинской и петровской серий приоритет первой прослеживается, то для микрорайона Степное его нет. Возможно, мы имеем дело с локальным сценарием взаимодействия двух групп, сосуществовавших на сравнительно небольшой территории. Ситуация не является уникальной, в качестве примеров такого сосуществования можно упомянуть материалы могильника Бестамак, где разграничить синташтинские и петровские черты оказывается непросто даже в рамках отдельных погребений. Этот памятник, расположенный к востоку от основной зоны концентрации синташтинских древностей, имеет к тому же ряд поздних дат, идентичных петровской и отчасти алакульской серии [15, табл. 1]. Можно упомянуть в этом ряду и серию могильников алакульской и федоровской культур в районе Лисаковска, где синхронность традиций имеет надежную радиоуглеродную аргументацию [26].

Еще одна линия хронологических сопоставлений — сейминско-турбинская [4, с. 112–116]. Кроме принадлежности к одному периоду (исходя из имеющихся датировок — XX–XVIII вв. до н. э.), прослеживается также сейминско-турбинские черты в металлокомплексе [12; и др.]. В Среднем Зауралье сейминско-турбинские металлические изделия ассоциированы с коптяковской культурой, следы которой в комплексе керамики в интересующем нас бассейне р. Уй единичны и встречены в петровском комплексе могильника Троицк-7. Погребение 1 комплекса 8 могильника Степное VII с кинжалом сейминско-турбинского (рис. 8, 1) облика сочетает алакульские (керамика, браслеты) и петровские атрибуты (лицевая подвеска). Погребение 17 комплекса 4 того же памятника, имевшее в составе инвентаря два ножа сейменско-турбинского типа (рис. 8, 2–3), в остальном отвечает классике петровских традиций. Тем не менее имеющаяся серия сейминско-турбинских дат Зауралья позволяет синхронизировать их с синташтинскими и петровскими. Очевидно, что в этом случае представлен иной сценарий взаимодействия разнокультурных групп — опосредованный (?) обмен.

Наконец, алакульские даты нашей выборки (за вычетом заведомо удревненного значаения AA-90947, 3589±53) подтверждают ранее сделанные заключения. Первое — более поздняя позиция алакульских комплексов относительно петровских и синташтинских древностей. Второе — тесная взаимосвязь с петровскими традициями. Иллюстрацией может служить использование петровского женского украшения в алакульском погребении 1 могильника Степное VII (комплекс 8), для которого есть даты. Их сопоставление показывает, что дата по ткани украшения несколько древнее даты по костям погребен-

ного. В свете такого расхождения дат невозможно однозначно увязать литой кинжал сейминско-турбинского облика с одной культурой: он мог быть частью петровского «наследства» (вместе с подвеской) или был получен извне непосредственно носителем алакульских традиций. К сожалению, серия дат для алакульской культуры в целом очень противоречива за счет большого числа LSC-дат, новые же анализы подтверждают описанную относительную хронологию.

Заключение

В свете проведенного анализа материалов трех могильников наиболее вероятной представляется следующая интерпретация культурной ситуации в районе с. Степное в начале бронзового века. Курганы могильника Степное-25 были первым памятником бронзового века в округе села Степное, созданным коллективом синташтинских и петровских мигрантов, вместе с группой населения раннесрубной культуры пришедших из южных областей на заре формирования синташтинского культурного пространства. Отсутствие поблизости укрепленного поселения и столь характерных для синташтинского мира многомогильных курганов и коллективных усыпальниц, бедность инвентаря объясняются отсутствием стабильности и оседлости в существовании, слабостью социальных и семейных связей. Представителями и потомками этой группы были впоследствии созданы на несколько километров северо-западнее укрепленное поселение Степное и могильники Степное-1 и VII. Пришедшая вместе с ними группа срубных мигрантов была, очевидно, ассимилирована, и памятники раннесрубного облика так и остались единичным раритетом в этой части Зауралья на границе степи и лесостепи. В процессе развития синташтинская и петровская страты пришедшего коллектива разделились и хотя и сосуществовали на определенном этапе, но позиционировали себя сепаратно. Наличие и отсутствие одних типов комплексов (коллективных и индивидуальных, табл. 1) в разных некрополях служит дополнительным аргументом в пользу того, что данные могильники создавались на одном и том же временном отрезке, но использовались для захоронения членов различных социальных (ритуальных/профессиональных?) групп, и в данном микрорайоне синташтинское и петровское население сосуществовало в пределах определенного хронологического интервала.

Проведенное сопоставление радиоуглеродных дат продемонстрировало синхронность синташтинских и петровских традиций на относительно небольшом пространстве. При этом комплексы достаточно хорошо дифференцируются по целому ряду черт. Это не только разница в формах керамики, но также различный подход к составу, способу размещения в пространстве и репрезентации жертвенных комплексов (сооружение отдельных крупных многократно используемых жертвенных ям, помещение целых туш животных в петровских объектах; приурочивание жертвенников к конкретным погребениям, «частичные животные» в синташтинской традиции), гарнитур женских украшений, отсутствие в синташтинском погребальном обряде курганов с одиночным центральным захоронением и т. д. Черты сходства также имеются: мало различим комплекс металлических и других артефактов, есть близкие по облику и технологии изготовления отдельные сосуды, близки некоторые особенности обрядовой практики (ингумация в положении на боку (чаще левом); отсутствие среди погребенных лиц старческого возраста и небольшое число младенческих погребений; манифестации колесничного комплекса [24; и др.]). Для обеих групп мы фиксируем аномалии погребенной популяции (селективный принцип формирования некрополей), характерные и для других памятников этого периода [22]. Атрибуты статуса дают основания для интерпретации погребенных в качестве представителей элиты.

Таким образом, мы имеем дело с двумя группами, мирно сосуществовавшими и взаимодействовавшими. Последнее подтверждают не только сходные черты материальной культуры и обрядовой практики, но также отсутствие следов разрушения погребений одной культуры представителями другой. Петровские курганы могильника Степное-1 со-

оружались и функционировали как самостоятельные объекты. Это контрастирует с алакульской традицией использования более ранних курганов. Коллективные центральные захоронения могильника Степное VII оставляют ощущение, что представители петровской культуры отчасти «копировали» как детали погребальной обрядности, так и некоторые предметы материальной культуры «синташтинцев», в частности, керамику.

Сценарий такого синташтинско-петровского симбиоза может быть сформулирован только гипотетически. Один из вариантов — совместная миграция из более южных районов, относящаяся к позднему периоду функционирования синташтинских традиций. Так, для поселения Каменный Амбар установлено, что заключительная фаза существования укрепленного поселения маркирована появлением петровской керамики, которая соседствовала с синташтинскими артефактами [19]. Подчеркнем, что никакого разрыва архитектурной традиции не было. Модель одномоментной смены культурной традиции во всем ареале обитания выглядит нежизнеспособной. Скорее всего, в каждом микрорайоне процессы культурогенеза имели свои нюансы, обусловленные природными, географическими и социальными факторами.

В завершение отметим, что население бронзового века, обитавшее в окрестностях с. Степное, было включено в широкую сеть внешних контактов. Хорошо прослеживается их северный вектор. Диагностирование стимулов для таких связей требует дополнительного изучения с привлечением максимально широкого спектра методов естественных наук.

Исследование частично выполнено при финансовой поддержке государственного задания Минобрнауки Российской Федерации, проект № FENU-2020–0020 (А. В. Епимахов) и проекта National Science Foundation США (В. К. Hanks: Project № 0726279). Дополнительная поддержка в проведении датирования была оказана через П. Хоммеля и проект Oxford University FLAME project, который получил финансирование от Европейского исследовательского совета (European Research Council (ERC)) в рамках программы исследований и инноваций European Union's Horizon 2020 (Grant Agreement № 670010).

Список литературы

1. Епимахов А. В. Радиоуглеродные аргументы абашевского происхождения синташтинских традиций бронзового века // Уральский исторический вестник. — 2020. — № 4 (69). — С. 55–64.
2. Зданович Д. Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. — Челябинск : СПЛИАЦ «Аркаим» ; ЧелГУ, 1997. — 93 с.
3. Зданович Д. Г., Куприянова Е. В. Лошади и Близнець: к «археологии ритуала» Центральной Евразии эпохи бронзы // Аркаим — Синташта: древнее наследие Южного Урала: к 70-летию Г. Б. Здановича: сб. науч. тр. — Ч. 1. Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 2010. — С. 130–161.
4. Корочкова О. Н., Стефанов В. И., Спиридонов И. А. Святилище первых металлургов Среднего Урала. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. — 214 с.
5. Куприянова Е. В. Могильник эпохи бронзы Степное 25 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2014. — № 2 (25). — С. 35–39.
6. Куприянова Е. В. Стилиевые вариации керамического комплекса могильника Степное VII в социо-культурном аспекте функционирования некрополей эпохи бронзы Южного Зауралья // Куприянова Е. В., Зданович Д. Г. Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII. — Челябинск : Энциклопедия, 2015. — С. 144–178.
7. Куприянова Е. В. Погребальные практики эпохи бронзы Южного Зауралья: могильник Степное-1 (раскопки 2008, 2010–2011, 2014 гг.). — Челябинск : Энциклопедия, 2016. — 119 с.
8. Куприянова Е. В. Новые материалы раскопок могильника Степное VII (2016 г.) в системе петровско-алакульских древностей Южного Зауралья // Археологические памятники Оренбуржья. — Вып. 13. — Оренбург : Изд. центр ОГАУ, 2017. — С. 90–103.
9. Куприянова Е. В. Курганные группы I и II могильника Степное 25 в контексте синхронного культурного окружения // Куприянова Е. В., Стоколос В. С., Петров Н. Ф., Батанина Н. С. Могильник Степное 25: культурный синкретизм на границе степи. Коллективная монография / под общ. ред. Е. В. Куприяновой. — Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 2020. — С. 97–138.
10. Куприянова Е. В., Зданович Д. Г. Древности

- лесостепного Зауралья: могильник Степное VII. — Челябинск : Энциклопедия, 2015. — 196 с.
11. Куприянова Е. В., Стоколос В. С., Петров Н. Ф., Баганина Н. С. Могильник Степное 25: культурный синкретизм на границе степи. Коллективная монография / под общ. ред. Е. В. Куприяновой. — Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2020. — 155 с.
 12. Куприянова Е. В., Таскаев С. В. Кинжал из могильника Степное VII как отражение межкультурных контактов в металлообработке эпохи бронзы в Южном Зауралье // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. — 2018. — № 2 (41). — С. 17–27.
 13. Молодин В. И., Епимахов А. В., Марченко Ж. В. Радиоуглеродная хронология эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестн. НГУ. — Серия: История, филология. — 2014. — Т. 13, вып. 3: Археология и этнография. — С. 136–167.
 14. Чечушков И. В., Молчанова В. В., Епимахов А. В. Абсолютная хронология поселений позднего бронзового века Каменный Амбар и Устье I в Южном Зауралье: возможности байесовской статистики // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. — 2020. — № 2 (49). — С. 5–19.
 15. Шевнина И. В., Логвин А. В. Синташинские украшения в контексте одного могильника (по материалам некрополя Вестамак) // Образ женщины в отражении веков: по материалам из Большого Тургая и сопредельных регионов : коллектив. моногр. / отв. ред. Г. А. Базарбаева, Г. С. Джумабекова. — Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2020. — С. 58–80.
 16. Allentoft M. E., Sikora M., Sjogren K.-G. et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. — 2015. — Iss. 522. — Pp. 167–172.
 17. Bronk Ramsey C. Bayesian Analysis of Radiocarbon Dates // Radiocarbon. — 2009. — № 1. — Pp. 337–360.
 18. Epimakhov A. V., Krause R. Relative and absolute Chronology of the Kamennyi Ambar (Olgino) settlement // R. Krause, L. Koryakova (eds.) Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). — Bonn : Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. — Pp. 129–146.
 19. Epimakhov A. V., Panteleva S. E., Koryakova L. N. Wells as a Source of Cultural and Chronological Information: The Case of Kamennyi Ambar, Southern Trans-Urals // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. — 2020. — № 4 (48). — Pp. 95–105.
 20. Hanks B. K., Epimakhov A. V., Renfrew A. C. Towards a Refined Chronology for the Bronze Age of the Southern Urals, Russia // Antiquity. — 2007. — Vol. 81. — Num. 312. — Pp. 353–367.
 21. Hanks B. K., Ventresca Miller A., Judd M., Epimakhov A., Razhev D., Privat K. Bronze Age Diet and Economy: New Stable Isotope Data from the Central Eurasian Steppes (2100–1700 BC) // Journal of Archaeological Science. — 2018. — Vol. 97. — Pp. 14–25. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2018.06.006>
 22. Judd M. A., Walker J., Ventresca Miller A., Rajev D., Epimakhov A., Hanks B. Life in the fast lane: settled pastoralism in the Central Eurasian Steppes during the Middle Bronze Age // American Journal of Human Biology. — 2018. — Vol.30. — Iss. 4. — e23129
 23. Krause R., Epimakhov A. V., Kupriyanova E. V., Novikov I. K., Stolarczyk E. The Petrovka Bronze Age Sites: Issues in Taxonomy and Chronology // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. — 2019. — № 1 (47). — Pp. 54–63.
 24. Kupriyanova E., Epimakhov A., Berseneva N., Bersenev A. Bronze Age Charioteers of the Eurasian Steppe: A Part-time Occupation for Select Men? // Praehistorische Zeitschrift. — 2017. — Vol. 92. — Iss. 1. — S. 40–65.
 25. Narasimhan V. M., Patterson N., Moorjani P. et al. The Genomic Formation of South and Central Asia // Science. — 2019. — 365 (6457). — Pp. eaat7487
 26. Panyushkina I., Mills B. J., Usmanova E. R., Li Cheng. Calendar Age of Lisakovsky Timber Attributed to Andronovo Community of Bronze Age in Eurasia // Radiocarbon. — 2008. — Vol. 50. — № 3. — P. 459–469.
 27. Reimer P. J., N. Austin W. E., Bard E. et al. The IntCal20 northern hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 CAL kBP) // Radiocarbon. — 2020. DOI:10.1017/RDC.2020.41

Сведения об авторах

- А. В. Епимахов**, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории, ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)». Челябинск, Россия. epimakhovav@susu.ru
- Е. В. Куприянова**, кандидат исторических наук, директор УНЦ изучения проблем природы и человека, ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет». Челябинск, Россия. dzdan@mail.ru
- П. Хоммель**, доктор археологии, преподаватель, Университет Ливерпуля, отдел классической археологии и египтологии. Ливерпуль, Великобритания. peter.hommel@liverpool.ac.uk
- Б. К. Хэнкс**, доктор археологии, профессор департамента антропологии, Университет г. Питтсбурга, департамент антропологии. Питтсбург, США. bryankhanks@pitt.edu

FROM IDEAS ABOUT LINEAR EVOLUTION TO A MOSAIC OF CULTURAL TRADITIONS (the Bronze Age of the Urals in the light of large series of AMS dates)

A.V. Epimakhov, doctor of historical science, Professor of Russian and Foreign History Department, **South-Ural State University (National research university)**, Chelyabinsk, Russia. *epimakhovav@susu.ru*

E.V. Kupriyanova, candidate of historical science, Director of Scientific and educational center of study of nature and man, **Chelyabinsk State University**, Chelyabinsk, Russia. *dzdan@mail.ru*

P. Hommel, doctor of archaeology, lecturer in archaeomaterials, **University of Liverpool**, Department of Archaeology, Classics and Egyptology, Liverpool, UK. *peter.hommel@liverpool.ac.uk*

Bryan K. Hanks, doctor of archaeology, associate professor of anthropology, University of Pittsburgh, Department of Anthropology, Pittsburgh, USA. *bryankhanks@pitt.edu*

The Bronze Age of the Urals is one of the key points in the ancient history in Northern Eurasia due to the number of natural and cultural factors. The reconstruction of the cultural situation here is based mainly on archaeological materials. The significant progress also has been achieved in recent years thanks to 14C-dating use. The paper presents an example of the analysis of the interaction of different groups of the population who left sites of different cultures, concentrated in a small microdistrict (modern Stepnoye village in Plast district of the Chelyabinsk region), using a large volume of AMS dates and the maximum information capabilities of archaeological data.

Key words: *Bronze Age, Southern Trans-Urals, Sintashta culture, Petrovka culture, Alakul' culture.*

Ф. Н. Петров

СКОТОВОДЫ ЗАУРАЛЬСКОЙ СТЕПИ ПЕРИОДА ПБВ-3: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

В ходе исследований укрепленного поселения Левобережное (Синташта II) был обнаружен поздний культурный слой с материалами межовской культуры, который можно датировать первым этапом эпохи финальной бронзы или третьей фазой позднего бронзового века (ПБВ-3). С ним связано как минимум два крупных жилых строения, в заполнении котлованов которых наряду с многочисленными фрагментами керамических сосудов были обнаружены семь керамических «лепешек» и их фрагментов, а также 36 галечных лоцил. Назначение этих изделий, распространенных на обширном пространстве степей и лесостепей Евразии, является предметом дискуссии, однако уже сейчас они могут быть определены как культурно-хронологические маркеры культур валиковой керамики третьей четверти II тысячелетия до н. э.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, Зауральская степь, Синташта, поселение, культурно-хронологические маркеры, лоцила, предметы неясного назначения.

Третья фаза позднего бронзового века (ПБВ-3), или, в другой терминологии, первая фаза эпохи финальной бронзы, характеризуется значительными культурно-хозяйственными трансформациями на территории Зауральской степи. Эти трансформации являются частью масштабных процессов, происходивших на всей территории Евразийской степи и лесостепи в третьей четверти II тыс. до н. э. В числе основных характеристик этих трансформаций:

- 1) изменение состава стада, возрастание в нем роли лошади и овцы;
- 2) изменение традиций жилищной архитектуры, сооружение особо крупных, значительно заглубленных в землю жилищ;
- 3) распространение новых форм бронзовых орудий и оружия;
- 4) появление новых типов каменных и керамических изделий;
- 5) обеднение геометрической орнаментации керамики;
- 6) широкое распространение валиковой посуды;
- 7) трансформация погребальной обрядности с общим сокращением количества захоронений в земле.

Эти масштабные изменения, вероятно, связаны как с природно-климатическими изменениями, так и с миграционными движениями и рассматриваются в ряде исследований [1; 4; 18 и мн. др.].

Новым археологическим памятником, который дал значительный объем информации по этому периоду, стало поселение Левобережное (Синташта II), обнаруженное в 1989 г. И. М. Батаниной в результате дешифрирования аэрофотоснимков и исследованное в 2015–2019 гг. археологической экспедицией Челябинского государственного историко-культурного заповедника «Аркаим» при активном участии сотрудников, преподавателей и студентов Челябинского государственного университета, клуба юных археологов «Формика», а также специалистов ряда академических институтов УрО РАН и СО РАН [9–12].

Поселение Левобережное находится на левом берегу реки Синташта, на северо-западной окраине пос. Комсомольский Брединского района Челябинской области. В ходе

его исследований была выполнена микромагнитная съемка всей площади поселения [8], шурфами исследована периферия памятника, в юго-западной части поселения у края песчаного карьера раскопами вскрыто одно жилище, изучены участки еще четырех жилищ, фрагмент рва и примыкающая территория межжилищного пространства (рис. 1, 2).

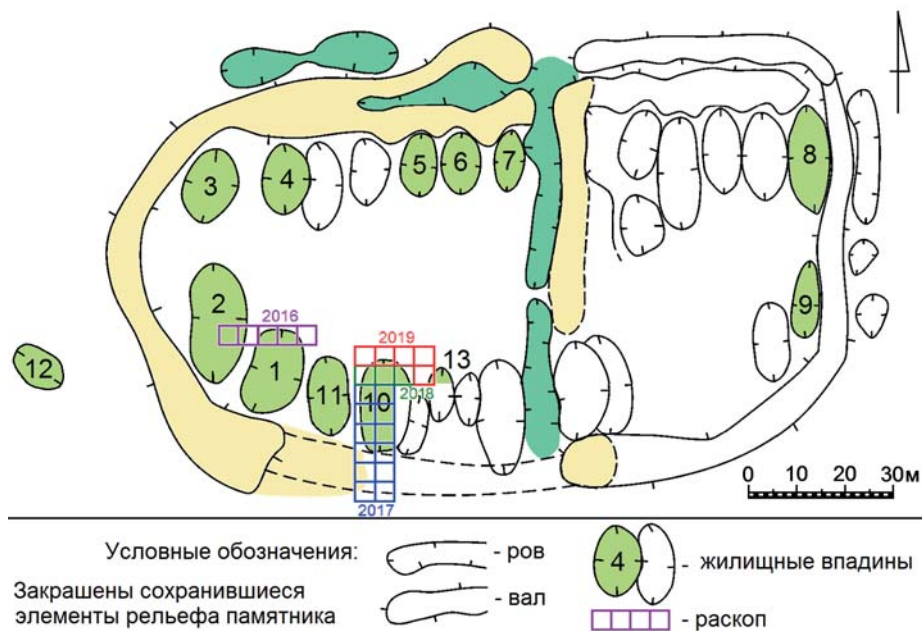

Рис. 1. Схема дешифрирования поселения Левобережное (Синташта II) на аэрофотоснимке 1976 г. (выполнена Н. С. Батаниной), с вынесенными на схему границами раскопов

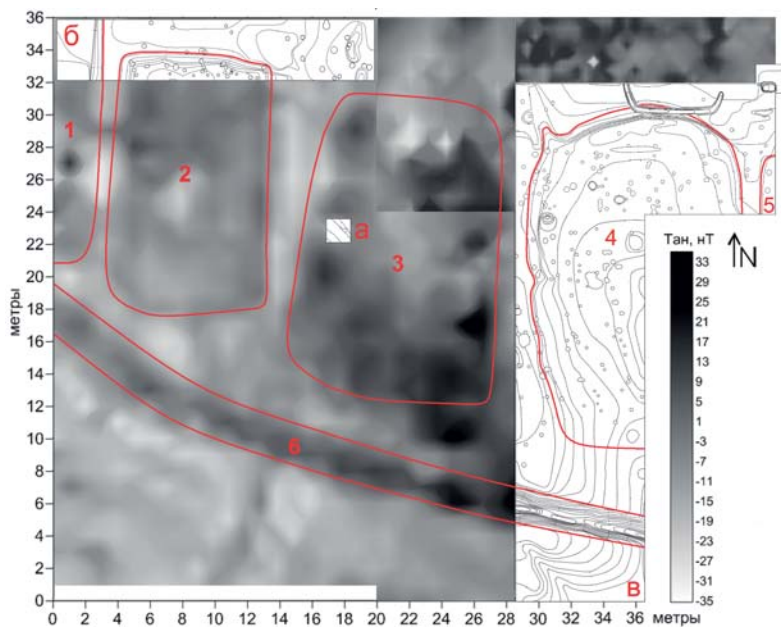

Рис. 2. Сводный план раскопов на поселении Левобережное (Синташта II), совмещенный с картой магнитных аномалий (выполнена В. В. Носкевичем): а — шурф 3 2015 г., б — раскоп 2016 г., в — раскоп 2017–2019 гг.; 1 — жилище 2, 2 — жилище 1, 3 — жилище 11, 4 — жилище 10, 5 — жилище 13, 6 — внешний ров

Радиоуглеродная AMS-датировка органических остатков позволяет сделать вывод, что поселение Левобережное существовало на протяжении большей части II тысячелетия до н. э., с XX до XII в. до н. э. [3]. Ранний этап, когда данное поселение было укрепленным поселком с регулярной линейной планировкой, относится к первой фазе позднего бронзового века (ПБВ-1), датируется XX–XIX вв. и представлен материалами синташтинской культуры и несколькими фрагментами сосудов петровской культуры; к этому этапу относятся исследованные в раскопе участок рва, колодец и две хозяйственные ямы. Следующий этап существования поселения, соответствующий второй фазе позднего бронзового века (ПБВ-2), маркирован находками алакульской керамики, с которыми не связано никаких конструкций на раскопанной территории поселения, однако алакульские и срубно-алакульские материалы были получены А. В. Епимаховым и М. Г. Епимашовой в ходе раскопок кургана 5 могильника Комсомольский II, расположенного в 100 м к северу от поселения Левобережное [2]. К несколько более позднему времени могут быть отнесены материалы черкаскульской культуры, которые широко представлены в раскопе, однако однозначно связать с ними удалось только исследованный участок жилища 1.

Заключительный этап существования поселения Левобережное относится к третьей фазе позднего бронзового века (ПБВ-3), датируется XIV–XII вв. до н. э. и представлен ке-

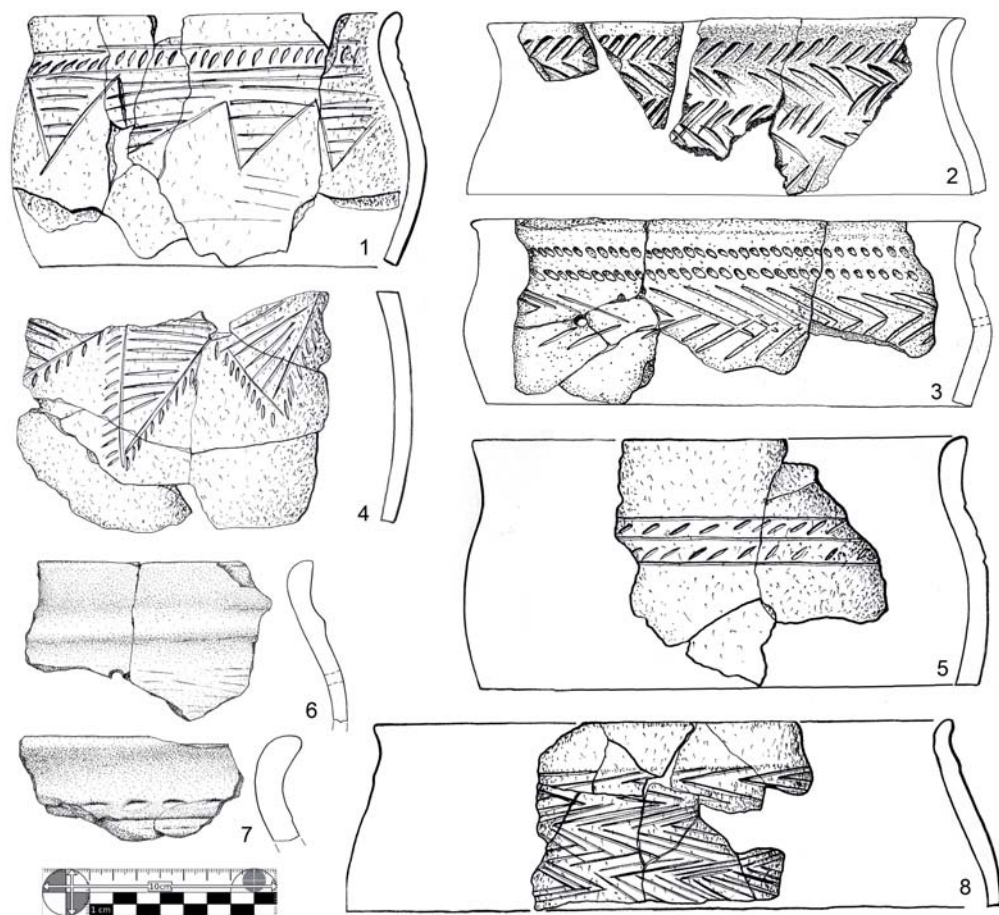

Рис. 3. Поселение Левобережное (Синташта II), керамические сосуды третьей фазы бронзового века (ПБВ-3): 1, 4–8 — жилище 10, 2 — хозяйственная площадка к востоку от жилища 1, 3 — жилище 2

рамическим комплексом [3, с. 28], который мы можем предварительно и несколько условно определить как «межовский». Посуда данного периода имеет ряд признаков, общих для степных культур валиковой керамики [18, с. 82]. Для межовской керамики поселения Левобережное характерна форма сосудов с широким, плавнопрофилированным туловом и невысокой, довольно заметно отогнутой шейкой; в тесте присутствуют примеси органики, раковины и кварцевого песка. Орнаментация сосудов бедная, зачастую она сводится к одиночным или повторяющимся орнаментальным бордюрам, образованным так называемой «горизонтальной елочкой» или рядами наклонных вдавлений; в отдельных случаях в верхней части сосудов присутствуют крупные косозаштрихованные треугольники, которые могут быть оформлены своеобразными «фестонами», а также орнаментированные или неорнаментированные скругленные валики (рис. 3, 4: 1, 3–5, 7). Прямые аналогии к межовской или условно «межовской» керамике поселения Левобережное есть на ряде степных и лесостепных памятников, в том числе в керамическом комплексе последнего этапа существования поселения Кизильское [16, с. 211, 217, рис. 3, 9] и в основном керамическом комплексе поселения Архангельский прииск II [13, с. 153, 155, рис. 1].

Еще одна группа посуды периода ПБВ-3 отличается от межовской керамики. Это неорнаментированные сосуды, имеющие горшечную или горшечно-баночную форму, высокое плечо и небольшую, слабо отогнутую шейку (рис. 4: 2, 6, 8). В тесте —

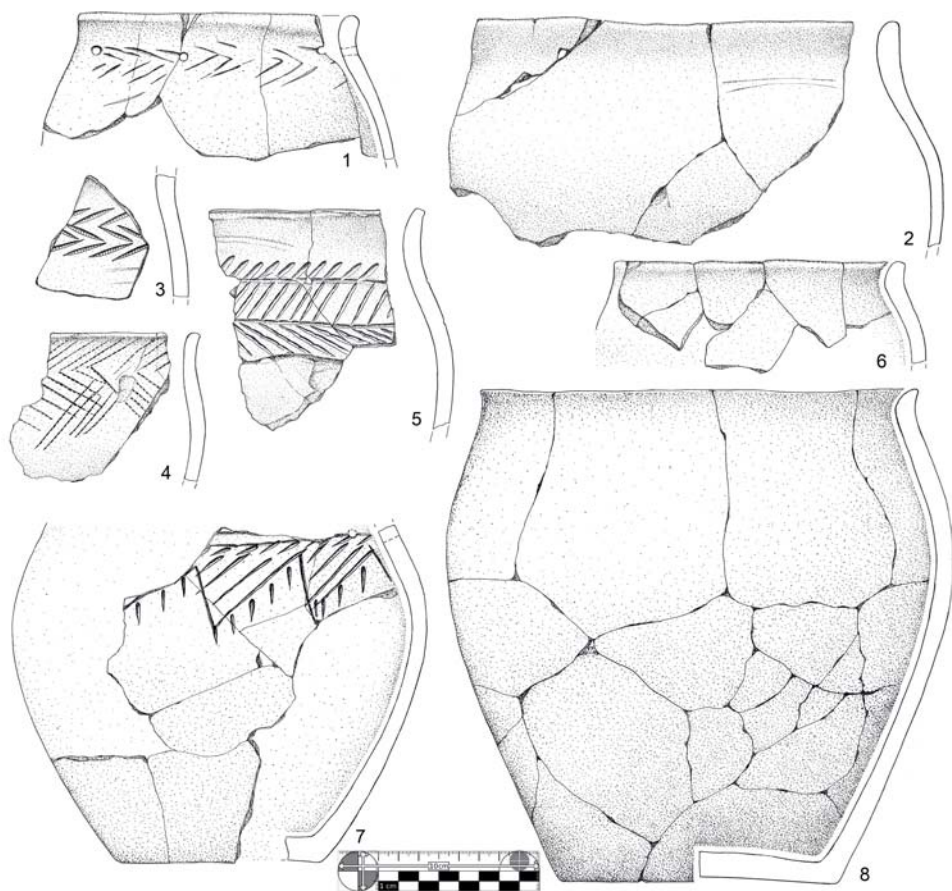

Рис. 4. Поселение Левобережное (Синташта II), керамические сосуды третьей фазы бронзового века (ПБВ-3), жилище 10

кварцевый песок, встречаются кварцевая дресва и шамот. Тесто умеренно плотное или в некоторых случаях рыхлое. Поверхность заглажена не всегда ровно. Данные сосуды имеют прямые аналогии в погребальных материалах белоключевского типа эпохи финальной бронзы Южного Зауралья, выделенного А. В. Епимаховым [1, рис. 3], а в культурном слое поселения залегают в позиции, позволяющей уверенно говорить об их синхронности с межовской керамикой.

Развалы межовских и неорнаментированных сосудов и их крупных частей сосредоточены в центральной и северной части жилища 10, подробное описание которого приведено в данном сборнике в статье Ф. Н. Петрова и М. В. Семьян «Реконструкция объектов жилой архитектуры бронзового века: опыт новых решений в музейном макетировании». Также фрагменты межовских сосудов сконцентрированы в заполнении исследованного раскопом участка жилища 2.

С изучением жилища 10 связаны находки двух категорий предметов неясного назначения: керамические «лепешки» и галечные лоцила, которые по широкому комплексу аналогий также можно отнести к периоду ПБВ-3, а по условиям залегания датировать XIV–XII вв. до н. э.

Керамические «лепешки» представляют собой двояковыпуклые слабообожженные керамические диски диаметром 6,5–7,0 см и толщиной около 3 см (рис. 5: 1, 9–11). Четыре практические целых изделия и фрагменты еще трех таких же предметов были обнаружены на уровне пола жилища 10 — в северо-восточной части котлована, в скоплении развалов неорнаментированных сосудов, включающем в себя фрагменты межовской керамики. При этом две керамических «лепешки» были полупогружены в гумусированное заполнение столбовой ямки № 155. Глиняное тесто всех этих изделий содержит значительные включения кварцевого песка, обращает внимание их очень слабый обжиг и заглаженная по влажной глине поверхность.

Прямые аналоги данным предметам, именуемые глиняными лепешками или глиняными шарами, были зафиксированы в составе комплексов периода ПБВ-3 на поселениях в Северном Казахстане, в Среднем Поволжье [5, с. 74–75], а также в Притоболье и Барабинской степи, где они тракуются как предметы для обогрева части помещения [7, с. 243].

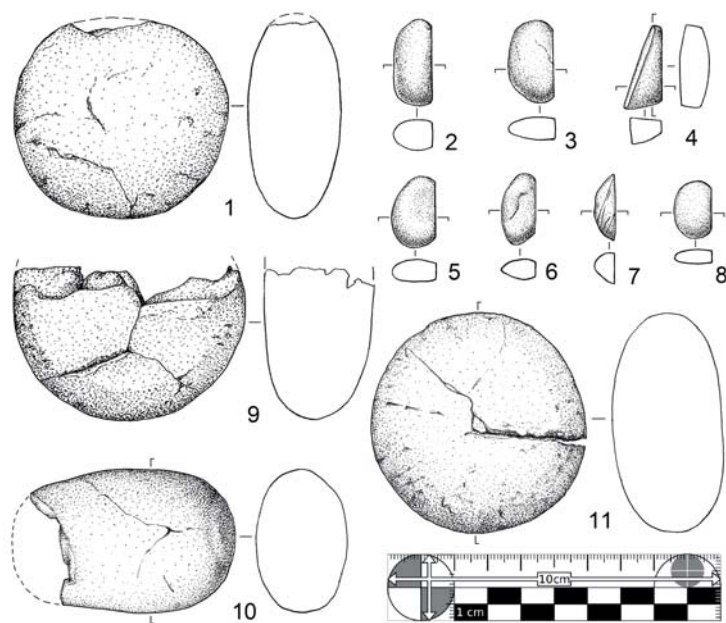

Рис. 5. Поселение Левобережное (Синташта II), керамические «лепешки» (1, 9–11) и галечные лоцила (2–8): предметы третьей фазы бронзового века (ПБВ-3), жилище 10

Другим предметом с не до конца ясным назначением являются галечные лощила, коллекция которых в материалах поселения Левобережное насчитывает 36 единиц. Все они представляют собой природные гальки со сточенной боковой поверхностью, на которой имеются четкие линейные следы, параллельные друг другу и перпендикулярные продольной оси гальки, а в ряде случаев также наблюдается зеркальная заполированность рабочей поверхности. Сработанная поверхность у всех галек ровная (рис. 5: 2–8).

Полностью сохранившиеся экземпляры имеют размеры от 1,2×0,8×0,5 см до 2,7×2,5×1,4 см. В большинстве случаев галечные лощила Левобережного изготовлены из кварцевых галек, в двух случаях были использованы гальки из кремнистой породы — силицита (определение А. М. Юминова, Институт минералогии ЮУ ФНЦ МиГ УрО РАН), порода еще двух галечных лощил пока не определена. Лощила имеют разную степень сработанности — у одних сточен только самый край боковой поверхности гальки, другие сточены до половины, а некоторые, судя по всему, и до одной трети от первоначального размера. Одно из галечных лощил Левобережного имеет рабочие поверхности на двух боковых поверхностях гальки (рис. 5: 4).

На территории степного Зауралья аналогичные орудия были неоднократно обнаружены на поселениях с межовским, черкаскульско-межовским либо саргаринско-алексеевским культурным слоем; это поселения Дружный I [14, рис. 3, 1–11], Черкасы II (фонды Музея археологии и этнографии ЧелГУ) и Ново-Байрамгулово I [17, с. 95; рис. 135]. Такие же галечные лощила широко представлены на поселениях позднего бронзового века в лесостепном Притоболье, самые представительные коллекции происходят с черкаскульских памятников Хрипуновское-1 и Ольховка [15, с. 73]; в Северном Казахстане аналогичные лощила были обнаружены на однослойном поселении Саргары, в саргаринско-алексеевском слое поселения Новоникольское I [4, с. 69–70] и на Алексеевском поселении [6, с. 144, рис. 65].

Трасологическое исследование 27 галечных лощил, обнаруженных на поселении Дружный I, выполнил Ю. Б. Сериков. По его мнению, они предназначались для обработки внешней и внутренней поверхности керамических сосудов, при этом он указывает, что «характер сработанности (сильная стертость и строгая параллельность линейных следов) свидетельствует о том, что при работе галька не передвигалась вдоль обрабатываемой поверхности и что работа производилась при довольно быстром центрированном движении. Отсюда вытекает, что обрабатываемый керамический сосуд должен был находиться на центрированной рабочей площадке» [14, с. 9]. На основе этих результатов автор исследования делает вывод, что галечные лощила служили для уплотнения глиняного теста, для придания стенкам сосудов одинаковой толщины, а также для их заглаживания и лощения. При этом он предполагает, что «обработка сосудов происходила на центрированных вращающихся столиках, т. е. гончарных кругах. Но сосуды изготавливались традиционным лепным способом, т. е. гончарный круг использовался как обычный поворотный столик. Тем не менее качество сосудов при таком способе обработки заметно повышалось» [14, с. 10].

К другим выводам пришли С. Н. Скочина и Ю. В. Костомарова, выполнившие трасологические исследования галечных лощил из коллекций черкаскульских памятников лесостепного Притоболья. По их оценке, самыми многочисленными являются предметы с комбинированными следами, которые использовались при выделке шкур и кож, а также в керамическом производстве для лощения поверхности сосудов и были полифункциональными орудиями. Несколько реже галечные лощила использовались только в кожевенном производстве, а в отдельных случаях они были задействованы только в обработке глиняных и металлических изделий [15, с. 80]. Однако при всей детальности проведенного анализа остается неясным, почему столь разнородные сферы применения требовали фактически одинаковых орудий с очень похожими характеристиками рабочей поверхности.

Несмотря на то, что пока мы не можем однозначно ответить на вопрос о функциональном предназначении керамических «лепешек» и остается дискуссионной сфера применения галечных лоцил, эти две категории предметов широко распространены на пространстве Евразийской степи и лесостепи, они устойчиво связываются с черкаскульской, межовской и саргаринско-алексеевской культурами и могут рассматриваться как культурно-хронологические маркеры культур валиковой керамики третьей фазы позднего века (ПБВ-3).

Список литературы

1. Епимахов А. В. «Темные века» эпохи бронзы Южного Зауралья // Российская археология. — 2010. — № 2. — С. 39–50.
2. Епимахов А. В., Епимахова М. Г. раскопки курганного могильника Комсомольский II в Челябинской области // Археологические открытия. 2018 год / отв. ред. Н. В. Лопатин. — М.: Институт археологии РАН, 2020. — С. 439–440.
3. Епимахов А. В., Петров Ф. Н. Этапы функционирования поселения бронзового века Левобережное (Синташта II) в Зауралье (хронологический аспект) // Радиуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее: материалы междунар. конф. — СПб.: ИИМК РАН, РГПУ, Самара: СГСПУ/ООО «Порто-принт», 2020. — С. 27–28.
4. Зданович С. Я. Саргаринская культура заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане: дис. ... канд. ист. наук. — М., 1979. — 210 с.
5. Колев Ю. И., Ластовский А. А., Мамонов А. Е. Многослойное поселение эпохи неолита — позднего бронзового века у села Нижняя Орлянка на реке Сок // Древние культуры лесостепного Поволжья. — Самара: Изд-во СамГПИ, 1995. — С. 50–109.
6. Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник // Археологический сборник: тр. Гос. Ист. музея. — Вып. XVII. — М., 1948. — С. 57–172.
7. Марченко Ж. В. Глиняные шары // Молодин В. И. и др. Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. — Т. 3. — С. 231–244.
8. Носкевич В. В., Федорова Н. В., Петров Ф. Н., Батанина Н. С. Реконструкция плана поселения эпохи бронзы Левобережное (Южный Урал, Россия) // Поволжская археология. — В печати.
9. Петров Ф. Н. Разведочные исследования в долине реки Синташты // Археологические открытия. 2015 год. — М.: Ин-т археологии РАН, 2017. — С. 403–405.
10. Петров Ф. Н., Батанина Н. С., Носкевич В. В. Раскопки поселения эпохи бронзы Левобережное (Синташта II) // Археологические открытия. 2016 год. — М.: Ин-т археологии РАН, 2018. — С. 393–396.
11. Петров Ф. Н., Батанина Н. С., Носкевич В. В. Новые материалы раскопок поселения Левобережное (Синташта II) // Археологические открытия. 2017 год. — М.: И-т археологии РАН, 2019. — С. 431–433.
12. Петров Ф. Н., Макуров Ю. С., Страхов А. Н., Косинцев П. А. Исследования Заповедника «Аркаим» в Челябинской области // Археологические открытия. 2018 год / отв. ред. Н. В. Лопатин. — М.: Ин-т археологии РАН, 2020. — С. 443–445.
13. Петрова Л. Ю. Новые межовские комплексы Южного Зауралья // XXI Уральское археологическое совещание: материалы всерос. науч. конф. с междунар. участием. — Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. — С. 153–155.
14. Сериков Ю. Б. Керамические и каменные орудия для обработки поверхности глиняных сосудов // Вестн. Перм. ун-та. Серия «История». — 2014. — Вып. 1 (24). — С. 5–14.
15. Скочина С. Н., Костомарова Ю. В. Функциональное назначение орудий из галек с поселений эпохи поздней бронзы лесостепного Притоболья (экспериментально-траსологический анализ) // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2016. — Т. 44. — № 1. — С. 72–81.
16. Стоколос В. С. Поселение Кизильское позднего бронзового века на реке Урал (по материалам раскопок 1971, 1980, 1981 гг.) // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. — Серия 1. Ист. науки. — Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2004. — С. 207–236.
17. Федоров В. К., Рафикова Я. В. Бакшай. Древнее святилище Башкирского края. — Уфа: Вост. печать, 2017. — 176 с.
18. Черных Е. Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск, 1983. — С. 81–99.

Сведения об авторе

Ф. Н. Петров, кандидат философских наук, научный сотрудник, Челябинский государственный историко-культурный заповедник «Аркаим». Челябинск, Россия. steppe_exp@mail.ru

CATTLE BREEDERS OF THE TRANS-URAL STEPPE OF THE PERIOD LBA III: NEW RE-SEARCH MATERIALS

F.N. Petrov, Candidate of Philosophy, researcher, Chelyabinsk State Historical and Cultural Reserve «Arkaim». Chelyabinsk, Russia. steppe_exp@mail.ru

In the course of investigations of the fortified settlement of Levoberezhnoe (Sintashta II), a late cultural layer with materials from the Mezhovka culture was discovered, which can be dated to the first stage of the Final Bronze Age or the third phase of the Late Bronze Age (LBA III). At least two large dwellings are associated with it, in the filling of the pits of which, along with numerous fragments of ceramic vessels, 7 ceramic "cakes" and their fragments were found, as well as 36 pebble tools. The purpose of these items, which are widespread in the vast expanses of the steppes and forest-steppes of Eurasia, is a subject of debate, but even now they can be identified as cultural and chronological markers of the roller pottery culture of the third quarter of the second millennium BC.

Key words: *Late Bronze Age, Trans-Ural steppe, Sintashta, settlement, cultural and chronological markers, objects of unclear purpose*

Е. В. Куприянова, Дж. А. Джонсон, Н. С. Батанина,
Н. Ф. Петров, Н. В. Плешанова

МОДЕЛИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ ПЛЕМЁН В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ НА ПРИМЕРЕ ДОЛИНЫ РЕКИ УЙ¹

Представления о хронологии и взаимодействиях археологических культур бронзового века в последние десятилетия постоянно корректируются и пополняются новыми данными. В этом плане представляет интерес сопоставление основного материала, определяющего культурную принадлежность, — керамики (количественное и стратиграфическое соотношение культурных групп) в многослойных поселенческих памятниках, расположенных на близком расстоянии, позволяющее реконструировать стадии освоения локальной территории на различных этапах бронзового века. Исследование, выполненное на материалах из раскопок и разведок поселенческих памятников долины реки Уй в округе с. Степное (Пластовский и Троицкий районы Челябинской области), позволило вычленить несколько культурных групп керамики, маркирующих поэтапное использование поселений в бронзовом веке.

Ключевые слова: бронзовый век, Южное Зауралье, поселение, алакульская культура, синташтинская культура.

В основу исследования положены материалы пяти поселений, расположенных последовательно, на расстоянии нескольких километров друг от друга, на левом берегу реки Уй в Пластовском и Троицком районах (Челябинская область, Россия). Эти памятники локализируются между двумя укрепленными поселениями синташтинской археологической культуры Южного Зауралья — Степное и Черноречье 3 — крайними северными пунктами так называемой «Страны городов». Исследованные неукрепленные поселения являются единственными крупными поселенческими объектами на протяжении 15 км вдоль берега реки Уй между двумя укрепленными центрами, расположены на одном берегу и, по сути, в древности были соседними населенными пунктами. Три из четырех поселений исследовались раскопками, коллекцию одного составляют подъемные сборы из разведки.

Поселение Стрелецкое-1

Поселение расположено в 3 км к юго-западу от села Черноречье и в 2 км к востоку-северо-востоку от пос. Стрелецк в Троицком районе Челябинской области, на левом берегу р. Уй. Было открыто Т. С. Малютиной, Н. С. Татаринцевой и А. М. Кисленко в 1977 г. По материалам дешифрирования аэрофотоснимка фиксируется 12 жилищных впадин. В 2012 г. экспедицией Челябинского государственного университета на памятнике проводились спасательные раскопки разрушающегося обрывом культурного слоя зольника за границами жилищных впадин (405 м²) [4].

Раскопки показали, что первоначальный этап формирования зольника относится к эпохе средней-поздней бронзы (синташтинская и петровская культура). Судя по небольшой толщине слоя этот период функционирования был кратким, а затем наступил небольшой перерыв в его использовании, во время которого над ранними слоями золь-

¹ Работа выполнена в рамках реализации международного проекта по гранту *Wenner Gren Anthropological Foundation* “*Uy river valley communities of practice project*” № 9542.

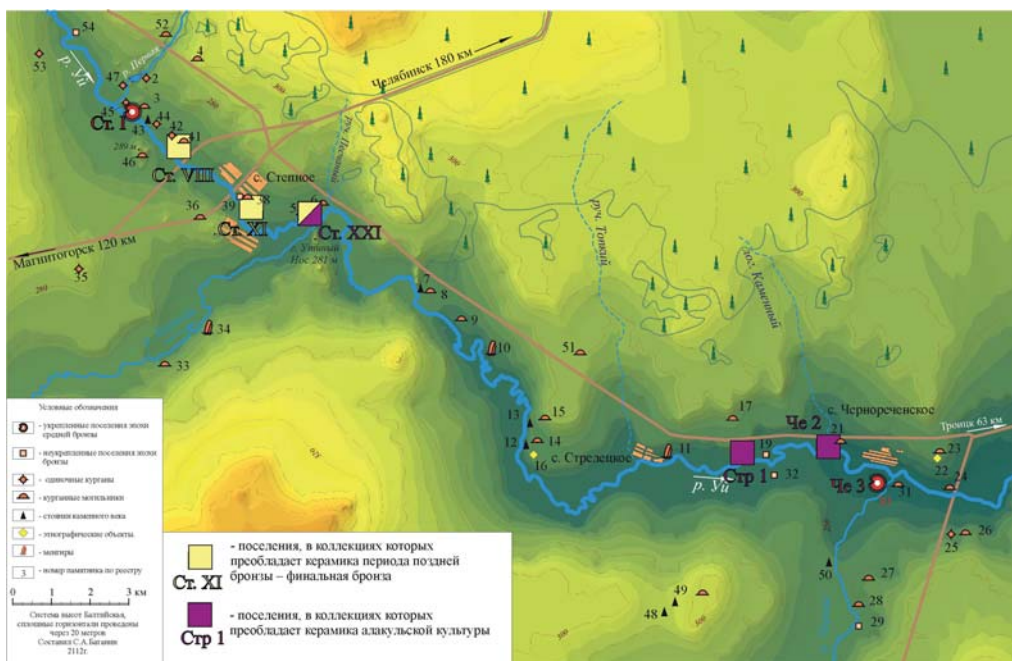

Рис. 1. Расположение поселений на карте микрорайона

ника начал формироваться гумусный слой. Возможно, перерыв в использовании зольника связан с большим наводнением, следы которого фиксируются в профилях в виде слоя речных наносов. Основным и наиболее активным этапом использования зольника является эпоха поздней бронзы (алакульская культура). К этому периоду относится большая часть обнаруженной керамики и артефактов. Керамики эпохи финальной бронзы обнаружено гораздо меньше, соответственно, более коротким было и время использования зольника в этот период. В целом можно предполагать, что время функционирования поселения включало около 600 лет и датируется XIX–XIV вв. до н. э.

Керамика поселения делится на четыре группы:

Группа 1 — керамика из верхних слоев поселения, горшечного типа, с зауженной горловиной, плоскодонная, с раздутым туловом и плавно профилированными плечом и шейкой, на шейке в ряде случаев имеется валик (рис. 2). Керамика в основном толсто-стенная и грубой лепки. Поверхность сосудов грубо заглажена. Орнамент керамики локализуется в области шейки и верхней части тулова. По основным признакам группа полностью соответствует характеристикам посуды саргаринско-алекуевской культуры эпохи финальной бронзы (в пределах XIV–X (?) вв. до н. э.).

Группа 2 составляет большинство от общего объема (рис. 3–4). Состоит в основном из сосудов крупных и средних размеров горшечной формы. Тулова сосудов конусообразные, днища плоские. Шейки плавнопрофилированные, имеют уступчатое плечико. Для этой группы характерны четко определенные зоны орнаментации: верхняя часть шейки, верхняя часть тулова, придонная часть тулова. В тесте примесь талька. Типологические и технологические характеристики этой группы керамики поселения Стрелецкое 1 соответствуют характеристикам алакульской культуры эпохи поздней бронзы Южного Зауралья (XVII–XV вв. до н. э.).

Немногочисленная третья группа керамики типологически классифицируется как принадлежащая петровской культуре эпохи поздней бронзы Южного Зауралья (XVIII–XVII вв. до н. э.). Одним из характерных признаков петровской керамики является наличие «воротничка» на шейке, острореберной профилировки (рис. 5: 3, 7, 8, 10, 12).

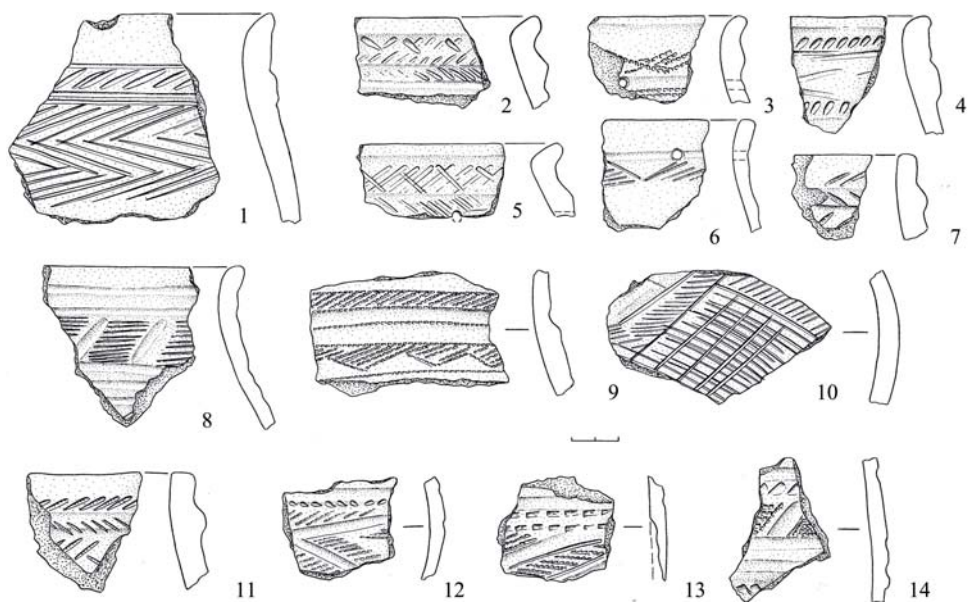

Рис. 2. Поселение Стрелецкое-1. Керамика эпохи финальной бронзы

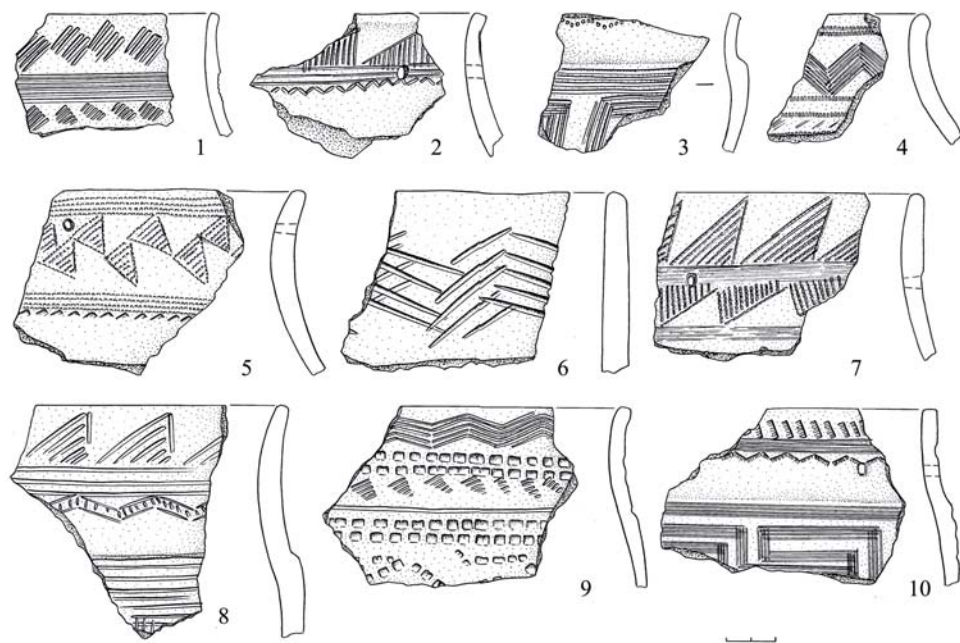

Рис. 3. Поселение Стрелецкое-1. Керамика алакульской культуры

Несколько фрагментов из нижних слоев раскопа 1 уверенно классифицируются как принадлежащие синташтинской культуре эпохи средней бронзы Южного Зауралья (XXI–XVIII вв. до н. э.) (рис. 5: 1, 2, 4–6, 9, 11). Фрагменты принадлежат острореберным сосудам с ребром на плече и внутренней части шейки, либо крупным банками с «воротничком» на шейке и глубоким желобком под ним.

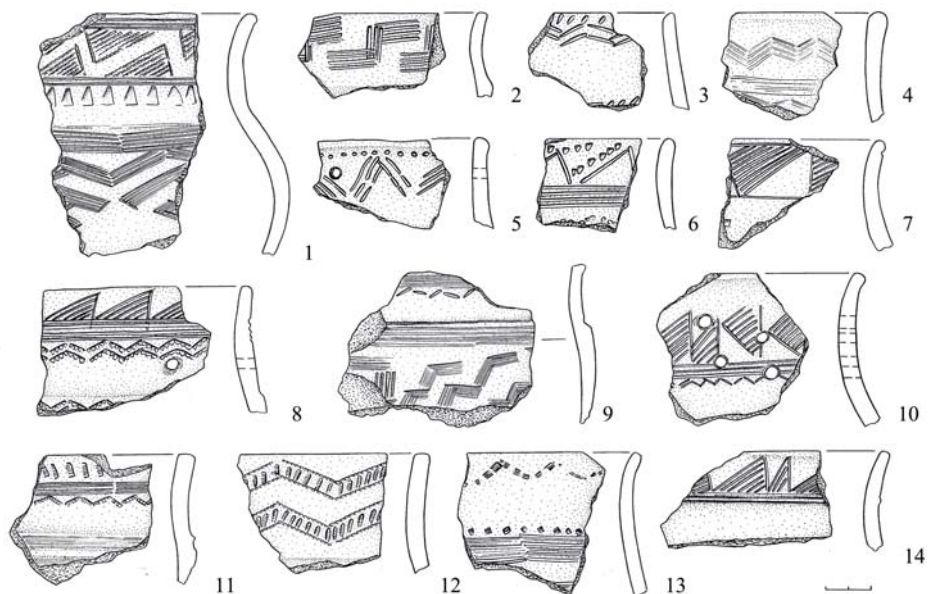

Рис. 4. Поселение Стрелецкое-1. Керамика алакульской культуры

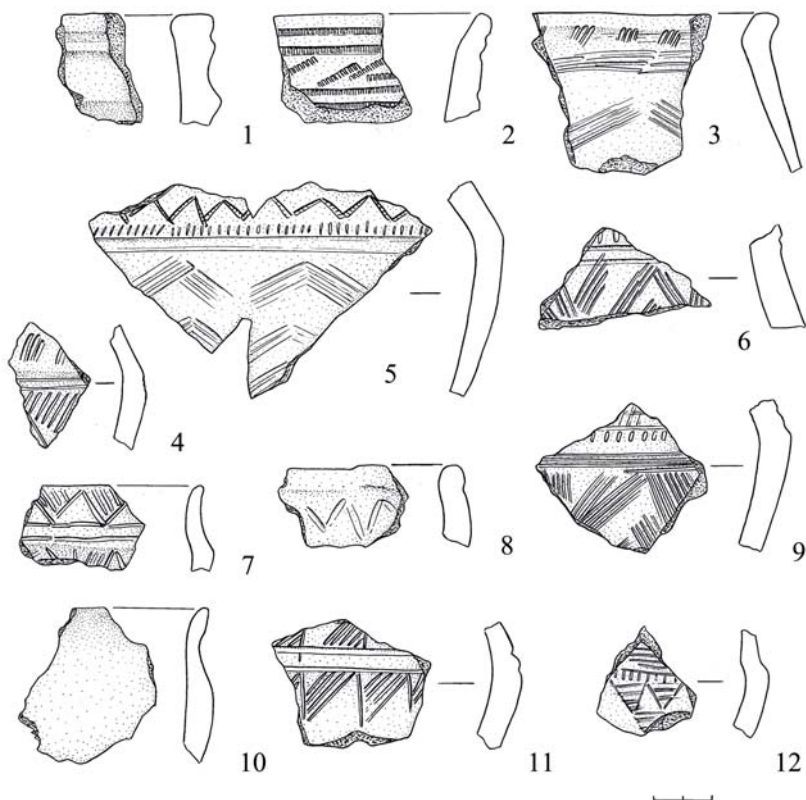

Рис. 5. Поселение Стрелецкое-1. Керамика синташтинской и петровской культур

Поселение Черноречье 2

Памятник открыт В. С. Стоколосом в 1965 г. Занимает край надпойменной террасы левого берега р. Уй в 0,5 км к западу от окраины современного пос. Черноречье. Архитектура по дешифрированию аэрофотоснимка 1965 г. представлена семью впадинами, образующими нерегулярную «улочку», ориентированную вдоль береговой линии. В настоящее время на поверхности читается одна большая впадина, ориентированная с северо-запада на юго-восток. В 2019 г. экспедицией Челябинского государственного университета под руководством Е. В. Куприяновой совместно с Дж. Джонсоном (Университет Вайоминга, США) были проведены спасательные раскопки культурного слоя зольника вдоль берега реки (44 м²) [2].

В процессе исследований в западной части раскопа были выявлены следы строительных конструкций (подрезка материка и погребенной почвы, три столбовые ямки), которые, вероятнее всего, являются остатками края уничтоженной обрывом жилищной впадины № 1 — самой западной впадины поселения. Восточная часть раскопа представляет собой часть межжилищного пространства поселения. По характеру артефактов, обнаруженных в культурном слое, представляется возможным восстановить систему хозяйства населения, проживавшего на памятнике. Одной из базовых сфер хозяйства являлось животноводство. Основу стада составляли крупный и мелкий рогатый скот, лошадь. Количество костей рыб, птиц и диких животных невелико. На поселении были развиты различные виды ремесел — косторезное, каменная индустрия, гончарство. Найденные металлургические шлаки и бронзовые орудия свидетельствуют о существовании металлургии. Время существования поселения оценивается не менее 500–600 лет,

с очевидными перерывами, которые отмечены образованием прослоек речного песка между пластами культурного слоя.

Начальный этап эксплуатации поселения относится к периоду синташтинской и петровской археологических культур бронзового века Южного Зауралья (XXI–XVIII вв. до н. э.) (рис. 6). Основная доля керамики относится к алакульской культуре эпохи поздней бронзы Южного Зауралья (XVII–XV вв. до н. э.) — основной этап существования памятника (рис. 7–8). В верхних слоях отмечено некоторое количество керамики черкаскульской культуры позднего этапа поздней бронзы и саргарин-

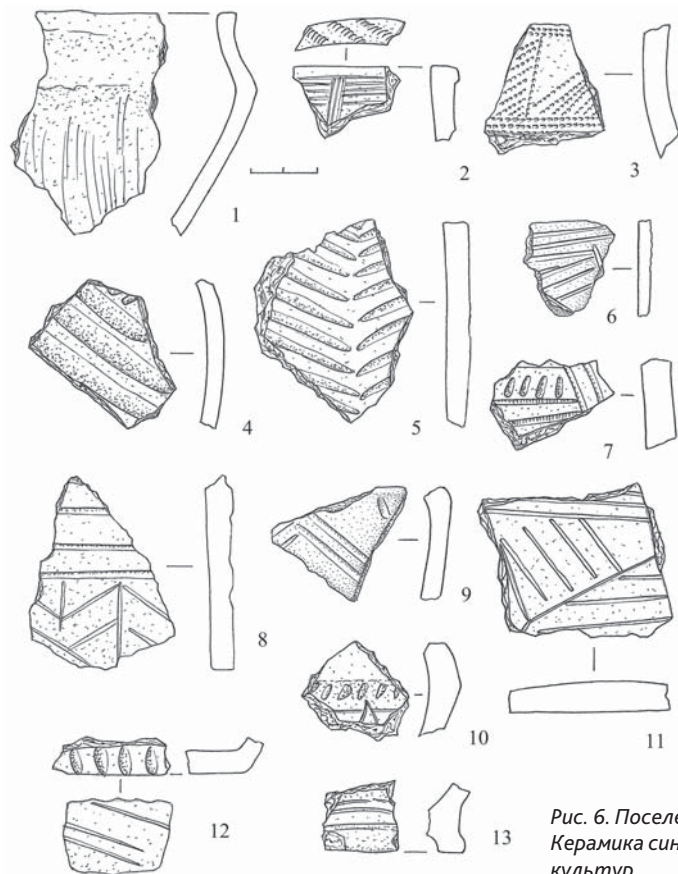

Рис. 6. Поселение Черноречье 2. Керамика синташтинской и петровской культур

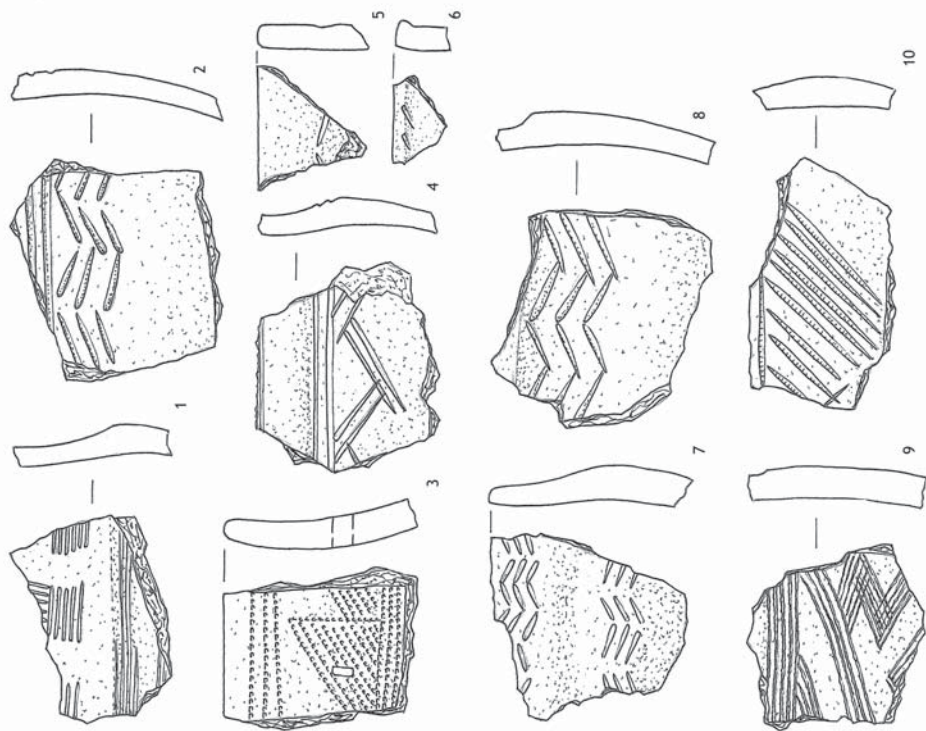

Рис. 8. Поселение Черноречье 2. Керамика алакульской культуры

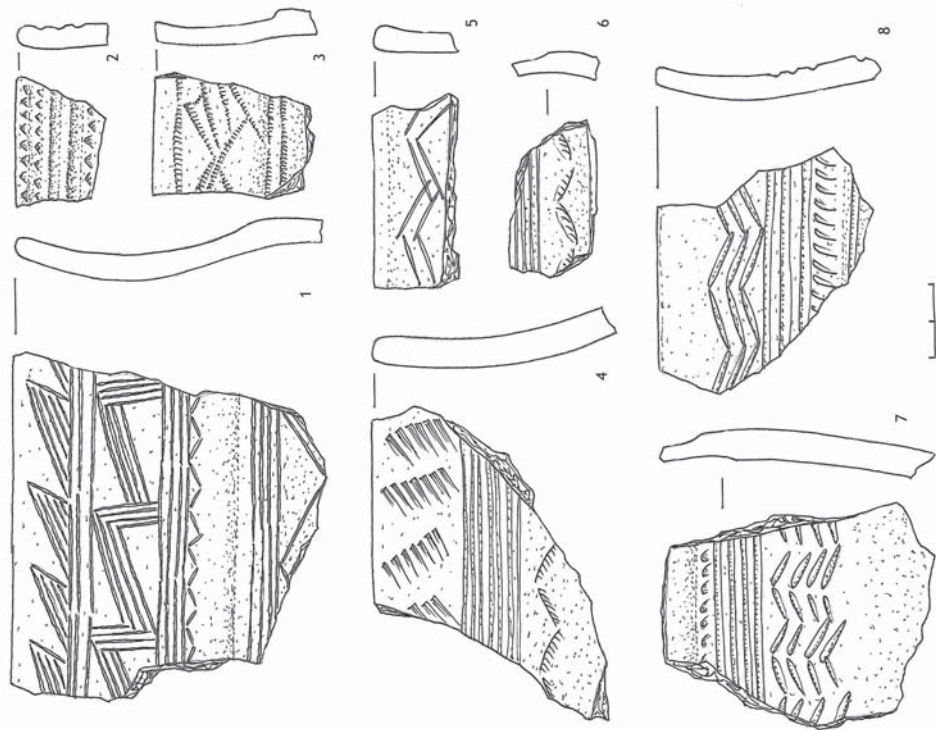

Рис. 7. Поселение Черноречье 2. Керамика алакульской культуры

ско-алексеевской культуры эпохи финальной бронзы (в пределах XIV–X вв. до н. э.), знаменующей собой финальную стадию использования поселения (рис. 9).

Поселение Степное VIII

Поселение расположено в 500 м к юго-западу от застройки современного села Степное, на одной площадке с могильником петровско-алакульского периода Степное VII [3]. По данным дешифрирования аэрофотоснимка на площадке находилось не менее семи впадин, большинство из которых на сегодняшний день уничтожено песчаным карьером. В 2000–2003 гг. вскрывались периферийные слои поселения, вплотную прилегающие к объектам могильника и лежащие поверх них. В культурном слое находилась керамика двух типологических групп — алакульской и черкаскульской культуры эпохи бронзы.

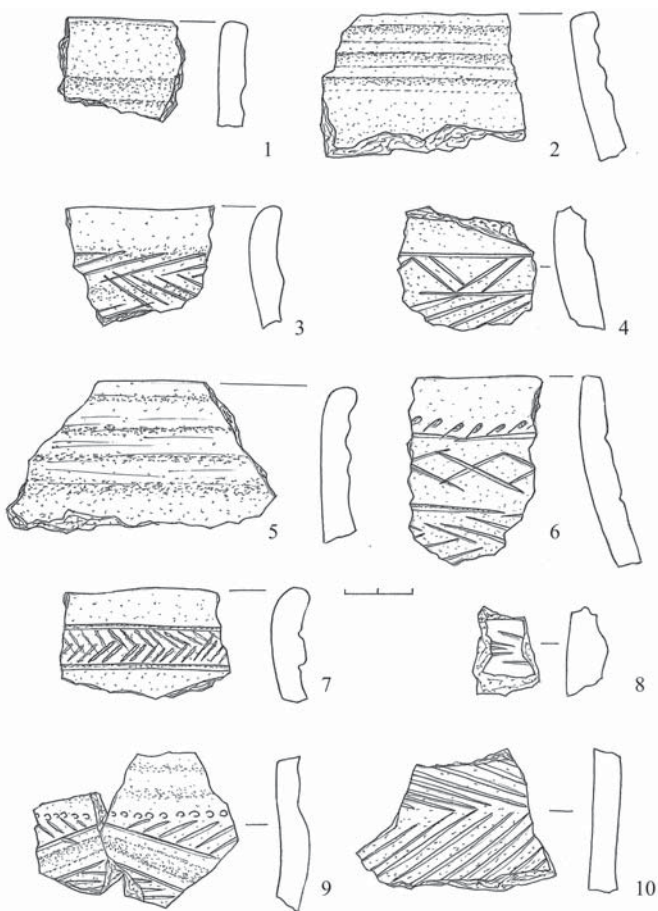

Рис. 9. Поселение Черноречье 2. Керамика черкаскульской культуры и эпохи финальной бронзы

«Селище Степновское» (поселение Степное XXI)

Поселение открыто В. С. Стоколосом и описано в отчете 1959 г. как «селище Степновское» [5]. Расположено на берегу р. Уй, в 1 км к востоку от современного поселка Степное. На поверхности из-за многочисленных речных наносов жилищных впадин и иных архитектурных деталей не обнаружено; в обрыве берега находились многочисленные артефакты — керамика, каменные орудия, кости животных. В. С. Стоколосом было заложено четыре шурфа, площадь одного из которых составила 32 м². Вторично памятник был обнаружен в 2007 г. во время переобследования могильника Степное 25. В ходе работы по паспортизации памятников в районе с. Степное ему был присвоен порядковый номер «XXI». В 2019 г. осмотр русла реки показал, что остатки культурного слоя полностью уничтожены обрывом. Памятник (предположительно, не менее 3600 м² площади) ныне не существует.

Судя по характеру изученного материала исчезнувший объект являлся многослойным поселением бронзового века. Интересно, что при разведке 2007 г. подъемные сборы составляла лишь керамика позднего облика. Таким образом, можно предположить, что центральная часть поселения начала функционировать раньше периферийной; основные этапы его существования приходится на алакульский (рис. 10) и черкаскульский (рис. 11–12) периоды.

Рис. 10. Поселение Стелное XXI. Керамика алакульской и синташинской культур

Рис. 11. Поселение Стелное XXI. Керамика черкаскульской культуры

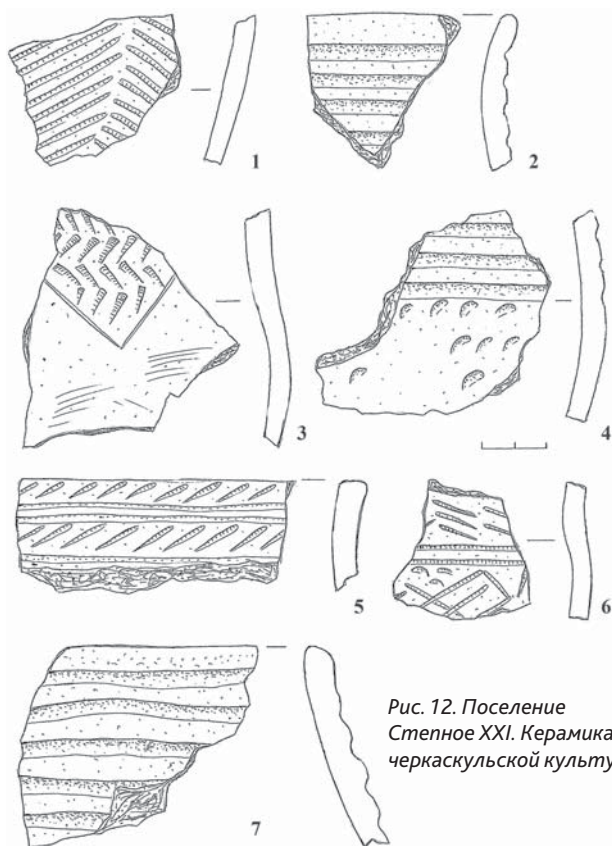

Рис. 12. Поселение Степное XXI. Керамика черкаскульской культуры

Поселение Степное XI

Поселение было обнаружено в результате дешифровки аэрофотоснимков и обследовано разведкой 2000 г. Памятник находится на левом берегу р. Уй, в 500–700 м к юго-востоку от левобережной части с. Степное, на первой надпойменной террасе, в 300–350 м от берега реки. Поселение состоит из 10 жилищных впадин, расположенных по линии 3—В.

Керамический материал, собранный в западной части памятника, достаточно однороден по своей культурной принадлежности. Можно предположить, что все четыре впадины в этой части относятся к черкаскульской культуре эпохи поздней бронзы (рис. 13–14). Подъемный материал с восточной части поселения разнороден, содержит фрагменты черкаскульского и алакульского облика, а также неопределимый материал (рис. 15). В це-

лом по разнородности материала можно предположить, что жилища восточной части поселения заселялись ранее жилищ западной части.

Керамические коллекции, полученные с этих памятников, были разделены на культурные группы. Проведен анализ пространственного распределения керамики различных групп в стратиграфических слоях поселений, а также сравнительный анализ с керамикой расположенных рядом синхронных могильников. Процентное соотношение керамики различных культурных групп приведено в таблице.

Соотношение культурных групп керамики на поселениях бронзового века

Памятник	Культурная группа			
	Поздний период поздней бронзы — финальная бронза	Алакульская	Синташтинская/петровская	Срубная
Черноречье 2	39/17,5 %	146/65,5 %	25/11,2 %	13/5,8 %
Стрелецкое 1	207/18,8 %	843/76,6 %	31/2,8 %	20/1,8 %
Степное XXI	42/41,2 %	51/50 %	6/5,9 %	3/2,9 %
Степное XI	66/78,5 %	10/21,5 %	–	–
Степное VIII	82/75,2 %	27/24,8 %	–	–

Исследования позволили выделить две основные культурные группы керамики, создатели которой и являлись, очевидно, доминирующим населением в этом районе в основной период существования поселений: алакульская группа и группа керамики

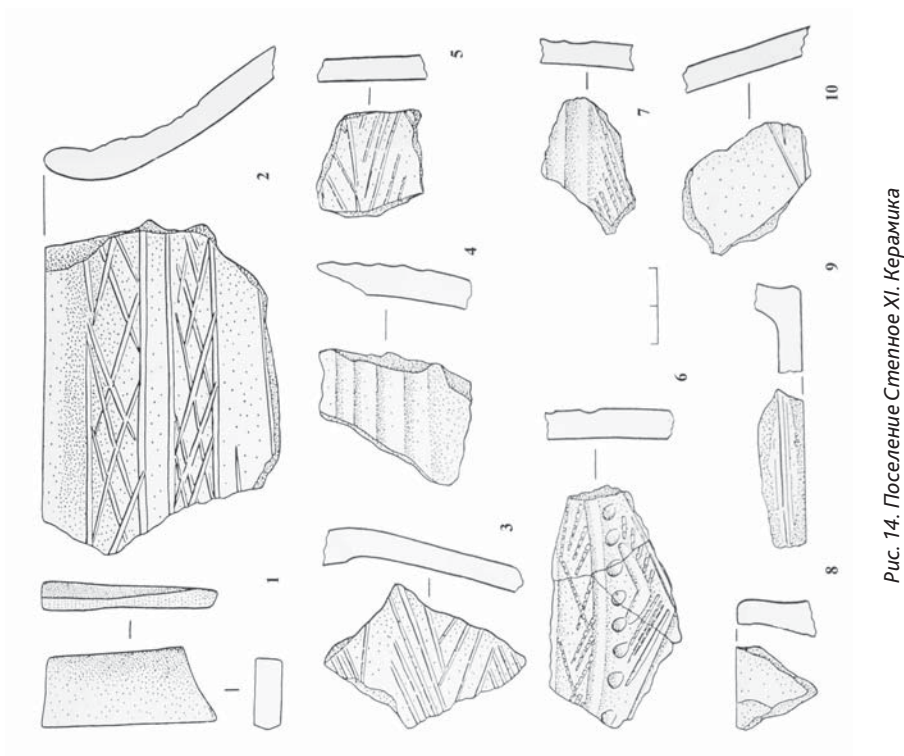

Рис. 14. Поселение Степное XI. Керамика

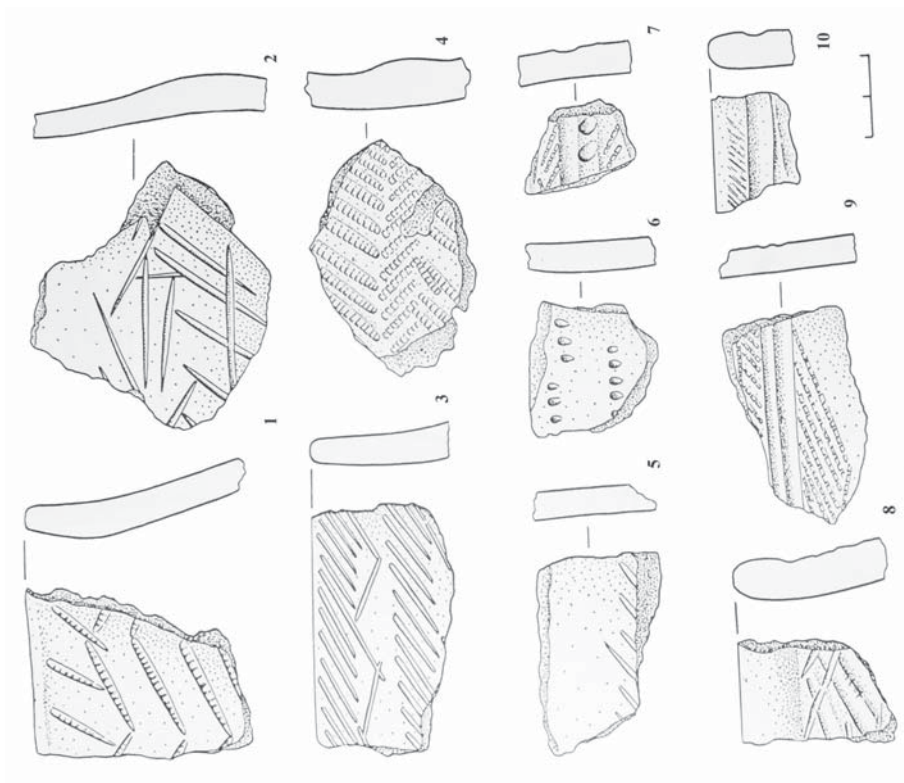

Рис. 13. Поселение Степное XI. Керамика

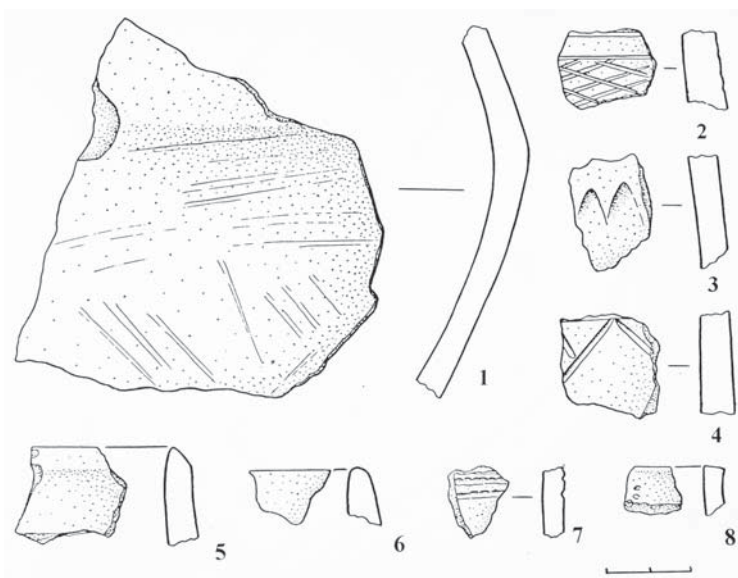

Рис. 15. Поселение Степное XI. Керамика

конца поздней-финальной бронзы (черкаскульская и саргары-алексеевская культуры), занимающая более поздние стратиграфические позиции, соответствующая концу существования поселений. Алакульская группа является основной для трех поселений, расположенных в юго-восточной части исследуемого участка р. Уй (Черноречье 2, Стрелецкое 1, Степное XXI) и составляет от 76,6 до 50 %. Доля поздней керамики на этих поселениях колеблется от 41,2 до 17,5 %. На двух поселениях северо-западной части обследованной территории (Степное VIII и XI) зафиксирована большая доля керамики поздней группы (78,5 и 75,2 %), а алакульская керамика составляет соответственно 21,5 и 24,8 %. Кроме того, в коллекциях тех поселений, где доминирует алакульская группа, присутствует также стабильно некоторое количество керамики синташтинского и петровского облика (2,8–11,2 %), которая хотя и располагалась в нижних слоях, но четко не отделяется от алакульской керамики. Отмечается также чуть меньшая доля керамики срубного облика (от 1,8 до 5,8 %). На поселениях с преобладанием поздней керамики срубные и петровско-алакульские элементы не зафиксированы.

Проведенные исследования позволили прийти к ряду предварительных выводов, которые будут апробироваться дальнейшими исследованиями:

1. Самым ранним и общим для всех культурным этапом, а также наиболее длительным временем функционирования поселений Черноречье 2, Стрелецкое 1, Степное XXI был алакульский период.

2. Можно предположить, что на этапе создания эти три поселения сосуществовали и взаимодействовали с расположенными рядом укрепленными поселениями синташтинско-петровского культурно-хронологического горизонта. При этом интересно, что количество керамики синташтинского и петровского типов на поселениях увеличивается в зависимости от степени близости объекта к укрепленному поселению. Самая большая ее доля (11,2 %) зафиксирована на поселении Черноречье 2, расположенном в 1 км от укрепленного поселения Черноречье 3.

3. В расположении поселений наблюдается тяготение к укрепленным центрам. Так, поселения Степное VIII, XI, XXI расположены на расстоянии 1–3,5 км от укрепленного поселения Степное; поселения Черноречье 2 и Стрелецкое 1 расположены на расстоянии 1–2 км от укрепленного поселения Черноречье 3; между этими двумя группами расстояние более 10 км, на котором не зафиксировано ни одного значительного поселенческого объекта.

3. Еще одной стабильной группой на трех поселениях юго-восточной части является керамика срубного облика, свидетельствующая о спорадических миграциях срубного населения из южных районов. Интересно, что в могильнике Степное 25, находящемся в непосредственной близости от поселений Степное XI, XXI, одна группа курганов содержит материалы срубной культуры, а другая — синташтинско-петровские [1]. Этот памятник является единственным примером срубных миграций в северные районы Челябинской области, основной ареал обитания срубных племен находится на несколько сотен километров южнее. Керамика срубного облика в небольших количествах фиксируется в трех юго-восточных поселениях, крайнее из которых расположено на одной площадке с могильником. Очевидно, эти два памятника маркируют крайнюю точку продвижения срубных племен на северо-запад. Синташтинско-петровская и срубная керамика не маркируют собой отдельные этапы существования юго-восточных поселений, а являются результатом взаимодействия алакульского населения с современными соседями.

4. Керамика конца поздней и финальной бронзы занимает верхние стратиграфические позиции и представлена на всех поселениях. Однако для двух северо-западных памятников, на период поздней бронзы приходится основное время их существования. Присутствие черкаскульского материала достаточно характерно для поселенческих памятников данного региона. На территории лесостепной-степной зоны Южного Зауралья находится не менее 15 поселений, в т. ч. два укрепленных, в материалах которых доля черкаскульской керамики составляет от 3,5 до 45 %. В ряде случаев прослеживаются черкаскульские строительные горизонты в жилищах более ранней постройки, иногда черкаскульское жилище могло возводиться в рамках общей структуры поселка. Однако характерно, что однослойных черкаскульских поселений либо поселений, где черкаскульский слой является самым ранним, не зафиксировано.

Список источников и литературы

1. Куприянова Е. В. Курганные группы I и II могильника Степное 25 в контексте синхронного культурного окружения // Куприянова Е. В., Стоколос В. С., Петров Н. Ф., Батанина Н. С. Могильник Степное 25: культурный синкретизм на границе степи. Коллективная монография / под общ. ред. Е. В. Куприяновой. — Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2020. — С. 97–139.
2. Куприянова Е. В. Спасательные раскопки поселения Черноречье 2 в Троицком районе Челябинской области в 2019 г.: отчет // Архив Учебно-научного центра изучения проблем природы и человека. — Челябинск, 2020.
3. Куприянова Е. В., Зданович Д. Г. Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII. — Челябинск: Энциклопедия, 2015. — 196 с.
4. Куприянова Е. В., Якимов А. С., Сафарова Л. Р., Баженов А. И. Особенности стратиграфии поселения Стрелецкое 1 (предварительные результаты исследований) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. — Челябинск: Рифей, 2013. — С. 82–102.
5. Стоколос В. С. Отчет по археологической экспедиции Челябинского областного музея в 1959 г. // Архив Института археологии РАН. — Р-1. — № 1969.

Сведения об авторах

Е. В. Куприянова, кандидат исторических наук, директор УНЦ изучения проблем природы и человека, ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет». Челябинск, Россия. dzdan@mail.ru

Дж. А. Джонсон, PhD, преподаватель Университета Вайоминга. Вайоминг, США. jjohn260@uwyo.edu

Н. С. Батанина, зав. отделом археологии, этнографии, современной и исторической экологии УНЦ изучения проблем природы и человека, ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет». Челябинск, Россия. bata567@inbox.ru

Н. Ф. Петров, старший лаборант отдела археологии, этнографии, современной и исторической экологии УНЦ изучения проблем природы и человека, ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет». Челябинск, Россия. flexible_bullet@mail.ru

Н. В. Плешанова, хранитель фондов Музея археологии и этнографии, ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», Челябинск, Россия. alanna76@mail.ru

MODELING OF THE SETTLEMENT SYSTEM OF TRIBES IN THE BRONZE AGE ON THE EXAMPLE OF UI RIVER VALLEY

E.V. Kupriyanova, candidate of historical science, Director of Scientific and educational center of study of nature and man, Chelyabinsk State University. Chelyabinsk, Russia. *dzdan@mail.ru*

J.A. Jonson, PhD, lecturer, University of Wyoming, Wyoming, USA. *jjohn260@uwyo.edu*

N.S. Batanina, head of archaeology department of Scientific and educational center of study of nature and man, Chelyabinsk State University. Chelyabinsk, Russia. *bata567@inbox.ru*

N.F. Petrov, senior laboratory assistant of archaeology department of Scientific and educational center of study of nature and man, Chelyabinsk State University. Chelyabinsk, Russia. *flexible_bullet@mail.ru*

N.V. Pleshanova, custodian of funds of Museum of archaeology and ethnography, Chelyabinsk State University. Chelyabinsk, Russia. *alanna76@mail.ru*

Ideas about the chronology and interactions of the Bronze Age archaeological cultures in recent decades are constantly being updated and updated with new data. In this regard, it is interesting to compare the main material that determines the cultural identity — ceramics (quantitative and stratigraphic correlation of cultural groups) in multi-layered settlements located at a close distance, which allows us to reconstruct the stages of development of the local territory at different stages of Bronze Age. The study, based on materials from excavations and explorations of Bronze Age settlements of the Uy River valley in the Stepnoye village district (Plast and Troitsk districts of the Chelyabinsk region), allowed us to isolate several cultural groups of ceramics that mark the gradual use of settlements in the Bronze Age.

Key words: *Bronze Age, Southern Trans-Urals, settlement, Alakul' culture, Sintashta culture.*

Г. В. Требелева, А. С. Кизилов

ЕЩЁ РАЗ К ВОПРОСУ О «ПОНТИЙСКОМ ЛИМЕСЕ», ИЛИ О ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ РАСПОЛОЖЕНИЯ ДРЕВНИХ ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ В АНТИЧНОЕ ВРЕМЯ

Вопрос о существовании или отсутствии «Понтийского лимеса» в науке является до сих пор дискуссионным. Причиной тому является разрушение в силу различных факторов археологических памятников в их надземной части. Данная статья посвящена анализу географических и геополитических принципов размещения римских крепостей на побережье. В ходе анализа историко-культурного ландшафта территории удалось выявить, что все крепости расположены на берегу удобной бухты или судоходной реки и на выходах караванных троп. Учитывая данные принципы, авторы делают прогнозы о том, где могут быть расположены еще не выявленные наукой памятники.

Ключевые слова: Черноморское побережье Кавказа, крепости, караванные тропы, Понтийский лимес.

«Легионы римских войск занимали все местечки по побережью от Трапезунта до страны сагинов» (Война с готами, IV, 4) — встречаем мы в нарративных источниках у Прокопия Кессарийского. Кажется, этой фразой должны быть сняты все споры о существовании так называемого Понтийского лимеса. Сам термин «Понтийский лимес» как часть организованной обороны восточных границ Римской империи был впервые выделен В. А. Леквинадзе [13, с. 75]. Но далеко не все ученые с ним согласились [14, с. 61], и не маловажной причиной этого несогласия стало именно отсутствие должного количества памятников археологии, подтверждающего наличие целого лимеса. Причина этого заключена в разрушении надземной части археологических памятников, как вследствие их естественного разрушения, так и в ходе антропогенных факторов последующих периодов. Как показали археологические исследования последних десятилетий, наука располагает далеко не полным списком памятников той эпохи. Более того, многие объекты оказались разрушенными не полностью и следы их существования, а порой даже и планировки вполне достоверно могут быть подтверждены. Ярким примером такого могут служить обнаруженные римская башня у пос. Архипо-Осиповка [2] и крепость в г. Сочи [9]. Поэтому коллективом совместной ИА РАН и АБИГИ АНА российско-абхазской Маркульской археологической экспедиции и была выдвинута идея проанализировать географические и геополитические условия, в которых возводились уже известные крепости, и попытаться понять, где еще могут быть остатки подобных сооружений. Для полноты картины были привлечены данные ГИС археологических памятников северо-западной Колхиды (территория Республики Абхазия и района Боль-

шого Сочи). Работа над созданием данной ГИС была начата еще в 2001 г. и продолжается по настоящее время. На сегодняшний день ГИС включает в себя около 1000 объектов: дольмены, храмы, крепости, поселения, могильники.

Рассмотрим выявленные археологические объекты, которые могут быть отнесены к Понтийскому лимесу (рис. 1). Оставим в стороне крепость Апсар, ибо она выходит за границы исследуемой нами территории, поэтому первым укреплением здесь будет Севастополис. При раскопках на территории крепости была найдена черепица со штампом LEGXVAP (Legio XV Apollinaris), что подтверждает наличие здесь римских войск [18, с. 34–35]. Следующим бесспорным пунктом является крепость Великий Питиунт в Пицунде: здесь также наличие римских войск подтверждено штампами на строительной керамике [8]. Далее на запад следует крепость Абаата, идентифицируемая с укреплением Нитика, упомянутом в Перипле Аррианта. Доказательствами существования здесь римской крепости является наиболее древняя кладка в восточной стене, датированная IV в. н. э., прямоугольная планировка самой крепости, остаток северо-восточного прямоугольного бастиона. Здесь же в восточной стене просматриваются остатки ворот, датированные приблизительно этим же периодом. Аналогичные ворота, но несколько меньшего размера просматриваются в восточной стене ближе к морю. Следы древних ворот видны и у юго-западного бастиона крепости Абаата [7]. С остатками крепости Махадыр идентифицируются следы крепости в пос. Цандрипш [1]. Далее следует укрепление римского времени на территории российского форта Александрия в Сочи. Следы римской крепости здесь были открыты в ходе охранных археологических работ [8]. Совсем близко от данной крепости расположено и укрепление Мамай-кала; далее — крепость Годлик — с ней идентифицируют упомянутую Псевдо-Аррианом крепость Багу [4, с. 80–82]. Северо-западнее крепости Годлик расположено укрепление Дузу-Кале, из которого происходит надпись об отпущении рабов на волю времен царя Котиса I [12, с. 39]. Ну и самое северное на сегодня из известных укреплений — башня в пос. Архипо-

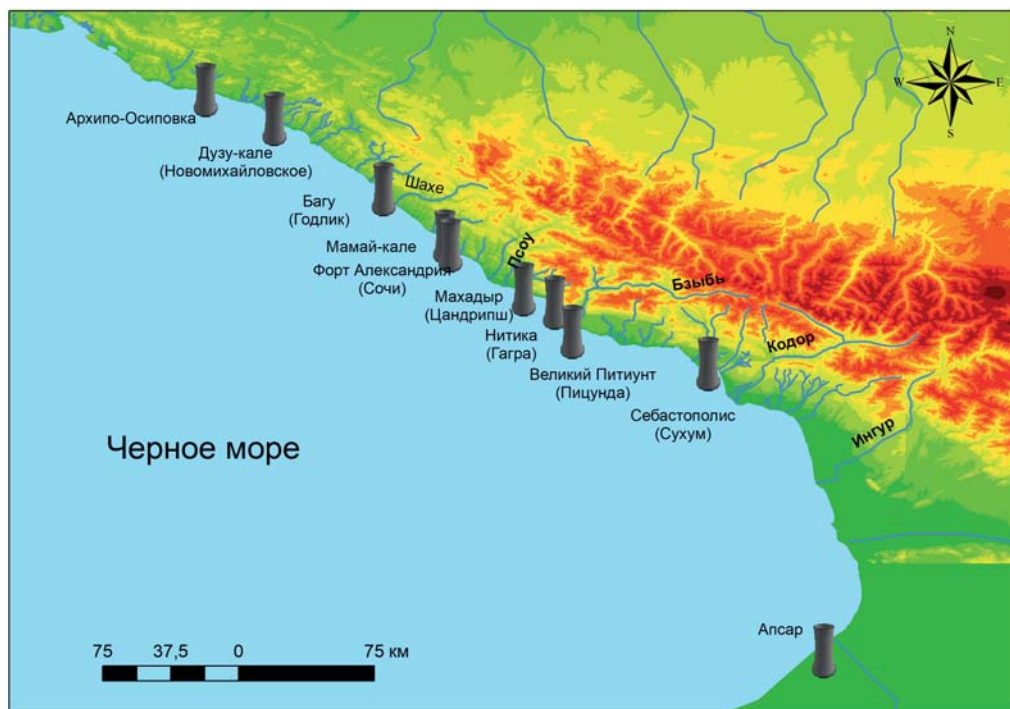

Рис. 1. Карта-схема расположения подтвержденных археологией римских укреплений

Осиповка. Изначально развалины башни ассоциировались с крупным курганом, который, собственно говоря, и предполагалось исследовать. Однако в результате раскопок на месте предполагаемого кургана оказались развалины римской башни, в развалинах которой были найдены обломки тарной керамики, в основном из Синопа и Колхиды, датируемые ок. 2-й трети I в. н. э., и бронзовый нащечник шлема раннего варианта «имперско-гальского» типа [2].

Функциональное значение этих укреплений определяло место их возведения. В задачи военных формирований колонистов, кроме непосредственного проведения совместных боевых операций против пиратов и отражения нападения со стороны местного населения в случае возникновения локальных конфликтов, входило также обеспечение безопасности купцов и товаров в обороте экспорта и импорта, что означало, что все эти укрепления должны были находиться на местах пересечения морских и сухопутных дорог. Также для морских судов требовалось обеспечить места безопасных стоянок при осуществлении каботажного плавания. Анализируя места расположения известных укреплений, мы видим, что все они расположены либо на берегах удобной бухты, либо рядом с устьем судоходной реки и на местах выхода караванных троп. Маршруты караванных троп хорошо маркируются наличием цепей дольменов-храмов-поселений местного населения. Поэтому, если проанализировать расстояния дневного перехода каботажного судна в античное и средневековое время с вышеуказанными условиями, можно предположить места расположения еще неизвестных укреплений (рис. 2). Важным маркером является также наличие на месте этого укрепления или рядом с ним военного форта Российской империи, возведенного при освоении этого участка побережья в XIX в.: рядом с башней Архипо-Осиповка располагалось Михайловское укрепление, Годлик — недалеко от Лазаревского укрепления, крепость Сочи — на месте форта Александрия. И эти совпадения не случайны, ибо места расположения укреплений определяются военно-политическими и экономическими целями и географическим фактором. Однако стоит отметить, что не все древние укрепления были задействованы в системе черноморской береговой линии XIX в. Фактором, объясняющим причину, по которой ряд укреплений древности не совпадает по месту расположения с крепостями XIX в., является изменение типа и дальнобойности стрелкового оружия. Места расположения античных и средневековых крепостей были неуязвимы для лучников, но с появлением огнестрельного оружия они оказались беззащитными перед обстрелами укрепления с господствующих поблизости высот. К примеру, расположение крепости «Дузу-Кале» на неприступном и стратегически удобном утесе обусловлено наличием удобной мелководной бухты. Однако господствующие над утесом высоты оказались пригодными для обстрела территории крепости из огнестрельного оружия, что сделало ее непривлекательной с точки зрения фортификации XIX в.

Таким образом, опираясь на вышеизложенные принципы — удобная бухта или судоходная река, выходы караванных троп — и используя маркеры в виде российских фортов, можно предположить наличие римских укреплений в следующих пунктах.

Новотроицкое укрепление. Ныне пос. Криница (Геленджикский район), расположен на берегу р. Пшада. Сохранились воспоминания известного путешественника Дюбуа де Монпере: «Положение Пшада настолько кажется выгодным и удобным, что было бы удивительно, если бы греки, так хорошо умевшие пользоваться подобными местными условиями, не сделали бы этого на этот раз. Тетбу де Мариньи, имевший возможность на досуге изъездить эти окрестности, сообщает в описании своего путешествия, что он видел довольно широкую дорогу, которая вела к руинам древней крепости на верхушке горы, господствующей над долиной на юго-восток от Пшада» [15, с. 80–81]. Следы этой крепости неизвестны, но мы знаем, что в данном месте Р. Скасси — надворный советник Коллегии иностранных дел России, находясь в доверительных отношениях с местным влиятельным князем, Магомет-Индар-оглы, устроил в устье р. Пшады настоящую торговую факторию. Важно отметить, что небольшая река Пшада именно здесь при

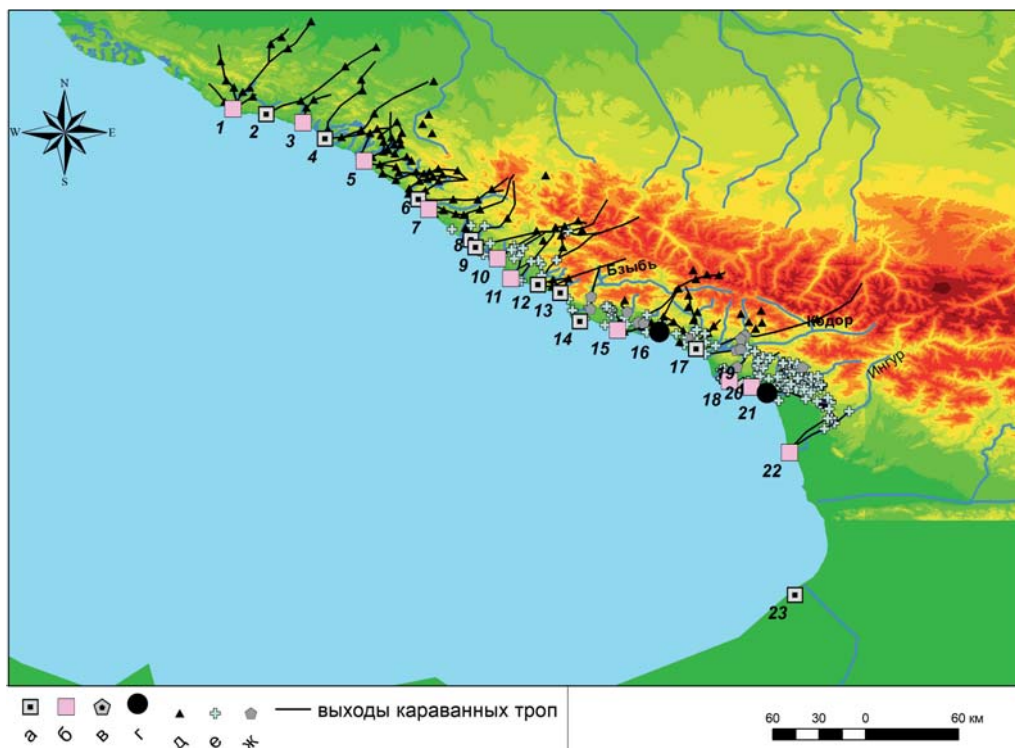

Рис. 2. Общая карта:

а — римские крепости, подтвержденные археологией; б — предполагаемые места римских крепостей; в — генуэзский форт; г — приморские города, где наличие римских укреплений еще не обнаружено; д — дольмены; е — храмы; ж — крепости и башни местного населения; 1 — Новотроицкое укрепление; 2 — башня в Архипо-Осиповке; 3 — Тенгинское укрепление; 4 — крепость Дузу-кале (Никопсия); 5 — Вельяминовское укрепление; 6 — крепость Годлик (Багу); 7 — Головинское укрепление; 8 — крепость Мамай-кале; 9 — крепость в г. Сочи (форт Александрия); 10 — предполагаемое укрепление в Хосте; 11 — предполагаемое укрепление в устье Мзымты (Южные культуры?); 12 — Цандрыпш (Махадыр); 13 — Нитика (крепость Абаанта в г. Гагре); 14 — Великий Питиунт; 15 — форт Бамбора (комплекс Айлага-абыку); 16 — Анакопия (Трахея) в Новом Афоне; 17 — Севастополис (г. Сухуми); 18 — поселок Балан (храм Мармал-Абаа); 19 — генуэзский форт Санто Томасо (пос. Кындыг); 20 — Тамышское поселение; 21 — Гюэнос (г. Очамчир); 22 — форт Анаклия (Анакрия); 23 — крепость Ансар.

впадении в море образует глубокую и спокойную внутреннюю лагуну, способную принять немало маломерных торговых судов античного и средневекового времени. И, если судить по карте расположения дольменов, к этому месту могла сходиться сеть дорог.

Тенгинское укрепление черноморской береговой линии. Тенгинский полк десантировался и стоял гарнизоном в укреплении Тенгинское, построенном в 1838 г. в устье р. Шапсухо. Отметим интересный факт: географически и визуально участок моря от башни в Архипо-Осиповке до крепости «Дузу-Кале» в пос. Новомихаиловский является полностью просматриваемым пространством. В связи с этим в античное и средневековое время создание в Лермонтово крепости не имело значения в силу близости расположения с уже существовавшими военными объектами. Однако удобная и глубокая лагуна р. Шапсухо и поныне имеет яхтенную стоянку, что подтверждает ее судоходность и в более раннее историческое время. Соответственно, важность этого населенного пункта в морской торговле была актуальна, а значит, не исключено, что и здесь мог находиться некий пункт. К тому же по расстоянию это укрепление находится как раз практически на середине пути из Архипо-Осиповки в Дузу-Кале, и часть караванных путей имеют выходы к устью Шапсухо.

Вельяминовское укрепление в устье р. Туапсе. В современном городе Туапсе не выявлено на сегодня ни античных, ни средневековых фортификационных сооружений, а ведь стратегическое положение Туапсе является неоспоримым: и по удобству бухты, и по тому, сколько караванных троп сюда выходит. Вероятно, остатки древней архитектуры либо безвозвратно утеряны в раннем периоде строительства города, либо находятся в виде курганных развалин на мысе Кодош, где и по сей день дислоцируются воинские части на закрытых к доступу территориях.

Головинское укрепление в устье р. Шахе. Наличие более древней крепости до сих пор не выявлено. При этом в окрестностях форта неоднократно при строительных земляных работах были обнаружены крупные фрагменты кирпичей не российского стандарта. Среди имеющихся в научном описании габаритов древних кирпичей к ним имеется полный аналог размера из крепости Харакс в Крыму [4, с. 91]. Также есть неподтверждённая информация из описания края П. П. Зубовым: «У истока р. Шахе находятся развалины древнего города, остатки колонн и другие признаки искусного зодчества, доказывающие, что там некогда обитал народ образованный, еще более подтверждается таковая догадка между сих развалин находимыми древними монетами и медалями и подает повод заключить, что на сем месте существовал город, принадлежавший к Греческим Кубанским поселениям» [5]. Анализируя караванные пути, мы можем констатировать, что сюда могли подходить дороги как с левого, так и с правого берега р. Шахе. Здесь же, на участке левого берега в пос. Солох-Аул в среднем участке течения р. Шахе выявлена средневековая крепость.

Очень интересно рассмотреть выходы караванных путей в районе современного г. Сочи, в котором была обнаружена крепость на месте русского форта Александрия. Здесь мы видим очень малое расстояние между двумя подтвержденными крепостями: Мамай-Кале и Сочи. Но, если караванные пути к крепости Мамай-Кале выходили через перевал Солох-аул, то к Сочи они шли от Краснополянских перевалов. Анализируя маршруты караванных путей, проходивших через хребты Псеашхо и Аишхо, становится очевидным, что все они выходили к приморским факториям. Основными долинами на этом участке являются долины крупных р. Сочи, Хоста и Мзымта. И если ситуация с Сочи на данный момент стала более-менее понятной, то с прибрежными крепостями в районе устья двух других рек вопрос остаётся открытым. Все три реки имеют по пути следования древних маршрутов десятки крепостей и храмов, которые являются своеобразными географическими маркерами караванных путей, тянущихся от горных перевалов. И именно географические обстоятельства должны определять наличие конечных пунктов в приморской зоне.

Форт Бамборы. На сегодня это укрепление неизвестно, но мы находим упоминание о нем в работах Дюбуа де Монпере, а изображение — на рисунках французского путешественника и военного разведчика Луи Ле Бретона (рис. 3) [19]. Точное его месторасположение неизвестно, предполагается, что он мог находиться на месте современного аэропорта. Не исключено, что форт был основан на месте более древнего фортификационного сооружения, поскольку его стратегическое место к этому располагает: сюда веерообразно сходятся караванные пути вдоль р. Лаапста, Хипста и Мчишта.

Конечно, напрашивается стратегически и крепость в устье р. Псырцха в Новом Афоне. Здесь расположена древняя Анакопия — Трахея, главная крепость абазгов и столица Абхазского царства, возведение которой относится к VI–VII вв. Но по сообщениям Ю. Н. Воронова, в устье р. Псырцха, в 1,5 км к западу от Нового Афона, были обнаружены фрагменты античных амфор [3, с. 73], поэтому не исключено, что до возведения абазгской крепости здесь могло находиться и античное укрепление.

Балан. Храм Мармал-абаа, Кодорская (Отарская) крепость и Пскальский храм маркируют дорогу вдоль левого берега р. Кодор. Здесь, в его устье, по мнению ряда ученых как XIX в., так и современных, и должна локализоваться Диоскурия, а не в Сухуме [6, 11]. И хотя явных следов ее пока не обнаружено, но следы какого-то поселения античного времени здесь, конечно же, присутствуют.

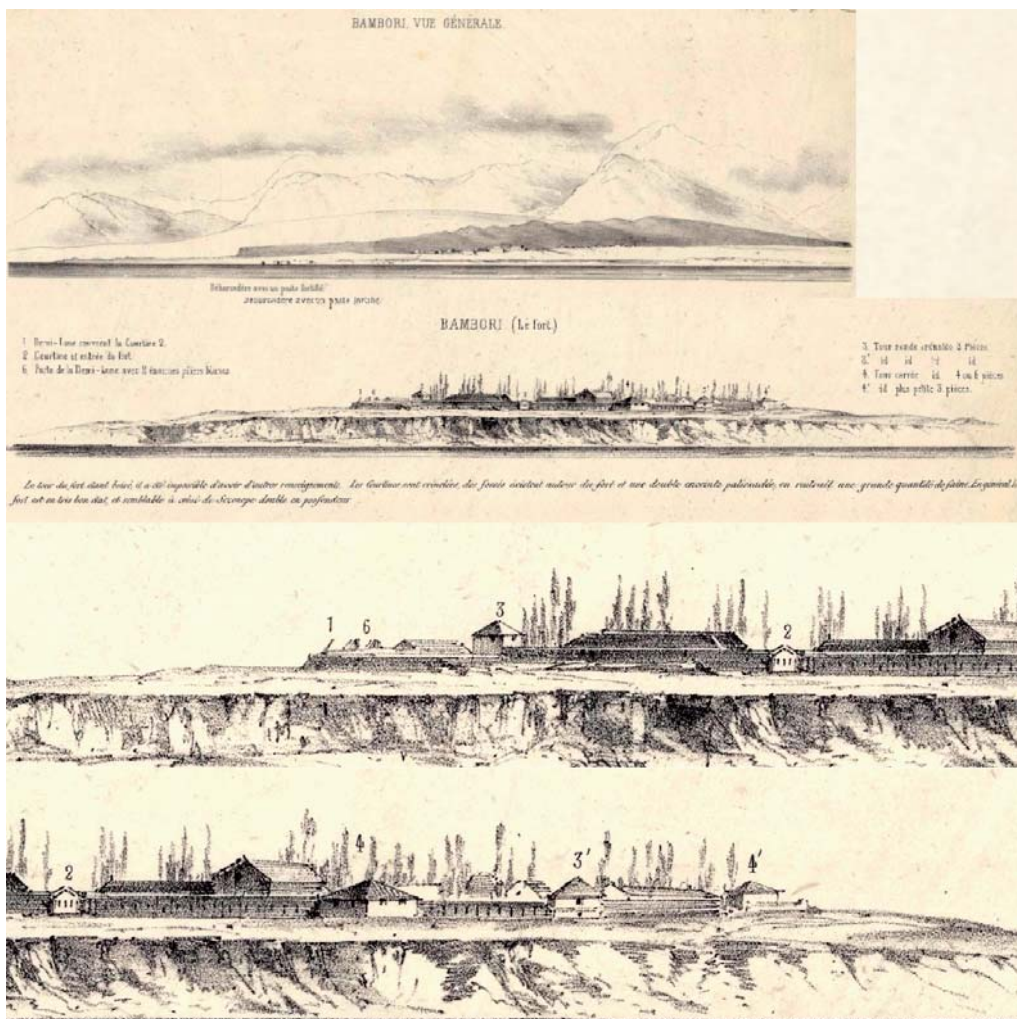

Рис. 3. Форт Бамбора на рисунках Louis Le Breton.

Источник: Lith. par L. Le Breton. 1854. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b530666548> (дата обращения: 08.04.2021).

Следующий важный участок — это поселения, расходящиеся веерообразно от побережья вдоль р. Тамыш и Дгамш с их притоками. На побережье здесь нет известной античной крепости. На данном участке шириной 5 км — впадение р. Чаща—Тамыш—Дгамш локализуется на западе (впадение р. Чаща) — генуэзская крепость Санто-Томасо, на востоке — между р. Тамыш и Дгшамш — большое поселение периода поздней бронзы — Тамышское. Археологические исследования Тамышского городища проводились в последние годы перед грузино-абхазской войной. К сожалению, война прервала эти исследования и уничтожила большую часть коллекций находок, которые хранились в музее, и хранилище на поселении. Тамышское поселение занимает площадь более 10 га, центральная часть памятника возвышается над территорией на 1,5 м. Археологические исследования показали, что древние жилые постройки на площади поселения располагались на невысоких холмах, окаймленных сетью проточных речек, возможно, искусственных каналов. Следы древней протоки сохранились у восточного края поселения, которая вливается, образуя рукав, в устье р. Тамыш. Считается, что поселение прекратило свое существование за 100 лет до появления здесь греческих ко-

лонистов. На западе генуэзская крепость Санто-Томасо стоит на холме на месте впадения небольшой речки Чаща. Полноценных исследований здесь не проводилось. Любая из этих речек — и Чаща, и Тамыш, и Дгамш могли бы быть стоянками для маломерных судов античного периода. Поэтому нам кажется, что отсутствие данных о римских укреплениях на данном участке побережья — лишь следствие малой изученности территории.

Следующим важным пунктом является древний город Гюэнос. Он стоит на левом берегу крупной водной артерии — р. Моквы. Вверх по р. Мокве выстраивается опять цепочка поселений с храмами и оборонительными сооружениями. Отдельно хочется отметить Маркульское городище (рис. 4), на котором проводила исследования наша экспедиция. Несомненно, это памятник не античный, а местного населения. Датируется оно в целом с IV в. до н. э. по XIV в. н. э. Однако показательным является то, что в середине III в. н. э. население здесь поднимается с неукреплённых участков у подножия плато на его вершину и строит оборонительные сооружения с привлечением римских специалистов и технологий (рис. 5) [16]. Здесь же, мы встречаем и один из самых ранних храмов, возведенных в глубине страны (не в приморских римских городах). Его возведение датируется рубежом IV–V в., за 100 лет до официального принятия христианства [17]. Это тоже свидетельствует о тесной связи местных князей с Римом. И однозначно ближайшим пунктом мог быть только Гюэнос. Строительство оборонительных сооружений на городище местного населения — подтвержденный археологией факт. Логично же, что и само античное поселение не могло не иметь в данный период оборонительных сооружений и гарнизона. Исследования на Гюэносском городище, к сожалению, крайне фрагментарны. Небольшие раскопки на месте строительства морского порта проводились в 1936–1937 гг. археологами Л. Н. Соловьевым, М. М. Иващенко и Б. А. Куфтиным, тогда и были выявлены античные слои данного городища. Далее уже

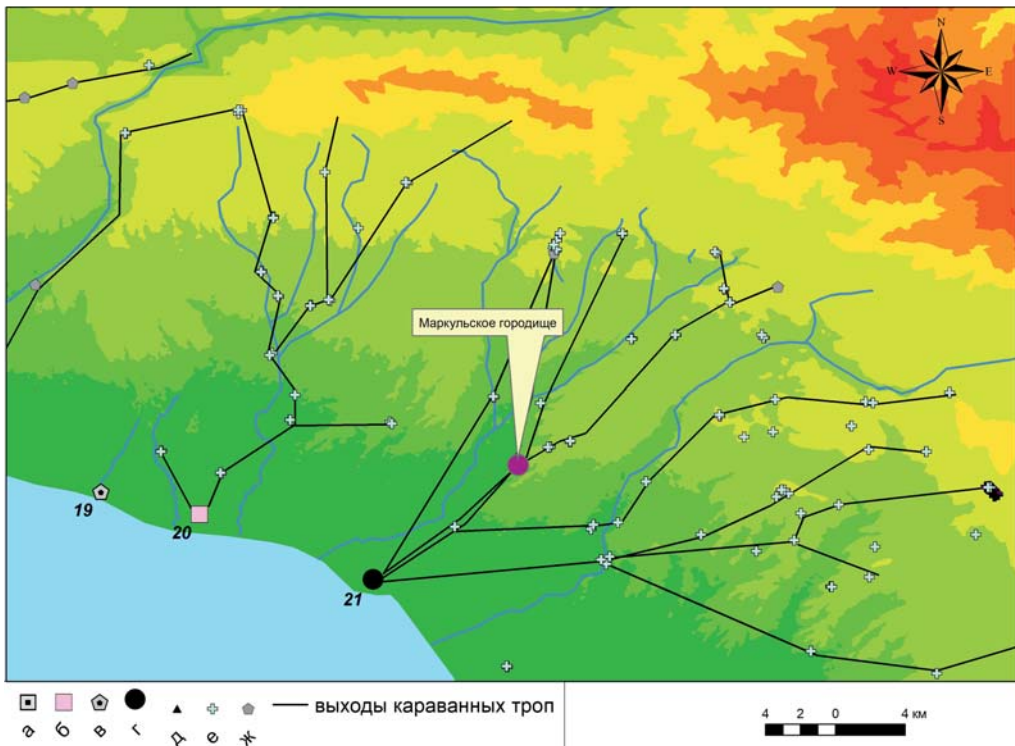

Рис. 4. Местоположение Маркульского городища

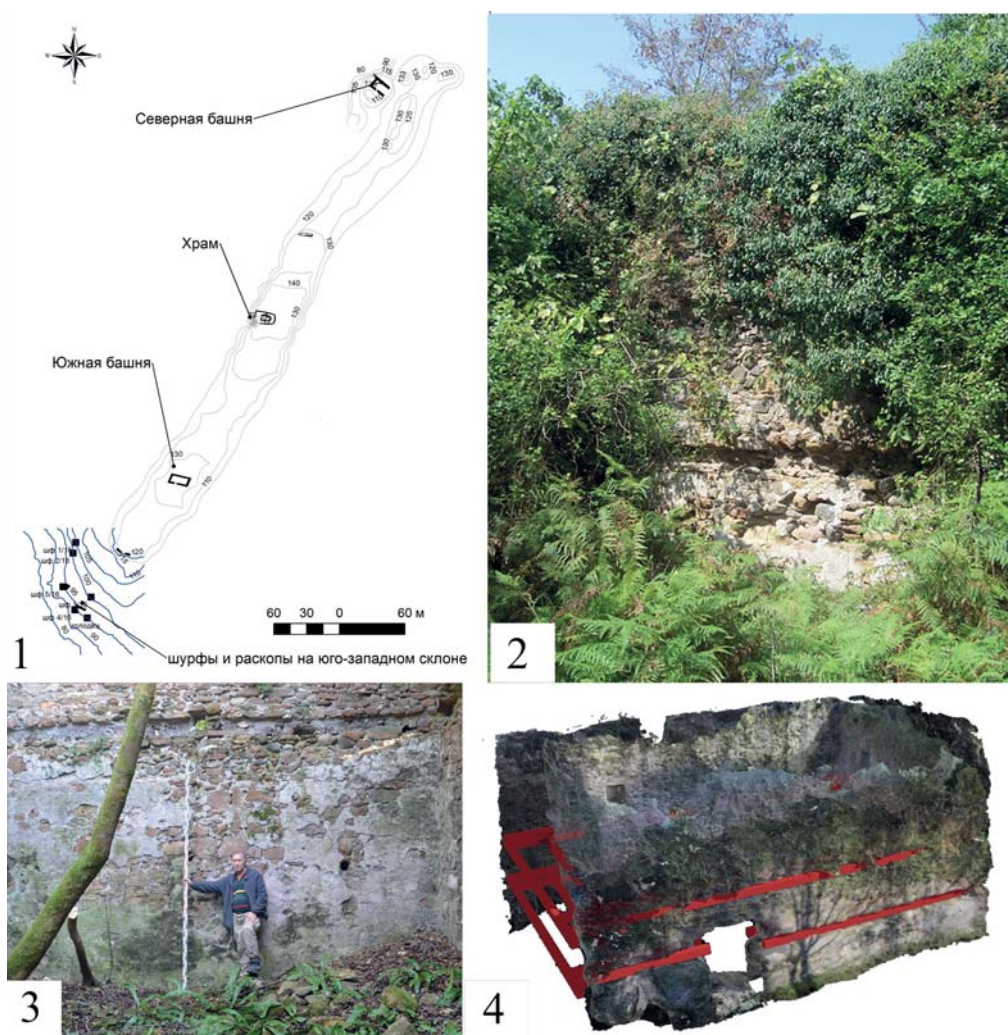

Рис. 5. Южная башня Маркульского городища, построенная в римской технике: 1 — башня на схеме городища, 2 — фото башни снаружи, 3 — фото башни внутри, 4 — фотограмметрическая модель башни с реконструкцией обвязывающих балок

в 1980-х гг. экспедиция Абхазского института языка, литературы и истории им Д. И. Гулиа Академии наук ГрузССР (ныне Абхазский институт гуманитарных исследований им Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии) проводили здесь работы под руководством С. М. Шамба. Важнейшим открытием этих раскопок стала базилика VI в. Городище находится на трех холмах, расположенных вдоль береговой линии, раскопкам подвергся центральный холм [10]. В 2019 г. раскопки на городище возобновила совместная экспедиция ИА РАН и Абхазского государственного музея под руководством А. Ю. Скакова и А. И. Джопуа, но работы данной экспедиции пока тоже сосредоточены в основном в районе базилики, поэтому открытие укреплений здесь — это еще вопрос будущего. Но по всей логике их не могло тут не быть.

Восточнее городища Гюэнос памятников до самого Ингура по побережью пока не обнаружено, за исключением Илорского храма и святилища. Большое количество поселений здесь наблюдается в предгорной части, но вот выходов к побережью пока не найдено. Не исключено, что это просто следствие малой изученности территории,

хотя, возможно, влияли и иные факторы. Данный вопрос ещё предстоит исследовать, а вот вдоль р. Ингур существует цепь храмов и укреплений. На левом берегу р. Ингур располагается крепость Анаклия — торговая фактория и порт Османской Империи. Каких-либо данных об археологических работах на ней нам пока обнаружить не удалось, но, учитывая ее местоположение, очень логично, что она могла быть расположена на остатках античных укреплений. С учётом того, что крепость Анаклия расположена уже не на территории Абхазии, а на территории Грузии и что у нас нет данных о разведках и историко-культурном ландшафте, мы не можем делать предположения о том, какие еще укрепления могли быть между Анаклией и подтверждённой раскопками римской крепостью Апсар. Но расстояния между этими укреплениями таково, что однозначно они должны были бы здесь быть. Но их обнаружение — вопрос будущего.

Список литературы

1. Аргун А. В. Историческая география Северо-Восточного Причерноморья по данным античных периплов Флавия Арриана и Псевдо-Арриана // Международная научная конференция, посвящённая 100-летию З. В. Анчабадзе. — Сухум : АГУ, АБИГИ, 2020. — С. 207–225.
2. Бонин А. В. Мелешко Б. В. Башня близ п. Архило-Осиповка — восточный рубеж Боспорского царства \\ СУМВОЛА. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие открытия и находки. — Вып. 1. — М. — Киев, 2010. — С. 26–27.
3. Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии / Абхаз. совет Груз. о-ва охраны памятников культуры. — Сухуми : Алашара, 1969. — 94 с.
4. Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. — Краснодар, 1979. — 125 с.
5. Зубов П. П. Картина Кавказского края, 1823. I. Народ Адехе или Черкесы Закубанские. — URL: http://drevlit.ru/docs/kavkaz/XIX/1820-1840/Zubov_P_P/text31.php (дата обращения: 08.04.2021).
6. Иванчик А. И., Белинский А. Б. Археологические исследования в устье р.Кодор: античная Диоскуриада? — Доклад, прочитанный на Всероссийской научной конференции Археологические исследования в России: новые материалы и интерпретации 11.03.2021–12.03.2021. — URL: Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=cmic9FB9vB0> (дата обращения: 08.04.2021).
7. Канделаки Д. А. Гагрская крепость Абаата // Лавровский сборник: Материалы XXXVIII и XXXIX Среднеазиатско-Кавказских чтений 2014–2015 гг.: Этнология, история, археология, культурология. — СПб., 2015. — URL: http://apsnyteka.org/file/kandelaki_d_gagrskaja_krepost_abaata.pdf (дата обращения: 08.01.2021).
8. Кигурадзе Н. Ш., Лордкипанидзе Г. А., Тодуа Т. Т. Клейма XV легиона из Пицундского городища // Вестн. древней истории. — 1987. — № 2. — С. 88–92.
9. Кизилов А. С., Глазов К. А., Кудин М. И. К вопросу об античной датировке древней крепости в центре города Сочи // VII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа : материалы междунар. археол. конф. — Краснодар, 2017. — С. 113–121.
10. Кобахия Б. С., Хрушкова Л. Г., Шамба С. М. Новая раннехристианская церковь на городище Гюэнос (Абахзия) // Вестн. древней истории. — 1987. — № 1. — С. 126–146.
11. Кудрявцев К. Д. Сборник материалов по истории Абхазии Сухум: издание Наркомпроса ССР Абхазии, 1926 (на обложке — 1922). — URL: <http://apsnyteka.org/179-kudriavtsev.html#5> (дата обращения: 08.04.2021).
12. Латышев В. В. Эпиграфические новости из южной России. Находки 1907 года // Известия императорской археологической комиссии (ИАК). — Вып. 27. — СПб., 1908. — С. 15–41.
13. Леквинадзе В. А. «Понтийский лимес» // Вестн. древней истории. — 1969. — № 2. — С. 75–93
14. Ломоури Н. Ю. К выяснению некоторых сведений Notitia Dignitatum и вопрос о так называемом понтийском лимесе // Византийский временник. — 1986. — Т. 46. — С. 59–74.
15. Монпере Ф. Д. Путешествие вокруг Кавказа: у черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму. — Сухум и: АБГИЗ, 1937. — 180 с.
16. Требелева Г. В., Кизилов А. С., Глазов К. А., Хондзия З. Г., Юрков Г. Ю. Оборонительные сооружения Маркульского городища. К вопросу датировки // Краткие сообщения института археологии. — 2019. — Вып. 256. — С. 230–239.
17. Требелева Г. В., Сакания С. М., Шведчикова Т. Ю., Япрынцева А. Д. К проблеме датировки погребений из некрополя Маркульского городища при храме (Абхазия, IV–XIV века): на основе анализа инвентаря, украшений, а также корреляции инвентарных и безынвентарных погребений, их стратиграфии и анализов изотопов // Вещь в контексте погребального обряда : материалы междунар. науч. конф. — М., 2020. — С. С. 242–250.
18. Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье в византийскую эпоху. История. Архитектура. Археология. — М.; Калининград : ИД РОС-ДЮАФК, 2018. — 480 с.
19. Le Breton, L. Lithographe [Panoramas, vues et plans de villes et forts russes de la mer Noire] / Lith. par L. Le Breton. — 1854. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b530666548> (дата обращения: 08.04.2021).

Сведения об авторах

Г. В. Требелева, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН. Москва, Россия. *trgv@mail.ru*

А. С. Кизилов, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник ФГБУН «Самарский научный центр РАН». Самара, Россия. *kiziloff2014@mail.ru*

ONCE AGAIN TO THE QUESTION OF THE "PONTIC LIMES", OR ABOUT THE GEOGRAPHICAL AND GEOPOLITICAL PRINCIPLES OF LOCATION THE ANCIENT FORTIFICATIONS ON BLACK SEA COAST IN ANCIENT TIMES

G. Trebeleva, PhD, Researcher, IA RAS. Moscow, Russia. *trgv@mail.ru*

A. Kizilov, PhD, Senior Researcher, FRC SSC RAS. Samara, Russia. *kiziloff2014@mail.ru*

The question of the existence or absence of the "Pontic Limes" in science is still debatable. The reason for this is the destruction of archaeological sites in their aboveground part due to various factors. This article is devoted to the analysis of geographical and geopolitical principles of the location of Roman fortresses on the coast. During the analysis of the historical and cultural landscape of the territory, it was revealed that all the fortresses are located on the shore of a convenient bay or navigable river and at the exits of caravan trails. Given these principles, the authors make predictions about where else the monuments that have not yet been identified by science could be located.

Key words: *The Black Sea coast of the Caucasus, fortresses, caravan trails, Pontic Limes*

Э. Р. Усманова, В. Н. Фомин

КРАСНЫЙ ЦВЕТ В «АНДРОНОВСКОМ» КОСТЮМЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ: ТЕХНОЛОГИЯ КРАШЕНИЯ

(по материалам памятников Лисаковской округи)¹

Исследован химический анализ фрагментов плетеного текстиля из погребений алакульской культуры могильника Лисаковский. Были выделены три основных красителя марены *Rubia tinctorium*. В качестве квасцов использовались алюминиевые и железные протравы. Это свидетельствует о высоком качестве технологии крашения. По всей видимости, плетеный текстиль и красители были местного происхождения. Текстиль был окрашен во все оттенки красного цвета. Ремесло красильщика требовало знаний ботаники, химии и оформилось в «андроновском» обществе. Его появление указывает на успехи технологий II тыс. до н. э.

Ключевые слова: плетеный текстиль, марена красильная, квасцы, красный цвет, ремесло красильщика.

Посвящается Валерию Платоновичу ГОЛИКОВУ (1938–2018), кандидату биологических наук, эксперту в области исторических и традиционных технологий.

Я счастлив, что я красный! Цвет — это прикосновение глаза, слова, звучание в темноте. Тысячи лет я слушаю, как разговаривают души, и потому смею утверждать, что коснуться меня — всё равно, что коснуться ангела. Я виден везде. Жизнь начинается со мной и возвращается ко мне. Я раскрашиваю мир и говорю ему: «Будь!» И он становится моего — кровавого — цвета.

Орхан Памук. *Меня зовут красный*

Вместо вступления

Какого цвета были одежды людей эпохи бронзы? Древним минойцам повезло — фрески, фигурки, керамика представляют их изображения в одеждах с дивными оттенками разных цветов. Одежда людей культур степной бронзы не донесла до нас своей цветовой гаммы прежде всего по причине плохой сохранности текстиля. Редкая удача, когда археологи обнаруживают фрагменты текстиля в погребениях степной бронзы. Впервые фрагменты шерстяных тканей и изделий из андроновских погребений Сибири были описаны Г. П. Сосновским [11, с. 92–96]. Характер текстиля в изделиях был разным: от полосок плетеной тесьмы до фрагментов ткани. Сравнительно хорошая сохранность археологизированного текстиля позволила восстановить фасон головного убора (тесьма, уложенная спиралью в конус шапочки) и некоторые детали платья (обшлаг рукава). По мнению исследователя, фрагменты изделий были окрашены в красный цвет натуральным растительным красителем — крапшом.

Химический анализ фрагментов текстиля из алакульских погребений памятников Лисаковской округи (Костанайская область, Казахстан) позволил заговорить о красном

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта АР09261083 «Транскультурные коммуникации в эпоху поздней бронзы (Западная Сибирь — Казахстан — Центральная Азия)» Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан.

цвете, как о главном в одежде «андроновцев». Благодаря анализу, проведенному В. П. Голиковым (канд. биол. наук, Институт наследия им. Д. С. Лихачева), удалось выделить основные растительные красители из фрагментов плетеного текстиля, принадлежащие женскому головному убору и кафтану/жилету (?). По всей видимости, это было первое профессиональное биолого-химическое исследование на предмет содержания красящегося вещества в «андроновском» текстиле, найденном в алакульских погребениях казахстанских степей. Совместная работа В. П. Голикова и О. В. Орфинской (канд. ист. наук, специалист по историческому текстилю, Институт наследия им. Д. С. Лихачева) по фрагментам плетеного текстиля из алакульских женских погребений Лисаковской округи продемонстрировала использование природных местных ресурсов в изготовлении изделий одежды мастерами сообщества эпохи бронзы [6, с. 114–124].

Изучались образцы плетеной тесьмы, из которой были изготовлены детали женского костюма: головной убор и кафтан/жилет (?) из могильников Лисаковский I, II. Характеристика волокон текстильных образцов указывает на то, что в ткачестве использовалась тонкорунная овечья шерсть очень хорошего качества [6, с. 114–118].

О технологии крашения «андроновского» текстиля

Обычно шерсть окрашивается после прядения. Но в случае «лисаковского» текстиля окрас происходил до процесса прядения в форме сырья. Обнаружено три основных красителя марены *Rubia tinctorium*, или другой разновидности марены из рода *Rubia*, или подмаренников из рода *Galium*: псевдопурпурин, пурпурин, ализарин [6, с. 124, табл. 4].

Крапп — один из древнейших растительных красителей, добываемых из корней Марены красильной (*Rubia tinctorium* L.). Красящими веществами краппа являются ализарин и пурпурин [7, с. 590]. Мареной красили ткани в Древнем Египте, Китае, Персии, Средней Азии, в раннесредневековой Франции, Британии, Скандинавии [10].

Очевидно, что «андроновцы» знали свойство растений семейства мареновых окрашивать волокна в красный цвет. Видимо, существовала вне зависимости от районирования единая традиция присутствия красного цвета в полотне костюма культур андроновской общности. Примечательно, что мареной окрашивались сырье/пряжа на достаточно большой территории распространения культур андроновской общности. Если предположить, что у «андроновцев» красильное сырье было предметом импорта, то каким образом оно могло распространяться на столь обширной территории: от Южного Урала через казахстанские степи до Минусинской котловины?!

Марена красильная (*Rubia tinctorium* L.) произрастает в Европе, Средней Азии, Средиземноморье, Иране, Индо-Гималайском регионе, Китае [7, с. 590]. Марена для крашения «андроновского» текстиля не могла доставляться из средиземноморских стран или стран Древнего Востока, тогда бы существовали и другие материальные свидетельства контактов с ними.

Скорее всего, использовались местные виды марены и подмаренников, которые росли в районах проживания. Род Марена (*Rubia*) в Казахстане известен восемью видами. В Казахстане широко распространен вид Подмаренник казахстанский (*Galium kasachstanicum*) семейства Мареновые (*Rubiaceae*) [14]. Род Подмаренник (*Galium*) в Казахстане имеет 25 видов. В Тобол-Ишимском междуречье встречаются десять его видов [12, с. 125]. Самые распространенные два вида — Марена Крашенинникова (*Rubia Krascheninnikovii*), Марена татарская — (*Rubia tatarica*). В случае фрагментов плетеной тесьмы из погребений могильника Лисаковский шерсть окрашивалась в виде сырья до прядения нитей и изготовления изделия, что подтверждает местное происхождения текстиля с использованием местных красильных растений.

Применение современных методов физико-химического анализа позволяет дополнительно подтвердить выводы В. П. Голикова о природе красильного вещества во фрагментах шерстяной тесьмы из могильника Лисаковский I.

Экспериментальная часть. Для проверки наличия ализарина проведено сравнение окрашенного фрагмента тесьмы с образцом ализарина (химический синтезированный краситель) и аптечным экстрактом Марены красильной (*Rubiae tinctorum extract*). Анализ проводился при следующих условиях: колонка Promosil C18 (4,6×150 мм, 5 мкм, “Agela Technologies”, China), элюент — ацетонитрил: вода (3:1), изократический режим, скорость потока 0,2 мл/мин, объем вводимой пробы 20 мкл. Использовался жидкостной хроматограф Shimadzu LC-20A Prominence (Япония) и спектрофотометрический детектор Shimadzu SPD-20AV (Япония), характеризующийся высоким уровнем чувствительности ($0,5 \times 10^{-5}$ абс. ед.), при длине волны 328 нм.

Пробы готовились растворением 1 мг ализарина или экстракцией 25 мг соответствующего образца в 50 мл смеси ацетонитрил: вода (3:1) с добавлением 1 мл трифторуксусной кислоты. Хроматограмма демонстрирует совпадение времен удержания аналитических сигналов исследуемых образцов и образца сравнения (синтетического ализарина) в интервале 6–7 мин.

На основании анализа хроматограммы можно заключить, что в составе красителя фрагмента плетеного текстиля и экстракта Марены красильной содержится ализарин, а это указывает на возможность использования при крашении разновидности марены из рода *Rubia*, или подмаренников из рода *Galium*. К сожалению, значительная химическая деградация красящей субстанции исторического образца и его ограниченное количество затрудняют возможность видовой идентификации растения [9, с. 51–55].

Крашение мареной — сложный химический процесс, который невозможен без применения протрав — квасцов, помогающих закреплять природный краситель на волокнах. Обычно это соли металлов; наиболее распространенные из них — алюмоаммонийные, алюмокалиевые, железоаммонийные глиноземные протравы. Квасцы помогают варьировать цветовую колористику. В «лисаковских» текстильных образцах, окрашенных мареной, в качестве протравных катионов обнаружены алюминий и железо. Это означает, что авторский колорит мог быть и чисто красным (для алюминиевых протрав) и красновато-коричневым (для железных протрав). При этом преобладают протравные, а не прямые красители. Это свидетельствует о высоком качестве технологии крашения [6, с. 114–118]. В результате плетёный текстиль мог иметь все оттенки красного: от темно-красного до розового. Такую цветовую гамму имел кафтан/жилет, изготовленный из трех слоев плетеного и тканого на дощечках текстиля, фрагменты которого были обнаружены в погребении могильника Лисаковский II [6, с. 118]. Дизайнерское решение по колористике «андроновского» женского костюма (головной убор, кафтан/жилет) представляло все оттенки красного.

NB. Известные современные месторождения бокситных (Айетское) и железорудных руд (Соколово-Сарбайское) находятся в Костанайской области [8]. Различные глины, содержащие окислы алюминия и железа, распространены на территории местонахождения могильников эпохи бронзы Лисаковской округи (устная консультация П. Н. Блинова, главного маркшейдера АО «Алюминий Казахстан», 03.04.2021). В разрезе береговой линии Тобола хорошо видны залежи цветных глин, некоторые виды которых могли использоваться в процессе квасцевания при крашении.

«Андроновский» красильщик: реконструкция образа

Повторимся, что крашение — сложный и многоэтапный процесс. Красильщику нужно знать травяной покров дикорастущих растений, их красильные свойства. Собрать, высушить, обработать, измельчить растительное сырье для крашения. Приготовить красильный раствор определенной температуры с учетом пропорций и рецептуры, которая могла быть произвольной. И, конечно, знать все тонкости квасцевания, от чего зависела цветовая гамма того, что подлежало окраске. Возможно, что крашение и закрепление краски на волокнах происходили одновременно в красильном растворе

(такой способ был распространен в красильном деле) [10]. И конечно, нужна была емкость для красильного раствора.

На основании находок керамики в погребениях и поселении эпохи бронзы Лисаковской округи пока не представляется говорить о том, в какой емкости могло происходить крашение. Может быть, это были глиняные чаны, вкопанные в землю, которые когда-нибудь предстоит найти на берегу р. Тобол. Чистая, мягкая и проточная речная вода была необходимым условием для приготовления красильного раствора.

В коллекции керамики есть сосуд из погребения (могильник Лисаковский I, ограда 24, погребение 1) со следами красителя темно-красного цвета внутри придонной части. При этом внешние стенки не имеют следов нагара. Видимо, в нем хранился какой-то красильный раствор. По предварительному заключению, образец глиняной крошки, соскобленный со стенок сосуда, не содержит включений красильных веществ природного минерального или растительного происхождения (рис. 1, 2). Хотя вопрос о марене красильной, раствор которой мог храниться в сосуде, остается открытым до полного физико-химического анализа его придонной части (устное сообщение реставратора Т. Н. Крупы, Павлодарский педагогический университет, Margulan Centre, 04.03.2021).

Таким образом, выражаясь современным языком, «андроновский» красильщик должен быть ботаником, заготовителем, химиком, знатоком свойств текстиля и цветового кода, принятого в культуре сообщества. Рецепт крашения, скорее всего, была расплывчатой и носила характер устной передачи. Подобные знания формируются, по всей видимости, в течение времени и передавались из поколения в поколение, отвечая за уровень мастерства. Цветовой код «андроновской» одежды эпохи бронзы находился в руках красильщика, что придавало особый статус мастеру в архаичном обществе. И вероятно, в «андроновском» обществе существовал своего рода красильный промысел с группой мастеров, обладающих навыками крашения.

Рис. 2. Сосуд со следами красильного раствора (?) и измельчённые корни Марены красильной. Могильник Лисаковский I, ограда 24, погребение 1. Фото Э. Р. Усмановой

Рис. 1. Сосуд со следами красильного раствора (?). Могильник Лисаковский I, ограда 24, погребение 1. Фото Э. Р. Усмановой

Рецептура крашения, скорее всего, была расплывчатой и носила характер устной передачи. Подобные знания формировались, по всей видимости, в течение времени и передавались из поколения в поколение, отвечая за уровень мастерства. Цветовой код «андроновской» одежды эпохи бронзы находился в руках красильщика, что придавало особый статус мастеру в архаичном обществе. И вероятно, в «андроновском» обществе существовал своего рода красильный промысел с группой мастеров, обладающих навыками крашения.

NB. Значение красного цвета в одежде определяется его глобальной символикой, знаковый ряд которой состоит из жизненно важных компонентов. Это прежде всего цвет крови и жизни, цвет плодородия. Цвет, дающий жизнь. Отсюда следует его главная функция — быть оберегом. Присутствие красного цвета в одежде отвечает этой магической функции. Одежда красной

колористики, в особенности ритуальная, свадебная, призвана оберегать, охранять своего носителя. Наличие красного цвета в традиционном costume сохранилась до этнографической современности у разных народов [3; 5].

По всей видимости, красный цвет из-за такой значимой культовой символики был первым цветом, который человек выделил в своей одежде. И нашел способ окраски пряжи, текстиля в красный, используя, в зависимости от места обитания, красильные вещества природного происхождения: красильные растения, кошенильный червец, морские моллюски, минеральные красители. С изобретением химических анилиновых красителей в середине XIX в. натуральные красители постепенно утрачивают свое значение в крашении и сохраняются в этнографической традиции costume.

«Андроновский» красильщик, по всей видимости, имел отношение к ремеслу, которое входило в систему, связанную с сакральными представлениями. Ему принадлежали знания о магии появления красного цвета на волокнах, им окрашиваемых. «Создавая те или иные вещи, человек, обладающий тайнами ремесла, полученными от мифологического персонажа, как бы повторял те операции, которые во времена первотворения были под силу только божественным творцам Вселенной. <...> Тем самым деятельность ремесленника имела не столько утилитарный, сколько космологический смысл. Не случайно у многих народов кузнецы, ткачи и другие составляли особые, высшие касты с четко выраженной ритуальной функцией» [1, с. 13, 14].

Социальная фигура красильщика сохранила магическую характеристику вплоть до средневековья. Его «нечестивое ремесло» было сродни алхимии. Цеха красильщиков чаще всего находились вне городской черты. Это было связано не только с производственной необходимостью, но со скрытым табуированием в демонстрации отношений с ремесленниками-красильщиками [4].

В современном Перу традиционное занятие ткачеством, неразделимое от мастерства красильщика, сохраняет всю архаику ремесла, которое приобрело особую популярность в связи с возросшим интересом к культуре потомков древних инков и демонстрируется в виде мастер-класса для туристов. Одному из авторов статьи (Э. Р. Усманова) посчастливилось наблюдать в городе ткачей Чинчеро весь процесс от крашения пряжи до изготовления полотна, который является по своей сути реконструкцией древнего ремесла ткача и красильщика (рис. 3).

Рис. 3. Ткачихи. г. Чинчеро, Перу. Фото Э. Р. Усмановой

Рис. 4. «Андровская ткачиха». Автор идеи: Э. Р. Усманова. Музей истории города Алматы.
Фото Э. Р. Усмановой

И в какой-то степени мог соответствовать «андроновскому» способу крашения и ткачеству, за исключением использования красителя (рис. 4). Местный перуанский способ получения красного цвета — это кармин, производимый от насекомого кошениль.

Заключение

Скорее всего, ремесло красильщика существовало в «андроновском обществе» в эпоху бронзы. Ремесло, которое требовало специализированных знаний ботаники, химии. По всей видимости, можно говорить о наличии группы мастеров-красильщиков, которая входила в группу ремесел-демиургов. «Первоначально демиургом называли всякого человека, работающего для людей, будь то ремесленник или должностное лицо, исполняющее определённые общественные обязанности. Поскольку для успешного выполнения работы требовалось наличие мастерства или искусства, со временем демиургом стали называть мастера, знатока в своём деле. В более широком смысле демиургом назывался любой создатель чего-либо» [13].

Красильщик — занятие архаичное. Недавно были опубликованы результаты исследования по крашению самого древнего в мире пазырыкского ковра. Сотканный более двух тысячелетий назад, он сохранил всю свою яркую палитру красок до сегодняшних дней. На основании сравнительного анализа установлено, что шерстяные волокна ковра содержали ализарин — краситель из корней марены красильной (*Rubia tinctorum*) в комплексе с протравой из алюмокалиевых квасцов. Шерсть перед окрашиванием была ферментирована. Такая технология обеспечила долговечность всех оттенков красного цвета ворсового покрова ковра [15].

Конечно, это смелый вывод. Но он имеет на основании, поскольку за тысячи лет до создания этого уникального ковра «андроновские» мастера знали химическую реакцию крашения текстиля во все оттенки красного на основе корней марены и алюминий/железосодержащих квасцов. Сама природная среда степи способствовала появлению и усовершенствованию знаний по крашению.

Когда и в каком месте зародилась технология крашения корнями марены, сказать трудно. Территория произрастания этого растения весьма обширна. Возможно, откры-

тие красильных способностей марены произошло в нескольких местах одновременно. Не последнюю роль в распространении разных передовых технологий сыграл мобильный характер культур эпохи бронзы, особенно в Карпато-Дунайском и Волго-Уральском очагах культурогенеза [2, с. 52–54].

Благодаря биолого-химическому анализу фрагментов плетеного текстиля из погребений алакульской культуры могильников Лисаковской округи можно говорить о состоявшемся ремесле красильщика в среде местного «андроновского» сообщества. Оно может быть поставлено в один ряд с известными в эпоху бронзы ремеслами демиургов — металлурга, кузнеца, горшечника, ткача, которые сделали узнаваемым предметный мир культур степной бронзы. «Андроновский» красильщик подарил одеждам магический цвет красного, цвет жизни и плодородия, и, значит, пожелание жить долго и счастливо.

Список литературы

1. Байбурин А. К. Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. — Л., 1990. — С. 3–17.
2. Бочкарев В. С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. — СПб. : Инфо Ол, 2010. — 231 с.
3. Биновша Н. Традиционный костюм Самаркандских женщин конца XIX–XX вв. [Электронный ресурс] // Традиционный костюм Средней Азии. Книга хана. — URL: <https://kitabhona.org.ua/forums/viewtopic.php?t=25> (дата обращения: 04.04.2021).
4. Гук Д. Красильщики: социальная история нечестивого ремесла [Электронный ресурс] // Formosa Historia. — URL: https://vk.com/@formosa_historia-krasilschiki-socialnaya-istoriya-nechestivogo-remesla (дата обращения: 04.04.2021).
5. Гюль Э. Узбекские традиции колористики в художественном текстиле [Электронный ресурс] // Наследие мастеров. — URL: [https://uzor.uz/narodnie-gamesla/\(kani-i-material/uzbekskie-tradicii-koloristiki-v-hudozhestvennom-tekstile/?fbclid=IwAR1ZpIlhvblqRgvnJbYk6O9U7fcAQ6emS5oSh6Sxs4IvGyO7T0CZNW4_vTg](https://uzor.uz/narodnie-gamesla/(kani-i-material/uzbekskie-tradicii-koloristiki-v-hudozhestvennom-tekstile/?fbclid=IwAR1ZpIlhvblqRgvnJbYk6O9U7fcAQ6emS5oSh6Sxs4IvGyO7T0CZNW4_vTg) (дата обращения: 04.04.2021).
6. Орфинская О. В., Голиков В. П. Экспериментальное исследование текстильных изделий из раскопок могильника Лисаковский II // Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций / Приложение 1. — Караганда ; Лисаковск, 2010. — С. 114–124.
7. Полосьяк Н. В., Баркова Л. Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н. э.). — Новосибирск : ИНФОЛИО, 2005. — 232 с.
8. Рудные полезные ископаемые Казахстана [Электронный ресурс] // География Казахстана. — URL: <https://moxnprn.ru/kazakhstan/46-rudnye-poleznye-iskopaemye-kazaxstana.html> (дата обращения: 04.04.2021).
9. Садырбеков Д. Т., Усманова Э. Р., Айнабаев А. А., Даулетхан Асанович Кайкенов Д. А., Фомин В. Н. Изучение природы красящего вещества из памятника алакульской культуры методом ВЭЖХ // Естественные науки и медицина: теория и практика : сб. материалов конф. — Новосибирск, 2019. — С. 51–55.
10. Семечкина Е. В. Реставрация тканей [Электронный ресурс] // Крашение текстильных материалов : метод. рекоменд. М. : ВХНПЦ, 1990. — URL: https://vk.com/topic-4171337_35594326 (дата обращения: 04.04.2021).
11. Сосновский Г. П. Древнейшие шерстяные ткани Сибири // Проблемы истории докапиталистических обществ. — 1934. — № 2. — С. 92–96
12. Флора Казахстана. — Алма-Ата : АН КазССР, 1965. — 466 с.
13. Демиург [Электронный ресурс] // Википедия. — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Демиург> (дата обращения: 04.04.2021).
14. Подмаренник казахстанский [Электронный ресурс] // Википедия. — URL: https://wiki2.org/ru/Подмаренник_казахстанский (дата обращения: 04.04.2021).
15. Späth A., Meyer M., Huthwelker T., et al. 2X-ray microscopy reveals the outstanding craftsmanship of Siberian Iron Age textile dyers // Nature. — 2021. — Iss.11. 5141

Сведения об авторах

- Э. Р. Усманова**, научный сотрудник, Сарыаркинский археологический институт, Карагандинский университет им. академика Е. А. Букетова. Караганда, Казахстан. emmadervish2004@mail.ru
- В. Н. Фомин**, кандидат химических наук, руководитель лаборатории «Физико-химические методы исследования», Карагандинский университет им. академика Е. А. Букетова. Караганда, Казахстан. vitfomin@mail.ru

RED COLOR IN THE "ANDRONOVO" COSTUME OF THE BRONZE AGE: TECHNOLOGY OF DYEING (BASED ON THE MATERIALS OF THE LISAKOVSK SITE)

E. R. Usmanova, Research Associate, Saryarka Archaeological Institute, Buketov Karaganda State University, Karaganda, Kazakhstan. *emmadervish2004@mail.ru*

V. N. Fomin, Candidate of Chemical Sciences, Head of the Laboratory "Physical and Chemical Research Methods», Buketov Karaganda State University, Karaganda, Kazakhstan. *vitfomin@mail.ru*

The article is dedicated to the chemical analysis of fragments of woven textiles of the Alakul culture of the Lisakovsk burial site. Three main dyes of *Rubia tinctorium* were identified. Aluminum and iron mordants were used as alum. This indicates the high quality of the dyeing technology. Apparently, the woven textiles and dyes were of local origin. The textiles were dyed in all shades of red. The craft of the dyer required knowledge of botany, chemistry. It was formed in the "Andronovo" society. Its appearance indicates the success of technology in the II mill. BC.

Key words: *woven textiles, madder dye, alum, red color, dyer's craft.*

А. Х. Гильмитдинова

О ПОНЯТИЙНОМ АППАРАТЕ ПРИ РЕКОНСТРУКЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ¹

Любое исследование, связанное с реконструкцией социальной структуры древних обществ, в первую очередь предполагает обращение к специальной терминологии. На настоящий момент одной из общетеоретических проблем палеосоциологического направления является отсутствие единого понятийного аппарата в современной археологической литературе. В большинстве случаев расхождения заключаются в разном понимании исследователями смысла употребляемых терминов. Тем временем унификация понятий, необходимых для реконструкций древнего общества, до сих пор актуальна. В статье рассматриваются и обсуждаются наиболее корректные термины для обозначения «социальной верхушки» обществ ранних кочевников Южного Урала.

Ключевые слова: Южный Урал, ранние кочевники, социальная дифференциация, термины, историография.

О неоднородном составе населения ранних кочевников Южного Урала в аспекте статусности и положения в обществе известно еще из исследования М. И. Ростовцева, по мнению которого, курганы в оренбургских степях были оставлены конными наездниками иранского происхождения, являющимися господствующим классом населения в классическую эпоху [21]. Примерно с этого момента в научных работах начали появляться определения, обозначающие социальное неравенство в обществе ранних кочевников. Таким образом, в отечественной археологической литературе на протяжении уже более века развивается и активно используется специальная терминология, характеризующая степень социально-экономического и социально-политического развития древних обществ.

Наиболее распространенными понятиями, соответствующими по смыслу определениям, которые обозначают неравенство в древнем обществе, являются «социальная стратификация» и «социальная дифференциация».

Социальная стратификация — это разделение совокупности населения на отдельные группы в определенном иерархическом порядке. Она отражает существующее в обществе ранжирование обязанностей, прав, власти и привилегий. Базисом стратификации общества выступает неравенство, отражающее в научном смысле такие условия, при которых разные группы или индивиды имеют неодинаковый доступ к власти, богатству или престижу [4, с. 40–41].

Под социальной дифференциацией понимаются любые формы социального неравенства и расслоения, включающие в себя статусные, ранговые, сословные и др. [25, с. 183]. Нередко при работе с археологическими данными и при отсутствии иных источников

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ-Челябинск в рамках научного проекта № 20-49-740005.

исследования сложно определить, какой тип социального неравенства лежал в основе рассматриваемого общества. Поэтому данное понятие является наиболее предпочтительным, особенно при реконструкции социальной структуры древнего населения, погребальный обряд которого является единственным источником изучения.

В связи с необходимостью исследования социальной дифференциации в древних обществах к одним из первых этапов изучения следует относить определение специального понятийного аппарата для более ясного понимания других исследователей.

Унификация терминов нередко представляет собой непростую задачу. В большинстве случаев разногласия заключаются в разном понимании смысла употребляемых исследователями специализированных терминов. На данный момент проблема применения единых понятий в контексте палеосоциальных исследований до сих пор остается актуальной.

Известно, что изучение элитных погребальных памятников имеет большое значение при реконструкции социальной структуры древнего общества. Благодаря исследованию «богатых» захоронений становится возможным не только рассмотрение специфики иерархии изучаемого социума, но и определение места элиты как отдельного социального института, занимаемого ей во внутреннем устройстве социальной структуры.

В археологической литературе активно используется понятие «богатство». Именно «богатство», как правило, рассматривается в качестве основного и объективного критерия социальной дифференциации. «Богатство» могло проявляться по-разному: в уникальной, в соответствии с рассматриваемой культурной традицией, монументальности погребальных сооружений, в обилии предметов инвентаря, в их ценности, в наличии сопровождающих захоронений, специально умерщвленных людей и т. д. [1, с. 155].

К настоящему моменту сложилось несколько способов оценки «богатства» и статуса погребенных. В одних случаях воплощением «богатства» признается погребальный инвентарь, при этом учитывается качество и количество вещей в погребении. В других — «богатство» оценивается не только по количеству, но и по разнообразию сопроводительного инвентаря, а также исходя из определенного способа возведения погребального сооружения. Третий способ оценки «богатства» основывается на предположении, что ценность вещи опосредуется редкостью ее встречаемости [5, с. 234–244]. Таким образом, «богатство» инвентаря в археологических публикациях определяется разнообразием представленных предметов, редко встречаемыми, престижными вещами, самим фактом наличия в погребении вещей, количеством или качеством изделий, найденных в захоронении. Критерии «богатства» погребального инвентаря являются переменной величиной, меняющейся в зависимости от конкретных исторических ситуаций. Универсальные критерии для всех археологических эпох отсутствуют, но методы оценки «богатства» должны быть едиными¹.

В определении значимости инвентаря для реконструкции социальных отношений тоже существует ряд разногласий. Это вопрос скорее о взаимообусловленности имущественного и социального положения индивида в обществе. Одни исследователи считают, что инвентарь является показателем лишь имущественного положения индивидов [3, с. 72–74]. По мнению других — не имущественное расслоение оказывается первоосновой знатности, а наоборот, знатность и привилегированное положение становится предпосылкой богатства [23, с. 7]. Согласно последнему изложению, социальный ранг определялся происхождением, а погребальные обряды отражали именно социальное, а не имущественное положение усопших [14, с. 158–159].

Считается, что на самых ранних этапах развития человеческого общества социальные привилегии были залогом имущественного неравенства. Общественный статус

¹ Подробнее о критериях богатства и маркерах элитных погребений, выделенных специально для памятников ранних кочевников Южного Урала, см.: [8].

каждого индивида и его принадлежность к той или иной социальной группе определялись мерой владения собственностью и занимаемым им местом в иерархии. Этот статус индивида регламентировал в свою очередь отношение к нему общества после смерти в погребальной процедуре [6, с. 132]. Высокое социальное положение и происхождение обеспечивало его обладателю определенные права, преимущества и привилегии в соответствии с его рангом, местом в социальной иерархии, ролью в системе административно-политического управления. Поэтому здесь наблюдается определенная взаимосвязь между социальным и имущественным положением индивида. Ее нельзя рассматривать как жесткую и одностороннюю, не забывая в то же время, что высокий социальный ранг давал право на получение большей доли прибавочного продукта. Поэтому имущественное положение кочевника, определяемое наличием и количеством у него скота, было тесно связано с социальным, так как именно последнее открывало возможность владеть большим количеством скота и другими видами богатства [3, с. 72–74].

А. М. Хазанов отмечал, что имущественное неравенство и социальная дифференциация являются лишь двумя взаимосвязанными сторонами одного явления, а потому и трудно отделимыми друг от друга. Имущественные различия не столько создают, сколько закрепляют наследственное социальное неравенство, когда оно уже существует [25, с. 187]. При этом он одновременно утверждает, что «имущественные различия, отнюдь не всегда постоянные, конечно, могут способствовать социальному продвижению, приобретению высокого социального статуса или ранга и тем самым определенной социальной дифференциации, но сами по себе редко способны превратить ее в устойчивую и наследственную социальную стратификацию» [25, с. 187].

На протяжении длительного времени для обозначения высокого социального статуса в отечественной историографии используют такие понятия, как «царь», «знать», «аристократия», «вождь», «правлящий или господствующий класс», «верхушка общества» и прочие термины, нередко наделенные одинаковой смысловой нагрузкой, в основе которой лежит степень «богатства» погребений [19, с. 89]. Если речь идет об изучении древних памятников, то такая практика, по нашему мнению, представляется не совсем корректной.

Использование конкретных социально детерминирующих определений применительно к обществам, единственным свидетельством существования которых являются лишь остатки материальной культуры, зачастую представленные только погребально-поминальными памятниками, — недопустимо. К тому же обобщение отличных друг от друга терминов может привести к еще большему беспорядку в понятийном аппарате и внести серьезную путаницу при реконструкции социальной структуры. Путаница в понятиях по большей части происходит из-за наличия общих черт между определениями, и для того, чтобы ее избежать, необходимо обозначить ряд отличительных черт для каждого из них.

Традиции использования вышеупомянутых понятий берут свои истоки с начальных этапов анализа античных нарративных источников. Еще В. М. Массон отмечал, что письменные источники древней эпохи отражают народную модель понятий и терминов, в том числе касающихся социальных структур. Для скифской эпохи европейских степей это прежде всего труд Геродота. Его сведения отражают народную модель понятий, сложившуюся в скифской среде. Геродот упоминает о верховном владыке скифов, которого называли «царем». Также в его повествовании неоднократно упоминаются цари, во множественном числе, проводящие совещания [7, IV, 124, 131]. Так, вероятно, называли людей, занимавших следующее ранговое положение после верховного владыки [15, с. 1–2]. Уже исходя из текста Геродота можно зафиксировать его попытки указать на социальное неравенство в скифском обществе.

По результатам изучения археологического материала также существовало стремление выделить в общественной структуре конкретные социальные группы, которые

определялись исследователями как «знать», «аристократия» или «вожди». Однако до определенного момента не происходило никаких конкретных работ по данным понятиям. Элитные группы кочевого общества («князья», «вожди», «знать», «аристократия») долгое время рассматривались исследователями лишь как эксплуататорский класс, что, в свою очередь, не ставило вопросов о необходимости уточнения понятий [10, с. 142].

Опираясь на опыт предшественников, к наиболее часто используемым понятиям, маркирующим высокий социальный статус, можно отнести термины «знать», «аристократия» и «элита» [10, с. 132–140; 16, с. 142–148; 17, с. 137–144; 22].

В толковом словаре русского языка С. И. Ожегова под понятием «знать» понимается «высший слой привилегированного класса». Под «аристократией» — «высший родовитый слой дворянства и привилегированная часть класса или какой-нибудь общественной группы». Определение «элиты» в толковом словаре звучит как «лучшие представители какой-нибудь части общества, группировки» [18]. Собственно уже исходя из содержания определений рассматриваемых понятий, данных в словаре, между ними наблюдается тесное смысловое сходство.

К числу недавних исследований, посвященных анализу интересующего нас набора терминов, входят работы И. А. Мейкшана и П. К. Дашковского. Среди их разработок фиксируются попытки прояснить ситуацию, связанную с применением социально детерминирующих терминов, и приводятся характерные черты для каждой из представленных выше категорий, с определением их места и роли в общественной и политической системах кочевников Центральной Азии пазырыкского и хуннского времени.

Согласно их разработкам «знать», «аристократия» и «элита» имеют свои характерные особенности.

Понятие «знать» вбирает в себя характеристики правящего класса в широком смысле этого слова и вследствие этого отличается обширной смысловой нагрузкой. «Знать», как синоним правящего класса, лишь разделяет социальное пространство на управляющих и управляемых, не внося каких-либо внутренних дифференциаций. Представители знати занимают промежуточное место между низшими слоями общества и его элитой [16, с. 143].

Особенность понятия «аристократия» заключается в том, что термин подразумевает родовое наследование высокого социального статуса, который сохраняется на протяжении всей жизни. При этом аристократия характеризуется как замкнутая, малочисленная группа с властными полномочиями, но низкой социальной динамикой [26, с. 21]. Аристократия является не столько сословной стратой, сколько особой формой политической организации, при которой власть принадлежит привилегированным группам общества, внутри которых аккумулируются и ретранслируются моральные, этические и духовные ценности социума [16, с. 142].

По сравнению с другими терминами понятие «элита» используется в работах отечественных исследователей более активно. Сам термин «элита» является относительно «молодым», так как вошел в научный оборот только в конце 1980-х — начале 1990-х гг., постепенно заменяя ранее широко используемые понятия «князь», «царь», «вождь», «аристократия» и прочие социально детерминирующие дефиниции. Поначалу «элитными» считались масштабные археологические памятники, но немного позднее «элита» начала рассматриваться уже как отдельная социальная группа, позволяющая исследовать социально-политические процессы в контексте властных отношений в кочевом обществе [26, с. 9].

Широкое применение этого понятия в разных исследовательских работах нашло свое отражение не только в общих, теоретических трудах, но также используется при изучении конкретных археологических памятников. «Элита» — ключевой элемент, структурирующий социальное пространство. Ее наличие и функционирование необходимо для стабильного развития общества. Как лучшее меньшинство «элита» является

необходимым элементом социокультурной динамики — она ставит перед обществом конкретные цели и задачи для обеспечения благоприятного развития системы и создаст необходимые условия для их реализации [2, с. 41–49].

Таким образом, понятия «знать», «аристократия» и «элита» связаны между собой в первую очередь единой смысловой нагрузкой, обозначающей верхушку общества. В отличие от «знати» и «элиты», в рамках понятия «аристократия» властные полномочия передаются по родовой линии наследования. В свою очередь «знать» и «элита» подразумевают под собой более гибкую систему социальной мобильности, а это значит, что как из «низов» социальной иерархии можно добиться, за счет различных факторов, правящих функций, так и «верхушка» общества может оказаться на низших ступенях социальной организации вне зависимости от принадлежности к «правлящему роду».

Каждое понятие может иметь свои разновидности. Так, внутри понятия «аристократия» выделяют «родовую», «денежную», «интеллектуальную» и «военную».

Элитные группы также делят на «политическую», «военную», «религиозную», «региональную» и «экономическую» [20, с. 31–32; 9, с. 43; 11, с. 14–15, 62; 12, с. 166]. Даже существует понятие «двойная элита», когда, с одной стороны, внутри нового политического объединения есть высшая элита из числа завоевателей, а с другой — формируется или подерживается элита в автохтонной массе населения [11, с. 65; 22, с. 53].

Так или иначе, выделение всех вышеуказанных разновидностей элит по погребальному материалу требует комплексного подхода, учитывающего как специфику функционирования кочевого общества, так и системный анализ археологических и, в преобладающей степени, письменных данных.

В итоге под понятием «элита» следует понимать функциональную группу, выполняющую необходимые для любого общества управленческие обязанности. Существование элиты объясняется исключительной важностью функции управления, что в свою очередь детерминирует исключительность роли меньшинства людей, выполняющих эти функции. Элита закрепляет за собой определенный статус, вырабатывает нормы поведения для лиц, входящих в нее, формирует свою субкультуру, отличающуюся от культуры масс, а также ограничивает себя от других, не привилегированных групп.

На наш взгляд, понятие «элита» больше соответствует целям и задачам, поставленным исследователями, занимающимися изучением социальной структуры древних обществ, чем, например, такие понятия, как «аристократия», «царь» или «вождь».

Использование понятий «знать» или «верхушка общества» тоже допустимы применительно к реконструкциям социальной структуры ранних кочевников.

С наибольшей осторожностью стоит отнестись к понятию «аристократия», так как оно заключается в сохранении властных и привилегированных полномочий, передающихся по линии кровного родства. Несмотря на наличие косвенных данных, упоминаемых в античных письменных источниках, где указывается характер родовой преемственности властных полномочий, его использование в научных работах кажется не совсем корректным в силу того, что они описывают уже реконструированную модель общества, тогда как для памятников ранних кочевников Евразии информация о социальном устройстве неизвестна и только реконструируется. Стоит отказаться от использования понятия «аристократия» в данном исследовании в силу отсутствия достоверных данных о системе передачи управленческих функций в обществе ранних кочевников Южного Урала.

Похожая ситуация сложилась относительно понятий «царь» и «вождь».

Несмотря на устоявшуюся традицию, основанную на античных письменных источниках, применение понятия «царь» в работе представляется не совсем корректным из-за отсутствия достоверных данных их существования в обществе ранних кочевников Южного Урала (обратным примером является скифское общество, в котором существование царской власти не стоит под вопросом), по крайней мере в том смысле, в котором мы понимаем это понятие.

Что касается понятия «вождь», то здесь существуют иные причины для отказа (по крайней мере на данный момент) от данного определения, которые заключаются в некоторых определениях понятия. Согласно Н. Н. Крадину к признакам вождества относятся: иерархическая организация власти, которая по археологическим данным отражается в разных размерах памятников; социальная стратификация и разная степень доступа к ключевым ресурсам; отделение эндогамной элиты от массы населения в сословие; редистрибуция; общая идеологическая система. По количеству уровней иерархии вождества принято делить на простые, сложные и суперсложные [13, с. 8–9]. Конечно, можно допустить существование вождества в обществе ранних кочевников Южного Урала, например, по признаку иерархической организации власти, которая находит отражение в археологическом материале, но все же по остальным признакам данное предположение будет носить явно гипотетический характер.

По итогам данного исследования необходимо отметить, что все рассмотренные понятия в максимальной степени своей смысловой нагрузки отражают механизм социального взаимодействия и при работе, связанной с исследованием социальной структуры древнего общества, подбор понятий должен происходить предельно аккуратно.

Все понятия так или иначе связаны с разными стадиями политогенеза древнего общества, поэтому автор данного исследования видит необходимость в рассмотрении степени развития общества ранних кочевников Южного Урала в русле данного общетеоретического направления.

Нельзя также не отметить назревающую терминологическую проблему, связанную с отсутствием специальных работ по определениям, обозначающим низшие и средние звенья социальной организации кочевников [24, с. 99]. Если существует относительно большое количество исследований по терминам, определяющим высокий социальный статус, то понятийный аппарат, характеризующий «рядовые» или «бедные» слои общества, до сих пор малоизучен.

Список литературы

1. Антонова Е. В., Раевский Д. С. «Богатство» древних захоронений (к вопросу о роли идеологического фактора в формировании облика погребального комплекса) // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. — Киев : Наукова думка, 1984. — С. 153–168.
2. Ашин Г. К. Современные теории элиты: Критический очерк. — М. : Междунар. отношения, 1985. — 256 с.
3. Бунятян Е. П. Методика социальных реконструкций в археологии: На материале скифских могильников IV–III вв. до н. э. — Киев : Наукова Думка, 1985. — 228 с.
4. Васютин С. А., Коротаев А. В., Крадин Н. Н., Тишкин А. А. Методологические проблемы реконструкции социальных структур в археологии // Социальная структура ранних кочевников Евразии. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2005 — С. 39–63.
5. Васютин С. А., Крадин Н. Н., Тишкин А. А. Общее и особенное в реконструкции структуры ранних кочевников // Социальная структура ранних кочевников Евразии. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2005. — С. 237–250.
6. Генинг В. Ф. Проблема социальной структуры общества кочевых скифов IV–III вв. до н. э. по археологическим данным // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. — Киев : Наукова Думка, 1984. — С. 124–153.
7. Геродот. История: в девяти томах / пер. и примеч. Г. Стратановского. — М. : Ладомир, 1999. — 752 с.
8. Гильмитдинова А. Х. К вопросу о критериях элитных погребальных памятников ранних кочевников Южного Урала VI–IV вв. до н. э. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 8. История. — 2019. — № 1. — С. 123–138.
9. Дашковский П. К. Религиозный аспект политической культуры и служители культа у кочевников Центральной Азии в хуннско-сяньбийско-жужанский период // Изв. Алтайс. гос. ун-та. Ист. науки и археология. — 2008. — № 4–2 (60). — С. 36–45.
10. Дашковский П. К., Мейкшан И. А. Изучение «правлящего класса» в кочевых обществах Центральной Азии поздней древности в отечественной историографии 1920-х — середине 1960-х гг. // Изв. Алтайс. гос. ун-та. Сер. История, политология. — 2013. — № 41 (80). — С. 137–142.
11. Дашковский П. К., Мейкшан И. А. Региональная элита кочевников Южной Сибири и сопредельных территорий Центральной Азии эпохи поздней древности по письменным и археологическим источникам // Изв. Алтайс. гос. ун-та. Ист. науки и археология. — 2015. — № 3–2 (87). — С. 61–67.
12. Кондратович И. В. Региональная элита и проблемы ее формирования // Экон. науки. — 2010. — № 4 (65). — С. 166–169.

13. Крадин Н. Н. Понятие «племя» в современной антропологии // Петербургские славянские и балканские исследования. — 2015. — № 2. — С. 4–12.
14. Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). — Л.: Наука, 1976. — 192 с.
15. Массон В. М. Развитие элитарных структур как прогрессивный феномен скифской культуры // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. Археологические изыскания. — Вып. 18. — СПб., 1994. — С. 1–8.
16. Мейкшан И. А. Престижные вещи как маркер элитных погребений кочевников Центральной Азии в эпоху поздней древности и раннего средневековья // Археология, этнография, палеоэкология Северной Азии: проблемы, поиск, открытия. — Красноярск, 2011. — С. 183–185.
17. Мейкшан И. А. Кочевая элита: контуры понятия // Изв. Алтайс. гос. ун-та. Сер.: История, политология. № 4. — 2013. — С. 137–144.
18. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под общ. ред. Л. И. Скворцова. — 28-е изд., перераб. — М.: Мир и Образование: ОНИКС, 2012. — 1375 с.
19. Ольховский В. С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. — 1995. — № 2. — С. 85–98.
20. Понеделков А. В., Старостин А. М. Региональные элиты: тенденции и перспективы развития. — Ростов н/Д., 2000. — С. 31–32.
21. Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // Материалы по археологии России. — Петроград: Девятая государственная типография, 1918. — № 37. — 124 с.
22. Тишкин А. А. Элиты в древних и средневековых обществах скотоводов Евразии: перспективы изучения данного явления на основе археологического материала // Монгольская империя и кочевой мир. — Улан-Удэ, 2005. — Кн. 2. — С. 43–56.
23. Утченко С. Л., Дьяконов В. И. Социальная стратификация древнего общества (XIII Международный конгресс исторических наук). — М.: б. и., 1970.
24. Хазанов А. М. Социальная история скифов. — М.: Наука, 1975. — 343 с.
25. Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. — СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2008. — 512 с.
26. Элита в истории древних и средневековых народов Евразии / отв. ред. Дашковский П. К. — Барнаул: Изд-во Алтайс. ун-та, 2015. — 330 с.

Сведения об авторе

А. Х. Гильмитдинова, старший научный сотрудник, Центр палеоэтнологических исследований. Москва, Россия. melnichuk.alina@mail.ru

ABOUT THE DEFINITIONS TO THE SOCIAL ORGANIZATION RECONSTRUCTION OF THE SOUTHERN URAL EARLY NOMADS ACCORDING TO THE ARCHEOLOGICAL DATA

A.K. Gilmitdinova, senior research fellow, Paleoethnology research center. Moscow, Russia. melnichuk.alina@mail.ru

Any research related with the reconstruction of the social structure of the ancients involves an appeal to special terminology. Now, one of the general theoretical problems of the paleosociological direction is an absence a common conceptual apparatus in modern archaeological literature. In most cases, the discrepancy lies in the different understanding of the meaning of the terms used by the researchers. Meanwhile, the unification of concepts necessary for the reconstruction of ancient society is still relevant. The article examines and discusses the most correct terms for the designation of the «social elite» in the Early nomadic societies of the Southern Urals.

Key words: *Southern Urals, Early nomads, social differentiation, terms, historiography.*

Н. Ю. Сунцова

ДРЕВЕСНЫЕ РАСТЕНИЯ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ УДМУРТОВ (на примере археологических и этнографических материалов)

Вопросы традиционного использования растений в похоронных обрядах удмуртов неоднократно рассматривались в трудах этнографов и археологов, однако специальных исследований по идентификации растительного материала, обнаруженного при археологических раскопках на территории Удмуртии, до настоящего времени не проводилось. Между тем изучение остатков строительного материала, очажных углей, погребальных сооружений, предметов быта, орудий труда и оружия из древесины представляет существенный интерес для восстановления истории развития древесной флоры региона, особенностей использования населением растительных ресурсов и других проблемных вопросов археологии, этнографии и биологии.

Цель работы — идентификация древесины и коры, которые являются остатками погребальных сооружений, предметов быта, орудий труда и оружия.

Исходным материалом для проведенных нами исследований послужила коллекция растительных остатков погребальных сооружений и вещей из археологических раскопок средневековых могильников, расположенных на севере Удмуртии в бассейне р. Чепца. Всего было изучено 73 образца из 56 погребений IV–XII вв.

Ключевые слова: археология, удмурты, могильник, погребальные деревянные конструкции, вид растения.

В археологических публикациях, описывающих средневековые памятники севера Удмуртии, содержатся немногочисленные сведения о находках фрагментов растительного материала [6, с. 60–61; 2, с. 11–24 и др.]. Отметим, что специальных археоботанических исследований, предполагающих в том числе идентификацию видов древесных растений, обнаруженных при раскопках могильников, не проводилось.

Исходным материалом для проведенных нами исследований послужили растительные остатки погребальных сооружений и вещей из археологических раскопок средневековых могильников, расположенных в бассейне р. Чепцы. Эти археологические памятники связаны с историей одной из групп древнепермского населения, являвшегося предками северных удмуртов.

Всего для определения в разные годы нам было представлено 73 фрагмента древесины и коры из 56 погребений IV–XII вв. Фрагменты имеют разную степень сохранности, повреждены гнилью деструктивного и коррозионного типов. Особенности строения и сохранности древесины части изученных материалов были опубликованы ранее [7, с. 219–221].

Изучение микроструктуры древесины и коры было проведено при помощи микроскопа «Микромед МС-1» вариант 1А и фазово-контрастного микроскопа «Levenhuk MED45B». Для идентификации видовой принадлежности древесных остатков использовались методы анатомических исследований тканей древесных растений, рекомендованные для изучения субфоссилий [3, с. 59–61; 4, с. 23–74; 10, с. 3; 11, с. 1–68; 12, с. 3–338; 13, с. 44–46]. Определение проводилось в соответствии с единым подходом, разрабо-

таным Международной ассоциацией анатомов древесины (IAWA) к распознаванию и описанию микроскопических анатомических особенностей древесины. В ходе определения образцов производилось фотографирование микроструктуры срезов (поперечного, радиального и тангенциального).

Бинарное название растений отмечено, если в результате анализа была возможной точная идентификация вида, в остальных случаях — название рода. Перечень определенных в ходе исследований древесных растений приведен в таблице.

Виды растений, идентифицированные по результатам исследований микроструктуры древесины (захоронения IV–XII вв. н. э., север Удмуртии, бассейн р. Чепца)

Виды растений	Используемые части	Характер использования	Название могильников, время захоронения (количество образцов)
Сосна обыкновенная — <i>Pinus sylvestris</i> L.		кол в засыпи могилы	Варнинский, VII–VIII вв. (1)
Ель — <i>Picea spp.</i> (<i>P. obovata</i> Ledeb., <i>P. abies</i> (L.))	древесина	колоды, рамы, гробы	Варнинский, IV–X вв. (14); Кабаковский, XI–XII вв. (2)
Пихта сибирская — <i>Abies sibirica</i> Ledeb.		гроб	Варнинский, IX–X вв. (1)
Липа мелколистная — <i>Tilia cordata</i> Mill.	луб	погребальное сооружение	Варнинский, IV–X вв. (12); Поломский, VIII в. (1); Кабаковский, XI–XII вв. (1)
Береза пушистая — <i>Betula pubescens</i> Ehrh.	береста	основа поясного ремня	Кабаковский, XI–XII вв. (1)
		туески	Варнинский, VI в. (3) Варнинский, VI–VII вв. (2)
Береза — <i>Betula spp.</i> (<i>B. pendula</i> Roth., <i>B. pubescens</i> Ehrh.)	древесина	основа ножен, рукояти кинжалов	Варнинский, VII в. (1), VIII в. (1); Поломский, VIII в. (4), VIII–начало IX в. (1), IX в. (1)
		рукоять меча	Варнинский, VII в. (1)
		ложка	Кабаковский, XI–XII вв. (2)
		чаша	Поломский, VIII в. (1)
		древко стрелы	Варнинский, VII в. (1); Поломский, VIII в. (1)
Вяз шершавый — <i>Ulmus glabra</i> Huds.		рукоять шила	Поломский, VII — начало VIII в. (1)
Дуб черешчатый — <i>Quercus robur</i> L.	древесина	рукоять инструмента	Варнинский, VI–VII вв. (1)
Клен остролистный — <i>Acer platanoides</i> L.		топорище	Варнинский, IX–начало X вв. (1)
Рябина обыкновенная — <i>Sorbus aucuparia</i> L.	побеги	рукоять плети	Поломский, VIII в. (1)
			Варнинский, VII в. (1)
Можжевельник обыкновенный — <i>Juniperus communis</i> L.	кора, слой древесины	подстилочный материал	Варнинский, IV–V вв. (1)

Проведенные исследования показали, что 18 из 37 образцов погребальных сооружений содержат остатки бересты и коры липы. В отдельных захоронениях (Варнинский могильник, погребения 606 и 615, VI в.) присутствовали и луб и береста. Известно, что луб и береста являются наиболее архаичными материалами для погребения [5, с. 42; 9, с. 4–34].

Применение бересты и луба в похоронных обрядах так же, как и в бытовых целях, обусловлено легкостью заготовки и хорошими водоизоляционными свойствами.

В качестве исходного материала для изготовления погребальных сооружений использовались еловые, сосновые и пихтовые доски и плахи с корой. Из исследованных образцов 17 являются остатками древесины сосны обыкновенной, 15 — ели и 1 — пихты. Превалирование сосновых и еловых фрагментов может служить доказательством ритуальной роли этих пород. Древесина сосны по сравнению с пихтовой и еловой обладает высокой стойкостью к гниению, но обрабатывается тяжелее, поэтому не исключено, что древесина ели использовалась чаще, чем древесина сосны.

При исследовании растительных остатков подстилки были определены фрагменты щепы или стружки с корой можжевельника обыкновенного и побегов рябины обыкновенной.

Рябина была представлена остатками тонких побегов, скрещенных относительно друг друга под углом 45° (погребение № 553, Варнинский могильник, VI в.) и рукояти плети, выполненной из побега диаметром 7 мм (погребение № 64, Поломский могильник, VIII в.).

Содержащиеся в побегах можжевельника и рябины вещества (эфирные масла, кумарины, иридоиды и др.) проявляют ярко выраженную бактерицидную активность. Таким образом, использование растений в похоронных обрядах было обусловлено представлениями об оберегающих и очистительных свойствах перечисленных видов.

В результате анализа фрагментов вещевого сопровождающего материала были определены виды растений, древесина и кора которых применялась для изготовления деталей костюма, рабочих инструментов и боевых орудий — это береза, рябина, вяз шершавый, клен остролистный и дуб черешчатый.

Традиции изготовления деталей боевых орудий и выполнявших функцию оберега декоративных ножен весьма консервативны, что и доказывают результаты наших исследований — основы ножен, рукоять меча, рукояти кинжалов и древки стрел были выполнены только из древесины березы.

В ходе исследований были идентифицированы остатки древесины широколиственных пород — клена, вяза и дуба. Клен и вяз до настоящего времени встречаются в подлеске таежных лесов в северных районах республики, поэтому вероятность местного происхождения исходного материала, использовавшегося при изготовлении топорища и рукояти шила, довольно высока. При этом автохтонность древесины дуба в виде вставки, идентифицированной в составе плоского предмета из вяза (рукоять инструмента (?), погребение № 567, Варнинский могильник, VI–VII вв.), вызывает сомнение. Не исключено, что в северных районах Удмуртии при более мягких климатических условиях средневековья дуб мог сохраниться в лесостепных комплексах растительности на ксеротермных склонах. Согласно климатологическим данным, с IV в. н. э. заканчивается продолжительный период сильного похолодания, проявляются признаки потепления, максимум которого падает на VIII–XI вв. По мнению В. В. Туганаева и А. В. Туганаева (2001) [8, с. 31] именно в этот период, носящий название «малого климатического оптимума», лесная растительность на территории бассейна р. Чепцы включала в себя широколиственные породы.

Проведенные нами исследования по идентификации древесины и коры, а также материалы этноботанических экспедиций автора согласуются с вопросами сохранности традиций в похоронных обрядах удмуртов, опубликованных в этнографических трудах.

Случаи захоронений, когда тело умерших обертывали в березовую кору или помещали в конструкцию из луба, были отмечены даже в конце XVIII — XIX в. [9]. Для изготовления более поздних типов погребальных сооружений — колод, срубов-склепов и гробов традиционно использовалась древесина ели и пихты [1, с. 158–160]. Обычай хоронить в гробах из древесины хвойных пород сохранился до настоящего времени, что определяется как традицией, так и изготовлением в регионе пиломатериалов, преимущественно из основных лесообразующих пород — ели и сосны.

Согласно данным, полученным нами в ходе поведения этноботанических экспедиций в 1992–2019 гг., можжевельник и пихта до сих пор используются удмуртами при проведении похоронного обряда в качестве дезодорирующего и защитного (от нечистых сил и души умершего) средства. Ветви можжевельника размещают под гробом, ветви пихты бросают под ноги и вдоль дороги при похоронной процессии. Зафиксирована информация о применении в похоронном обряде изрубленных березовых веников в качестве подстилочного материала в гробу.

Данные археоботанических изысканий и этноботанические материалы, полученные нами в ходе экспедиционных исследований, позволяют утверждать о сохранности традиций использования древесины и побегов ряда древесных пород (сосна, ель, пихта, береза, липа, можжевельник) в похоронных обрядах удмуртов на протяжении более тысячи лет.

Список литературы

1. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. — Ижевск : Удмуртия, 1994. — С. 158–160.
2. Иванов А. Г. Новые материалы по ранней дате поломской культуры: курганная часть Варнинского могильника // Пермский мир в раннем средневековье : сб. науч. ст. — Ижевск : Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1999. — С. 11–24.
3. Лотова Л. И. Анатомия коры хвойных. — М. : Наука, 1987. — С. 59–61.
4. Лотова Л. И. Микроструктура коры основных лесообразующих лиственных деревьев и кустарников Восточной Европы / отв. ред. В. Н. Тихомиров. — М. : KMK Scientific Press, 1998. — С. 23–74.
5. Наговицин Л. А., Иванова М. Г. Первобытно-общинный строй на территории Удмуртии // Материалы по истории Удмуртии (с древнейших времен и до середины XIX в.). — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1995. — С. 42.
6. Семенов В. А. Погребальный обряд чепецкого населения в эпоху раннего средневековья (VI–X вв.) // Материалы по погребальному обряду удмуртов : сб. науч. тр. — Ижевск : УИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. — С. 60–61.
7. Сунцова Н. Ю. Результаты анализа микроструктуры древесных остатков погребальных сооружений, средневековых могильников бассейна р. Чепцы (IV–XII вв. н. э.) // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Современные проблемы аграрной науки и пути их решения». ФГОУ ВПО ИжГСХА, Ижевск, 2004. — С. 219–221.
8. Туганаев В. В., Туганаев А. В. Городище Иднакар IX — XIII вв. н. э.: Агроэкологический обзор. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2001. — С. 31.
9. Шутова И. Н. Погребальный обряд удмуртов XVI–XIX вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов : сб. науч. тр. — Ижевск : УИИЯЛ УрО СССР, 1991. — С. 4–34.
10. Яценко-Хмелевский А. А., Кобак К. И. Анатомическое строение древесины основных лесообразующих пород СССР : учеб. пособие для студентов лесохозяйств. фак. — Л. : РИО ЛТА, 1978. — С. 3.
11. Яценко-Хмелевский А. А., Никонорова Е. В. Строение древесины основных лесообразующих пород второго яруса : учеб. пособие. — Л. : ЛТА, 1982. — С. 1–68.
12. Яценко-Хмелевский А. А. Основы и методы анатомического исследования древесины. М. ; Л. : Издательство АН СССР, 1954. — С. 3–338.
13. Benkova V. E., Schweingruber F. H. Anatomy of Russian woods. — Bern, Stuttgart, Wien : Haupt, 2004. — Pp. 44–46.

Сведения об авторе

Н. Ю. Сунцова, кандидат биологических наук, доцент кафедры лесоводства и лесных культур, Ижевская государственная сельскохозяйственная академия. Ижевск, Россия. badjar@mail.ru

WOODY PLANTS IN THE UDMURT FUNERAL RITES (Evidence from Archaeological and Ethnographic Materials)

N.Ju. Suntsova, Candidate of Science (Biology), Docent, Department of Forestry and Forest Plantations, Izhevsk State Agricultural Academy, Izhevsk, Russia. *badjar@mail.ru*

Studies on traditional use of plants in Udmurt funeral rites were carried out several times both by ethnographers and archaeologists. However, special researches on identification of vegetative material, found at archeological excavations in the territory of Udmurtia, haven't been done yet. Meanwhile, studying remainders of building material, bonfire coals, funeral constructions, household goods, tools and weapons made of bark and wood is of essential interest as it can help to cast light on history of development of wood flora in the region, features of using vegetative resources by the population and other problems on archeology, ethnography and biology.

The study aims to identify wood and bark, which are the remains of burial structures, household items, tools and weapons.

As initial material for our researches we took a collection of the vegetative remains of funeral constructions and things found at archeological excavations of medieval burial grounds in the north of Udmurtia in the basin of the river Cheptsá. We investigated 73 samples from 56 burials of the IV–XII centuries.

Key words: *archaeology, Udmurts, burial ground, funeral wooden constructions, plant species.*

Э. Р. Усманова, С. В. Захаров, Д. А. Джумабеков, М. А. Антонов

ТРАДИЦИЯ КУЛЬТА ГОР В УЛЫТАУ (ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАЗАХСТАН), ИЛИ РИТУАЛЬНЫЙ РАЗГОВОР С ГОРОЙ

Описываются ритуальные сооружения из природного камня на вершинах гор Улытау, посвященные эмиру Едыгея и легендарному святому (Карагандинская область, Казахстан). Комплекс на сопке Алтыншоки относится ко времени военного похода Амира Тимура против хана Токтамыша в 1391 г. Состоит из «Камня Тимура» с надписью и кургана. Сооружения типа кургана-обо в Улытау могут рассматриваться как воплощение культа Мировой горы и поклонения духам предков. По всей видимости, культ горных вершин Улытау начал складываться в золотоордынское время и продолжается до современности в виде паломничества на горы Ауелие-Акмечеть, Едигетау, Алтыншоки.

Ключевые слова: Улытау, Едыге, Амир Тимур, Аулие-Акмечеть, курган-обо, Мировая гора.

Предмет или действие становятся реальными лишь в той мере, в какой они имитируют или повторяют архетип.

Мирча Э л и а д е

Плачет Тохтарбай — жизнь прожита,
Без наследника жизнь пуста,
Кипчаки опустили головы, грустя.
По святым местам пошел он,
Порвалась от колючек одежда вся,
Семи святым он предстал <...>

Эпос «Кобланды батыр»

Введение в пространство Горы. Формирование сакрального ландшафта в природном относится к культурным стереотипам поведения человека на протяжении тысячелетий. Первообразы, созданные когда-то, продолжают повторяться в современности. Они сохранены памятью культуры и существуют в современной обрядовой жизни. Одним из универсальных проявлений ритуального поведения является поклонение Мировой горе, которое относится к реликтам домонотеистических верований. Горный массив Улытау (Карагандинская область, Казахстан) — это географический центр Казахстана и один из пунктов Евразийского степного пояса.

Топоним Улытау (Великая гора), скорее всего происходит из понимания природного величия горной гряды, расположенной среди степного пространства. Почитание гор у казахов, тувинцев, турков, хакасов проявляется в сохранившихся названиях казахского Улытау (1 133 м), тувинского Улугдаг, турецкого Улудаг (2 543 м), хакасского Улутаг (895 м). В Хакасии зафиксировано семнадцать одноименных гор с названием «Улутаг». Древнетюркское слово *улу*г имеет значение «большой, старший, великий, сильный, громкий, высокий <...>»; производное от него *улу*гла означает «почитать», «возвеличивать» <...>. Улытау можно перевести и как «почитаемые горы». В современном казахском языке *улы* означает «великий», «старший». То есть значение слова Улы в тюркских языках — это «почитаемый» и «великий» [18, с. 428–429].

Вершины этой горной гряды были освоены человеком как места культовых поклонений, прежде всего в виде курганных сооружений. В статье предлагается рассмотреть

три вершины Улытау, которые показывают исторический и современный контекст их антропогенного ритуального освоения. Это горные вершины (высота над уровнем моря) Аулие-Акмешит (1 133 м), Едыге (1 064 м) и сопка Алтыншоки (453,5 м).

Вершина Аулие-Акмечеть. Исторический контекст. Гора Аулие-Акмечеть — наивысшая точка Улытауского хребта (первое упоминание топонима в научной литературе К. И. Сатпаевым) [17, с. 36]. Находится в 3 500 м по прямой от окраины села Улытау (рис. 1, 2). На ее вершине расположено культовое сооружение, фиксируемое в настоящее время в виде объемного кургана из камня (гранит) с полым пространством в центре и двух небольших кольцевых оград рядом с насыпью. Очевидно, что сооружение не сохранило своего первоначального облика. Устроителями сооружения линия подошвы кургана была эргономично введена в границы естественной природной скальной платформы, которая представлена вертикальными плитами гранита (рис. 1). Этот природный стилобат, образовавшийся в результате регионального тектонического разлома [17, с. 20], своим видом напоминает фундамент постройки. Платформа имеет подпрямоугольную форму, на которой была возведена постройка из насыпного камня. Вероятно, изначально сооружение имело вид прямоугольной ограды. Сейчас это неправильной формы насыпь, центральная часть которой почти засыпана камнями. В верхней части насыпи фиксируется вал подовальной формы, который равномерно распределяется по ней. С внешней северной и южной сторон насыпи отмечены поздние пристройки, возможно, сооруженные паломниками. По всей видимости, на протяжении какого-то времени рядом с подошвой насыпи формировались дополнительные сооружения в виде небольших насыпей.

Из научных публикаций об этом сооружении совсем мало известно. За общим определением «культовое сооружение» скрываются вопросы об историко-культурной при-

Рис. 1. Ритуальное строение на вершине горы Аулие-Акмечеть.
Высотная съемка И. А. Кузнецова, А. С. Омарова

Рис. 2. Карта. Культурные вершины Улытау. Автор: М. А. Антонов

надлежности, времени строительства, мемориального назначения этой курганный постройки. Впервые о комплексе на вершине горы упоминается в статье А. Х. Маргулана «Археологические разведки в бассейне р. Сары-су» [13]. «Еще в 1943 г. нами обнаружена развалина древнего монастыря, находящегося на самой вершине Улытау. Монастырь имеет прямоугольную площадку размером 42×24 м и был сооружен из камня на глиняном растворе. До сих пор хорошо сохранились фундаменты отдельных комнат в виде массивных гранитных глыб высотой до 30–40 см. Каменный монастырь, известный среди местного населения под именем «Ак-мечеть», имеет некоторую аналогию с остатками древнего замка «Тас-ахыр» [Акыртас. — Примеч. авторов] в Джамбульской области. Возле развалин монастыря расположено порядочное количество древних погребений, сложенных из камня в виде курганов. Среди этих памятников выделяется своей формой и размером один сравнительно большой курган, который местное население считает гробницей «святого Акмечет-Аулие», содержателя вышеописанного монастыря» [13, с. 20–21].

В настоящее время руинизированные остатки здания, названного условно монастырем, не фиксируются. Остается открытым вопрос об историко-культурном соотношении так называемого монастыря с курганом, который расположен на самой высокой точке вершины. В исторических источниках, устных преданиях об Улытау отсутствуют сведения о том, в какое время был сооружен этот курган, в честь кого или кто там погребен. Исключением является упоминание о святом, который по преданию похоронен в кургане.

Обратимся к этимологии топонима вершины горы, который содержит два слова и подчеркивает ее сакральную позицию в культурном ландшафте Улытау. Слово *аулие/аулия* множественное число арабского слово *вали* — святой [11].

Значение арабского слова *святой* сохраняется в казахском языке. *Аулие* (*аулие* — казах.) в казахском языке понятие, имеющее несколько значений:

- религиозное — святой, угодник, чудотворец, подвижник;
- переносное — безгрешный, благородный, самый лучший, дорогой предмет;

– образное — предсказатель, провидец, уважаемый, почитать кого-либо, преклоняться перед кем-либо [11].

В казахском языке часто встречается сочетание *аулие-энбие*, которое применяется для обозначения всех святых аруахов [7].

Ақ-мешіт, *Акмечеть* (белая мечеть — рус.) — общее определение, состоящее из прилагательного и существительного. *Ақ* — белый, это обозначение цвета, которое имеет множество переносных значений в казахской культуре. Наверное, это самое популярное по семантике цветное определение культурных стереотипов поведения у казахов. Этот цвет известен как благородный, достойный, приятный и теплый цвет. Приведем лишь небольшое количество символических значений белого цвета: человечность, невинность, благие намерения, справедливость, истина, чистота, доброта, достаток, святость, красота, почет, признание, аристократический статус [12, с. 1456]. Главное пожелание у казахов-скотоводов на весенний праздник Наурыз с магическим значением молока как символа плодородия «*Ұлыс оң болсын, ақ мол болсын*» — «Пусть страна будет благостной, пусть белое будет обильным».

Мечеть. Общепринятая этимология слова «мечеть» производит его от *масджид* (мн. ч. — *масаджид*), в свою очередь происходящего от арабского корня *с-дж-д* — «падать ниц» — в значении места и означает «место поклонения», «место совершения земного поклона», «ритуально чистое пространство» [14].

Таким образом, символическая номинация топонима Аулие-Акмечеть представляет ритуально чистое, святое место поклонения с пожеланием достатка, плодородия, здоровья. Возможно, что одно из сооружений на вершине принадлежит легендарному святому, чье погребение народные легенды «помещают» в большой курган. Однако сказать о возрасте главных культовых сооружений на вершине Аулие-Акмешит, определить их культурную и личностную принадлежность пока не представляется возможным.

Современный контекст. В 1998 г. по инициативе администрации заповедника-музея «Улытау» в районе вершины горы была установлена памятная доска, были реконструированы в виде каменной ограды захоронения семи святых-врачевателей (рис. 2, 3),

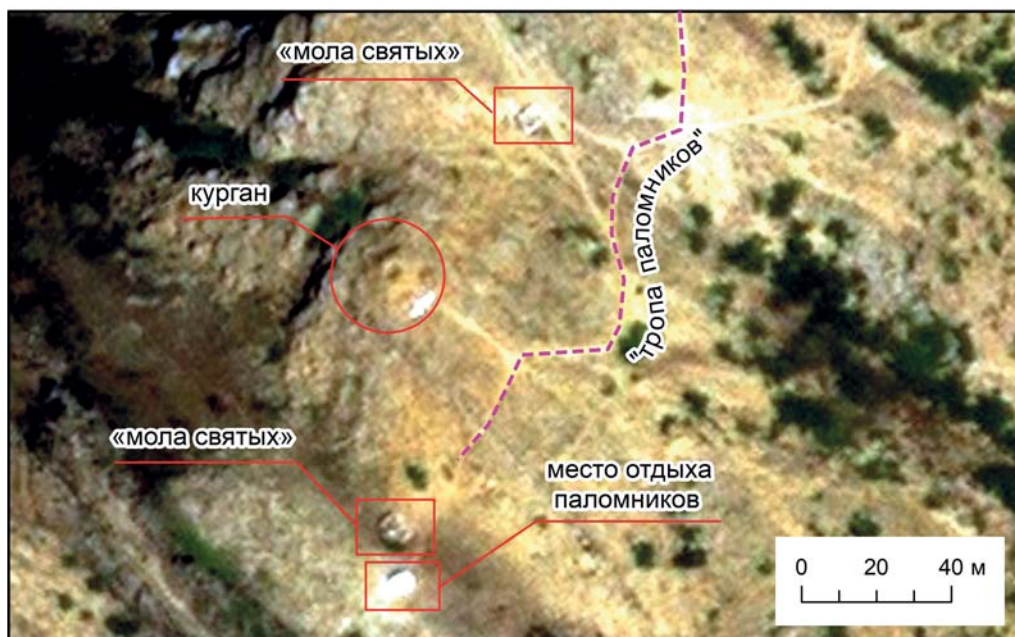

Рис. 3. Карта. Вершина горы Аулие-Акмечеть. Культовые объекты. Автор: М. А. Антонов

Рис. 4. Вершина горы Аулие-Акмечет. Общий вид. Высотная съемка И. А. Кузнецова, А. С. Омарова

указанные во время транса современным баксы — традиционным врачевателем, жителем с. Улытау Б. А. Аяшевым (устное сообщение директора заповедника-музея «Улытау» Б. С. Кожухметова от 12.04.21). Насколько данная реконструкция соответствует реальным погребениям семи святых-врачевателей, сказать трудно. Возможно, в данном случае ритуальная ситуация связана с архаикой почитания Мировой горы и феноменом неомифологизма в современной культуре казахов.

Сегодня вершина Аулие-Акмешит является объектом традиционного паломничества казахского народа *аулие аралау* — паломничество по святым местам с желанием решить животрепещущие проблемы: исцеление, помощь в семье и близким, т. п. На карте (рис. 3) обозначены объекты поклонения: погребения святых-врачевателей (условное название — «мола святых») и большой курган. Тропа паломников приводит к самой вершине, где и происходит личностный разговор-мольба с Горой (рис. 4).

Вершина горы Едыге. Исторический контекст. Находится с западной стороны горной гряды, в 16 км по прямой линии юго-западнее с. Улытау (рис. 2). На вершине горы Едигетау (народный местный топоним) расположен культовый объект, который состоит из трех конструкций, выстроенных в линию. Основной конструкцией является большая насыпь из камня, которая относится к культу Едыге (рис. 5).

Этот курган почитается казахским населением в качестве могилы эмира Едыге, военачальника-темника Золотой Орды, основателя Мангытского юрта и династии, возглавившей Ногайскую Орду. Едыге по происхождению не был чингизидом, а значит, не имел легитимного права на высшую политическую власть в монгольском улусе и соответственно на ханский титул. Однако в силу своих личных качеств и поддержки со стороны могущественного мангытского клана он являлся фактическим правителем Золотой Орды в течение 1396–1411 гг. [6; 20, с. 79–81].

В контексте значения личности Едыге в истории Улуса Джучи (Золотой Орды) важна культурно-историческая интерпретация этого интересного культового сооружения. По всей видимости, легенда о его захоронении в горах Улутау была сложена в позднем средневековье. Об этом сооружении пишет Чокан Валиханов: «Западная часть горы Улытау, в Средней Орде, составляющая совершенно отдельный утес от главного хребта, называется Идыге. На вершине этого утеса есть курган, сложенный из плитняка и буту; курган этот, имеющий форму всех *оба* (по-монгольски *обо*), т. е. курганов, воздвигнутых в честь и воспоминание павших или умерших героев, называется Идыгеевым обасы, самая гора называется просто Идыге. Киргизы [казахи. — *Примеч. авторов*], почитая

Рис. 5. Ритуальное строение на вершине горы Едыге. Высотная съемка И. А. Кузнецова

его как национального героя и святого по происхождению, часто приносят на могилу его жертвы. Иногда режут скот, что теперь очень редко, а большей частью привязывают к растущему тут кустарнику лоскутки одежды или конские волосы» [3, с. 224].

По одной из версий, Едыге был убит в 1419 г. в битве возле города Сарайчик на р. Урал и похоронен на кладбище этого города [4, с. 405]. По другой версии Едыге погиб в другом месте, по направлению к горам, после пересечения р. Едиль (Волга) [8, с. 63]. То есть территориально, опять же, где-то в Западном Казахстане, в местности, которая в ландшафтном отношении не имеет сходства с Улытау.

Существование в данном месте могилы как места конкретного погребения эмира Едыге входит в категорию мифического. Поклонение предкам-аруахам в степном менталитете чаще всего связано с погребальным комплексом. Вероятно, культовое сооружение имеет прежде всего памятный, мемориальный характер типа *обо*. Курган был построен для поклонения выдающейся и легендарной личности, каким был Едыге, почитаемый всеми народами, чья история связана с историей Золотой Орды.

О культовом значении этого сооружения пишет российский этнограф и фольклорист Г. Н. Потанин, собиратель легенд и сказаний об эмире Едыге: «Мы сомневаемся, чтобы то, что киргизам [казахам. — *Примеч. авторов*] известно под именем Идыге, была действительно могила. Могилы устраивались в степях обыкновенно [обыкновенно. — *Примеч. авторов*] или в открытой степи, на перекрестках дорог и у переправ через реки, или при подошве гор, но на горах, на их вершинах или на горных перевалах складывались только “*обо*”, священные кучи камней, а не могилы. Не такое ли “*обо*” принято киргизами за могилу. За такое мнение говорит и то, что сами киргизы называют кучу камней на вершине горы Идыгэ не мола, “могила”, а *оба (Идыгэнын обасы)*» [16, с. 314].

В ранней казахской версии песни «Идегей», которая происходит от аутентичного ядра сказания о Едыге, свидетельство о могиле на вершине горы отсутствует [8, с. 63]. Г. Н. Потанин со ссылкой на В. В. Радлова [цит. В. Радлов по: 16] сообщает, что первое известие о каменной конструкции на горе Едигетау записал в XVIII в. Филипп Иоганн фон Страленберг [16, с. 314]. Страленберг — это шведский офицер, плененный в Полтавской битве (1709 г.), сосланный в ссылку в Тобольск и собравший богатый картографический и этнографический материал [19]. Он мог услышать это предание не позднее

1722 г., до возвращения в Швецию. Можно предположить, что предание о захоронении Едыге на горе в Улытау появилось позднее начала–середины XV в., когда процесс исламизации принял активные формы. В первой четверти XVIII в. оно было уже широко известно в степи.

В таком случае мемориальное знаковое сооружение в честь Едыге демонстрирует не только сохранение языческих культов и верований, связанных с культом горы, но контаминацию их с недавно героизированными историческими личностями.

Вероятно, памятный курган-обо в честь Едыге сложили на вершине горы Улытау представители кочевых родов, имевшие отношение к Ногайской Орде (ногайское государственное образование, появившееся в результате распада Золотой Орды, в междуречье Волги и Урала в конце XIV — начале XV в.). Общеизвестно, что кочевые роды Ногайской Орды в периоды усиления (а затем и распада, но уже в ином политическом статусе) активно кочевали по территории западной части Казахстана, вплоть до Западной Сибири, Сары-Арки и низовьев Сырдарьи [15].

После распада Ногайской Орды некоторые кочевые рода, возможно, переместили свои кочевья в степи Улытау. О том, что такие факты могли быть, свидетельствует один из эпизодов миграции каракалпаков, который отражен в их легендах о расселении в Улытау в конце XVI в. и чье происхождение выводится из Ногайской Орды. Согласно легендам 40 старейшин каракалпакских родов в период усобиц конца XVI в. испросили разрешения у хана Тауеккеля на поселение в Улытау, где они и проживали недолгое время до их мятежа и последующего за ним изгнания из этих мест [20, с. 432–434].

В качестве версии предполагается, что инициатором сооружения мемориального кургана-обо в честь Едыге (значение *обо* в культовой практике кочевников описано ниже), скорее всего, был кочевой род из Ногайской Орды, кочевавший в районе Улытау. Тем более, что личность беклярбека (наместника), успешного военачальника Едыге, де-факто правившего Улусом Джучи более десятка лет, была популярна среди кочевников [20, с. 81–82]. Ни одному правителю Золотой Орды не посвящено столько легенд, сказок и песен, как Едыге. Поистине народный герой и культовая личность.

Традиционно в кочевой традиции (монгольской) «*обо*» воздвигается в месте поклонения духам предков и хозяевам местности [1, с. 47]. Возможно, возникновение «*кургана-обо*» в честь Едыге в Улытау является стремлением «создать» нового хозяина местности, чей дух сакрально, мистически и исторически связан с кочевыми общинами, кочевавшими на этой территории.

Современный контекст. В отличие от сакрального комплекса Ауелие-Акмечеть, комплекс Едыге более труднодоступный для посещения. Однако паломники доходят до вершины и считают долгом выразить свое почтение мемориальному месту.

Сопка Алтыншоки. Исторический контекст. Сопка Алтыншоки находится северо-западнее гор Улытау, в 40 км к западу от трассы Жезказган—Аркалык, в 17 км западнее с. Сарлык (рис. 2). Впервые она была обследована в 1935 г. советским и казахстанским геологом К. И. Сатпаевым в ходе разведочных изысканий в Центральном Казахстане. Известны время сооружения культового комплекса на вершине сопки и «автор» в лице «архитектора степи» — Амира Тимура. Редкий случай, когда ритуальное место датируется, соотносится с конкретной исторической личностью и описывается в письменных источниках о военной кампании Тимура 1391 г., в ходе которой возник этот комплекс. Во время похода через степи Дешт-и-Кипчак против хана Золотой Орды Токтамышша в 1391 г., достигнув местности Улытау, Амир Тимур приказал на вершине сопки построить курган [21].

У подножия кургана был установлен камень с двуязычной надписью (на арабском и чагатайском) с использованием двух алфавитов: арабского и уйгурского. Текст на «камне Тимура» гласит, что «...лета семьсот девяносто третьего, в средний месяц весны года овцы [6 апреля 1391 г.], султан Турана Тимур-бек поднялся с тремя сотнями тысяч войска за ислам на булгарского хана Токтамыш-хана. Достигнув этой мест-

ности, он возвел этот курган, чтобы был памятный знак ...» [5, с. 24]. «Камень Тимура» является свидетельством подлинности кургана как «памятного знака», исполненного по приказу Амира Тимура. В 1936 г. он был доставлен в Государственный Эрмитаж, где выставлен в зале средневековой истории Средней Азии. В настоящее время комплекс состоит из кургана и современной копией «Камня Тимура».

Интерес представляет насыпь кургана, которая содержит большое количество оплавленного до шлака камня базальтовой породы и прокаленного скального плитняка (рис. 6). Это признаки сильного огня высокой температуры. Междисциплинарное изучение состава каменной структуры насыпи, в которой до сих пор фиксируются отверстия от воздуходушных каналов, подтвердило, что курган был изначально построен как теплотехническое сооружение с целью разжигания сильного костра, которое не предназначалось для плавки какого-либо металла. Радиоуглеродное датирование обугленных веток внутри шлака соответствует времени похода Тимура [21, с. 93–123].

Если установка камня с надписью о походе, который принес победу Амиру Тимуру над ханом Тохтамышем, становится понятной как свидетельство «знака времени». То курган, построенный как теплотехническое сооружение, вызывает один вопрос: «Зачем Тимур отдает приказ о строительстве кургана своим воинам, изможденным от двухмесячного похода, какая была в этом надобность?» Ответ кроется в обряде поклонения священной Горе, который входит в разряд шаманистических ритуалов, распространенных в общественной жизни монголов. Этот обряд, соотносимый с культом предков, практиковался у Чингисхана и его потомков в виде поминальных жертвоприношений, песнопений в честь умерших предков, проводимых весной [5, с. 9–10]. Культовое сооружение из камней, конической формы, получившее название *обо/обоо*

Рис. 6. Ритуальное строение на вершине сопки Алтыншоки.
Высотная съемка И. А. Кузнецова, А. С. Омарова

(монг/обуца — насыпь) символизировало Мировую гору. Главное условие местоположения знака «обо» — это его позиция, с которой просматривается весь окружающий ландшафт. На вершине сопки Алтыншоки *обо* построено по всем правилам пространственного положения. Именно с этой сопки просматривается вся горная цепь Улытау.

Амир Тимур был происхождением из отягченного монгольского племени барлас, родом из города Кеш [современное название Шахрисабз. — *Примеч. авторов*] [2, с. 157]. Не будучи потомком Чингисхана, он мечтал повторить его славу и могущество Монгольской империи. Вполне возможно, что при сооружении *обо* им двигали наследственная память монгольской культуры ритуалов и желание поклониться духу «потрясателя Вселенной» Чингисхану, воинской славе которого он следовал. *Обо* было построено в местности Улытау, где начинались владения чингизидов Золотой Орды, по всем правилам сакрального кода поклонения духам предков и культа Священной горы. Строительство *обо* определяло сакрализацию особо почитаемой территории [9, с. 28].

Курган-обо как теплотехническое сооружение для разжигания огня имел культовое отношение к огню, одному из главных ритуальных элементов во все времена у всех народов [22]. Использование такого *обо* для сигнального огня, скорее всего, надо исключить. Для сигнального огня достаточно сделать костер из веток, а не строить сложный по структуре курган. В походе против хана Токтамышша, вступая во владения чингизидов, возможно, Тимур при помощи огня задумал совершить очистительный ритуал, известный среди монголов [1, с. 22–25]. Следует отметить, что по известным нам письменным источникам Тимур более нигде и никогда в своих военных походах не соорудил каменной насыпи *обо* как «высокий памятный знак» своего присутствия в данной местности и не использовал огонь как символ очищения.

Поход 1391 г. против хана Токтамышша оказался удачным для Амира Тимура. Возможно, стоя на вершине сопки Алтыншоки, Амир Тимур молился о победе и просил прощения у духов за то, что поднял меч на потомка Чингисхана. Таким был его священный разговор с Горой.

Современный контекст. Сопка Алтыншоки посещается как объект исторического туризма без какой-либо формы поклонения.

Закключение. Почитание гор, сооружение храмов, святилищ, жертвенников на возвышенных местах, курганов на вершинах — это все проявление древнейшего культа Горы. Он основан на способности Горы быть главным ориентиром на местности и маркером, который определяет стабильность пространства. «Мировая гора» относится к архетипам космогонического характера, призванных сакрализировать пространство при помощи совершения ритуалов [23, с. 152–153].

Сооружение *кургана-обо* без погребения на вершине — это символическая имитация образа «Мировой горы» как архетипа, позволяющего вступить во владение новым, только что освоенным пространством. Возможно, он соотносится с символом родовой Горы — оберегом и защитницей, знаком памяти о прародине. *Курганы-обо* на вершинах гор Улытау, скорее всего, выстроены как *темогиа* в честь культовых личностей, будь то святой, или эмир, или хан, объединенных общим понятием «духи предков». По религиозным воззрениям кочевников они становились хозяевами и покровителями местности, поклонение им было призвано способствовать исполнению желаний всех тех, кто исполнял ритуалы.

Современное паломничество в Улытау, к «великой Горе» продолжает жить, помогая соединить в сердце человека обыденное, каждодневное и сакральное, священное. Ритуальный разговор со «священным» позволяет находить ответы на многие жизненные вопросы и делает Гору священной в понимании культурной традиции народов Великого степного пояса. Помогает развиваться и двигаться дальше в понимании мироздания и обустройства окружающего мира. Благодаря этому восстанавливается утерянная связь с природой. Бессмертная энергия необозримой степи бесконечной, как время, наполняет любого, кто поднимается на вершины гор Улытау.

Список литературы

1. Банзаров Д. Белый месяц: празднование нового года у монголов // Банзаров Д. Собр. соч. — М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. — 375 с.
2. Бартольд В. В. Сочинения. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. — Т. II, ч. 1. — М., 1963. — 1020 с.
3. Валиханов Ч. Ч. Идиге (джир) // Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. XXIX / Изд. под ред. [и с предисл.] Н. И. Веселовского. — СПб., 1904. — С. 222–264.
4. Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. — М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1950. — 505 с.
5. Григорьев А. П., Телицын Н. Н., Фролова О. Б. Надпись Тимура 1391 г. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. — Вып. 21. — СПб. : С.-Петербург. ун-т, 2004. — С. 3–24.
6. Едигей [Электронный ресурс] // Википедия. — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Едигей> (дата обращения 13.04.2021).
7. Жанұзақов Т. Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі / Жалпы редакциясын басқарған. — Алматы : Дайк-Пресс, 2008. — 968 с.
8. Жирмунский В. М. «Едиге» — 600 лет // Половецкая луна. — 1993. — № 3/7. — С. 63–81.
9. Жуковская Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. — М. : Наука, 1988. — 196 с.
10. Ислам // Энциклопедический словарь. — М. : Наука, 1991. — 315 с.
11. Казахско-русский словарь [Электронный ресурс] // URL: <http://www.вокабула.рф/словари/казахско-русский-словарь/аулие> (дата обращения 13.04.2021).
12. Мажитаева Ш., Каскатаева Ж., Хан Н. Семантика цвета в казахском языке: лингвокульту-
роведческий аспект // European Researcher. — 2013. — Vol. № 5–3 (50). — С. 1454–1458.
13. Маргулан А. Х. Археологические разведки в бассейне р. Сары-су (Из отчета экспедиции 1946 года) // Вест. АН КазССР. — 1947. — № 7. — С. 17–22.
14. Мечеть [Электронный ресурс] // Википедия. — URL: <http://wiki-org.ru/wiki/Мечеть> (дата обращения 13.04.2021).
15. Ногайская Орда [Электронный ресурс] // Википедия. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ногайская_Орда (дата обращения 13.04.2021).
16. Потанин Г. Н. Тюркская сказка о Идыге // Живая старина. — 1897. — № 7. — Вып. 3–4. — С. 294–350.
17. Сатпаев К. И. Основные специфические особенности геологии и металлогении Джезказган-Улугауского района (Листы М-42 и L-42-A). — Алма-Ата, 1956.
18. Семби М. Улытау // Краткий энциклопедический словарь исторических топонимов Казахстана / Сост. И. В. Ерофеева. — Алматы : КазНИИИ, 2014. — С. 427–431.
19. Страленберг, Филипп Иоганн фон [Электронный ресурс] // Википедия. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Страленберг,_Филипп_Иоганн_фон (дата обращения 13.04.2021).
20. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. — М. : Вост. лит. РАН, 2002. — 752 с.
21. Усманова Э. Р., Жумашев Р. М., Джумабеков Ж. А., Антонов М. А., Каспаров А. Р. Комплекс Алтыншоки в ландшафте военного конфликта Тимура и Токтамыша // Знак Тимура на сопке Алтыншоки. Сборник статей и публикаций. — Караганда : Ltd Tengri, 2019. — С. 93–123.
22. Харузина В. Н. К вопросу о почитании огня // Этнограф. обозрение. — 1906. — Вып. 3–4.
23. Элиаде Мирча. Космос и история. — М. : Прогресс, 1987. — 312 с.

Сведения об авторах

- Э. Р. Усманова**, Научный сотрудник, Сарыаркинский археологический институт, Карагандинский университет им. академика Е. А. Букетова. Караганда, Казахстан. emmadervish2004@mail.ru
- С. В. Захаров**, кандидат исторических наук, исполнительный директор, Научно-исследовательская организация «Археологическая экспертиза». Алматы, Казахстан. Zaharov_sv_69@mail.ru
- Д. А. Джумабеков**, кандидат исторических наук, декан исторического факультет, Карагандинский университет им. академика Е. А. Букетова. Караганда, Казахстан. azmukhan@mail.ru
- М. А. Антонов**, научный сотрудник, институт археологии им. А. Х. Маргулана. Алматы, Казахстан. xeofox@mail.ru

THE TRADITION OF THE MOUNTAIN CULT IN ULYTAU (CENTRAL KAZAKHSTAN) OR RITUAL TALKING TO THE MOUNTAIN

E.R. Usmanova, *Research Associate, Saryarka Archaeological Institute, Buketov Karaganda State University. Karaganda, Kazakhstan. emmadervish2004@mail.ru*

S.V. Zakharov, *Candidate of Historical Sciences, Executive Director, Research organization "Archaeological expertise". Almaty, Kazakhstan. Zaharov_sv_69@mail.ru*

Dzh.A. Dzhumabekov, *Candidate of Historical Sciences, Dean of the Faculty of History, Buketov Karaganda University. Karaganda, Kazakhstan. azmukhan@mail.ru*

M.A. Antonov, Researcher, A. H. Margulan Institute of Archaeology. Almaty, Kazakhstan. xeofox@mail.ru

The article describes the ritual structures on the peaks of Ulytau (Karaganda region, Kazakhstan). Sacred mounds are dedicated to the Emir of Edyge and the legendary saint. The complex on the Altynshoky hill dated of military campaign of Amir Timur against Khan Toktamys in 1391. It consists of the "Timur Stone" with an inscription and a mound. The mound-obo in Ulytau can be considered as the embodiment of the cult of the World Mountain and the worship of ancestral spirits. Apparently, the cult of the mountain began to create in the Golden Horde time and continues to the present day in the form of a pilgrimage to the peaks Auelie-Akmechet, Edygetau, Altynshoky.

Key words: *Ulytau, Edyge, Amir Timur, Aulie-Akmechet, kurgan-obo, World Mountain.*

Е. В. Куприянова

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ОСВОЕНИЯ НОВЫХ ТЕРРИТОРИЙ НАСЕЛЕНИЕМ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ (материалы раскопок поселения Томино 1)

Деятельность древнего человека, проходившая за пределами локализованного пространства крупных поселений и могильников, практически не фиксируется в археологическом источнике. Изучение памятника эпохи бронзы Томино 1 в Сосновском районе Челябинской области предоставило уникальную информацию о миграции вглубь лесостепи небольшой группы людей, занимавшихся освоением нового пространства и разведкой сырьевых ресурсов в бронзовом веке. Памятник располагался в малодоступном месте вблизи от месторождения медно-порфировых руд и состоял из одного жилища и двух производственных площадок с остатками теплотехнических сооружений. Поселение существовало краткий промежуток времени, затем было оставлено, а жилище сожжено, очевидно, в ритуальных целях.

Ключевые слова: археология, Южное Зауралье, эпоха бронзы, алакульская культура, поселение, металлургия, производство/

Введение

Процесс расселения древнего человека, освоение человеческими коллективами новых территорий и источников сырья остается малоизученной сферой в археологии бронзового века. Каким образом происходили миграции, какими принципами руководствовались коллективы, решившие мигрировать? Отделялась ли большая группа людей от основного коллектива или сначала отправлялся разведывательный отряд? Как обнаруживались новые источники сырья для металлургического производства, бывшего одним из столпов экономики в позднем бронзовом веке в Южном Зауралье? Все эти вопросы не имеют пока четкого ответа.

Археологические разведки, предполагающие пешие маршруты и использующие материалы дешифрирования аэрофото- и космоснимков, как правило, выявляют памятники, расположенные в характерных местах и эксплуатировавшиеся длительное время. Деятельность древнего человека, проходившая за пределами пространства крупных поселений и могильников, практически не фиксируется в археологическом источнике. В последние два десятилетия была проведена большая работа по поиску и изучению древних рудников и связанной с ними деятельности рудознатцев и металлургов бронзового века в степной зоне Южного Зауралья, Приуралья. Несколькими крупными проектами были охвачены большие территории вокруг укрепленных поселений синташтинской археологической культуры Каменный Амбар, Степное [16; 17], древних рудников Воровская Яма, Мугоджары, Каргалы [13–15; 18] и др. Лесостепная и лесная зоны Урала изучались не так интенсивно (одним из исключений может служить памятник Шайтанское Озеро, несомненно, имеющий отношение к металлургическому производству [7; 11]). Ситуацию затрудняет невозможность применения методов дешифрирования аэрофото- и космоснимков на территориях с большой залесенностью. Таким образом, лесная и лесостепная зоны Южного Зауралья остаются практически белыми пятнами как в реконструкции системы расселения племен в бронзовом веке, так и в изучении путей и принципов миграции.

Цели, задачи, методы исследования

Исследования поселения эпохи бронзы Томино 1 в Сосновском районе Челябинской области на территории строительства Томинского ГОКа методом сплошного раскопа были проведены археологической экспедицией ЧелГУ в 2015 г. (рис. 1). Изучение этого памятника предоставило уникальную информацию о миграции вглубь лесостепи небольшой группы людей, занимавшихся освоением нового пространства и разведкой сырьевых ресурсов в бронзовом веке.

Поселение эпохи бронзы Томино 1 было открыто в 2004 г. ныне покойным сотрудником ОГБУК «Государственный научно-производственный центр по охране культурного наследия Челябинской области» Н. М. Меньшениным. В 2011 г. ООО «ЦИКР «Рифей»» были проведены полевые разведочные исследования и уточнена характеристика памятника, обозначены его границы, выполнены описание, графическая и фотофиксация, определена необходимость раскопок поселения [2; 10]. Открытие и раскопки поселения Томино 1 проводились по договору и были связаны с изучением участков, подлежащих хозяйственному освоению на территории будущего горно-обогатительного комбината. Шансы обнаружить поселение методами стандартной археологической разведки были невелики. Памятник расположен в нетипичном месте — заболоченных истоках р. Каменка, без доступа к воде, на небольшой площадке в центре лесного массива. Трудность его обнаружения состояла и в отсутствии выраженных в ландшафте следов древних архитектурных сооружений, за исключением одной впадины, и в высокоом травостое, обилии болотной растительности, практически не позволяющем обнаружить подъемные сборы. Лишь тщательность подхода к разведкам и осмотр абсолютно каждого участка разведываемой территории, которые были характерны для разведочных исследований Н. М. Меньшенина, позволили не пропустить уникальный древний объект.

Целью работ было полное исследование памятника для дальнейшего продолжения строительства. Вследствие малой насыщенности культурного слоя контуры раскопа определялись шурфовкой территории вокруг единственной жилищной впадины и выведением его конфигурации на захват шурфов, содержавших археологический материал. Ситуация осложнялась тем, что за годы, прошедшие между открытием памятника и его исследованием раскопчным методом, местными жителями в сельскохозяйственных целях землеройной техникой был частично снят верхний почвенный слой и сверху насыпан переотложенный слой чернозема мощностью до 50 см, археологически стерильный. Это обстоятельство выяснилось лишь в процессе раскопок при сравнении профилей шурфов 2004 и 2015 гг. Можно предполагать, что какие-то важные

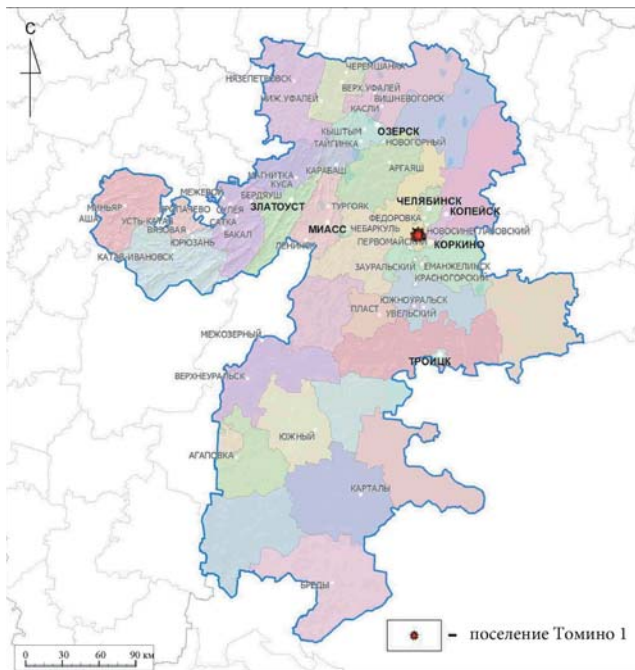

Рис. 1. Расположение поселения Томино 1 на карте Челябинской области

конструкции (производственные площадки, теплотехнические сооружения и пр.) были утрачены.

В задачи исследования входило получение максимального объема информации с разрушаемого объекта, в связи с чем применялся комплексный метод исследования, включающий геологический, геохимический, археозоологический, трасологический и другие виды анализа материала и последующее сопоставление полученных результатов для заключения о характере и назначении памятника.

Исследования поселения бронзового века Томино 1 в 2015 г.

Поселений бронзового века в лесостепной полосе Южного Зауралья известно гораздо меньше, чем в степной зоне. В 2015 г. поселение Томино 1 было полностью раскопано археологической экспедицией ЧелГУ под руководством Е. В. Куприяновой [9], памятник состоял из одного жилища полуземляночного типа и двух производственных площадок (рис. 2, 3).

Исследованная впадина имела небольшие размеры (17×14 м, глубина 0,35 м) (рис. 3), была ориентирована меридионально. Ее дно устилал золистый слой с включением угольков толщиной 5–15 см. Ниже располагался белый глинистый слой — обмазка пола. Заполнение жилищной впадины исключительно бедно находками, кроме нескольких каменных артефактов, фрагментов керамики и костей животных, что не вполне типично для жилищ бронзового века и свидетельствует о периодических уборках, а также очистке дома перед его покиданием. Геохимический анализ почв из заполнения котлована¹ показал наличие золистых слоев — продуктов сжигания органических остатков, а также то, что пол жилища в период функционирования устилался органикой. Вокруг

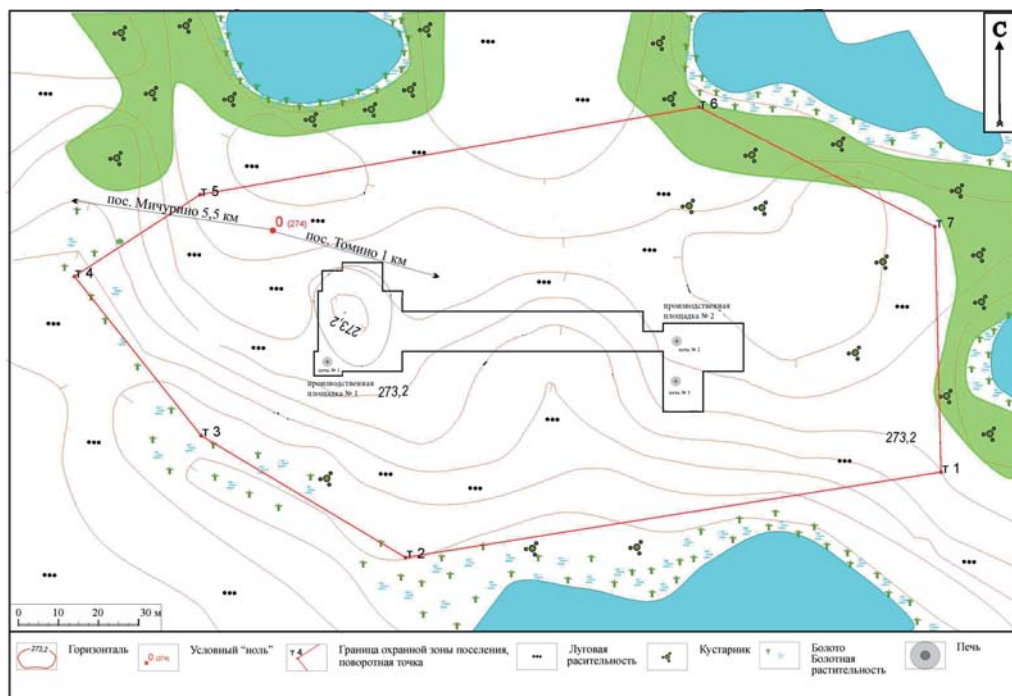

Рис. 2. Поселение Томино 1. Топографический план памятника с нанесенным раскопом 2015 г. Система высот Балтийская. Горизонтали проведены через 0,3 м

¹ Геохимический анализ почв проведен сотрудником Университета им. Герцена А. А. Челоскиным (г. Санкт-Петербург).

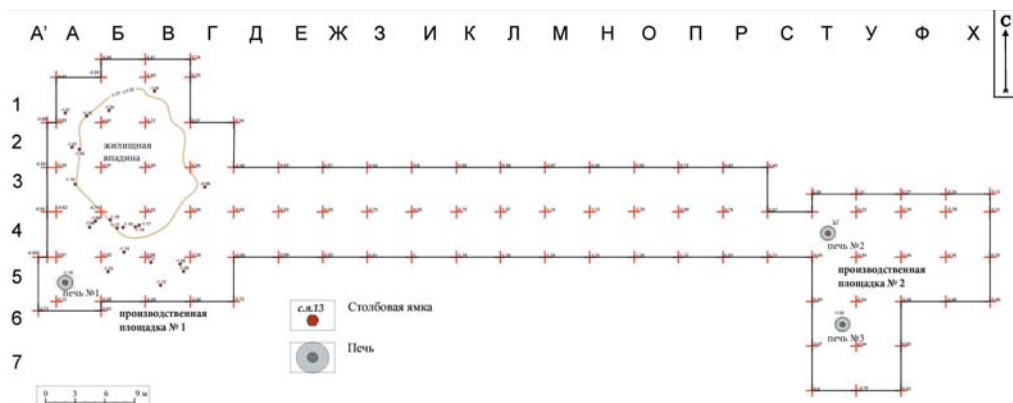

Рис. 3. Поселение Томино 1. Общий план раскопа

котлована расчищено 15 столбовых ямок, следы от опорной конструкции стен дома — парных столбов, обшитых досками, пространство между которыми заполнялось блоками из глины, песка или гумуса. Среди остатков угля в жилище фиксируется в основном береза и единично ива. Можно предположить, что береза использовалась для столбовых конструкций каркаса, а ива — для сооружения плетней-перегородок внутри жилища или для оплетения каркаса жилища снаружи. Подобная архитектура широко известна для поселений бронзового века синташтинско-петровско-алакульской генетической линии Южного Зауралья [5, с. 24–29]. Многосемейные жилища полуземляночного типа прямоугольной либо трапециевидной формы со стенами из деревянного каркаса характерны как для укрепленных, так и для неукрепленных поселений степной зоны, что, по мнению исследователей, подтверждает преемственность традиций от среднего к позднему бронзовому веку [1, с. 10]. Яркие следы горения и стерильность культурного слоя свидетельствует о том, что в финале жилище было подожжено и поджог был преднамеренным.

Южнее жилища находился комплекс объектов — остатки навеса и теплотехнического сооружения (печь № 1) — обладавших признаками производственного назначения (производственная площадка № 1). От навеса зафиксированы шесть столбовых ямок — остатки опорной, пристроенной к жилищу с юга конструкции, несущей крышу. Здесь найдено множество кремневых отщепов и других орудий (рис. 4: 9–13). Остатки печи представлены несколькими пятнами красного прокала 40×40 см мощностью 5–8 см, расположенными по кругу (рис. 5: 1). Вокруг них фиксируется круговой контур белой глины мощностью 2–3 см, чуть восточнее расположено пятно желтой глины, которое могло являться остатками купольной конструкции печи. Северо-западнее находилась плоская каменная плита, лежавшая горизонтально. Отсутствие других камней не позволяет отнести ее к строительному материалу, скорее всего, она играла роль наковальни или рабочей площадки в металлургическом или каменном производстве. Геохимический анализ почвы свидетельствует о том, что на этой площадке в древности производилась плавка металла.

Производственная площадка № 2 располагалась в восточной части раскопа и состояла из двух теплотехнических сооружений (печи № 2 и 3) (рис. 5: 2, 3). На этой территории также зафиксировано скопление артефактов, расположенное к востоку от остатков печей — фрагменты керамики, каменные сколы и орудия, два фрагмента шлака (рис. 6: 6, 7). Небольшая концентрация находок в районе самих печей № 2 и 3 объясняется, вероятнее всего, тем, что верхние почвенные слои над ними были в недавнем времени срезаны, а находящийся сверху грунт является перемещенным. Замечательны найденные на этой же площадке фрагмент керамического блюда с негативом,

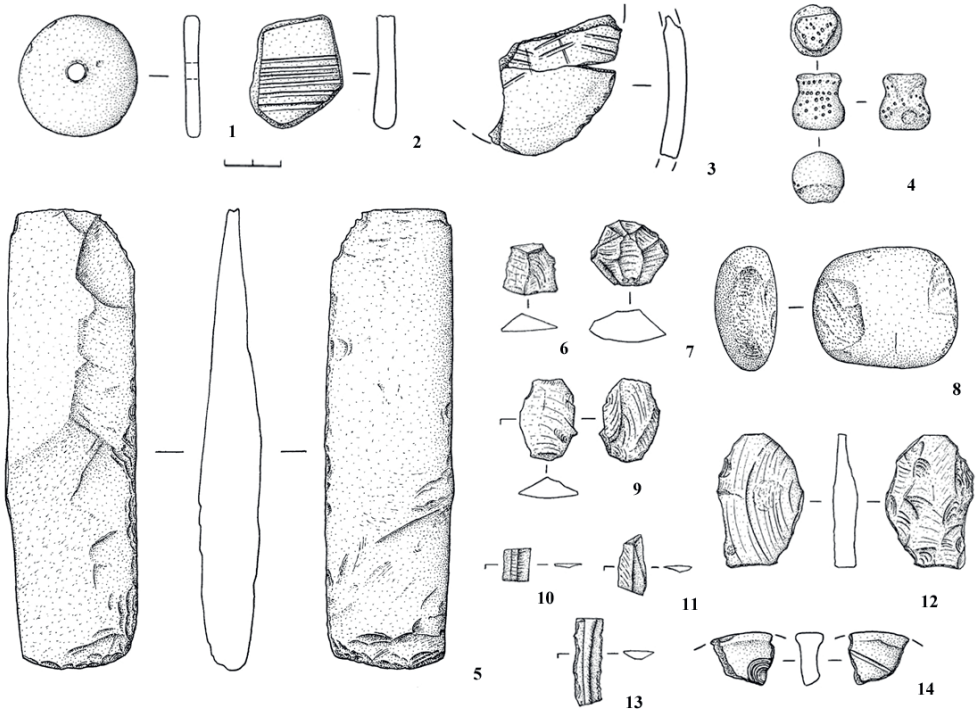

Рис. 4. Поселение Томино 1. Изделия из керамики и камня:
 1 — керамическое пряслице; 2-3 — фрагменты керамических пряслиц; 4 — вотивный керамический сосудик; 5 — каменный топор; 6-7, 9-13 — артефакты из кремневых пород; 8 — орудие из кварцевой гальки; 14 — фрагмент изделия из глины (литейная форма?)

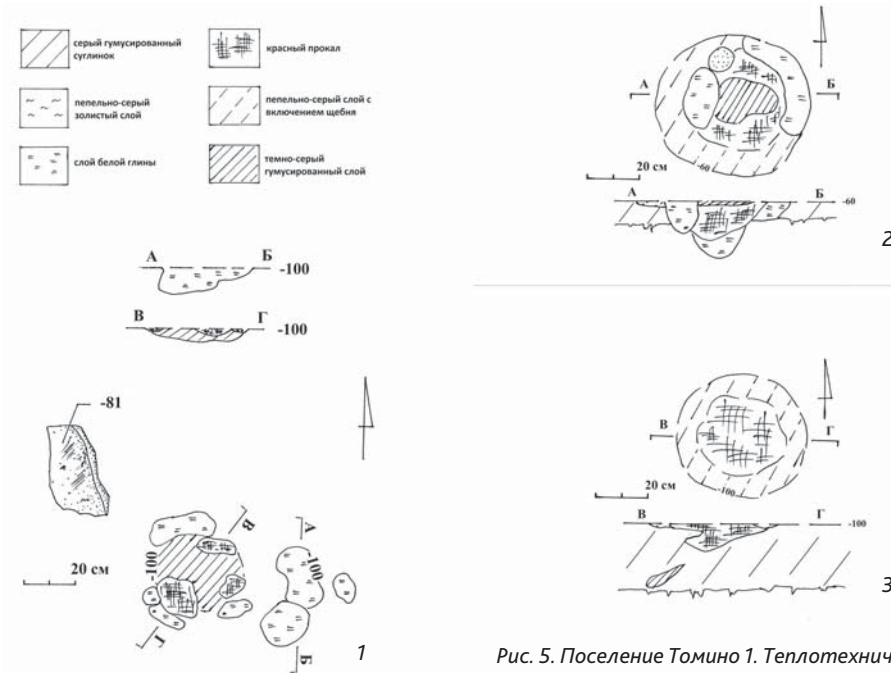

Рис. 5. Поселение Томино 1. Теплотехнические сооружения: 1 — печь № 1; 2 — печь № 2; 3 — печь № 3

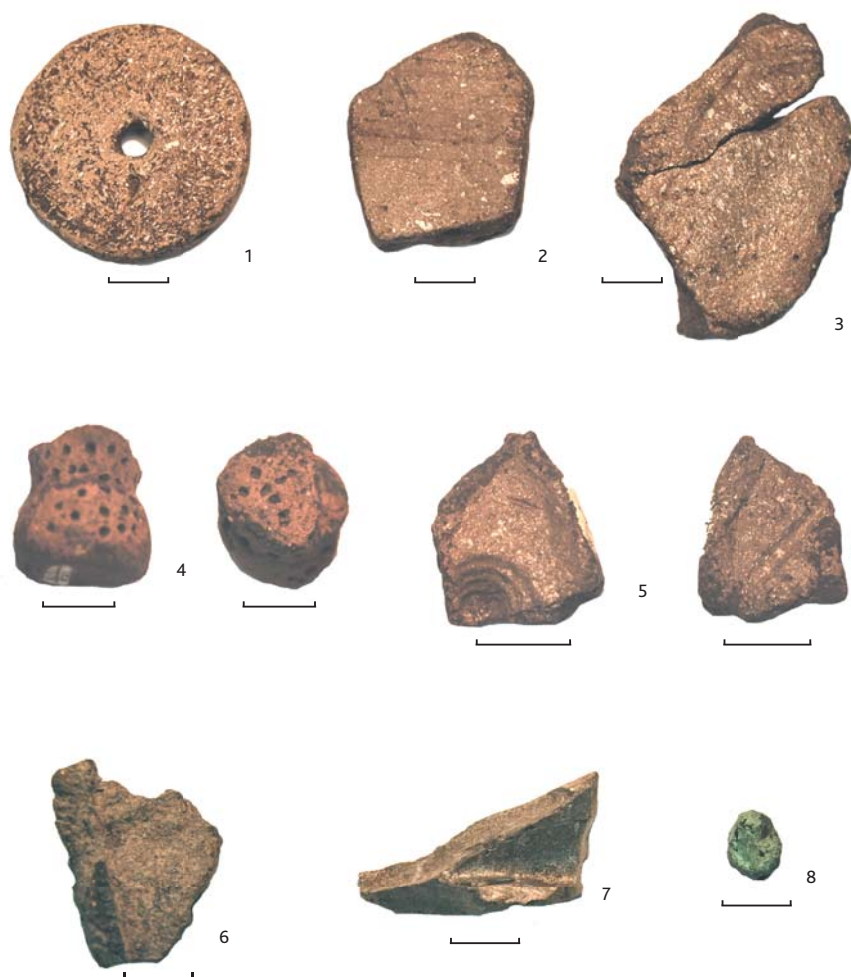

Рис. 6. Поселение Томино 1. Изделия из керамики и остатки металлургического производства:
1 — пряслице керамическое; 2–3 — фрагменты керамических пряслиц; 4 — вотивный керамический
сосудик; 5 — изделие из керамики — фрагмент формы для изготовления украшений (?);
6–7 — фрагменты шлаков; 8 — бронзовый сплеск

похожим на спиральное окончание женского браслета эпохи бронзы (возможно, фрагмент металлургической формы), и миниатюрная модель керамического сосуда. Кухонные остатки и бытовой мусор на этой территории отсутствуют.

Печь № 2 (рис. 5: 2) имела диаметр в плане 0,6 м. При зачистке на уровне (–60)–(–70) на предматериковом слое был зафиксирован круглый контур сложного состава. С запада и северо-востока фиксировались полукруглые контуры светло-серого цвета (глина, смешанная с гумусом и щебнем) шириной 0,1–0,15 м. В центре располагалось круглое темное пятно прокала черного цвета шириной 0,18–0,2 м, вокруг и ниже которого располагался мощный слой красного прокала диаметром 0,35–0,4 м и толщиной до 0,15 м. В разрезе прокал имел чашеобразную форму. Ниже, под прокалом в центре печи находилось круглое пятно белой глины диаметром 0,15 м, в разрезе линзовидное, представляющее собой также часть конструкции печи.

Печь № 2 из всех трех находок теплотехнических сооружений представляет собой наиболее классический и хорошо сохранившийся пример древней печи, состоящей из глиняных купола, подложки и очага в центре. Строительная смесь для купола была

сделана, видимо, из смеси глины, земли и цемента. Судя по профилям, представляется что верхняя часть конструкции купола была срезана распашкой. Мощность слоя прокала свидетельствует о том, что печь использовалась многократно.

Печь № 3 (рис. 5: 3) расположена непосредственно на одной линии к югу от печи № 2. Диаметр печи в плане — 0,5 м. При зачистке на уровне (–100)–(–105) на предматериковом слое был зафиксирован круглый контур красного прокала, в разрезе линзовидный, мощностью до 0,05 м. Вокруг прокала располагался гумусный слой, смешанный со щебнем, пепельно-серого цвета с нечеткими очертаниями, толщиной 2–3 см.

Конструкция печи № 3 более примитивна, чем печи № 2. Мощность прокала небольшая. Возможно, печь использовали недолгое время. Однако, поскольку выше на всем участке и прилегающей площади располагался слой современного перемеса, можно предположить, что верхняя часть печи и прокала была срезана и уничтожена в современности.

Остатки похожих сооружений ранее многократно фиксировались на поселениях эпохи поздней бронзы Южного Зауралья [3]. Археологами Лаборатории экспериментальной археологии ЧелГУ проводились многочисленные эксперименты по реконструкции подобных печей и выплавке в них металла (рис. 7). Археологизированные остатки таких сооружений полностью идентичны найденным на поселениях объектам.

Поражает практически полное отсутствие костного материала, характерного для поселенческих памятников бронзового века. Кости животных представлены фрагментами костей девяти лошадей, одной коровы, трех овец и одного дикого гуся¹. Расположение поселения в центре лесного массива исключает существование развитого животноводства. Лошадь как ездовое и тяговое животное было исключительно полезно в хозяйстве для мобильных коллективов людей — этим и объясняется его преобладание, в отличие от материалов других поселений этой эпохи, где численно преобладает крупный и мелкий рогатый скот [см. например: 6; 18 и др.]. Мясо либо сами животные, очевидно, выменивались в крупных поселениях степной и лесостепной зоны, специализирующихся на животноводстве. Кости дикого гуся свидетельствуют о существовании охотничьих промыслов в небольшом коллективе, проживавшем на поселении. Зафиксировано также множество копролитов собаки — неременного спутника человеческих коллективов.

Тонкость культурного слоя, а также монолитность, единообразие и немногочисленность керамического комплекса (рис. 8) свидетельствуют, что поселение функционировало крайне непродолжительное время. В целом коллекционная опись находок включает 716 единиц артефактов и около 400 фрагментов неопределимой неорнаментированной керамики, что крайне мало для полноценного поселенческого комплекса. Вся посуда представлена плавнопрофилированными сосудами с уступчатым плечиком и характерным орнаментом, относящимися к алакульской археологической культуре (XVII–XV вв. до н. э.). Несколько фрагментов имеют ранние черты, сходные с петровскими. Весь комплекс в целом носит следы федоровского влияния — множество сосудов реконструируются как тонкостенные, с высокой шейкой и богатым меандровидным орнаментом, нанесенным по косой сетке гребенчатым штампом (рис. 8: 1–2, 7, 12).

Кроме керамики в слое поселения найдены каменные и глиняные изделия. Среди остальных находок можно отметить артефакты, не являющиеся изделиями, но свидетельствующие о существовании металлургической практики на поселении. К ним относятся бронзовый сплеск — капля металла округлой формы, размерами 1×0,8 см (рис. 6: 8), и два фрагмента металлургических шлаков (рис. 6: 6–7). Эти отходы производства неоднозначно свидетельствуют о том, что население, проживавшее на па-

¹ Археозоологические определения и определения органики Л. Л. Гайдученко (г. Челябинск, ЧелГУ).

Рис. 7. Экспериментальные работы по воспроизведению древних металлургических печей и плавки металла по древним технологиям (автор И. А. Русанов)

мятнике, не только пользовалось металлическими предметами, но и само владело технологиями производства меди. Находки образцов минералов, таких как красная и желтая охра, гематит и др., в культурном слое эпохи бронзы на производственных площадках № 1 и 2, свидетельствуют о том, что жители поселения активно занимались производственной деятельностью.

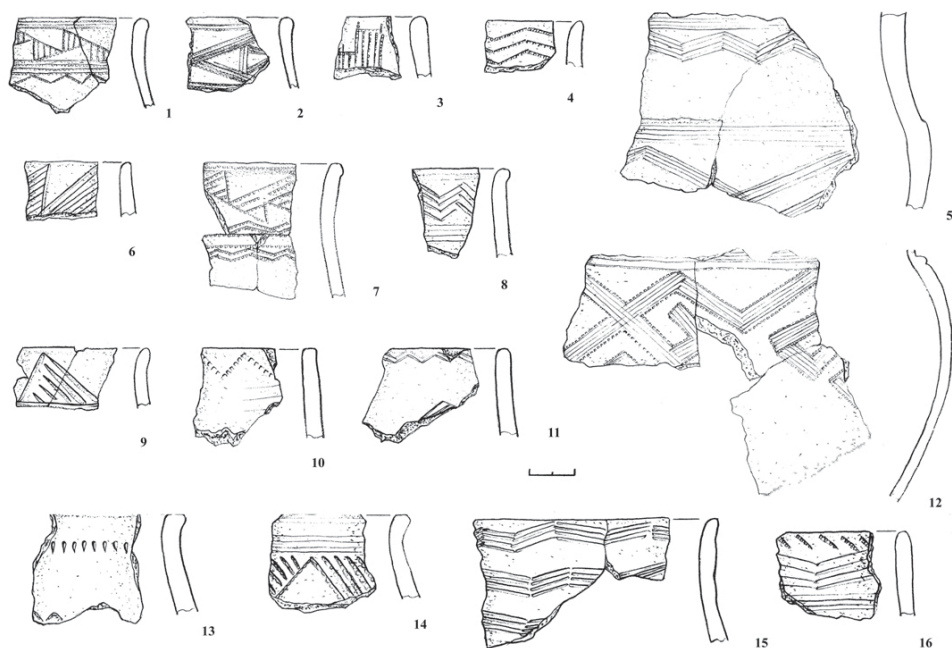

Рис. 8. Поселение Томино 1. Керамический комплекс памятника

Отсутствие крупного источника воды (в ближайшей округе имеются лишь родники, но нет реки) делает эту территорию изначально непригодной для жизни большого коллектива. Близость к крупному месторождению меди подсказывает причину, по которой этот участок мог привлечь внимание древнего человека. На одном из артефактов, представленном несколькими соединяющимися фрагментами и являющемся не чем иным, как образцами медно-порфировых руд, имеются следы выщелачивания меди¹. Вблизи от места расположения поселения Томино 1, на поселении эпохи бронзы Черняки III еще в 1960-х гг. в культурном слое находилась медная руда [12, с. 37], происшедшая с Томинского месторождения.

Коллекция каменных предметов не велика, но разнообразна. Кремневые артефакты, несмотря на немногочисленность, представлены всеми функциональными группами: вкладышем наконечника, мясными ножами, скобелями, резчиками, резцами, проколками. Интересно, что ряд кремневых артефактов датируется эпохой мезолита (рис. 10: 6–7; 9–13). Объяснением этому может служить использование населением бронзового века орудий с более древних стоянок либо нарушением слоем памятника еще более древней стоянки.

Некоторые каменные орудия и их фрагменты, относящиеся к бронзовому веку, являлись средствами металлургического производства (молотами, отбойниками, наковальнями для ювелирных операций и пр.) (рис. 10: 5, 8; 9)². Представлены также заступы, терочники. Интересно что, судя по геологическим определениям, породы камней, из которых изготавливались орудия, были как местного, так и привозного происхождения. Это лишний раз подтверждает и обширные связи, и миграцию группы, оставившей памятник.

¹ Минералогические определения А. И. Левита (г. Челябинск, ЧелГУ).

² Трасологические определения и описание каменных артефактов И. В. Горацука и Д. В. Семина (г. Самара).

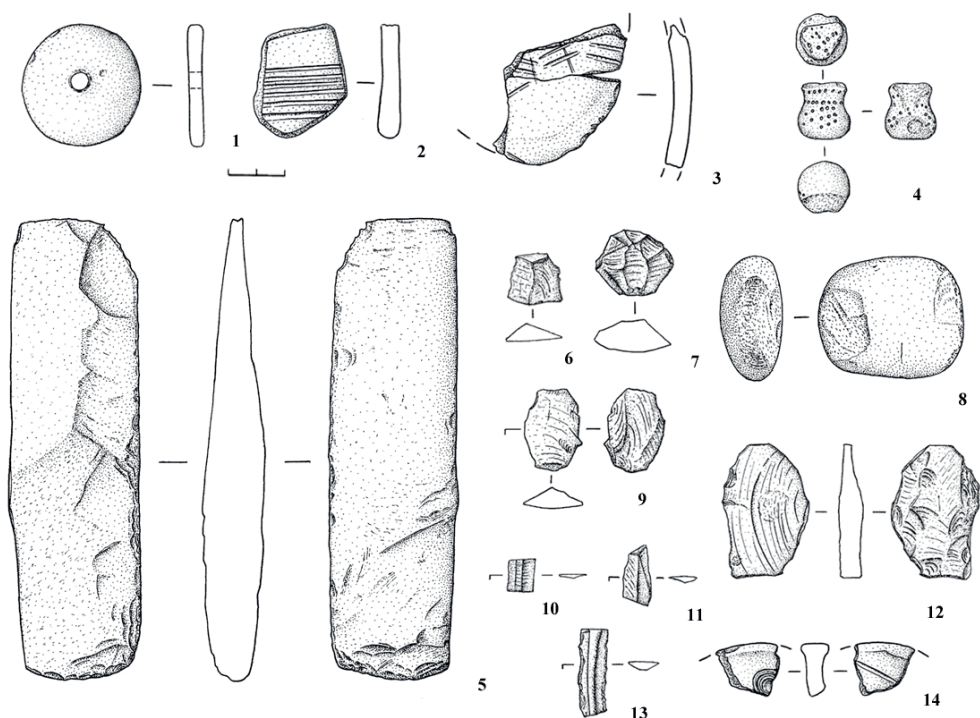

Рис. 9. Поселение Томино 1. Изделия из керамики и камня:

1 — керамическое пряслице; 2–3 — фрагменты керамических пряслиц; 4 — вотивный керамический сосудик; 5 — каменный топор; 6–7, 9–13 — артефакты из кремневых пород; 8 — орудие из кварцевой гальки; 14 — фрагмент изделия из глины (литейная форма?)

Большой интерес представляет находка фрагмента керамического изделия, являющегося, по всей вероятности, формой для производства женских браслетов (рис. 6: 5; 9: 14;). Исследователями ранее отмечалось, что браслеты алакульской культуры имеют витые спиральные окончания, а браслеты федоровской культуры — литые, имитирующие алакульские как подражание стилю [4, с. 67–70; 8, с. 38]. В данном случае мы наблюдаем явную попытку создать форму для спирального окончания литого браслета. Проявление в алакульском керамическом комплексе федоровских черт свидетельствует о наличии контактов между двумя культурами на данном памятнике. Находка фрагмента формы также подтверждает это со всей ясностью. Более того, возможно, форма поможет реконструировать технологию изготовления федоровских литых браслетов. Судя по ней отпечатки окончаний алакульских браслетов фиксировались в глине. Вероятно, это делалось для изготовления паланкировки из золотой фольги для браслета.

Свидетельством существования ритуальной деятельности у жителей поселения является находка миниатюрного вотивного сосудика, цельнолепного без внутренней полости, не имеющего аналогий (рис. 6: 4; 9: 4). Как следы каких-то обрядовых действий можно трактовать находку каменного орудия (рис. 10: 6) внутри одной из столбовых ямок, а также сам факт сожжения жилища по окончании эксплуатации.

Заключение

Результаты исследования позволяют прийти к следующим выводам.

На поселении зафиксированы остатки одного (многосемейного?) жилища не очень крупных размеров и две площадки с остатками артефактов и теплотехнических

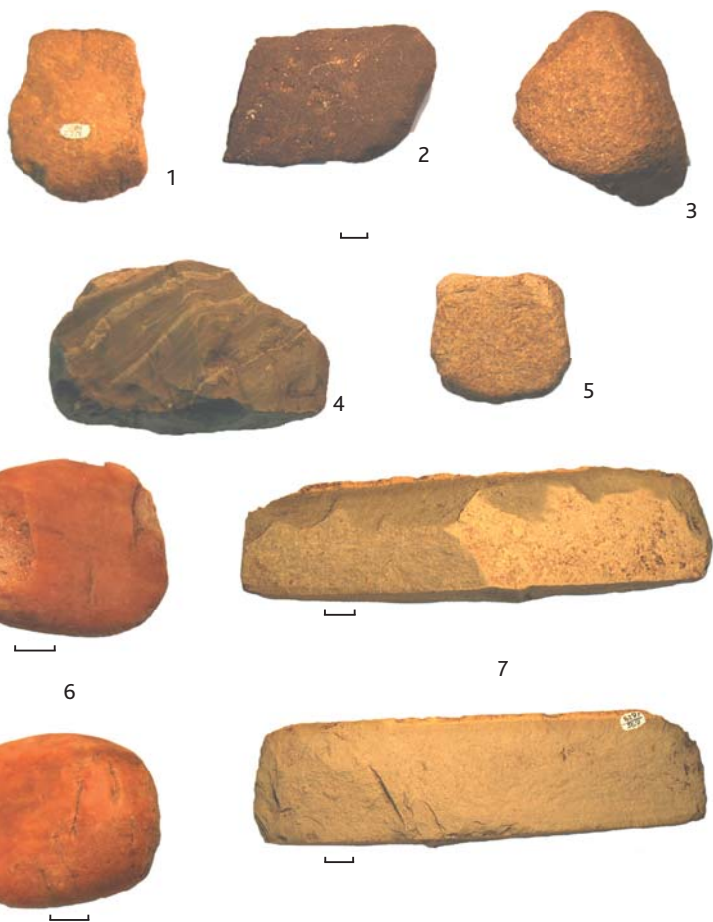

Рис. 10. Поселение Томино 1.
Изделия из камня:
1–3 — фрагменты абразивов и отбойников; 4 — каменное орудие; 6 — отбойник из столбовой ямки производственной площадки № 1; 7 — топор каменный

сооружений, судя по аналогиям, являвшихся металлургическими печами для плавки меди. Объект демонстрирует явные признаки наличия медеплавильного, каменного и других видов производства. Бедность культурного слоя и немногочисленность построек свидетельствуют, что поселение было построено и эксплуатировалось небольшим коллективом людей в течение короткого отрезка времени. Отсутствие бытового мусора и множество производственных остатков заставляют предположить особый характер памятника, отличный от обычных поселений эпохи бронзы — мест обитания племен, основой хозяйства которых было скотоводство отгонно-придомного типа.

Наиболее вероятно, что памятник создан небольшой группой людей, отделившейся от основного коллектива и отправившейся на освоение новых территорий, поиски руды и других источников сырья и ресурсов. Поселение представляло собой заимку, где базировался небольшой коллектив, проводивший исследования округи, изготавливавший орудия и получавший продовольствие, в частности мясо, от соседних поселений. После выполнения своих функций разведывательный отряд оставил поселение, а жилище предварительно сжег, очевидно, в ритуальных целях.

Хочется подчеркнуть, что исследования этого объекта в очередной раз продемонстрировали важность проведения археологических работ на территориях, подлежащих хозяйственному освоению, даже при очевидной бесперспективности участка. Изученный памятник находился в районе, крайне нехарактерном для расположения поселенческих, погребальных и иных археологических объектов, — на заболоченной

территории в центре лесного массива, и лишь тщательные разведочные работы помогли зафиксировать его наличие. Исследованный памятник представляет большую значимость по многим причинам. Лишь благодаря разведке на месте будущего ГОКа был обнаружен новый, ранее не исследовавшийся тип поселенческих памятников эпохи поздней бронзы. Логика подсказывает, что деятельность, подобная разведкам рудознатцев, существовала в древние эпохи, но ее следы редко фиксируются на археологическом материале.

Благодарности

Поселение Томино 1 было открыто благодаря тщательности полевых разведочных исследований, проводившихся Н. М. Меньшенным. В работе экспедиции принимали участие сотрудники УНЦ изучения проблем природы и человека, студенты историко-филологического факультета ЧелГУ, студенты и аспиранты ЮУрГУ, ЧГАКИ, ЧГПУ, волонтеры. Снятие топографического плана памятника, фиксация находок электронным тахеометром выполнены Н. С. и С. А. Батаниными. Камеральная обработка материала проведена Н. В. Малой, О. М. Лариной. Геологические определения сделаны А. И. Левитом (10.08.1935 – 29.04.2016). Геохимические анализы почв и геоморфологическая съёмка выполнены А. А. Челошкиным. Зооархеологические определения выполнены Л. Л. Гайдученко (24.05.1948 – 18.03.2021). Трасологическая обработка коллекции каменных артефактов проведена И. В. Горашуком. Всем принимавшим участие в исследованиях лицам автор выражает благодарность.

Список источников и литературы

1. Алаева И. П. Культурная специфика памятников позднего бронзового века степной зоны Южного Зауралья : автореф. ... канд. ист. наук. — М., 2015. — 23 с.
2. Боталов С. Г. Проект строительства Томинского горно-обогатительного комбината. Раздел: сохранение объектов культурного наследия / Архив ОГБУК «ГНПЦ по охране культурного наследия Челябинской области». — Челябинск, 2012.
3. Григорьев С. А., Русанов И. А. Экспериментальная реконструкция древнего металлургического производства // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. — Челябинск : Каменный пояс, 1995. — С. 147–158.
4. Евдокимов В. В., Усманова Э. Р. Знаковый статус украшений в погребальном обряде (по материалам могильников андроновской культуры Центрального Казахстана) // Археология Волго-Уральских степей. — Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1990. — С. 66–80.
5. Зданович Г. Б. Аркаим. Арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. — Челябинск : Каменный пояс, 1995. — С. 21–42.
6. Косинцев П. А. Костные остатки животных из укрепленного поселения Аркаим // Археологический источник и моделирование древних технологий : тр. музея-заповедника Аркаим. — Челябинск : СПИИАЦ «Аркаим», 2000. — С. 17–44.
7. Кузьминых С. В., Луньков В. Ю., Орловская Л. Б. О металле культового памятника эпохи бронзы на Шайтанском озере (Средний Урал) // КСИА. — 2015. — Вып. 241. С. — 89–94.
8. Куприянова Е. В. Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как «текст» (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). — Челябинск к: Автограф, 2008. — 244 с.
9. Куприянова Е. В. Археологические полевые работы по сохранению объекта культурного наследия «Поселение Томино I» в Сосновском районе Челябинской области в 2015 году. Отчет / Архив Учебно-научного центра изучения проблем природы и человека ЧелГУ. — Челябинск, 2015.
10. Мишин С. А. Материалы полевых исследований на участке, предоставленном для разработки Томинского месторождения медно-порфировых руд, расположенного восточнее п. Томино, севернее п. Первомайский, южнее п. Дубровка-Челябинская Сосновского муниципального района : отчет / Архив ОГБУК «ГНПЦ по охране культурного наследия Челябинской области». — Челябинск, 2011.
11. Сериков Ю. Б., Корочкова О. Н., Кузьминых С. В., Стефанов В. И. Шайтанское Озеро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2009. — № 2 (38). — С. 67–78.
12. Стоколос В. С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья (хронология и периодизация). — М. : Наука, 1972. — 169 с.
13. Ткачев В. В. Формирование культурного ландшафта Уральско-Мугоджарского региона в позднем бронзовом веке: освоение медно-рудных ресурсов и стратегия адаптации к условиям горно-степной экосистемы // Stratulum. Археология и культурная антропология. — 2017. — № 2. — С. 205–230.

14. Черных Е. Н. Каргалы. Т. V. Каргалы: феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаённая (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. — М. : Языки славянской культуры, 2007. — 200 с.
15. Юминов А. М., Зайков В. В., Коробков В. Ф., Ткачев В. В. Добыча медных руд в бронзовом веке в Мугоджарах // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2013. — № 3 (55). — С. 87–96.
16. Hanks, B. Doonan R., Zdanovich D., Kupriyanova E., Pitman D., Batanina N., Johnson J. Metals, Society and Economy in the Late Prehistoric Eurasian Steppe // *Archaeometallurgy in Global Perspective* B. Roberts & C. Thornton (Eds). *Early metallurgy: a global reader*. — New York : Springer, 2014. — P. 755–784.
17. R. Krause and L. Koryakova (ed.). *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*. — Bonn : Verlag Dr. Rudolf Habelt — GmbH, 2013. — 355 p.
18. Rassadnikov A., Kosintsev P., Koryakova L. The osteological collection from the Kamennyi Ambar settlement // R. Krause and L. Koryakova (ed.). *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*. — Bonn : Verlag Dr. Rudolf Habelt — GmbH, 2013. — P. 239–284.
19. Zaykov V. V., Yuminov A. M., Bushmakin A. Ph., Zaykova E. V., Tairov A. D., Zdanovich G. B. Ancient cooper mines and products from base and noble metals in the Southern Urals // *Complex societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millenium BC: Regional specifics in light of global models*. Washington DC, 2002. — Vol. II. — Pp. 417–442.

Сведения об авторе

Е. В. Куприянова, кандидат исторических наук, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. dzdan@mail.ru

ABOUT WAYS OF DEVELOPMENT THE NEW SPACE TO POPULATION OF SOUTH TRANS-URALS IN THE BRONZE AGE (Tomino 1 settlement)

E.V. Kupriyanova, candidate of historical sciences, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. dzdan@mail.ru

The activity of ancient people, which took place beyond localized space of settlements and cemeteries, is non fixing for archaeological sites. The research of the Bronze Age site Tomino 1 in Sosnovsky district of Chelyabinsk region let have for archaeologists unique information about migration of small group of population to the forest-steppe for reclaiming of new space and survey of raw material resources. The site was situated in the place difficult of access, near the copper mine, and was consist of one dwelling and two production places with kiln remains. The settlement was exist not long time and then was leave. The dwelling was burn apparently in the rite process.

Key words: *archaeology, South Trans-Urals, Bronze Age, Alakul' culture, settlement, metallurgy, production.*

И. В. Грудочко, А. Л. Плаксина

ЛАНДШАФТНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ КУРГАНОВ С «УСАМИ» ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ (предварительный анализ)¹

Публикуются археологические комплексы курганы с «усами» из Южного Зауралья. Всего приведено 90 памятников урало-тобольского водораздела, которые собраны в ГИС-базу данных и впервые проанализированы с точки зрения их приуроченности к определенному ландшафту. Мы считаем, что вполне допустимо рассматривать курганы с «усами» как маркеры хозяйственного освоения южноуральской степи кочевниками в IV–VII вв. н. э., а полученные результаты являются материалами к реконструкции системы землепользования раннего средневековья.

Ключевые слова: курганы с «усами», раннее средневековье, ГИС, кочевники, степь, Зауральский пенеппен.

Археологические комплексы, т. н. курганы с «усами», с уверенностью можно назвать опорными памятниками IV–VII вв. н. э., которые маркируют первое проникновение раннетюркского населения в урало-казахстанские степи. Как известно, они представляют собой оригинальную конструкцию, включающую курганную насыпь, от которой в восточном направлении тянутся две выкладки, длиной до 200 и более метров.

В настоящее время нам известно 610 задокументированных комплексов [7], хотя их реальное количество больше. Курганы с «усами» обнаружены на обширной территории и занимают в целом срединную часть степной Евразии. Подавляющее большинство памятников расположено в урало-казахстанских степях и полупустынях. Менее представительная серия находится в пределах Семиречья и Южного Казахстана, единичные комплексы открыты в Калмыкии, Приднепровье и Крыму [18; 19]. Совсем недавно на русском языке были опубликованы курганы с «усами» из Синьцзян-Уйгурского АР КНР [8].

Курганы с «усами» из Южного Зауралья, по крайней мере значительная их часть, стали известны благодаря целенаправленному поиску с помощью дешифровки аэрофотоснимков юга Челябинской области. Результаты этих изысканий изложены в Археологической карте Кизильского района [9] и карте памятников р. Карагайлы-Аят [20]. Первое картирование было осуществлено И. Э. Любчанским [4; 11].

Цель данной работы заключается в апробации ландшафтного подхода и раскрытии его потенциала для изучения курганов с «усами» Южного Зауралья. Это исследование только начинается, поэтому в статье мы приводим предварительные результаты. В конечном итоге, по нашему мнению, это даст новые материалы для реконструкции жизнедеятельности человека и среды его обитания, в частности, кочевников поздней древности и раннего средневековья.

По нашим данным, в Южном Зауралье насчитывается 90 курганов с «усами»². Административно они находятся в России и Казахстане — Челябинской, Оренбургской, Кустанайской, Актюбинской областях и Башкортостане (рис. 1). С точки зрения

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20-49-740011.

² Авторы благодарят Н. С. Батанину за предоставленные материалы по неопубликованным памятникам.

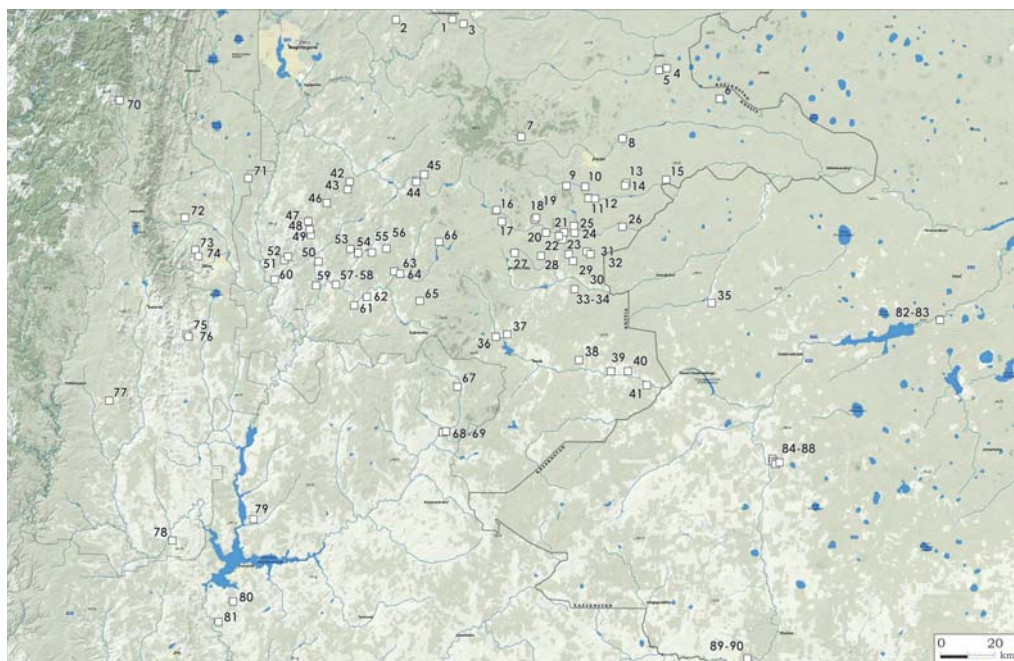

Рис. 1. Курганы с «усами» Южного Зауралья (подписи см. в таблице)

физической географии они занимают урало-тобольское междуречье в зоне зауральского пенеблена. На западе ареал ограничен восточными отрогами Уральских гор, на востоке — верхним течением р. Тобол. Северная граница зауральских курганов с «усами» не выходит северней широтного течения р. Тогузак (в Челябинской области). Много комплексов обнаружено по рекам Караганка и Зингейка (притоки р. Урал).

Исходная база данных приведена в таблице, которая включает в себя сведения о длинах гряд, их материале и типе кургана с «усами» (рис. 2). Картографирование осуществлялось по имеющимся данным о памятниках, которые включают в себя научные публикации, архивные данные, материалы дешифрирования аэро- и космосъемки. В перспективе предусмотрены также полевые работы по уточнению мест расположения памятников. Все эти данные ложатся в основу ГИС базы данных, анализ которой планируется проводить в программе ArcGIS. В дальнейшем, для пространственного анализа мест расположения памятников относительно природных ландшафтов и относительно друг друга, в ГИС-проект будет добавлена информация с тематических карт (почвенные карты, геоморфологические, геологические)

	a	b	c
I			
II			
III			
	○ - А ● - Б		

Рис. 2. Типология курганов с «усами». А — курган ранней эпохи; Б — головной курган комплекса с «усами»

Курганы с «усами» Южного Зауралья (рис. 1)

(*) : гряды-«усы» сохранились не полностью; (**): грунтовые гряды

№	Название	Тип	Длина северной гряды	Длина южной гряды	Средняя длина гряд	Административное расположение	Источник
1	Гумбейка-Кызыл-Чилик	I	?	100	100	Нагайбакский район, Челябинская область	неопубликованные материалы Н. С. Батаниной
2	Солодянка	I	100	100	100	Нагайбакский район, Челябинская область	неопубликованные материалы Н. С. Батаниной
3	Луканик**	I	180	160	170	Нагайбакский район, Челябинская область	неопубликованные материалы Н. С. Батаниной
4	Варненский	I	160	140	150	Варненский район, Челябинская область	[4, с. 15, рис. 1, № 1]
5	Тулак	?	?	?	?	Варненский район, Челябинская область	[4, с. 15, рис. 1, № 2]
6	Новокулевчинский	?	?	?	?	Варненский район, Челябинская область	[4, с. 15, рис. 1, № 3]
7	Оленина Отнога	Ia	57	51	54	Карталинский район, Челябинская область	[4, с. 15, рис. 1, № 13]
8	Мичуринский	I	?	?	?	Карталинский район, Челябинская область	[4, с. 15, рис. 1, № 4]
9	Красный Яр	I	125	100	113	Карталинский район, Челябинская область	[4, с. 15, рис. 1, № 7]
10	Вишневы	I	100	95	98	Карталинский район, Челябинская область	[4, с. 15, рис. 1, № 10]
11	Знойный / Вишневы 2**	I	135	125	130	Карталинский район, Челябинская область	[18, № 103]
12	Вишневы 3**	I	150	135	143	Карталинский район, Челябинская область	[18, № 104]
13	Рассветное**	I	125	100	113	Карталинский район, Челябинская область	[18, № 128]
14	Рассветное 2	I	100	80	90	Карталинский район, Челябинская область	[18, № 129]
15	Городищенское IX	Ia	220	220	220	Карталинский район, Челябинская область	[4, с. 35]
16	Неплюевка**	I?	90	85	88	Карталинский район, Челябинская область	[18, № 182]
17	Коноплянка	I	50	50	50	Карталинский район, Челябинская область	[18, № 29]
18	Карагайлы-Аят 1**	III	200	125	163	Карталинский район, Челябинская область	[18, № 147]
19	Карагайлы-Аят 2	I	100	80	90	Карталинский район, Челябинская область	[18, № 149]
20	Сарбулат 1 / Варшавское 12	IIa	130	125	128	Карталинский район, Челябинская область	[4, с. 59–62; 18, № 35]
21	Суходол, курган 5	Ia	194,5	172	183	Карталинский район, Челябинская область	[4, с. 39–40; 18, № 58]
22	Каменный Амбар 7	I	108	100	104	Карталинский район, Челябинская область	[18, № 175]
23	Карталы-Бреды	I	70	60	65	Карталинский район, Челябинская область	[18, № 80]
24	Карагайлы-Аят-Елизаветпольское**	I	200	175	188	Карталинский район, Челябинская область	[18, № 63]
25	Елизаветпольский	Ic	45	26*	45	Карталинский район, Челябинская область	[4, с. 85–87; 18, № 141]
26	Гражданский**	I	100	80	90	Карталинский район, Челябинская область	[18, № 117]

№	Название	Тип	Длина северной гряды	Длина южной гряды	Средняя длина гряд	Административное расположение	Источник
27	Зайцев Прииск	I	?	?	?	Брединский район, Челябинская область	[18, № 74]
28	Варшавская (гора)	I или II	60	50	55	Карталинский район, Челябинская область	[18, № 82]
29	Гогино	II?	105	90	98	Брединский район, Челябинская область	[18, № 81]
30	Гогино 2	III	80*	65*	80*	Брединский район, Челябинская область	[18, № 83]
31	Гогино 3	I	100	80	90	Карталинский район, Челябинская область	[18, № 86]
32	Долгий Колок	Ic	70	52	61	Карталинский район, Челябинская область	[18, № 85]
33	Чертово городище 1	?	?	?	?	Брединский район, Челябинская область	[4, с. 15, рис. 1, № 15]
34	Чертово городище 2	?	?	?	?	Брединский район, Челябинская область	[4, с. 15, рис. 1, № 16]
35	Мугрияат 4	I	75	60	68	Денисовский район, Костанайская область	[2, с. 49, прил. 2, № 1]
36	Рымникский**	Ia	149	135	142	Брединский район, Челябинская область	[4, с. 15, рис. 1, № 18; 5]
37	Мирный	?	?	?	?	Брединский район, Челябинская область	[4, с. 15, рис. 1, № 19]
38	Синташтинский / Комсомольский	?	?	?	?	Брединский район, Челябинская область	[4, с. 15, рис. 1, № 20]
39	Селенташ	IIa	?	?	?	Брединский район, Челябинская область	[4, с. 15, рис. 1, № 2, 3]
40	Кайнсай	Ib	106	97	102	Брединский район, Челябинская область	[4, с. 15, рис. 1, № 17]
41	Берсуат	?	?	?	?	Брединский район, Челябинская область	[4, с. 15, рис. 1, № 61]
42	Степной 1	I	140	140	140	Кизильский район, Челябинская область	[8, № 212]
43	Степной 2	I	85	?	85	Кизильский район, Челябинская область	[8, № 205]
44	Озеро Лебязье	I	150	130	140	Кизильский район, Челябинская область	[8, № 626]
45	Заря	I	160-170	150	158	Кизильский район, Челябинская область	[8, № 621]
46	Степной 3**	I	40*	125	125	Кизильский район, Челябинская область	[8, № 188]
47	Заготскот***	I	200	200	200	Кизильский район, Челябинская область	[8, № 231]
48	Бутобай 1	I	130	100	115	Кизильский район, Челябинская область	[8, № 249]
49	Бутобай 2	I	80	80	80	Кизильский район, Челябинская область	[8, № 251]
50	Белодурин Дол	I	140	140	140	Кизильский район, Челябинская область	[8, № 324]
51	Греховка-Самозванка 1	I	30-35	30-35	33	Кизильский район, Челябинская область	[8, № 358]
52	Греховка-Самозванка 2**	III	50	40-45	47	Кизильский район, Челябинская область	[8, № 359]
53	Амамбайка 1	I	110	110	110	Кизильский район, Челябинская область	[8, № 288]
54	Амамбайка 2**	I	170	170	170	Кизильский район, Челябинская область	[8, № 301]

№	Название	Тип	Длина северной гряды	Длина южной гряды	Средняя длина гряд	Административное расположение	Источник
55	Сухая Амамбай-ка 1	I	110	100	105	Кизильский район, Челябинская область	[8, № 297]
56	Сухая Амамбай-ка 2**	I (?)	70	?	70	Кизильский район, Челябинская область	[8, № 681]
57	Измайловский 1**	I (?)	140	110	125	Кизильский район, Челябинская область	[8, № 331]
58	Измайловский 2**	I (?)	140	140	140	Кизильский район, Челябинская область	[8, № 331]
59	Тукова мазарка (Ильяский)**	III	280	267	274	Кизильский район, Челябинская область	[8, № 394]
60	Самозванка 5	I	49	44	47	Кизильский район, Челябинская область	[8, № 121]
61	Новокоңдуровский (1,5 км)**	I	200	224	212	Кизильский район, Челябинская область	[8, № 474]
62	Новокоңдуровский I	Ia	220	170	195	Кизильский район, Челябинская область	[8, № 495; 10]
63	Крутая Гора	IIIb	75	60	68	Кизильский район, Челябинская область	[8, № 731; 4, с. 70–72]
64	Черкасы**	I	137	138,7	138	Кизильский район, Челябинская область	[8, № 736]
65	Амурский**	I	-	140	140	Кизильский район, Челябинская область	[8, № 773]
66	Мандесарка	II	100	100	100	Кизильский район, Челябинская область	[8, № 691]
67	Андрианополь	?	?	?	?	Кваркенский район, Оренбургская область	[4, с. 15, рис. 1, № 45]
68	Солончанка IX	Ia	100	100	100	Кваркенский район, Оренбургская область	[4, с. 15, рис. 1, № 47; 10]
69	Солончанка I**	IIIa	190	157	174	Кваркенский район, Оренбургская область	[4, с. 15, рис. 1, № 46; 11]
70	II Ахметовские	?	?	?	?	Абзелиловский район, Республика Башкортостан	[4, с. 15, рис. 1, № 58]
71	Гранитный**	I	100	87	94	Кизильский район, Челябинская область	[8, № 5]
72	Туркменево	I	?	?	?	Баймакский район, Республика Башкортостан	[3]
73	II Давлетовские курганы	III	?	?	?	Баймакский район, Республика Башкортостан	[4, с. 15, рис. 1, № 59; 8, № 1846]
74	I Давлетовские курганы (Нижнедаветовский)	IIIa	90	75	83	Баймакский район, Республика Башкортостан	[4, с. 15, рис. 1, № 49; 12, с. 152]
75	Баишево 10	?	?	?	?	Баймакский район, Республика Башкортостан	[4, с. 15, рис. 1, № 50; 12, с. 152]
76	Баишево 8	?	?	?	?	Баймакский район, Республика Башкортостан	[4, с. 15, рис. 1, № 51; 12, с. 152]
77	Султантемировский I	Ia	52	58	55	Зилаирский район, Республика Башкортостан	[4, с. 15, рис. 1, № 52; 15]
78	Мамбетовские VI, курган 2	?	?	?	?	Хайбуллинский район, Республика Башкортостан	[4, с. 15, рис. 1, № 52; 57]
79	Усть-Таплинский	I	41	38	40	Кваркенский район, Оренбургская область	[14]

№	Название	Тип	Длина северной гряды	Длина южной гряды	Средняя длина гряд	Административное расположение	Источник
80	Уральский	?	?	?	?	Гайский район, Оренбургская область	[4, с. 15, рис. 1, № 54]
81	Новоактюбинский I	Ia	111	99	105	Гайский район, Оренбургская область	[4, с. 15, рис. 1, № 53; 10]
82	Кызыл-Жар, курганы 2-4	Ia	75	75	75	Тарановский район, Костанайская область	[4, с. 15, рис. 1, № 48; 2, с. 49, прил. 2, № 2]
83	Кызыл-Жар, курганы 5-7	Ia	120	120	120	Тарановский район, Костанайская область	[4, с. 15, рис. 1, № 48; 2, с. 49, прил. 2, № 2]
84	Тохтарово А	II	215	165	190	Жетыкаринский район, Костанайская область	[2, с. 49, прил. 2, № 3]; Космоснимки SAS. Планета
85	Тохтарово Б	?	130 (?)	130 (?)	130	Жетыкаринский район, Костанайская область	[2, с. 49, прил. 2, № 4]; Космоснимки SAS. Планета
86	Тохтарово 8	I	50	45	48	Жетыкаринский район, Костанайская область	[2, с. 49, прил. 2, № 5]
87	Тохтарово 10	II	85	80	83	Жетыкаринский район, Костанайская область	[2, с. 49, прил. 2, № 6]
88	Тохтарово В	I	85	75	80	Жетыкаринский район, Костанайская область	[2, с. 49, прил. 2, № 7]; Космоснимки SAS. Планета
89	Аймагамбет 5, курган 3	I	50	50	50	Жетыкаринский район, Костанайская область	[2, с. 49, прил. 2, № 8]
90	Аймагамбет 5, курган 4	I	80	80	80	Жетыкаринский район, Костанайская область	[2, с. 49, прил. 2, № 9]

и материалы и аэро- и космосъемки. Таким образом, мы ожидаем получить информацию о ландшафтных особенностях размещения курганов с усами как материалы для более широких реконструкций систем землепользования и жизнеобеспечения кочевников раннего средневековья.

Мы полагаем, что сосредоточения курганов с «усами» в определенных ландшафтных нишах, места их скопления не только в Зауралье, но и на Казахском нагорье, Кокшетау, западных предгорий Улытау показывают на наиболее предпочтительные места пребывания кочевников в то время.

По физико-географическому районированию основное сосредоточение курганов с «усами» наблюдается в пределах зоны пенепплена и восточного склона Урала. Эти территории расположены в геоморфологических районах на западе — остаточные горы восточного склона Урала, в центральной части — приподнятый пенепплен Южного Урала и на востоке — район отпрепарированного пенепплена Южного Урала. Эти зоны характеризуются холмисто-увалистым, холмисто-равнинным и приподнятым равнинным рельефом, сложенным в процессе продолжительной древней денудации Уральского горного сооружения и преимущественно молодыми процессами аллювиальной аккумуляции в долинах рек [5].

По ботанико-географическому районированию Челябинской области (по Б. П. Колесникову, 1961, с изменениями П. В. Куликова) территория месторасположения курганов с «усами» относится к степной зоне, к подзоне ковыльно-разнотравных (северных) степей, на западе — это район Магнитогорско-Приуральских степей, в центральной части — район степей и островных боров Урало-Тобольского водораздела, и на востоке — Погранично-Казахстанский степной район [10].

Предварительно можно утверждать, что места их строительства были приурочены к предгорным или низкогорным участкам на водоразделах и верховьях рек в степной

зоне. Эти территории наиболее оптимально отвечали потребностям кочевого скотоводческого населения в выборе пастбищных земель, что дает основание рассматривать курганы с «усами» в том числе как маркеры хозяйственного освоения Южного Зауралья.

Данные выводы можно сопоставить и с другими нашими наблюдениями, которые были посвящены подсчету трудозатрат для строительства курганов с «усами» на примере двух комплексов из микрорайона Каменный Амбар — Суходол и Сарбулат-1 [15]. Приняв самые минимальные значения, мы пришли к тому, что сооружение одного кургана с «усами» могло быть осуществлено в течение не более чем одного сезона. Разумеется, реальное количество рабочих людей и тягловой силы нам неизвестно, но, учитывая, что эти памятники оставлены скотоводческим населением, количество задействованных лошадей, как основной тягловой силы, было значительным. Наиболее вероятно, что сооружение этих культовых объектов было связано с какими-то коллективными мероприятиями (праздники, поминки), которые устраивались скотоводческим населением во время летнего пребывания в Южном Зауралье.

Для строительства курганов с «усами» (не только Суходол и Сарбулат-1, но и других) необходимы выровненные в рельефе площадки, близость и доступность источников для добычи каменного материала. Судя по ареалу курганов с «усами» зауральской группы, все они расположены в пределах Зауральского пенеблена и континентально-морской цокольной равнины, обладающих такими поверхностями с многочисленными небольшими скальными выходами коренных пород и высыпками глыбово-щепнистого материала, особенно вдоль современных речных долин. Таким образом, эти геоморфологические области имели рациональные условия доступности каменного материала и, соответственно, оптимальных трудозатрат при сооружении курганов с «усами».

Список литературы

1. Археологическая карта Башкирии / отв. ред. О. Н. Бадер. — М.: Наука, 1976. — 262 с.
2. Бейсенов А. З., Логвин А. В., Базарбаева Г. А., Грудочко И. В., Сеитов А. М. Курганы с каменными грядами Западной Сарыарки. // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. науч. ст., посв. 70-летию организации Центрально-Казахстан. археол. эксп. Акад. наук Казахстана. — Т. 2. — Алматы: Бегазы-Тасмола, 2017. — С. 38–49.
3. Боталов, С. Г. Некоторые аспекты уральской мадьярской проблемы // II Международный мадьярский симпозиум: сб. науч. тр. — Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2013. — С. 139–166.
4. Боталов С. Г., Таиров А. Д., Любчанский И. Э. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. — Челябинск: Юж.-Урал. фил. ИИА УрО РАН, 2006. — 232 с.
5. Геоморфологическая карта Урала. Масштаб 1–500000 / гл. ред. А. П. Сигов, ред. В. С. Шуб. — М.: Министерство геологии СССР, 1970.
6. Грудочко И. В. Рымникский курган с «усами»: итоги исследований // Наука ЮУрГУ: материалы 65-й науч. конф. Секции социал.-гуманит. наук: в 2 т. — Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2013 — Т. 1. — С. 163–166.
7. Грудочко И. В. Курганы с «усами». Эпоха поздней древности и раннего средневековья урало-казахстанских степей (IV–VII вв. н. э.) [Kurgans with 'moustache'. The epoch of the late prehistory and Early Middle Ages of the Ural-Kazakhstan steppes (4th-7th AD)]. — Budapest: Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia 16. — Magyar Östörténeti Támaszpont Kiadványok 9. — 2020. — 356 с.
8. Грудочко И. В., Минлигареев Н. И., Мотовилов А. М., Станишевская С. С. Курганы с «усами» Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР // Наука ЮУрГУ: материалы 72-й науч. конф. Секции социально-гуманитарных наук. — Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2020. — С. 246–253.
9. Зданович Г. Б., Батанина И. М., Левит Н. В., Батанин С. А. Археологический атлас Челябинской области. Степь-лесостепь. Кизильский район. — Челябинск: ЮУКИ, 2003. — 256 с.
10. Куликов П. В. Конспект флоры Челябинской области (сосудистые растения). — Екатеринбург; Миасс: Геотур, 2005. — 537 с.
11. Любчанский И. Э. Хронологические аспекты комплексов «курганов с усамии» // Культурь евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии): тез. докл. II Междунар. археол. конф. — Самара: Самар. обл. ист.-краевед. музей им. П. В. Алабина, 1998. — С. 39–42.
12. Любчанский И. Э., Бытковский О. Ф. Курганы с «усами»: Новоактюбинский I, Солончанка IX, Новокоңдуровский I // Археология Южного Урала. Степь (проблема культурогенеза). Серия «Этногенез уральских народов». — Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей», 2006. — С. 374–385.

13. Любчанский И. Э., Таиров А. Д. Археологические исследования комплекса Курган с «усами» Солончанка I // Курган с «усами» Солончанка I : сб. науч. тр. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-т., 1999. — С. 5–62.
14. Мажитов Н. А., Султанова А. Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье. — Уфа : Китап, 2010. — 496 с.
15. Никольский В. Ю., Грудочко И. В. Геоархеологические исследования курганов с «усами» Южного Зауралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы VI Всероссий. науч. конф. — Челябинск : Челяб. гос. краевед. музей, 2015. — С. 273–282.
16. Полякова О. О., Голев О. А., Голева Л. П., Голева М. О. Усть-Ташлинский курган с «усами» в Оренбургской области // *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*. — 2019 — № 1. — Т. 7. — С. 89–147.
17. Сунгатов Ф. А. Султантемировский I курган с «усами» // Уфимский археологический вестник. — 2003. — Вып. 4. — С. 216–224.
18. Тихомиров В. А. Курган с «усами» Северное-1 из крымских предгорий и евразийские аналогии // Новые исследования молодых археологов в Крыму : материалы науч. конф. — Симферополь : Ин-т археологии Крыма РАН, 2020. — С. 71–79.
19. Тихомиров В. А., Бытковский О. Ф., Мульд С. А. Курган с «усами» Северное-1 в Белогорском районе Республики Крым и поиски аналогий в Зауралье и Казахстане // *История и археология Крыма*. — 2020. — № 12. — С. 83–100.
20. Batanina I. M., Batanina N. S., Levit N. V., Kaiser E. Archäologisch Karte des Flusstals Karagajly-Ajat. Eine Region des vorgeschichtlichen Eurasiens aus der Vogelperspektive // *Studien zur Bronzezeit im Trans-Ural (Russische Föderation)*. — Bonn : Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2014. — P. 199–305.

Сведения об авторах

И. В. Грудочко, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет. Челябинск, Россия. grudochkoivan@mail.ru

А. Л. Плаксина, биолог Учебно-научного центра изучения проблем природы и человека, старший преподаватель кафедры геоэкологии и природопользования факультета экологии Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. vita_avis@mail.ru

LANDSCAPE APPROACH TO THE STUDY OF KURGANS WITH "MOUSTACHES" OF THE SOUTHERN TRANS-URALS (preliminary analysis)¹

I.V. Grudochko, candidate of history, researcher, South Ural State University. Chelyabinsk, Russia. grudochkoivan@mail.ru

A.L. Plaksina, biologist of the Educational and scientific center for the study of nature and human problems, senior lecturer of the department of geocology and nature management of the faculty of ecology Chelyabinsk State University. Chelyabinsk, Russia. vita_avis@mail.ru

The article publishes the archaeological complexes kurgans with "moustaches" from the Southern Trans-Urals. In total, 90 sites of the Ural-Tobolsk watershed are listed, which are collected in a GIS database and analyzed for the first time in terms of their relevance to a particular landscape. We believe that it is quite acceptable to consider kurgans with "moustaches" as markers of the economic development of the South Ural steppe by nomads in the IV–VII centuries AD, and the results obtained are materials for the reconstruction of the land use system of the early Middle Ages.

Key words: *kurgans with 'Moustache', Middle Ages, GIS, nomads, steppe, Trans-Ural peneplain.*

¹The research was funded by RFBR and Chelyabinsk Region, project number 20–49–740011.

А. А. Полякова

ОБЪЕКТ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ УРАЛА — «ФРАНЦУЗСКАЯ ГОРКА (РАЗВАЛИНЫ (РУИНЫ) БЕЛЬГИЙСКОЙ ФАКТОРИИ)», ИЛИ РУДНИК «ХОЛМИСТЫЙ»: ОТ ФОРМИРОВАНИЯ ДО СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ. МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ 2019–2020 ГГ.

В 2019 г. по заказу Комитета по охране культурного наследия Челябинской области сотрудниками ФССКН «Общественный фонд "Южный Урал"» были проведены исследования с целью сбора материалов, обосновывающих включение в Единый государственный реестр объекта культурного наследия «Французская горка (развалины (руины) Бельгийской фактории)», известного также как рудник «Холмистый». Были проведены комплексные исследования, позволившие проследить историю рудника от обнаружения месторождения хризотил-асбеста и его последующих разработок различными предприятиями до современности, когда объект превратился в руины.

Ключевые слова: рудник, хризотил-асбест, Таловский хребет, «Французская горка», индустриальное наследие, индустриальная (промышленная) археология.

Руинированный рудник «Французская горка», расположенный на территории Миасского городского округа Челябинской области восточнее хребта Большой Таловский в урочище «Брагинский лог», в 600 м к западу от левого берега р. Миасс, получил статус объекта культурного наследия в 2018 г. под названием «Французская горка (развалины (руины) Бельгийской фактории)» (рис. 1).

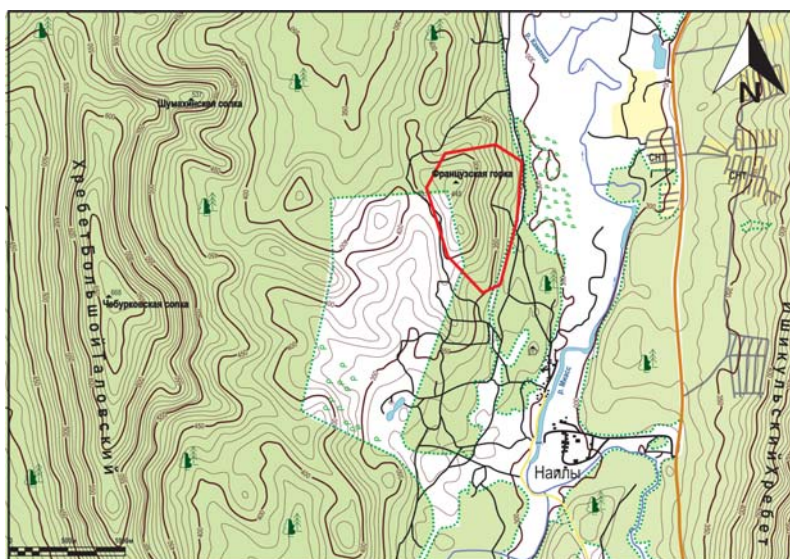

Рис. 1. Миасский городской округ. Ситуационный план, рудник «Холмистый»

В 2019 г. по заказу Комитета по охране культурного наследия Челябинской области сотрудниками ФССКН «Общественный фонд “Южный Урал”» были проведены исследования памятника с целью сбора материалов, обосновывающих его включение в единый государственный реестр объектов культурного наследия. При исследовании рудника были изучены публикации и архивные материалы, проведены дистанционное зондирование земной поверхности, визуальный осмотр и фотофиксация объекта.

Руинированный объект остался после добычи хризотил-асбеста¹. Асбест — волокнистый минерал, способный расщепляться до состояния минеральной ваты. Спектр его применения широк — от текстиля до строительных материалов. На момент зарождения асбестовой промышленности в XIX в. основными центрами производства и добычи были Канада, Италия, Франция.

В России, в первой половине XVIII в., известный промышленник Демидов занимался разработкой асбеста в Невьянском округе. Производимые изделия были высокого качества и ценились за границей, но затем за отсутствием спроса этот проект прекратился. Следующий этап начинается в конце XIX в., когда первое значительное месторождение асбеста было обнаружено на Урале и получило название «Баженовское». В 1897 г. в пос. Куделька открылась первая в России асбестовая фабрика. Одним из источников сырья для фабрики были Вознесенские рудники, о которых мы будем упоминать далее. До 1913 г. более половины добываемого на территории асбеста вывозилось за границу, а готовые изделия из асбеста импортировались.

На территории Пермской и Оренбургской губерний, на месторождениях Режевской, Алапаевской, Сысертской, Невьянских и Златоустовских дач разработка асбеста затруднялась полной зависимостью от горного департамента и Уральского горного управления, которые вводили жесткие и порой непредсказуемые для промышленников требования [24, с. 9–20].

«На казенной земле царит по отношению к асбесту полный хаос — с части промышленников ничего не берут в виде попудной платы, с части берут по полкопейки с пуда, а с части — 25 коп. с пуда. Вдобавок часть арендованных у казны земель связана подпиской подчиняться условиям арендной платы, которые когда-либо будут установлены. Вообще подобные предварительные подписки, по существу своему дикие, на Урале довольно распространены, ибо представляют часто единственное средство избавиться от волокиты, которой сопровождаются десятилетия, длящиеся окончательные “выяснения”. Неопределенность положения очень вредит развитию асбестового дела и должна быть, возможно, скорее прекращена», — пишет горный инженер А. Н. Митинский в 1909 г. [23, с. 223–225].

Добыча асбеста — не уникальное явление для Уральского региона. В отличие от Баженовского месторождения и Вознесенских рудников, образовавшихся примерно в тот же период времени, что и рудник «Холмистый», они разрабатываются и в наше время, хотя и носят уже другие названия: АО «УралАсбест» и «Анатолевский асбестовый горно-обогатительный комбинат». Рудники преобразовывались и развивались в соответствии с требованием времени. Рудник «Холмистый» прекратил эксплуатироваться в 1910–1911 гг., впоследствии изменялся из-за воздействия природных и антропогенных факторов, значительно руинировался и стал объектом культурного наследия. Это объект, воплощающий один из этапов истории горной промышленности на Урале.

История открытия и разработки рудника.

Месторождение хризотил-асбеста в урочище «Брагинский лог», находящееся в районе горы Большая Таловка, было обнаружено в 1899–1900 гг. троицким мещани-

¹Также можно встретить название «горный лен», «горный шелк», «горная кудель»; минерал, магнезиальный слоистый силикат. Главные свойства хризотил-асбеста — способность легко делиться на тонкие гибкие пучки и пряди [16].

ном Афанасием Пушкаревым и отставным губернским секретарем Витковым [3, с. 248, 288].

Для получения разрешения на разведку и дальнейшую разработку месторождения Петр Степанович Витков вел долгие переговоры с управлением Златоустовского горного округа, о чем свидетельствуют «Материалы об отдаче месторождения асбеста Виткову», сохранившиеся в архиве Златоустовского городского округа. Эти материалы проясняют основные вехи жизни рудника с 1899 до 1917 г.

«Асбестовое месторождение в урочище “Брагинский Лог”, находящееся в районе горы Большая Таловка» — так определялся рудник в архивных документах. В них говорится, что в 1905 г. участки 117 и 100 в кварталах Златоустовской казенной дачи передаются в аренду отставному губернскому секретарю П. С. Виткову сроком на 12 лет со дня заключения договора, то есть с февраля 1905 г. до февраля 1917 г. А. Пушкарев к этому времени отказался от претензий на разработку месторождения.

В соответствии с условиями аренды — общая площадь участка не более 1 квадратной версты — 113,8 га, с арендной платой 500 рублей в год и попутной выплатой при ежегодной добыче больше 5 000 пудов [4, с. 292–295, 328]. Также был выдвинут еще ряд требований к арендатору участка: обозначить границы участка путем установки столбов с надписью «О.А.П.С.В.» (Отвод асбеста Петру Степанову Виткову 5-го мая 1905 г.); вырыть межевые ямы длиной и шириной 2 аршина (1,42 м) и глубиной 1 аршин (0,71 м); предоставлять отчетную книгу по учету добычи и отпуска асбеста в Уральское горное управление; вести деятельность под контролем Миасского окружного инженера.

Но из-за затяжных подготовительных работ при передаче месторождения в арендное пользование работы в 1905 г. практически не велись. В 1906 г. П. С. Витков уже начинает вести переговоры о передаче права аренды акционерному обществу асбестовых заводов «Изолятор» за сумму в 11 250 р. Передается арендуемый участок с оборудованием и выработанным материалом с сохранением условий аренды с 1 января 1907 г.

Акционерное общество «Изолятор». Общество было организовано в Риге лифляндскими дворянами — Бернгардом Карловичем фон Шубергом и Ренгольдом Эдуардовичем фон Клотом. Общество занималось приобретением или устройством и эксплуатацией в Риге и других частях империи заводов для выделки изделий из «горного льна» — асбеста. В дальнейшем общество переехало в Санкт-Петербург.

В числе предприятий по добыче асбеста акционерным обществом был приобретен рудник «Холмистый», располагавшийся в Оренбургской губернии Троицкого уезда Тургоряжской волости, близ деревни Ново-Тагильской. С 1 января 1907 по 1912 г. акционерное общество «Изолятор» занимается разработкой рудника «Холмистый» [4, с. 2–6].

Управляющим был назначен «митовский гражданин» Александр Вильгельмович Штраухман, который и провел основные работы по устройству рудной добычи, строительству узкоколеек, построек, внедрению современных технологий и т. д.

Для получения максимальной эффективности Таловского месторождения акционерным обществом «Изолятор» внедрялись современные технологии. В 1908 г. в пункте «Усовершенствования на промыслах Миасского горного округа» [29, с. 24] упоминается внедрение на Холмистом руднике локомотива № 40 для перевозки вагонов. Для обеспечения медицинской помощью работников на Холмистом руднике находился приемный покой на четыре кровати под непосредственным наблюдением фельдшеров. Приемный покой Холмистого рудника «Изолятора» и Ольгинской золотопромышленной компании посещается сельским врачом VII участка Оренбургской губернии [30, с. 20; 31, с. 23].

С 1901 г. для добычи сырья начинают применяться взрывные работы. На территории рудника находился приисковый магазин-склад взрывчатых веществ. На золотых приисках и рудниках Миасского горного округа взрывчатые вещества и принадлежности к ним приобретались, по свидетельствам местного окружного инженера, в разрешенных правительством складах, построенных в Миасской казенной даче акционерным

обществом Б. И. Виннер и Русским обществом для выделки и продажи пороха. Приобретенные взрывчатые вещества и принадлежности к ним из означенных складов доставлялись агентами складов в приисковые магазины, из которых уже расходовались на производство работ, как на приисках, так и на рудниках. Магазинов для хранения взрывчатых материалов и их принадлежностей в 1909 г. имелось в действии 14, один из них на руднике «Холмистый».

В статистическом обзоре Оренбургской губернии даже приводится перечень использованных веществ на руднике за 1909 г.: «Гремучаго студня 4 п. 20 ф; Студенистаго динамита 15 п. 27 ф. 80 г.; Фитиля 169 кр. 3 арш.; Пистонов 1945 шт.» [28, с. 13].

В 1909 г. на руднике произошел пожар и фабрика по производству асбеста сгорела. Была построена новая каменная фабрика для обработки асбеста с отделениями сортировочной, сушильной и дробильной машинами. Был устроен бремсберг для спуска асбеста с верхних уступов к фабрике. Построена казарма для женщин и 10 балаганов для семейных рабочих, приемный покой, конторы и рабочая изба для семейных рабочих [28, с. 31].

Несмотря на пожар, в 1909 г. асбеста было произведено больше, чем в предыдущие и последующий годы. Из документов за этот период в Областном государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО) были обнаружены материалы акционерного общества асбестовых заводов «Изолятор», управления Холмистым рудником: Инспекторская книга по записи указаний и замечаний лиц, имеющих надзор за частной горной промышленностью с 4 мая 1908 г. по 24 сентября 1909 г. [32–34].

В этих документах содержатся краткие выдержки по итогам выездных проверок рудника окружным инженером Миасского горного округа и его помощником. Эти материалы дополняют информацию по асбестовому руднику «Холмистый» на период его активной эксплуатации. Приведем выдержку одной из таких записей:

«Июнь 30 — Июль 1 (1908 г.). Производил осмотр конторы, казарм, кухни, пекарни, бани, слесарной мастерской, фабрики для обработки асбеста и отделения его от породы, склад. Осматривал работы по добыче асбеста и составил рисунок того места, где произошел 25 июня несчастный случай с работником Кузьмой Петр. Екимовым. Производил проверку остатка взрывчатых материалов в склад, имеющихся на руднике. Помощник окружного инженера Миасского горного округа Ив. Шишлов» [33, с. 2].

Из записей мы узнаем о наличии объектов на 1908 г.: контора, казармы (зимние/летние/женские), кухня, пекарня, баня, слесарная мастерская, фабрика для обработки асбеста и отделения его от породы, склад и т. д.

Об оборудовании и технологиях, которые применялись на производстве, обнаружена следующая запись: «Сентября 8 и 9. Производил внутренние освидетельствования, пробу гидравлического давления паровозного котла за № 40 и осмотр работ по добыче асбеста. Проверял остаток взрывчатых материалов в магазине рудника. Помощник Окружного Инженера Миасского горного округа Ив. Шишлов» [33, с. 2].

В части записей встречаются указания инженера на усовершенствование систем безопасности на руднике, установки ограждений и т. д.

Также в фондах есть книга актов о несчастных случаях с рабочими. С 15 сентября 1907 г. — 16 февраля 1910 г. [34]. На каждый из случаев составлялся протокол представителем местной власти, в акте присутствует заключение сельского врача. Всего за означенный период в книге зафиксировано 14 несчастных случаев, один из них смертельный. Из этих документов мы узнаем, что наемные работники были разнообразны по своему этническому составу, не было ограничений по полу и возрасту.

Сама добыча хризотил-асбеста была физически тяжелым трудом. Рабочие выламывали породу, нагружали ее в вагонетки, которые следовали по узкоколейке, расположенной вокруг горы, или спускались по бремсбергу, по которому они доходили до дробильни. Разработка рудников велась преимущественно открытыми разрезами и частью подземными работами.

А. В. Штраухман по указанию руководства не оставлял попыток увеличить площади рудника и направлял в Уральское горное управление запросы на проведение разведок. Так как получение разрешения было долгой и непростой задачей, управляющий мог приступить к разведке, не дождавшись разрешения, о чем свидетельствует протокол о нарушении, составленный исполняющим обязанности лесничего Златоустовского лесничества, в котором он пишет, что обнаружил мужиков из Новотагилки, которые по указанию А. В. Штраухмана пробивали исследовательский шурф [8, с. 217].

В табл. 1 представлены материалы по количеству задействованных рабочих и количеству выработанного хризотил-асбеста, составленные на основе писем исполняющего обязанности лесничего горнозаводских дач Миасской и восточного района Златоустовской Оренбургской губернии [8, с. 31–467] и Статистического обзора Оренбургской губернии [25–31].

Таблица 1

Материалы по количеству задействованных рабочих и количеству выработанного хризотил-асбеста в 1907–1910 гг.		
Год	Количество рабочих	Количество добытого асбеста
1907	–	1387 пудов
1908	678	2724 пуда
1909	264	13847 пуд./14336 пуд.
1910	97	9993 пуд./ 9006 пуд. ¹

Таким образом, количество добытого АО «Изолятор» за четыре года асбеста не могло превышать 27 951 пуд. (457,84 т). Для понимания эффективности рудника приведем объемы выработок асбеста на других рудниках (табл. 2) на основе сведений геолога Н. П. Барбота де Марни [14, с. 169, 246, 262, 280].

Таблица 2

Объемы выработок асбеста на рудниках в 1908–1909 гг.			
Рудник	Год	Кол-во добытого асбеста, пуд	
Вознесенские рудники барона Э. А. Жирар-де-Сукантона	1908	172 000	
Говорухинский асбестовый рудник наследников П. О. Корево	1909	184 084	
Рудники «Щучий» и «Щучий» 1 А. Ф. Поклевского-Козелл, наследники, торговый дом.	1908	220 000	
Рудники «Щучий» и «Щучий» 1 А. Ф. Поклевского-Козелл, наследники, торговый дом.	1909	28 7631	

В 1910 г. масштабы добычи были уже значительно сокращены, и в 1911 г. деятельность АО «Изолятор» на территории рудника «Холмистый» полностью прекращена [30, 15 с.]. В Уральское горное управление поступил запрос на вывоз оборудования с рудника — рудничные строения, шпалы, дрова и др. На вывоз лесных материалов разрешение не было выдано [12, с. 118].

Далее судьба рудника меняется. Акционерное общество «Изолятор» разорилось, его имущество было распродано. Арендные права на разработку асбестового рудника «Холмистый» приобретаются с торгов в собственность торгового дома наследников Поклевского-Козелл и ревельского купца первой гильдии Вильяма Ивановича Жирарда в 1912 г. [7, с. 292–295].

¹ Данные разнятся. Первая цифра соответствует данным из Статистического обзора Оренбургской области, вторая — из писем исполняющего обязанности лесничего.

Приведем небольшую справку о новых собственниках рудника «Холмистый». Оба торговых дома внесли значительный вклад в развитие асбестового дела в России и на Урале, их имена до сих пор неразрывно связаны с предприятиями по добыче асбеста, существующими и в наше время.

Торговый дом «Наследники А. Ф. Поклевского-Козелл». Предприятие активно приобретало в свою собственность золотые прииски в нескольких губерниях, асбестовые, медные и серебряные рудники и прочие торговые и промышленные предприятия» [22, с. 41, 19].

Наследники барона Э. А. Жирар-де-Сукантона (рис. 2). Предприятие проявило себя в добыче и торговле асбестом. В 1890-е гг. начало приобретать асбестовые рудники на Урале. На рубеже 1889–1890 гг. оно за 70 тыс. р. купил Вознесенские асбестовые прииски. В 1899 г. организовало экспорт сырого асбеста через Ревельский порт, одновременно предприняв усилия по созданию фабрики асботекстильных изделий. Используя высокий уровень организации производства и технического оснащения рудников, Э. А. Жирар-де-Сукантон стал крупнейшим уральским асбестопромышленником [21, с. 514].

Рис. 2. Э. А. Жирар-де-Сукантон. Герб Сукантонов

Два этих предприятия получают в 1912 г. арендные права на разработку асбестового рудника «Холмистый». Но данных о масштабах и проведенных разработках за этот период мы не обнаружили.

В декабре 1914 г. предприятие «Вознесенские асбестовые рудники наследников барона Э. А. Жирар-де-Сукантона» направляет письмо в Лесничество горнозаводских дач о том, что прекращает разработки рудника в связи с войной [1, с. 2–6], хотя до 1917 г. наследники барона Э. А. Жирар-де-Сукантона продолжают платить арендную плату за месторождение. Вероятно, именно благодаря «Наследникам барона Э. А. Жирар-де-Сукантона» и возник миф о «Французской горке» и тайной добыче золота.

Следующий этап из жизни рудника был обнаружен в статье инженера Б. Я. Меренкова 1930 г. «Разведка Таловского месторождения хризотил-асбеста на Урале (из работ Горно-технического отдела Института прикладной минералогии)». В 1929 г. на особом совещании по асбестовой промышленности при Президиуме ВСНХ СССР возник вопрос о возобновлении разработки рудника «Холмистый», для чего проведение исследований и разведки было поручено Институту прикладной минералогии. Б. Я. Меренков пишет: «Эксплуатационные выработки рудника расположены как на вершинах, так и на склонах двух горок «Северной А» и «Южной В». У подножья южной на востоке и западе были расположены жилые постройки; на востоке у подножья седловины, соединяющей обе горки, расположилась обогатительная фабрика, от которой в настоящее время остались лишь голые стены. По этим основным откаточным путям во времена добычи асбеста АО «Изолятор» ходили, как передают окрестные жители, небольшие паровозики.

С обоих горизонтов асбестовая руда, концентрирующаяся на верхних приемных площадках А и С, спускалась вниз на восточный склон по бремсбергам ав и сд на нижнюю приемную площадку, расположенную как раз возле фабрики» [20, с. 465–470].

В статье Меренков также отмечает, что после ликвидации АО «Изолятор» оставил следы, указывающие на широко задуманный план и правильный подход к эксплуатации этого месторождения. Но, проведя исследование, Институт прикладной минералогии пришел к выводу, что хризотил-асбест Таловского месторождения в большей своей массе относится к низкосортному. Дальнейших сведений о разработке месторождения и какой-либо деятельности не было обнаружено.

Таким образом, можно сделать вывод, что период активного функционирования и разработки рудника приходится на 1905–1910 гг. Рудник на долгие годы был оставлен один на один с природой, постепенно разрушался, природа отвоевывала обратно свои горы и равнины, что сформировало уникальный объект, привлекающий в настоящее время туристов. К значительной руинизации строений рудника приложили руку и люди: все оборудование и металл были вывезен еще АО «Изолятор», а местное население из пос. Наилы использовало существующие строения как источник строительных материалов.

Полевые исследования памятника в 2019 г.

При проведении полевого этапа работ за основу был взят план рудника «Холмистый», составленный инженером Б. Я. Меренковым. Как показал натурный выезд, план составлен подробно и соответствует зафиксированной ситуации. Он охватывает зону добычи и разработки хризотил-асбеста (производственный центр), не затрагивая жилую и хозяйственные зоны (склады, хранилища), что было дополнено нашим исследованием.

Общая площадь ОКН «Французская горка (развалины (руины) Бельгийской фактории)», известного также под названием рудник «Холмистый», составляет 99,09 га (рис. 3). Рудник представляет собой комплексный объект, который можно поделить на две части:

1) производственная зона, расположенная на высотной части горок. Территория, которая относилась непосредственно к добыче и обработке минерала. Разрезы места выработки, бремсберги и узкоколейки, по которым доставлялся минерал, здание фабрики, где происходило дробление и отделение хризотил-асбеста от породы (рис. 4);

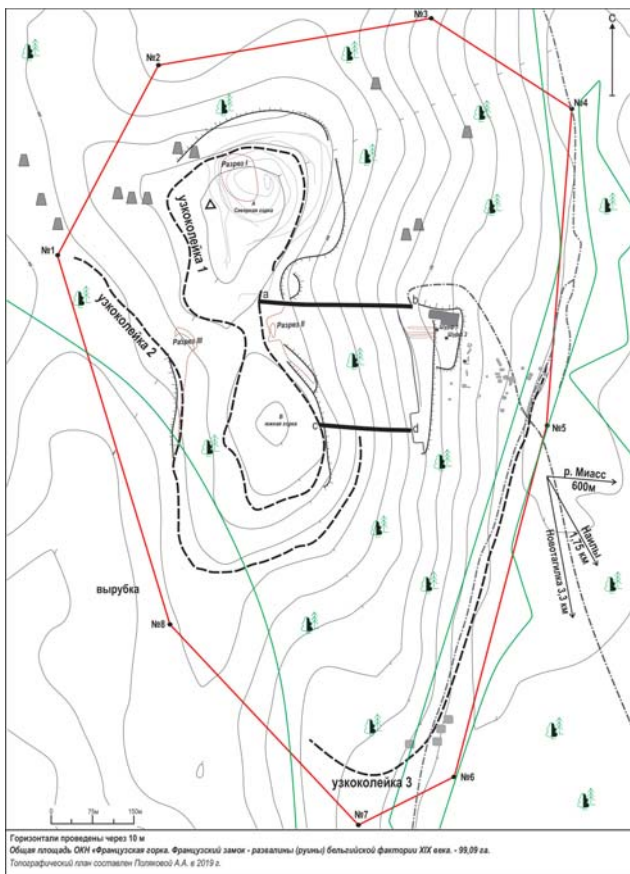

Рис. 3. Границы рудника «Холмистый»

Рис. 4. Руинированное здание фабрики

2) жилая и хозяйственная зона. Находится на нижних ярусах горок. Стоит из руинированных фундаментов казарм, складских помещений, бани, пекарни, кухни и т. д.

Рельеф горы на территории рудника изменен и разбит на террасы. Наиболее сохранившимся объектом являются руины здания фабрики для обработки асбеста и отделения его от породы. Здание фабрики врезано в естественный рельеф горы и размещено на разных уровнях высот. Сформировано бутоизвестковой кладкой из обтесанного бута. В остатках конструкции видны фрагменты шпал узкоколейки. Имеет вытянутую форму в направлении запад—восток. Толщина стен 1,1 м. Первое помещение имеет наиболее высокое положение, к нему прилегает бремсберг¹ ab; помещение искусственно утоплено в естественный рельеф. Восточнее здание продолжают еще два помещения, стены частично сохранились. Частично сохранилась обмазка, видны места креплений железных конструкций и оборудования, частично — железные и деревянные фрагменты. Обвалившиеся стены завалились внутрь здания или рядом с ним, из-за чего пола не видно. Сохранность помещения аварийная. Здание уже частично

руинировано, лишилось крыши, части стен, пол не фиксируется; объект продолжает разрушаться из-за воздействия природных и антропогенных факторов.

Другим не менее зрелищным объектом является ров, прорубленный в горе для устройства бремсберга. Бремсберг идет с северной горки к зданию фабрики. Общая протяженность 258 м. Все составляющие конструкции бремсберга отсутствуют, остались лишь прорубленные в горе траншеи, по которым он проходил.

Узкоколейка № 1. Имеет 8-образную форму, проходит вокруг северной и южной горки, пересекается с бремсбергами ab и cd. Площадки под узкоколейку искусственно выровнены, частично прорублены в скале. Деревянные и железные составляющие отсутствуют, остались небольшие навалы от отсыпки узкоколейки и выровненные под нее трассы. Протяженность узкоколейки 1,677 км. Большею частью она заросла и обветшала, но по южной части проходит трасса quadroциклов. Западный фрагмент трассы попадает в зону вырубki.

Юго-западная часть южной горки, попала в зону вырубki.

¹ Наземное подъемное устройство, образованное двумя наклонными рельсовыми путями с движущимися по ним вагонетками с грузом. При этом поднимающаяся (менее груженная) вагонетка движется за счет тяжести более груженной вагонетки. В свое время бремсберги широко использовались в горнодобывающей промышленности, например Урала, и их остатки можно было видеть до середины XX в. (около р. Исеть) под Екатеринбургом [17, с. 21].

Разрез № 1 расположен на вершине северной горки. Это самый большой разрез в виде спирали с шестью оборотами. Высота уступов различная, в среднем до 4 м.

Разрез № 2 расположен в седловине между северной и южной горками. Разрез эллипсоидальной формы в три уступа, на момент исследований 2019 г. был частично затоплен.

Разрез № 3 расположен на западном склоне у самого подножья седловины и представлен вытянутой в меридиональном направлении открытой выработкой.

Кроме этих трех крупных разрезов на площади рудника имеется множество разведочных канав, шахт и шурфов, оставленных разведками Штраухмана и Меренкова.

Жилая и хозяйственная зона. У подножья южной горки с востока и запада были расположены жилые постройки [20, с. 465–474]. На момент исследований 2019 г. зона с жилыми и хозяйственными постройками была обнаружена лишь на востоке подножья южной горки. Западное подножье горки находится в зоне вырубки, и полевые изыскания не обнаружили следов построек, видимо, они были уничтожены в ходе хозяйственной деятельности. В жилой зоне наиболее сохранилось здание одной из казарм и лестницы, от остальных сооружений частично сохранился каменный фундамент. О назначении большинства объектов с достаточной точностью можно судить только после проведения археологических раскопок.

В общей сложности зафиксировано еще 28 объектов, в их числе лестницы, многочисленные руинированные до фундамента постройки.

Выводы

Проведенные исследования показали, что «Французская горка (развалины (руины) Бельгийской фактории)», или рудник «Холмистый», представляет собой комплексный объект, на котором в начале XX в. производилась разработка хризотил-асбеста, прекращенная в 1911 г. На протяжении недолгой истории разработки месторождения на нем успели отметиться такие значимые в асбестовой промышленности предприятия, как АО «Изолятор», торговый дом «Наследники А. Ф. Поклевского-Козелл», «Наследники барона Э. А. Жирар-де-Сукантона». Вследствие низкого качества сырья разработки были прекращены и не возобновлялись в последующие годы. Поскольку на месторождение возлагалось много надежд, то АО «Изолятор» вложило очень много средств в организацию рудника, свидетельство чего мы можем видеть и в наше время.

В результате исследования обнаружился ряд проблем, которые уже сейчас негативно воздействуют на памятник:

- вырубка леса на Таловском хребте попадает в зону памятника и разрушает ряд объектов комплекса, особенно страдают узкоколейки;
- посетители выворачивают камни из сохранившихся фрагментов зданий;
- машины и квадроциклы заезжают на территорию памятника и уничтожают микрорельеф объекта (некоторые из трасс проходят по бремсбергу, узкоколейкам и ряду других объектов, что тоже несет негативную нагрузку на комплекс).

Благодарности

Автор выражает благодарность за доработку и редактуру текста Е. В. Курпирновой и Г. Х. Самигулову, за предоставление уникальных материалов — МБУ «Архив Златоустовского городского округа» и лично главному хранителю Н. А. Осиповой.

Список источников и литературы

1. Архив Златоустовского городского округа (далее АЗГО). Ф. И-20, оп. 1, д. 311.
2. АЗГО. Ф. И-20, оп. 1, д. 477.
3. АЗГО. Ф. И-20, оп. 1, д. 759.
4. АЗГО. Ф. И-20, оп. 1, д. 1363.
5. АЗГО. Ф. И-20, оп. 1, д. 1365.
6. АЗГО. Ф. И-20, оп. 1, д. 1433.
7. АЗГО. Ф. И-20, оп. 1, д. 1479.
8. АЗГО. Ф. И-20, оп. 1, д. 1530.
9. АЗГО. Ф. И-20, оп. 1, д. 1532.
10. АЗГО. Ф. И-20, оп. 1, д. 1641.
11. АЗГО. Ф. И-20, оп. 1, д. 1654.

12. АЗГО. Ф. И-20, оп. 1, д. 1950.
13. АЗГО. Ф. И-20, оп. 1, д. 1991.
14. Барбот де Марни Е. Н. Урал и его богатства. — Екатеринбург : Урал. жизнь, 1910. — 413 с.
15. Берлинраут Л. Я. Асбест (Все о добыче, переработке, потреблении и мировой торговле асбестом до 1930 г.) // Энциклопедия советского экспорта. — Т. 2. — М. : ОГИЗ РСФСР, 1932. — С. 231–288.
16. Большая советская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. — 3-е изд. Т. 2. — М. : Совет. энцикл., 1969–1978. — 309 с.
17. Вяткин М. П. Горнозаводский Урал в 1900–1917 гг. — М. ; Л. : Наука, 1965.
18. Колисниченко С. В. Яшмовый пояс Урала. Энциклопедия уральского камня. — Санарка ; Челябинск, 2007. — 310 с.
19. Копырин А. Асбестовская узкоколейка // Урал. следопыт. — 2016. — № 6. — С. 40–43.
20. Меренков Б. Я. Разведка Таловского месторождения хризотил-асбеста на Урале (из работ Горно-технического отдела Института Прикладной Минералогии) // Минерал. сырье. — 1930. — С. 465–470.
21. Микитюк В. П. Сукантон Жирар Этьен // Уральская историческая энциклопедия. — Екатеринбург : Ин-т истории и археологии УРО РАН, 2000. — С. 514.
22. Микитюк В. П., Мосунова Т. П., Неклюдов Е. Г. Род Поклевских-Козелл. — Екатеринбург : Сократ, 2014. — 367 с.
23. Митинский А. Н. Горнозаводской Урал. — С-Пб., 1909. — 247 с.
24. Сапоговская Л. В. Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XIX–XX вв. (к характеристике процессов монополизации). — Екатеринбург, 1993. — 196 с.
25. Статистический обзор Оренбургской губернии за 1906 г. — Оренбург : Изд. литогр., 1907. — 89 с.
26. Статистический обзор Оренбургской губернии за 1907 г. — Оренбург : Изд. литогр., 1908. — 103 с.
27. Статистический обзор Оренбургской губернии за 1908 г. — Оренбург : Изд. литогр., 1909. — 119 с.
28. Статистический обзор Оренбургской губернии за 1909 г. — Оренбург : Изд. литогр., 1910. — 42 с.
29. Статистический обзор Оренбургской губернии за 1910 г. — Оренбург : Изд. литогр., 1911. — 74 с.
30. Статистический обзор Оренбургской губернии за 1911 г. — Оренбург : Изд. литогр., 1913. — 113 с.
31. Статистический обзор Оренбургской губернии за 1913 г. — Оренбург : Изд. литогр., 1915. — 111 с.
32. Объединенный государственный архив Челябинской области (далее — ОГАЧО). Ф. И-218, оп. 1, д. 1.
33. ОГАЧО. Ф. И-218, оп. 1, д. 2.
34. ОГАЧО. Ф. И-218, оп. 1, д. 3.
35. Российский государственный исторический архив. Ф. 1411, оп. 1, ед. хр. № 102.
36. Янин Е. П. Асбест в окружающей среде (Введение в экологическое асбестоведение). — М., 1997. — 176 с.

Сведения об авторе

А. А. Полякова, научный сотрудник общественного фонда «Южный Урал». Челябинск, Россия. tibela@mail.ru

THE OBJECT OF INDUSTRIAL HISTORY OF URALS — "FRENCH HILL (RUINS OF THE BELGIAN TRADING POST)" OR MINE «HILLY»: FROM FORMATION TO THE PRESENT STATE

A.A. Polyakova, research fellow, Public Fund "Southern Ural». Chelyabinsk, Russia. tibela@mail.ru

In 2019, by order of the Committee for the protection of the cultural heritage of Chelyabinsk region, the employees of "Public Fund "South Ural" conducted research to collect materials justifying the inclusion in the unified state register of the object of cultural heritage "French hill (ruins of the Belgian factory) " also known as the mine "Hilly". Comprehensive studies have been carried out to trace the history of the Mine from the discovery of the chrysotile asbestos deposit and its subsequent development by various enterprises to modern times, when the object turned into ruins.

Key words: mine, chrysotile-asbesto, Talovsky ridge, "French hill", industrial heritage, industrial archeology.

А. К. Кириллов

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ И КАЛЕНДАРНЫХ ОБРЯДОВ МЕТОДАМИ АРХЕОАСТРОНОМИИ

Цель данного исследования — продемонстрировать единство общих принципов организации погребальных обрядов, связанных с сезонными и долговременными изменениями кардинальных точек восхода и захода наиболее ярких небесных светил.

Наибольшее внимание уделено курганным памятникам эпохи бронзы у села Степное и курганам с «усами». Ориентация могильных ям и курганов на могильниках с очевидностью указывает на астрономически значимые точки горизонта, фиксирующие наиболее важные даты календаря, связанные с круглогодичным циклом ведения хозяйства древних сообществ. Выводы основаны на рассмотрении археоастрономических исследований, выполненных за последние годы.

Основной вывод заключается в необходимости рассмотрения звездного неба как составной части ландшафта, который фиксирует эпоху создания памятников, сохранивших космологические и космогонические представления древних культур, отраженных в календарных и погребальных обрядах.

Ключевые слова: археоастрономия, календарь, погребальный обряд, курганы с «усами», датировка памятников.

Введение

Согласно определению погребальный обряд — это «переход» умершего члена общества из мира живых в мир мертвых. Переход умершего в «мир иной» имеет мифологическую основу. Именно поэтому погребенный обеспечивается всем необходимым для продолжения предыдущей жизни в иных условиях. Он ни в чем не должен нуждаться, и это согласовывается с его прежним статусом в обществе соплеменников.

Погребальный обряд и сооружение могилы должны быть согласованы с представлениями общества об устройстве мира, который достаточно часто имеет трехчастное строение (индоевропейская традиция). Кроме того, нельзя забывать, что в ряде культур направления сторон горизонта также входят в представление о глобальном устройстве мира — Вселенной (концепция пяти первоэлементов в Древнем Китае). В зерванизме (иранская традиция) существует понятие «Стражи Времени». Стражи четырех форм времени (прошлое, настоящее, будущее и вечность) непосредственно связаны с пространством. Так, Страж прошлого является также стражем Запада, Страж настоящего покровительствует Северу, Страж будущего связан с Востоком, а Страж Вечности соотносится с Югом. Число семь является священным в зороастризме.

Первоочередную роль в формировании космологических представлений древних народов играли наиболее яркие небесные светила. В основе календарей заложены видимые периодические движения Луны и Солнца, которые отождествлялись с верховными богами. Человеческой цивилизации предстояло подняться на достаточно высокий уровень в своем развитии, чтобы объяснить видимые движения светил их реальными периодическими орбитальными движениями вокруг центрального светила — Солнца и поставить Землю в единый ряд планет Солнечной системы.

Но в те далекие времена жители Земли могли лишь наблюдать восходы и заходы Солнца и Луны, вращение звездного узора и его изменение в течение года. Именно

тогда сложились представления о рождении светил на восточной части горизонта и их умирании при переходе под горизонт в западной части границы, разделяющей небо и земную поверхность.

Смещение точек восхода и захода Солнца на горизонте в течение года позволило связать сезонные изменения в природе с движением небесных светил, а суточное движение Солнца и наиболее ярких звезд по небосводу создало условие для измерения времени в течение суток.

Погребальный обряд в III–II тыс. до н. э. в Южном Зауралье формировался под влиянием нескольких культур, соседствующих на границе лесных и степных регионов, а также восточных и западных соседей.

В отличие от «культурной астрономии» и «этноастрономии» археоастрономия занимается исследованием ориентации археологических памятников в связи с положениями небесных светил в определенные (кардинальные) даты календаря, связанные с ведением хозяйственной деятельности и ритуалов [27]. Такими памятниками могут быть менгиры и аллеи менгиров, поселения и могильники, отдельные курганы и могилы. Планиграфия захоронений и ориентация могильных ям и погребенных также могут быть источником новых знаний, позволяющих получить представление о мировоззрении и особенностях погребального обряда данной культурно-исторической общности. Точные измерения с помощью теодолита и современных GPS-систем позволяют проводить датировку эпохи сооружения археологического памятника.

Ориентация памятников на точку восхода или захода Солнца в дни солнцестояний (летнего и зимнего) — наиболее распространенные направления, выявленные в архитектуре археологических объектов. Так, в знаменитом Стоунхендже выделено направление на точку захода Солнца в день зимнего солнцестояния, а в памятнике Newgrange (Ирландия), который на 500 лет старше Стоунхенджа, имеется щель, через которую луч солнца проникает ранним утром в камеру в день зимнего солнцестояния [26].

Возможна также фиксация положения Солнца в зените в определенные даты, но это может происходить на территории Земли только в зоне экватора между тропиками Рака и Козерога. В точках восхода и захода Луны также возможны ключевые азимуты, которые повторяются через 18,6 года и связаны с возмущениями, которые испытывает орбита Луны под действием других тел Солнечной системы [24].

Памятники эпохи энеолита-бронзы

Обратимся к памятникам, которые располагаются ближе к нашему региону. Наиболее известен и тщательно изучен объект, получивший название «святилище Савин-1» [19]. В представлении Т. М. Потемкиной он является древнейшим энеолитическим памятником [16], к которому допустимо применение понятия «астрономическая обсерватория». Такая характеристика является условной и, конечно, не имеет ничего общего с современными астрономическими обсерваториями. В этом памятнике археологами выделены азимуты, совпадающие с направлениями на точки горизонта, в которых Солнце и Луна восходят/заходят в предельных точках, близких к точкам севера и юга (рис. 1). Как известно, для Солнца это может происходить в дни летнего и зимнего солнцестояния, а для Луны в дни, когда она находится на своей орбите, имея экстремальные отклонения от эклиптики.

Артефакты, включающие лунно-солнечную символику, позволяют отнести погребения к жертвенным комплексам, которые приурочены к дням равноденствий и зимнего солнцестояния. О наличии лунного календаря на ранней стадии развития общества охотников и рыболовов (3100–2800 гг. до н. э.) свидетельствует костная пластина и горшок с лунной символикой, на дне которого выделены основные азимуты восхода/захода Луны в своих предельных азимутах. «Архитектура святилища, присутствие астрономических ориентиров, характер выявленных ритуально-обрядовых действий и особенности отдельных находок свидетельствуют о четко сложившейся мировоззренче-

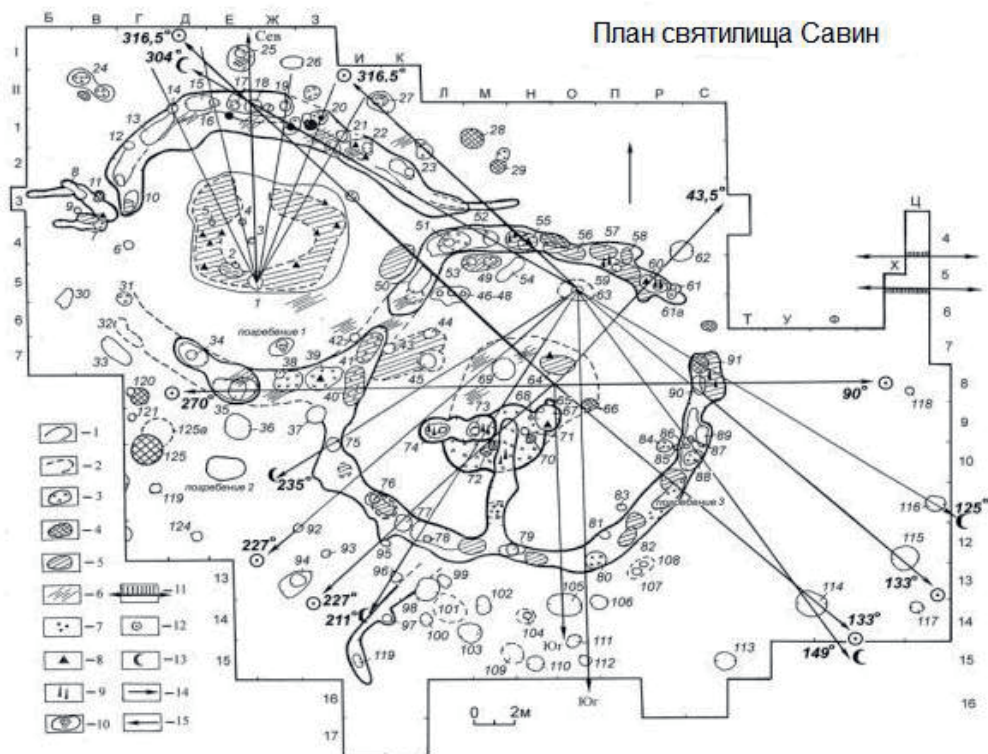

Рис. 1. План святилища Савин 1 (Курганская область) (по: [16])

ской системе. Нет сомнения, что святилище Савин осмысливалось его создателями как модель мира и потому имело строго организованную пространственную структуру в соответствии с горизонтальной, вертикальной и горизонтально-вертикальной проекциями Вселенной. По мировоззренческой логике ей придавалось не просто астрономическое, а более сложное и сущностное мифолого-ритуальное и космологическое содержание» [19, с. 87].

Теперь обратим внимание на другие памятники, исследованные в Южном Зауралье на территории Челябинской области. Научной общественности наиболее известен Аркаим — укрепленное поселение синташтинской культуры. Как бы ни отрицали его принадлежность к памятникам, достойным изучения методами археоастрономии, это единственный объект в России, включенный в список таких памятников в Википедии («List of archaeoastronomical sites by country»). Для сравнения приведем количество таких объектов в Великобритании — 11, в Ирландии — 9, в Мексике — 21, в Германии — 4. Об Аркаиме достаточно много написано Д. Г. Здановичем и А. К. Кирилловым, а также К. К. Быструшкиным, поэтому мы не будем затрагивать эту тему, несмотря на дискуссию, которую вызвали результаты наших измерений, проведенных на памятнике с помощью теодолита и высокоточных GPS-систем [15]. В последней цитируемой статье автор утверждал, что единственным памятником, который можно отнести к астрономическим обсерваториям древности, является знаменитый Стоунхендж, а Аркаим ни по каким критериям не может быть отнесен к объектам археоастрономии. В настоящее время считается, что Стоунхендж является всего лишь местом захоронения эпохи знеолита, а не древней астрономической обсерваторией. Кроме того, пересмотрено астрономически значимое направление на этом памятнике. Если раньше считалось, что на нем наблюдали восход Солнца в день летнего солнцестояния, то сегодня пришли

к выводу, что он предназначался для фиксации дня зимнего солнцестояния, как и другие памятники той эпохи, расположенные на территории Англии и Ирландии.

Наиболее детально методами археологии и археоастрономии на территории юга Челябинской области исследован комплекс памятников в окрестности села Степное. Раскопки могильников и отдельных курганов синташтинской, петровской, алакульской и ранней срубной культур проводились под руководством Д. Г. Здановича и Е. В. Куприяновой [9–11]. Методами археоастрономии выявлены общие закономерности в организации пространства могильников, ориентации главных погребений в отдельных курганах и на могильном поле памятников Степное-1, Степное VII, Степное 25. Обнаружены общие принципы планировки кургана 25 могильника Большекараганский близ Аркаима и отдельных объектов на могильниках у с. Степное. Детали кольцевого рва позволили проводить датирование эпохи сооружения кургана исходя из гипотезы о примитивном зодиаке, существовавшем в эпоху бронзы. Рис. 2 демонстрирует результаты раскопок курганов № 6 и 7 могильника Степное VII. Планировка погребальных комплексов практически совпадает с планом святилища Савин, хотя время сооружения этих памятников разделяет почти 1000 лет.

Следует обратить внимание на отрезок прямой линии, соединяющий центры погребальных ям, азимут направления которой равен 292° при отсчете из центра курган № 6 и отстоит на 22° от точки запада — W. Такой же азимут фиксируется в других погребальных памятниках, изученных нами в Северном Приазовье, Башкирии и Южном Зауралье. В качестве примера на рисунке изображено курганное поле в окрестности поселения Степное (рис. 3а). Выделенная цепочка курганов синташтинско-петровского времени также фиксирует азимут в 68° , который ассоциируется с датами календаря, связанными с началом пастбищного сезона. Азимут соответствует 70° , или отклонению от направления на восток на 20° . Этот азимут соответствует дню святого Георгия, который маркирует начало сезона выпаса скота. Обратное направление на заход Солнца соответствует дню святого Димитрия, когда заканчивается выпас скота на пастбищах.

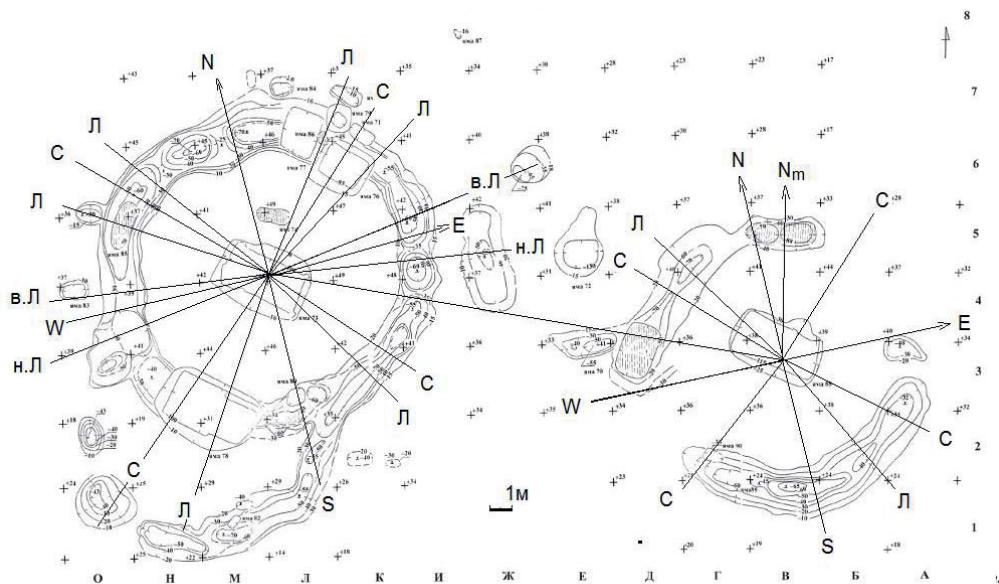

Рис. 2. Погребальные комплексы Степное VII-7 (слева) и Степное VII-6 (справа) с указанием астрономически значимых направлений.

Буквой «С» и «Л» показаны азимуты восхода и захода Солнца и Луны соответственно (по: [9])

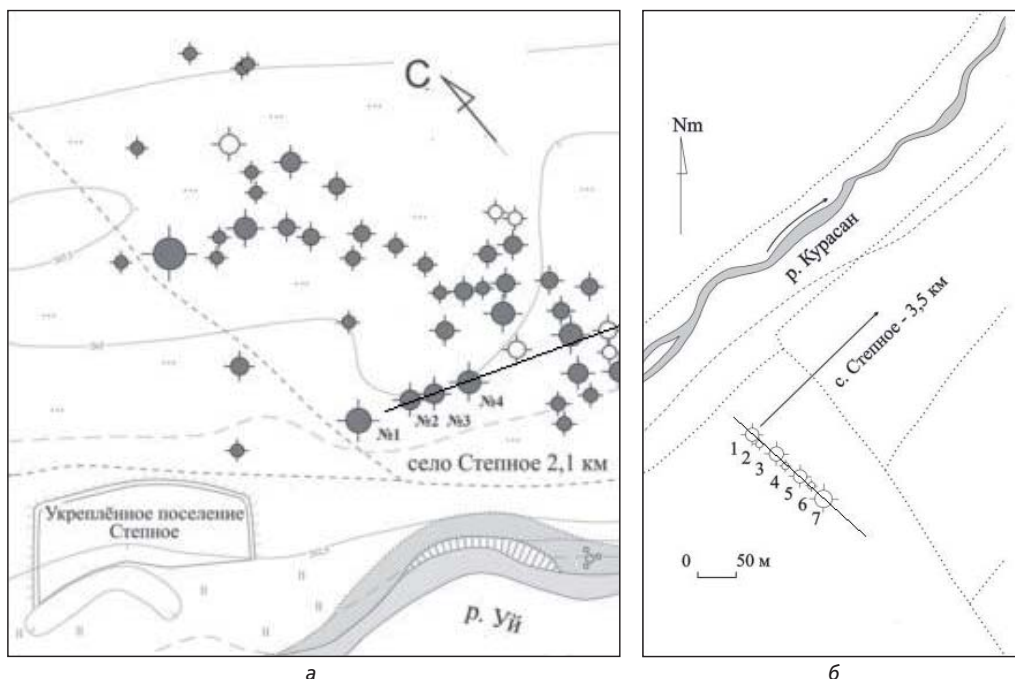

Рис. 3. Расположение курганов цепочками в могильниках:
а — Степное-1; б — Курасан VI (no: [11])

Для могильника Курасан VI (рис. 3, б) с учетом магнитного склонения ($M = 12^\circ$) для цепочки курганов получаем азимут 55° , что соответствует азимуту, близкому к направлению на точку захода Солнца в день летнего солнцестояния или восхода в день зимнего солнцестояния.

Можно считать, всё, что написано по отношению к святилищу Савин [16; 19], справедливо и по отношению к курганам. Они отражают мировоззрение их создателей и связаны с ритуалами, включенными в общую практику примитивных религий, предполагающих существование жрецов или шаманов. Курганные сооружения на протяжении тысячелетий выполняли функции святилищ. В конструкции курганов эпохи энеолита-бронзы содержатся общие представления о строении (космологии) и происхождении (космогонии) мира (Вселенной).

Общие принципы ориентации курганов эпохи бронзы отмечены при исследовании памятников срубной культуры на большой протяженности Евразийской степи. Характерен пример, представленный на рис. 4. Курган «Раскопанная могила», расположенный к западу от г. Дружковка Донецкой области, представляет собой многоярусное погребальное сооружение [18]. Данный курган является основным в комплексе курганов, его окружающих. Азимуты направлений на курганы при наблюдении с основного кургана «Раскопанная могила» получены по измерениям на топографической карте, где за направление меридиана принята координатная сетка. С помощью GoogleEarth вычислен азимут на Большой курган у с. Райское для контроля данных, полученных археологами с помощью магнитной буссоли и учета магнитного склонения на эпоху проведения раскопок. Согласно GoogleEarth азимут $\alpha = 153^\circ 34'$ достаточно хорошо согласуется с $\alpha = 155^\circ$, учитывающим магнитное склонение, и характеризует точность измерений магнитных азимутов при проведении археологических исследований.

Прежде всего следует отметить расположение курганов в ЮВ направлении. Удивительным образом два кургана по азимуту 136° фиксируют направление на точку восхода Солнца в день зимнего солнцестояния, аналогично ситуации для Нововасильевского

курганного комплекса [6]. Отдельно стоящий курган по азимуту 129° указывает точку восхода «высокой южной» Луны.

В этой схеме нет места большому кургану в направлении на с. Райское на расстоянии 1 350 м, азимут которого отличается от направления на точку Юг на 25° . Однако этот азимут может соответствовать направлению на заход наиболее яркой звезды на эпоху существования срубной культуры — Арктур в созвездии Волопаса. Действительно, заход этой звезды при наблюдении с этого кургана совпадал с направлением на курган «Раскопанная могила» в эпоху расцвета срубной культуры в Северном Приазовье, то есть вблизи 1300 г. до н. э. Противоположное направление от кургана «Раскопанная могила» можно связать с восходом звезды Толиман (α Центавра).

Таким образом, уже в масштабе местности, обозреваемой с кургана «Раскопанная могила», древние наблюдатели проектировали небесный свод на поверхность Земли. Без сомнения, эти действия были связаны с ритуалами, приуроченными к основным событиям годового календаря и сезонной хозяйственной деятельности древних обществ. Такие же направления были выделены в планиграфии погребений кургана «Раскопанная могила» [6]. Анализ комплекса захоронений, расположенных на кургане, показывает, что, несмотря на неодновременность создания отдельных погребений, он в целом отвечает требованиям, необходимым для фиксации солнечного годового цикла. По-видимому, при совершении ритуальных действий предпочтение отдавалось событиям восхода наиболее ярких небесных светил. В первую очередь это Солнце. Наблюдение восхода звезды Толиман (α Центавра) предполагает фиксацию этого события в качестве предвестника начала нового года, когда она впервые появляется на утреннем небе перед восходом Солнца

в дату, близкую к дню зимнего солнцестояния.

Ориентация погребенных в могильной яме — отдельная тема. Обратим только внимание на нашу публикацию, посвященную этому вопросу для срубников [7]. На основе большого статистического материала для 22 регионов показано, что погребальный обряд остается неизменным (скорченно на левом боку), но ориентация останков умерших изменяется от северо-восточного в Южном Зауралье, до преимущественно восточного в Северном Приазовье [7].

В самых западных регионах преимущественная ориентация соответствует направлению на восток (ENE+ESE — кривые на рис. 5). Вторая по значимости ориентация погребений относится к юго-восточному направлению (SE-кривая), которое редко встречается в восточных регионах. В свою очередь в западных ареалах срубной КИО очень редко можно встретить захоронения

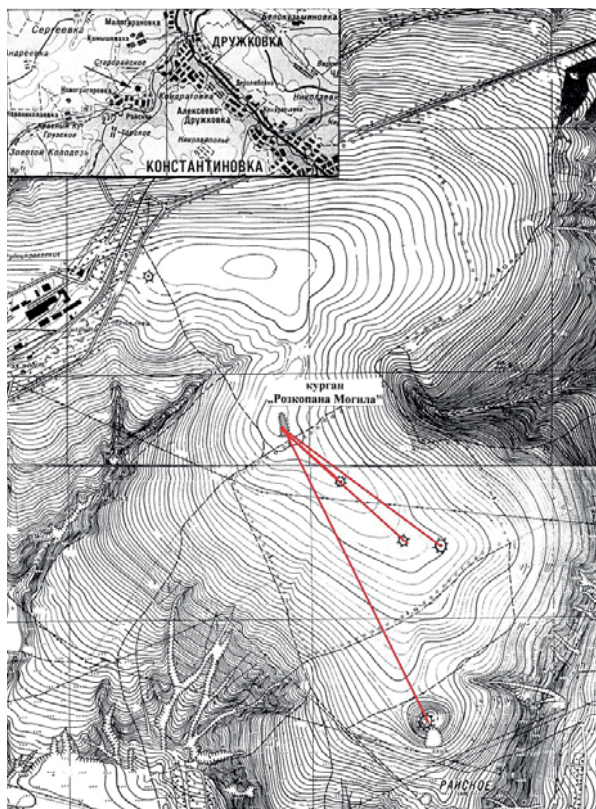

Рис. 4. Топографическая карта окрестностей кургана «Раскопанная могила» (по: [18])

с ориентацией в северо-восточном и северо-западном направлениях (кривые NNE, NNW и NW на рис. 5).

Одним из факторов, повлиявших на изменение ориентации, является временной. Он связан с миграциями и более поздней эпохой формирования срубной КИО на территории Северного Причерноморья и Подонья. Есть примеры датировки раннесрубных погребений, достигающие XIX в. до н. э. на территории Волго-Уральского региона [8, с. 72]. В западных регионах обнаружены и изучены памятники преимущественно более поздних эпох вплоть до XII–X в. до н. э., характеризующие развитую срубную КИО.

Представляет интерес точка зрения ряда исследователей,

которые утверждают, что поздний этап развития срубной культуры на территории Днепровско-Донского междуречья является следствием миграции волго-донской абашевской КИО, которая получила свое развитие в погребальном обряде покровских памятников с меридиональной ориентацией погребенных в могильной яме. В дальнейшем взаимодействие «покровцев» с автохтонным населением привело к трансформации погребального срубного обряда к бережновско-мосоловской степной традиции с ориентацией погребенных головой в восточном направлении. [17].

По нашему мнению, решающим фактором, определяющим ориентацию погребенных, стал календарный аспект. В восточных регионах (Зауралье) предпочтение отдавалось дню летнего солнцестояния. В значительной степени это связано с более суровыми по сравнению с Причерноморьем климатическими факторами зимнего периода. Весьма затруднительно было проводить ритуал захоронения в дни, близкие к дню зимнего солнцестояния. Кроме того, в восточных регионах роль земледелия в хозяйстве срубников выражена в меньшей степени. Их хозяйство в основном квалифицируется как отгонное скотоводство. В западных регионах Восточно-европейской степи предпочтение отдавалось дню весеннего равноденствия и дню зимнего солнцестояния, что характерно для индоиранской ритуальной и календарной традиций народов, населяющих южные регионы Евро-Азиатского континента, и следующей из необходимости хозяйственной деятельности, предвещающей непосредственно посев и выращивание злаков.

Более детально рассмотрим результаты археоастрономической интерпретации памятника Степное 25, являющегося комплексом курганов и мегалитических сооружений. Согласно [11] среди всех объектов можно выделить две группы различающихся своими эпохами сооружений. Часть курганов связана с поселением Степное и может быть отнесена к эпохе средней бронзы, поскольку они содержат керамику синташтинско-петровского вида. Другие можно отнести к эпохе финальной бронзы, к которой принадлежат поселения Степное-ХI и комплекс менгиров 1, 2 и 4 (рис. 6). Отдельные находки керамики указывают на их принадлежность к черкаскульской КИО.

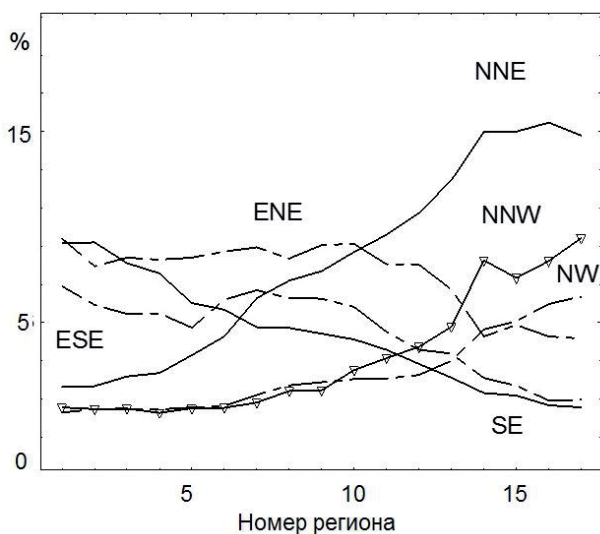

Рис. 5. Итоговое распределение по долготе основных вариантов ориентировки погребенных. По горизонтальной оси указаны номера регионов, соответствующие возрастанию географической долготы с запада к востоку (по: [7])

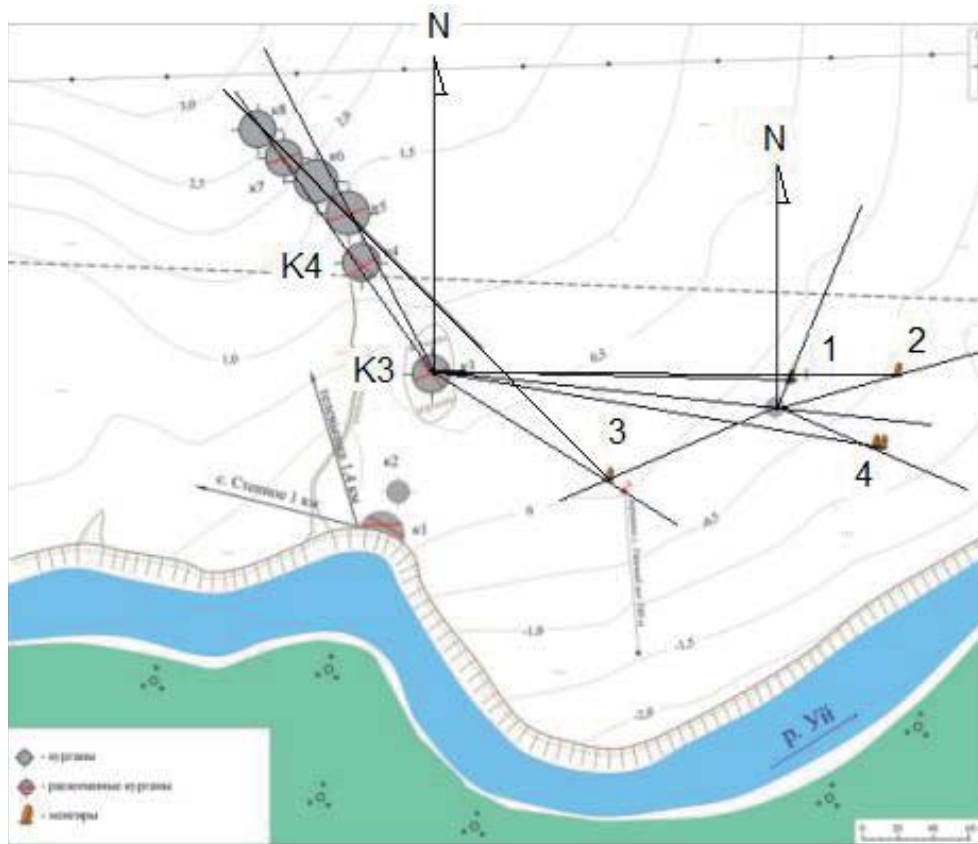

Рис. 6. План-схема расположения объектов могильника Степное-25 по итогам полевого сезона 2019 г. (по: [11]) с указанием астрономически значимых направлений, связывающих объекты памятника

Комплекс курганов эпохи бронзы, расположенный к ЮВ от с. Степное на расстоянии 1 км, частично был исследован В. С. Стоколосом в 1950-е гг. [20]. Повторное исследование могильника проводилось уже в XXI в. Согласно [11] жертвенная яма, находившаяся при менгире № 3, по своему составу сходна с жертвенниками петровской и алакульской археологических культур, а зафиксированное ее многократное использование предполагает длительный период функционирования. В культурном слое не обнаружено датирующих материалов, способных указать на принадлежность к определенной археологической культуре. Поскольку в кургане № 3 В. С. Стоколосом был обнаружен горшок алакульского типа [11], можно уверенно отнести курган и менгир № 3 к одной эпохе. Поэтому астрономическая значимость азимута, связывающего эти два объекта, не вызывает сомнения.

Представляется интересным выяснить возможную астрономическую значимость взаимной ориентации курганов и менгиров памятника Степное-25. С этой целью мы использовали данные точных координат объектов, полученных при полевых археологических исследованиях сезонов 2013 и 2019 гг. и сервер GoogleEarth, позволивший уточнить их координаты.

Поскольку мы не ставим задачу датирования объектов комплекса курганов, достаточно указать астрономически значимые азимуты без учета высоты горизонта, т. е. $h_t = 0^\circ$. Для географической широты Степного $\phi = 54^\circ 05'$ на эпоху 1800 г. до н. э. вычислены азимуты:

восход и заход Солнца в день летнего солнцестояния (ДЛС) — 45° и 315° ;

восход и заход Солнца в день зимнего солнцестояния (ДЗС) — 132° и 228° ;

восход и заход «высокой северной» Луны — 35° и 325° ;

восход и заход «высокой южной» Луны — 142° и 215° .

Возможен еще один азимут, связанный с «золотым сечением» от 180° и близкий к величине $68^\circ 45'$. Он имеет календарный смысл, поскольку определяет дату начала выгона скота на пастбища (день святого Георгия) и завершения этого сезона (день святого Димитрия).

Определение азимутов направлений проводилось двумя методами. В первом использовалась программа О. Митина, позволяющая вычислять азимуты и расстояния между объектами, зная их точные координаты на поверхности Земли. В нашем случае использовался самый простой вариант без учета кривизны поверхности Земли. Второй вариант заключается в использовании инструмента GoogleEarth — «линейка», позволяющая определять эти же величины между двумя избранными объектами на экране компьютера.

Отметим, что на плане-схеме памятника Степное-25 (рис. 6) объекты нанесены в геодезических координатах. Это означает, что стрелка в правом верхнем углу рис. 2.2 [11, с. 39], указывающая направление меридиана, соответствует истинному направлению на север, а не магнитному. Доказательством этого может служить измерение азимута линии электропередачи, проходящей севернее цепочки курганов в ЗВ направлении. Согласно измерениям на космоснимке азимут линии электропередачи равен $a = 88,15^\circ$. Программа О. Митина дала результат $a = 89^\circ 24' 54,2''$. Оба значения в пределах точности совпадают с направлением линии электропередачи на рис. 6. Если бы на рис. 6 были указаны магнитные координаты, то с учетом магнитного склонения оба варианта системы координат отличались бы на значение магнитного склонения $M = 13^\circ$.

На первом этапе с помощью исторических космоснимков GoogleEarth 2014 и 2010 гг. были уточнены азимуты направлений между объектами, видимыми из космоса. Например, цепочка курганов № 5–8 имеет азимут: $a = 311,78^\circ$ ($48,22^\circ$ к западу от т. N) согласно GoogleEarth и расстояние между ними $S = 66,97$ м. По данным программы О. Митина получено $a = 314,37$ и $S = 65,88$ м, что характеризует сходимость двух методов. Приведенные значения азимутов и расстояний характеризуют точность данных методов. Значение азимута близко к азимуту захода Солнца в ДЛС. Интересно, что при продолжении в южном направлении этот азимут указывает на менгир № 3, который можно принять за точку наблюдателя, фиксирующего заходы Солнца в этот день в направлении цепочки курганов № 5–8.

Еще одно направление было надежно зафиксировано по историческому снимку 2014 г. — азимут, связывающий курган № 3 и оградку № 1, которая была исследована археологами в 2013 г. Оба объекта хорошо видны на космоснимке (рис. 7).

На рис. 7 объект M1 имеет координаты: $54^\circ 04' 09,39''$ $N60^\circ 26' 20,09''$ E. С инструментом «линейка» GoogleEarth получено: $M1 \rightarrow K3$, $S = 199,93$ м, $a = 271,84^\circ$. Для кургана № 4: $M1 \rightarrow K4$, $S = 250,73$ м, $a = 286,64^\circ$.

По координатам, вычисленным с программой О. Митина, получено: $M1 \rightarrow K3$ $S = 203,5$ м, $a_{12} = 89^\circ 49' 37,75''$ $a_{21} = a_{12} + 180^\circ = 269^\circ 49' 28,68''$. То есть в пределах точности, которую обеспечивают оба метода, можно принять, что курган № 3 и оградка № 1 находятся на одной параллели.

Из рассмотрения плана могильника (рис. 6) с нанесенными осями координат и отрезками прямых линий, связывающих объекты комплекса, выделены азимуты, которые могут иметь астрономически значимый смысл. Возможны три варианта использования могильника Степное-25 в качестве ритуального и календарного комплекса:

1. При наблюдении от менгира № 3 возможно наблюдать заходы Солнца в ДЛС, азимут которого совпадает с направлением цепочки курганов № 5–8.

2. Если переместиться в центр кургана K3, то цепочка курганов № 5–8 совпадет с направлением азимута захода «высокой северной» Луны.

Рис. 7. Исторический снимок 2014 г. Хорошо виден курган № 4, исследованный в 2013 г. Линия связывает курган № 3 и оградку № 1

3. Из центра кургана № 3 направление на восход Солнца в дни равноденствий фиксируется азимутом на объекты М1 и М2. Направление на одиночный курган комплекса менгиров и менгир № 4 соответствует азимуту $a \approx 110^\circ$.

Имеется еще одно направление, связывающее курган № 5 и оградку № 1, совпадающее с углом золотого сечения. Азимут этого направления равен $a = 111,46^\circ$ ($S = 264,97$ м) (рис. 6). Разность $180 - 111,46 = 68,54^\circ$ практически совпадает с золотым сечением — $68^\circ 45'$.

Для уточнения азимута направления «курган 3 → менгир 3» определим координаты менгира № 3, интерполируя по космоснимку GoogleEarth: $\phi = 54^\circ 04' 08,55''$, $\lambda = 60^\circ 26' 14,57''$. С помощью программы О. Митина вычислены $S = 106,44$ м и $a_{12} = 107^\circ 14' 10,18''$ ($a_{21} = 180 - 72^\circ 45' 54,34''$). Значение угла 72° близко к значению азимута восхода или захода ($360 - 72^\circ 45' 54,34''$) Солнца в дату, близкую к дню святого Георгия, поэтому при наблюдении захода Солнца от менгира № 3 в направлении кургана № 3 можно было фиксировать эту дату календаря, связанную с началом выгона стада на пастбища в весенний период. Если наблюдать в обратном направлении «курган 3 → менгир 3», то по восходу Солнца фиксируется дата, связанная с завершением сезона и близкая ко дню святого Димитрия.

Эти календарные даты могут быть зафиксированы при проведении наблюдения от менгира № 3 к центральному кургану комплекса менгиров или в противоположном направлении. Действительно, определим азимуты этих направлений, используя известные координаты: для кургана $\phi = 54^\circ 04' 08,7''$; $\lambda = 60^\circ 26' 19,3''$; $S = 98,15$ м, $a = 80^\circ 11' 17''$ ($260^\circ 11' 13''$). Симметричное направление от центрального кургана к менгиру № 4 дает азимут восхода Солнца $a_{12} = 113^\circ 01' 41''$ ($a_{21} = 66^\circ 58' 21''$), $S = 61,6$ м. Учитывая низкую точность определения координат с GPS приемником, последний азимут можно отнести к азимуту, связанному с «золотым сечением».

Последнее направление относительно кургана, которое следует вычислить, это направление к менгиру № 1 получили, используя программу О. Митина: $a = 34^\circ 13'$ ($S = 11,97$ м). Этот азимут можно отнести к азимуту восхода «высокой северной» Луны.

Выводы: В системе курганов и менгиров памятника Степное-25 можно выделить три точки, связанные с фиксацией определенных дат календаря.

Первая относится к кургану № 3, с которого можно фиксировать дни осеннего и весеннего равноденствия, наблюдая восходы Солнца в направлении оградки с менгиром № 1. Менгиры № 2 и 4 могли служить указателями приближения этой даты с заблаго-

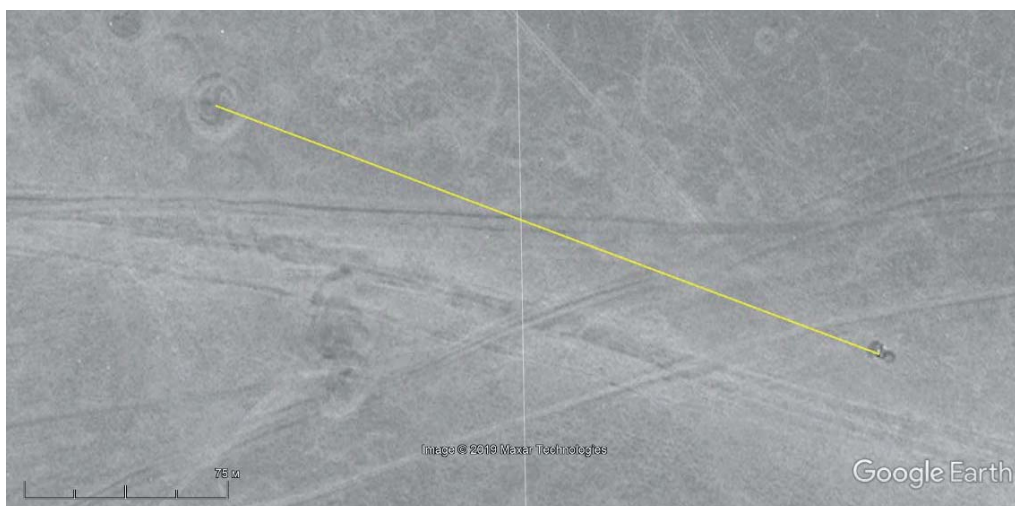

Рис. 8. Исторический снимок GoogleEarth 2010 г. Линия соединяет курган № 5 и оградку № 1

временностью в один месяц. Направление на менгир № 3 фиксировало дату после дня осеннего равноденствия, которую можно соотнести с завершением пастбищного сезона (день святого Димитрия — 25 октября по современному григорианскому календарю).

Вторую точку можно сопоставить менгиру № 3, с которой можно было наблюдать заход Солнца в день летнего солнцестояния в направлении курганов № 5–8 и фиксировать дату дня святого Георгия, наблюдая заход Солнца в направлении кургана № 3.

Третья точка наблюдений совпадает с центром кургана, который является центральным для системы менгиров № 1–4. Направление на оградку № 1 фиксирует восход «высокой северной» Луны, хотя для задач пригоризонтной астрономии расстояние между курганом и оградкой № 1 слишком мало (11 м). В направлении на объекты № 3 и 4 можно было фиксировать даты завершения сезона выпаса скота (день святого Димитрия). Азимут менгира № 4 совпадает с точкой восхода, а азимут менгира № 3 — с точкой захода Солнца в этот день. Азимут $a = 80^\circ$ в направлении менгира № 2 мог служить указателем приближения дня осеннего равноденствия в летний период, когда точки восхода Солнца смещались от точки восхода в день летнего солнцестояния к точке востока.

Кроме того, прохождение диска Солнца над вершиной горы Утиный нос позволяет фиксировать момент истинного полудня, если наблюдатель находится в точке расположения «одиочного» кургана.

Проблемы датировки курганов с «усами»

Курганы с «усами», принадлежащие более поздней эпохе развития культурно-исторических обществ на территории Южного Зауралья и Казахстанской степи, до сих пор являются «яблоком раздора» между представителями южноуральских и казахстанских археологов. Первая школа археологов на примере ряда археологических раскопок этих объектов и оценок их радиоуглеродного возраста утверждает, что они принадлежат I тысячелетию нашей эры. Казахстанские исследователи считают, следуя за А. Х. Маргуланом и М. П. Грязновым, что эти грандиозные сооружения возводили в степи представители тасмолинской культуры, получившей свое развитие в VIII–II вв. до н. э. Действительно, имеются радиоуглеродные данные, дающие возраст курганов с «усами» в 2 200 лет или по калиброванному радиоуглероду, принадлежащие эпохе V–VII вв. до н. э. [1–3]. Наши археоастрономические исследования, выполненные с точностью до одной угловой минуты, допускают существование традиций строительства

курганых комплексов в широком временном диапазоне — от V в. до н. э до конца I тыс. н. э. [5; 25].

Наиболее детально методами археоастрономии исследован курган с «усами» Ново-кондуровский-1, расположенный в заповеднике Аркаим (рис. 9). Результаты исследования были представлены на конгрессе «Astronomy and World Heritage: across time and continents» в 2009 г. в Казани [25]. Раскопки, выполненные под руководством И. Э. Любчанского, позволили музеефицировать этот курганный комплекс. В СВ части центрального кургана под нижним ярусом камней обнаружен красноглиняный сосуд кувшинообразной формы, изготовленный на гончарном круге. По результатам исследований памятник датирован IV — началом VI в. н. э. — временем господства в степях гуннского союза племен [14]. Но косвенно на более раннюю эпоху его создания может указывать именно этот кувшин, который мог появиться в Зауралье в результате миграций или торговых связей с Хорезмом [21; 22].

За последние годы (2016, 2017) проведены полевые астрономо-геодезические исследования с помощью теодолита еще двух курганов с «усами» на территории Челябинской области. Один из них — Чека-IX, расположен в окрестности горы Чека, самой высокой вершины в этом регионе, и находится от нее на расстоянии 5 250 м к ЮЗ (рис. 10, 11). Особенностью данного курганного комплекса является его ориентация. В отличие от всех ранее исследованных методами археоастрономии курганов с «усами» он имеет СВ ориентацию оси. Такое необычное расположение кургана подразумевает, что он построен для фиксации момента захода солнечного диска над центральным курганом при его наблюдении с окончания северного уса. Действительно, с помощью астрономо-геодезических измерений в августе 2016 г. удалось определить азимуты всех направлений между деталями курганного комплекса и азимуты основных ярко выраженных деталей горизонта.

Подобная ориентация оси курганов с «усами» известна в Казахстане на могильнике Карабулак [2, с. 54] в районе хребта Чингистау. Протяженность «усов» у одного из них достигает 120 м.

Самая высокая вершина г. Чека находится по азимуту $\alpha = 249^{\circ}56'$ и имеет видимую высоту горизонта $h_t = 2^{\circ}14'$ в этом направлении при наблюдении с центрального кургана, обозначенного на рис. 10 цифрой 0. С помощью астрономического планетария Redshift-4 удалось подобрать эпоху, при которой можно было фиксировать заход Солнца

Рис. 9. Курган с «усами» Новокондуровский-1 после проведения раскопок и реконструкции. Вид с дельтаплана

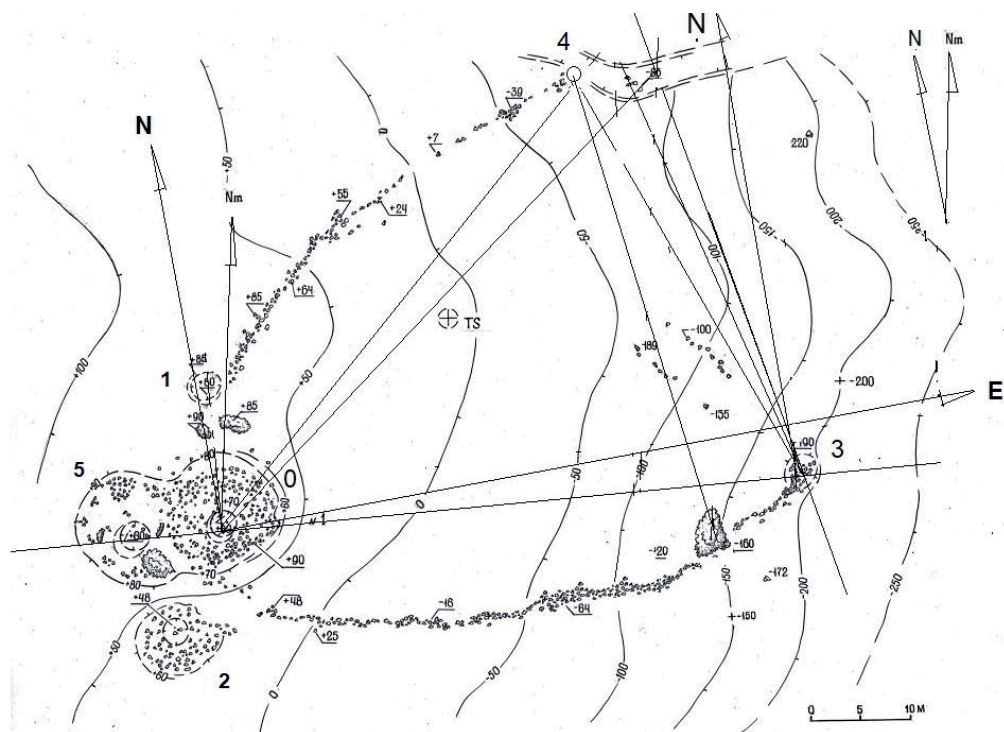

Рис. 10. План кургана с «усами» Чека-9

Рис. 11. Вид кургана Чека-9 с окончания южного уса на центральный курган

по нижнему краю диска над курганом № 2 по азимуту $a = 47^{\circ}21'$ ($h_r = 0^{\circ}43'$) с окончания северного уса (курган № 4). Это событие можно было наблюдать только в IX в. до н. э., т. е. в эпоху раннего железного века.

Второе астрономически значимое направление в конструкции курганного комплекса Чека-IX связано с заходом яркой звезды Арктур, который можно было наблюдать с окончания южного уса (курган № 3) в направлении окончания северного уса (курган № 4) по азимуту $a = 340^{\circ}29'$. С учетом высоты горизонта $h_r = 1^{\circ}55'$ это событие соответствует 950 г. до н. э. (!) и достаточно хорошо согласуется с датировкой по Солнцу. (Использование более современной версии компьютерного планетария Redshift-8 дало значение для Арктура — 680 г. до н. э.).

Возможно и другое решение для направления от площадки № 4 к окончанию южного уса № 3, если принять, что оно соответствует точке восхода звезды Фомальгаут, которая также имела большое значение для ираноязычных народов. Тогда для датировки курганного комплекса Чека-IX следует принять эпоху его сооружения и функционирования VII в. н. э., т. е. раннее средневековье. При этом следует принять за момент захода Солнца касание горизонта верхним краем диска Солнца.

Второй курган с «усами» был обнаружен в 2015 г. в окрестности села Рымникский. Он расположен на расстоянии 11,4 км к СЗ от Большого синташтинского кургана (БСК) (рис. 12). Измерения с теодолитом с привязкой азимутов с помощью наблюдений Полярной звезды и вычисления с помощью Relshift-4 показали, что его сооружение и функционирование в качестве инструмента для ведения календаря возможно было в V в. до н. э., что совпадает с датировкой памятника Новокондуровский-1 [25].

Центральный курган подпрямоугольной формы относится к эпохе железного века. Основная ось ориентирована к ЮВ относительно параллели, проходящей через центральный курган, обозначенный на рис. 12 цифрой 0, что совпадает с ориентацией кургана Новокондуровский-1. Датировка проводилась по вычислению захода Солнца в день летнего солнцестояния по верхнему краю диска с учетом высоты горизонта на эпоху 490 г. до н. э. ($a = 312^{\circ}50'$), если его наблюдать из окончания южного уса (точка «4») над центральным курганом «0». Кроме того, азимут направления 5 → 4 ($a = 130^{\circ}22'$), практически совпадает с азимутом восхода Солнца в день зимнего солнцестояния по нижнему краю.

Рис. 12. Курган с «усами» Челкасай на космоснимке из георесурса GoogleEarth. Цифрами указаны основные детали конструкции кургана

Полученная датировка идеально совпадает с данными для азимута восхода Арктур на эту эпоху, если его наблюдать с окончания южного уса (направление 4 → 3) по азимуту $\alpha = 27^{\circ}17'$, $h_{\tau} = 0'$. Детальные измерения теодолитом с реперных точек «усов», выделенных отдельными камнями различных цветов, показали, что в течение летнего пастбищного сезона возможно фиксирование точек восхода и захода Солнца, а также измерение временных отрезков в течение светового дня.

Таким образом, можно выделить три последовательные эпохи существования комплексов курганов «с усами». Мы предполагаем, что при переходе к каждой из них происходила эволюция их конструкций, отражающая последовательное изменение мировоззрения их создателей. Учитывая последние радиоуглеродные данные [4], можно выделить три этапа развития особенностей конструкции курганов «с усами». Первый соответствует начальному этапу их строительства, относящийся к сакскому периоду существования цивилизации кочевников центральноазиатской степи. На территории Казахстана их отождествляют с памятниками тасмолинской культуры.

На втором этапе происходит поворот оси курганов «с усами» в ЮВ сектор. Один из таких памятников, исследованный в 2014 г. в Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан (курган Кырыкунгир), датирован радиоуглеродным методом саксой эпохой, 627–406 гг. до н. э. [1]. Главная ось комплекса имеет ЮВ направление (рис. 13). В западном секторе, на расстоянии около 3 м к СЗ от центральной точки, на глубине 0,4–0,5 м были обнаружены 10 фрагментов лепного сосуда. В этом же секторе, на уровне материка, на расстоянии 1,5 м к ЮЗ от центральной точки были обнаружены кости от передних ног лошади.

Курганы «с усами» Солончанка I, Черкасинский и Городищенское IX относятся к третьему, хронологически более позднему, этапу. В этой группе комплексов курганов «с усами» главная ось ориентирована в направлении С—В. Именно такие курганы датируют эпохой раннего средневековья III–VII вв. н. э.

Эволюцию ориентации курганов «с усами» относительно точек горизонта можно объяснить следующим образом. Первоначально для создателей таких сооружений, предназначенных для ведения календаря, был важен момент наступления зимнего солнцестояния. За начало года это событие принимала ираноязычная народность, которая

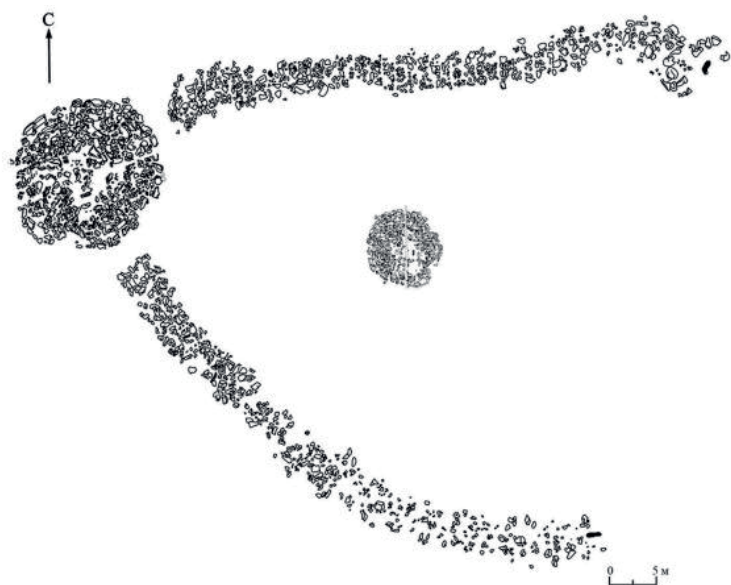

Рис. 13. Курган «с усами» Кырыкунгир: план (по: [1])

пришла на территорию Северного Казахстана и Южного Зауралья из южных регионов (саки) [21; 22]. В условиях пастбищного ведения хозяйства стало понятно, что более важным для них является день летнего солнцестояния. Позже, в эпоху гуннов, которые поклонялись богу Тенгре, за начало года стали принимать день весеннего равноденствия. Действительно, современный праздник Навруз имеет древнее происхождение и означает начало нового года — «новый день». Согласно мнению ряда ученых, более важным для примитивного хозяйства является осеннее равноденствие, что имеет место для народов Сибири [12; 13]. Хотя коневоды (андроновцы и тюрки) предпочитали за начало года принимать день весеннего равноденствия.

Заключение

Астрономия и в древности, и настоящее время занимает важное место в жизни общества. Основные космологические и космогонические концепции появились только после того, как человек внимательно изучил звездное небо, движение Солнца и Луны по небесной сфере, ритмы природы и сезонные изменения звездного неба. Картина звездного неба (skyland) является неотделимой частью природного пейзажа (landscape), который окружает человека в повседневной жизни [23].

Поэтому задачей археoaстрономии является изучение памятников археологии с целью дать более полное понимание культуры древних обществ. Поскольку наша наука возникла на стыке нескольких наук, является междисциплинарной, необходимо тесное сотрудничество астрономов и археологов для получения надежных результатов при изучении археологических объектов и культуры древних народов.

Список литературы

- Бейсенов А. З., Умиткалиев У. У., Кулькова М. А. Радиоуглеродная дата кургана с «усаами» Кырыкунгир (Восточная Сарыарка) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. — 2016. — Вып. 5. — С. 249–255.
- Бейсенов А. З., Умиткалиев У. У., Дуйсенбай Д. Б. Памятники хребта Чингистау. Курганы с «усаами» // Археологическое наследие Центрального Казахстана: Изучение и сохранение : сб. науч. ст., посв. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. Том 2. Алматы, 2017. — С. 50–60.
- Бейсенов А. З., Дуйсенбай Д. Б., Святоко С. В. Курган с «усаами» Жамантас // Самарский научный вестник. 2017. — Т. 6, № 3 (20). — С. 227–231.
- Грудочко И. В. Радиоуглеродная хронология курганов с «усаами» // Вестн. ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки» 21. — 2019. — Т. 19, № 3. — С. 21–27.
- Зданович Д. Г., Кириллов А. К. Курганные памятники Южного Зауралья. Археoaстрономические аспекты исследования. — Челябинск : Крокс, 2002. — 76 с.
- Кириллов А. К. Курганы Донецкой области как объекты исследований археoaстрономии // Археологический альманах, № 25 : сб. ст. / гл. ред. А. В. Колесник. — Донецк : Донбасс, 2011. — С. 180–198.
- Кириллов А. К. Единство срубной культурной общности с точки зрения археoaстрономии // Астрономические методы исследований археoaстрономических объектов горной гряды «Сундуки» и других исторических объектов: сб. тр. Второго Всерос. полевого семинара / Сост. А. Р. Нестеренко. — Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2017. — С. 115–124.
- Кузнецов П. Ф., Мочалов О. Д. Нестандартный раннесрубный курганный комплекс юга лесостепного Поволжья // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. — Вып. 1. — Самара, 1999. — С. 59–93.
- Куприянова Е. В., Зданович Д. Г. Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII. — Челябинск : Энциклопедия, 2015. — 196 с.
- Куприянова Е. В. Погребальные практики эпохи бронзы Южного Зауралья: могильник Степное-1. — Челябинск : Энциклопедия, 2016. — 119 с.
- Куприянова Е. В., Стоколос В. С., Петров Н. Ф., Батанина Н. С. Могильник Степное 25: культурный синкретизм на границе степи : коллектив. моногр. / под общ. ред. Е. В. Куприяновой. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2020. — 155 с.
- Лушников А. В. Календари Северной Евразии и Сибири как источник для реконструкции древней картины мира // Вопросы языкознания. — 2005. — № 5. — С. 11–29.
- Лушников А. В. Модель универсума древних календарей (на материале языков разных семей) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20. — М., 2006. — 331 с.
- Любчанский И. Э., Таиров А. Д. Археология и архитектура комплекса кургана с «усаами»

- Новокондуровский I // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь : (к 70-летию Т. М. Потемкиной) : сб. ст. / отв. ред. В. М. Вохминцев. — Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2007. — С. 158–161.
15. Никифоров М. Г. Проблемы современной археоастрономии // Историко-астрономические исследования. — Т. 38. — М. : Наука, 2015. — С. 100–138.
 16. Потемкина Т. М. Святилища энеолита и бронзового века Западной Сибири, как источник астрономических знаний и космологических представлений в древности // *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*. — 2014. — № 2(1). — P. 50–89. — URL: <http://aaatec.org/documents/article/pt2r.pdf>
 17. Пряхин А. Д. Памятники покровского типа на современном этапе изучения в российской и украинской археологии // Древности. — Харьков, 2011. — С. 88–101.
 18. Санжаров С. Н., Литвиненко Р. А., Черных Е. А., Прынь А. В. Неординарные курганы и погребения Шахтерского могильника и их место в системе древностей юга Восточной Европы // *Материалы и исследования по археологии Восточной Украины* : сб. науч. тр. — 2003. — № 1. — С. 122–161.
 19. Святилище Савин-1 эпохи энеолита в При-тоболье: антология статей / сост., отв. ред. Д. Н. Маслюженко. — Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2020. — 208 с.
 20. Стоколос В. С. Курганы эпохи бронзы у с. Степное // *Краеведческие записки*. — Вып. 1. — Челябинск : Челяб. книж. изд-во, 1962. — С. 3–20.
 21. Таиров А. Д. Средняя Азия во второй полови-
 - не VI в. до н. э. и кочевой мир Южного Урала // *Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий*. — Барнаул, 1999. — С. 173–175.
 22. Таиров А. Средняя Азия во второй половине VI в. до н. э. и кочевой мир Южного Урала // *Вестник Челябинского государственного университета*. — Серия 10: Востоковедение, Евразийство. Геополитика. — 2005. — № 1. — С. 53–63.
 23. Campion N. Locating Archaeoastronomy in Academia / Fabio Silva and Nicholas Campion, eds. *Skyscapes: The Role and Importance of the Sky in Archaeology*. — Oxford : Oxbow Books, 2015. — P. 8–19.
 24. García C. G. Skyscapes: The Role and Importance of the Sky in Archaeology // *European Journal of Archaeology*. — 2016. — Vol. 19(2). — P. 360–364. DOI: 10.1080/14619571.2016.1161116
 25. Kirillov A. K., Kirillova N. G. Novokondurovskiy-1 kurgan ‘with moustaches’ as keeper of time and ritual // *International astronomical congress “Astronomy and World Heritage: across time and continents”*, 19–24, August 2009. Kazan, Russia. — P. 95–100.
 26. Ruggles C. L. N. *Calendars and Astronomy // Handbook of Archaeoastronomy and Ethnoastronomy*. C.L.N. Ruggles (ed.). — New York : Springer, 2015. — P. 15–30. DOI: 10.1007/978-1-4614-6141-8_4
 27. Pimenta F., Silva P., Tirapicos L. *Symbolism and Archaeoastronomy in Prehistory // Oxford Handbook of Human Symbolic Evolution*. N. Gontier (ed.). — Oxford : Oxford University Press, 2019.

Сведения об авторе

А. К. Кириллов, старший научный сотрудник, докт. техн. наук ЦДЮТТ Кировского района Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург, Россия. kirillov1953@inbox.ru

RECONSTRUCTION OF BURIAL AND CALENDAR RITES USING ARCHAEOASTRONOMY METHODS

A.K. Kirillov, Senior Researcher, Doctor of Engineering Science. Saint-Petersburg, Russia. kirillov1953@inbox.ru

The purpose of our study is to demonstrate the unity of the general principles of organizing burial rites associated with seasonal and long-term changes in the cardinal points of sunrise and sunset of the brightest celestial bodies. The greatest attention is paid to the Bronze Age cemeteries near Stepnoye village and the kurgans with «moustaches». The orientation of the burial pits and burial mounds on the cemeteries clearly points to astronomically significant points on the horizon, which fix the most important dates of the calendar associated with the year-round economic cycle of ancient communities. The conclusions are based on a review of archaeoastronomical research carried out in recent years.

The main conclusion is the need to consider the starry sky as component of the landscape, which fixes the epoch of the sites creation that have preserved the cosmological and cosmogonic points of views of ancient communities, reflected in calendar and funeral rites.

Key words: *archaeoastronomy, calendar, burial rite, kurgans with «moustaches», dating of sites.*

ЭТНОГРАФИЯ И КОМПЛЕКСНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 39

Т. В. Савельева

РЕКОНСТРУКЦИЯ НАРОДНОГО СЛАВЯНСКОГО ПРАЗДНИКА «ИВАНОВ ДЕНЬ»: ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Рассматривая праздничный календарь русского народа как нематериальное наследие, нуждающееся в сохранении традиции, мы проанализировали различные виды реконструкции праздника «Иванов день» (другие названия — день Ивана Купалы, ночь Ивана Купалы). Проанализировав материал, собранный методом включенного наблюдения в локальной традиции Южного Урала, методом интервьюирования, а также анализа тематического контента в социальных сетях, мы предложили классификацию видов реконструкций: научная (этнографическая), идеологическая, развлекательно-коммерческая, наивная (обывательская).

Ключевые слова: этнография, народный праздничный календарь, реконструкция, нематериальное культурное наследие, «Иванов день», Купала, реконструкция.

Народный праздничный календарь в настоящее время можно отнести к нематериальному культурному наследию. А. С. Каргин и А. В. Костина, подробно анализируя международные и государственные акты в области сохранения традиционной народной культуры, приводят классификацию объектов нематериального культурного наследия, предложенную Российским институтом культурологии:

- функционирующие в среде бытования;
- продолжающие функционировать, но находящиеся под угрозой в связи с ослаблением интереса к ним сообщества, падением спроса, отсутствием учеников и другими факторами;
- не имеющие возможности существовать в среде естественного бытования при отсутствии специальной поддержки [2, с. 59].

Праздничный календарь, на первый взгляд, входит во вторую группу, однако есть в нем праздники, которые не могут существовать при отсутствии специальной поддержки, прежде всего поддержки научного сообщества — далее в статье мы объясним, почему.

На протяжении 10 лет, с 2011 по 2020 г., мы рассматривали праздничный календарь современного горожанина Южного Урала в аспекте традиционной народной культуры, выделив при этом три группы народных праздников, зафиксированных в календаре настоящего времени:

- сохраненную традицию (Масленица, Рождество — Новый год, Пасха);
- прерванную и восстанавливаемую (Вождение стрелы, ночь Ивана Купалы);
- изобретенную, согласно выражению Э. Хобсбаума, впервые предложившего данный термин [11, с. 47–62] (региональные фестивали народной культуры — Бажовский фестиваль, «Иди в баню», день Петра и Февронии Муромских — несмотря на то, что традиция почитания этих святых насчитывает несколько веков,

массовый праздник, посвященный им, изобретен уже в XXI в. в противовес Дню Святого Валентина).

Реконструкция как научная процедура используется во многих гуманитарных науках, изучающих материальную и духовную культуру человеческого сообщества: археологии, истории, этнографии, культурологии — и представляет собой «моделирование явлений и систем прошлого, изучение которых затруднено неполнотой или отсутствием источников» [1, с. 193]. Однако данный термин имеет и более общее значение, являясь синонимом понятия «восстановление», обозначает «процесс обновления устаревшего объекта для использования его в новых условиях» [7]. Именно в этом, более широком смысле, термин используется в нашей работе.

Празднование Дня Ивана Купалы относится к прерванной и восстанавливаемой (причем очень активно в последнее время) традиции. Для анализа состояния праздника «Иванов день» сегодня мы использовали метод включенного наблюдения, интервью с участниками и организаторами праздника, анализ тематического контента в социальных сетях. На протяжении нескольких лет студенты Миасского филиала Челябинского государственного университета собирали материалы о праздновании Дня Ивана Купалы на Южном Урале: Миасс, Чебаркуль, Кыштым, Сатка и др. По результатам этого анализа мы предлагаем следующую типологию реконструкций:

- научная (этнографическая);
- идеологическая;
- развлекательно-коммерческая;
- наивная (обывательская).

Только научная реконструкция попадает в узкое значение этого термина. Система традиционных праздников, которую мы наблюдаем на рубеже XX и XXI вв., утратила «значительную часть своего жизненного пространства, разрушены многие необходимые для жизнедеятельности системы внутренние связи» [4, с. 295], многие праздники утратили как сакральный, так и прагматический смысл. Изучение Иванова дня научным сообществом и восстановление забытой традиции в современной культуре ориентируется на несколько направлений. Большая часть работ посвящена исследованию мифологических мотивов праздника, например, «Мифологические рассказы с мотивами “В ночь на Ивана Купалу ведьма/колдун портит урожай”», Г. И. Плошук [5, с. 59–72]. Лингвокультурологические работы в основном сопоставляют традиции русских купальских праздников с подобными в других культурах [8, с. 75–80]. Кроме того, значительное количество исследований посвящено возможностям просветительской и воспитательной работы на материале праздника Купалы [3, с. 191–195]. Однако научные реконструкции Иванова дня по большей части остаются на бумаге, в научных журналах и монографиях. Лишь отдельные фольклорные коллективы занимаются моделированием праздника для массового зрителя (участника).

Идеологический тип реконструкции связан прежде всего с неоязычеством, или родноверием, и здесь мы наблюдаем жесткую оппозицию двух точек зрения. Первая — категорически против встраивания Иванова дня в современный праздничный календарь: «Псевдопраздники “День Ивана Купалы”, “Хеллоуин (День всех святых)” и “День Святого Валентина” являются праздниками только в вымороченном и девиантно идеологизированном сознании авторов» [6, с. 224]. Представители второй группы отмечают: «Празднование таких дней, как Ивана Купала, — это попытка восстановить мировоззрение наших предков» (волхв Вадим — Калужская славянская община, Вадим Станиславович Казаков) [9]. В локальной южноуральской традиции мы с идеологическим конфликтом на почве возрождения славянской культуры практически не сталкивались. Например, на Аркаиме, который традиционно воспринимается как центр всевозможных неоязыческих учений, благодаря опыту научной реконструкции работающих там ученых-этнографов, благодаря одному из вдохновителей этого культурного комплекса Г. Б. Здановичу, который всегда старался вывести дискуссию из идеологическо-

го аспекта, идеологического противостояния мы не наблюдаем. В 2018 г. магистрант Йельского университета Эмма Вильсон приняла участие в фольклорной экспедиции студентов Миасского филиала Челябинского государственного университета на Аркаим, пытаясь найти материал для подтверждения своей теории об использовании Аркаима как многих археологических памятников в идеологической дискуссии, однако кроме противостояния некоторых местных руководителей не зафиксировала других идеологических конфликтов.

Обращаясь к общероссийской традиции, приведем вновь рассказ волхва Вадима: «Наш первый совместный общинный праздник Купала прошел в 1994 г. на реке Воря. Я всех обязал сшить себе славянскую одежду. Двадцать пять человек собирались, выехали двадцать. По дороге одна женщина, которая с нами ехала, влюбилась в машиниста и уехала с ним в Вязьму, вышла за него замуж, родила ребёнка. Что ж, видимо, судьба, это Купала их соединил. Остальные вышли на станции Угрюмово и пошли по берегу реки Воря, с рюкзаками по 100 килограммов, палатками и прочим. Конечно, праздник был замечательный. Впервые люди надели славянскую одежду, закат, река, тишина, без городского шума, по берегу и кабаны ходят, и утки плещутся, а вода прозрачная, рыбы плавают! Мы развели костёр огромный, как нам тогда казалось. Сценарий был заранее готов, всё провели по обрядам, требы принесли, водили хорошо» [9, с. 94].

Как видим, в рассказе есть даже апелляция к самому древнему этапу развития праздника, когда во исполнение традиции экзогамии, в Купальские праздники образовывались любовные, будущие семейные пары.

Развлекательно-коммерческий тип реконструкции праздника, в отличие от первых двух, рассчитан на широкие массы. К реконструкции такого типа также привлекают профессиональные фольклорные ансамбли, этнографические коллективы, однако цель подобных мероприятий не точность восстановления традиции, а ее популяризация, развлечение участников, коммерческий эффект от входных билетов, ярмарки ремесленных товаров, промыслов и продуктов. Наблюдая за такими праздниками на протяжении нескольких лет, мы смогли выявить некоторые общие тенденции:

- основная форма проведения — массовое гулянье, фестиваль;
- уход в детскую и семейную аудиторию (на праздник традиционно приходят семьями, с детьми самых разных возрастов);
- одну из главных ролей играют торговые ярмарки: многие участники приходят не к началу действия, не остаются до конца, поэтому не видят весь сценарий, ограничиваясь прогулкой по торговым рядам;
- большинство присутствующих — зрители, а не участники праздника, они приходят на массовое гулянье, как на концерт, и организаторам непросто бывает их вовлечь в какое-то действие;
- сценарий может включать наряду с традиционными персонажами другие, не характерные для народного празднования, даже вымышленные: сказочные и литературные герои, коронавирус и т. п.

«Пойдем посмотрим, что там будет, внучке обещала» (Инф. 1), «Мы решили с подружками пойти посмотреть» (Инф. 2). Объявления о гуляньях в честь Иванова дня распространяются и в официальных СМИ, и в социальных сетях. Приведем два из отслеженных нами в 2019 году в Миассе.

- В 18:00 в образовательном пространстве «Ника» пройдет девичник в честь праздника Ивана Купалы (18+). Вас ждут карты, макияж, фотосессия, славянские обычаи и культура, плетение венков.
- В 17:00 на озере Тургояк пройдет Девичник в честь Дня Ивана Купалы (18+).

Как видно из объявлений, плетение венков компилируется для привлечения участников с современными формами развлечения: нанесением макияжа, фотосессией. На рисунке видно, что, несмотря на помещение праздника в разряд девичника

и обозначение возрастной аудитории 18+, ни то, ни другое условие не выполняется: на праздновании присутствуют дети, среди участников есть мужчины.

День Ивана Купалы. Оз. Тургойак, 2019. Фото А. Мизурова.
Фотография взята из открытого источника, опубликована на NewsMiass.ru

В организации праздника участвовали «Общество традиционной русской культуры», коллектив миасской «Вечерки», ансамбль казачьей песни «Вольница», бойцы из клубов единоборств. Однако авторитета их знания традиционной русской культуры недостаточно для того, чтобы праздник не пополнялся новыми ритуалами.

«Ближе к концу вечера мы сделали небольшой плот в память о всех когда-либо погибших за землю русскую. Закончился праздник великолепным фаер-шоу» (Инф. 3).

Еще дальше от народной традиции оказывается наивная (обывательская) реконструкция празднования Иванова дня. Различные субкультурные сообщества по интересам устраивают свои Дни Ивана Купалы. Этот тип реконструкции показывает «интеграцию народных праздников в современные в неформальных условиях развития праздничной культуры» [4]. Разумеется, участники и организаторы не используют при этом научные источники, опираясь на литературу, кинематограф, черпая представления о древнем славянском празднике в массовой культуре. Например, в фильме А. Тарковского «Андрей Рублев» герой случайно оказывается в центре летнего языческого праздника, в ночь на Ивана Купалу. Что он видит? Люди разводят костры, разжигают факелы, раздеваются, бегают и купаются в реке обнажёнными, с очевидным намерением вступить в половую связь разбиваются на пары, принимают участие в ритуальных проводах соломенного чучела, спускаемого по течению реки в какой-то посудине. В фильме В. Ивченко «Легенда о княгине Ольге» празднование купальской ночи также представлено хороводами, прыжками через костры, спуском с горы в воду горящего колеса, купанием обнажёнными. В повести Н. В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купалы» праздник — это шабаш нечистой силы, поиски цветка папоротника.

На примере туристического клуба «Вылазки» рассмотрим их традицию празднования Иванова дня, которой уже более 8 лет. Первое, что необходимо отметить, дата празднования приурочена к выходным, поэтому часто не совпадает ни с днем летнего солнцестояния, когда отмечали этот праздник в языческой Руси, ни с Днем Иоанна Крестителя, к которому он был приурочен у христиан. Площадка всегда закрытая на одном из озер Челябинской области (в 2015–2018 гг. — оз. Теренкуль), попасть можно любому получившему две рекомендации постоянных членов. Нет строгих требований по внешнему виду, кроме запрета брюк для женщин. Обязательного условия ношения национальной одежды нет. Запрет на алкоголь и курение. Только живая музыка: гитары, иногда африканские барабаны. Телефоны только за пределами круга. Отличием от традиционных массовых гуляний является и их командный характер. На команды разбиваются заранее, живут тоже командами — минигородками. Из традиционных атрибутов праздника зафиксированы:

- Собираание росы / купание в росе
- Собираание трав
- Прыжки через костер
- Сжигание чучела /проводы по воде
- Прыжки через костер (одиночные, парами, группами)
- Обливание водой
- Хороводы

Однако сценарий часто включает и нехарактерных персонажей для Иванова дня, нетипичные для массовых гуляний структурные элементы, например, так называемую «вертушку», когда команды ходят по «станциям» и выполняют различные задания на оценку, командный квест по поискам клада с помощью карты на бумажном листе папоротника, песни у костра. Отметим также отсутствие ритуальной еды и присутствие маленьких детей на празднике (вплоть до грудных). Так как на праздновании всегда оказываются представители не только одного локального субкультурного сообщества, в отзывах о праздновании мы фиксируем различные точки зрения на «правильность» проведения. Приведем несколько примеров отзывов о купальских праздниках 2015 г.

Купала — славянский праздник, который отмечают в день летнего солнцестояния. Иван Купала — это его профанация от церкви, праздник в честь дня рождения Иоанна (Ивана) Крестителя (Предтечи). К славянской традиции он никакого отношения не имеет — как и «христианская» Масленица, которую празднуют в феврале, а не в марте, как издревле на Руси.

Купала уже не та. Молодецкие игрища не очень, любимых конкурсов не было. Вместо вертушек — репетиция вечерних игр, вместо вечерних игр — гроза. Зато заплетание столба круто прошло, в прошлый раз все тупили.

Хорошо бы ещё для желающих проводить славянские обряды венчания, имянаречения, очищения огнём и другие, соответствующие традиции [10].

Подводя итоги размышлениям по поводу современного состояния традиции празднования Иванова дня, отметим, что к подобного рода изобретенной традиции этнографы, историки, фольклористы, искусствоведы обычно относятся отрицательно, считая, что она искажает красоту древнего обряда, его смысл. Однако не будем забывать, что, во-первых, эта наивная (обывательская) реконструкция праздника является массовой, во-вторых — живой. Налицо активное вхождение Иванова дня в праздничный календарь современного горожанина, тенденции расширения рамок народного праздника, трансформация его в соответствии с новыми запросами и социокультурной ситуацией. На наш взгляд, по-прежнему актуальными остаются некоторые вопросы. Сохранение традиции — это ее консервация в эталонном, зафиксированном фольклористами виде или трансформация, адаптация традиции к новым социокультурным условиям? Нужно ли противостоять тому, что адаптация происходит естественным путем?

Как ученые, энтузиасты, искусствоведы, организаторы массовых праздников должны участвовать в этом процессе? Какие способы популяризации нематериального культурного наследия более актуальны и действенны сегодня: традиционные — музеи, музеи-заповедники, архивы, библиотеки или нетрадиционные — интерактивные выставки, освоение информационной среды, неинституциональная реконструкция обрядов?

Инф. 1 — Ирина, 1965 г. р., Миасс.

Инф. 2. — Алена, 1993 г. р., Чебаркуль.

Инф. 3. — Иван, 1994 г. р., пос. Тургожк.

Список литературы

1. Леонова Н. В. О фольклорной и фольклористической реконструкции // Проблемы истории, филологии, культуры. — Филология. — 2007. — С. 192–201.
2. Каргин А. С., Костина А. В. Сохранение нематериального культурного наследия народов РФ как приоритет культурной политики России в XXI веке // Знание. Понимание. Умение: Культурная политика. — 2008. — № 3. — С. 59–72.
3. Медведева З. В. Содержательный аспект использования этнокультурных образовательных технологий в гражданско-патриотическом воспитании будущих педагогов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. — 2013. — № 3. — С. 191–195.
4. Паренчук Т. Н. Календарная система массовых праздников как фактор формирования «календарного» сознания в современной городской культуре // Омский научный вестник. — 2012. — С. 294–297.
5. Площук Г. И. Поверья о «Заломах» и «Пережинах» как источник реконструкции архайческих черт купальского обряда // Вестник Псковского государственного университета. Серия: «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». — Вып. 3. — 2013. — С. 59–72.
6. Понкин И. В. О содержании и направленности учебного пособия «диалог культур. 7–8 классы» (Иркутск: репроцентр А1, 2014) // Образование и право. — 2015. — С. 222–230.
7. Реконструкция [Электронный ресурс] // Википедия. — URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 01.04.2021).
8. Стрельцова Ю. Лигвокультурологический аспект изучения славянских, испанских и финских праздничных обрядов на занятиях для студентов неязыковых специальностей // Вестник Московского государственного университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2013. — № 1. — С. 75–80.
9. Суровегина Е. Интервью с волхвом Вадимом (Вадимом Станиславовичем Казаковым) // Colloquium heptaplomeres. Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. — 2016. — Вып. 3. — С. 92–96.
10. Турклуб» Вылазки»: Путешествия. Приключения. Походы [Электронный ресурс]. — URL: https://vk.com/topic-9432704_31868688 (дата обращения: 01.04.2021).
11. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. — 2000. — № 1. — С. 47–62.

Сведения об авторе

Т. В. Савельева, кандидат филологических наук, доцент Челябинский государственный университет (Миасский филиал). Миасс. Россия. tatjana-saveljeva2010@yandex.ru

RECONSTRUCTION OF THE NATIONAL SLAVIC HOLIDAY “NIGHT OF IVAN KUPALA»: TYPOLOGICAL ASPECT

T.V. Savelyeva, PhD of Philological Sciences, Associate Professor, Chelyabinsk State University (Miass branch). Miass, Russia. tatjana-saveljeva2010@yandex.ru

Considering the holiday calendar of the Russian people as an intangible heritage that needs to be preserved, we analyzed various types of reconstruction of the holiday “Ivan’s Day” (other names — Ivan Kupala Day, Ivan Kupala Night). After analyzing the material collected by the method of included observation in the local tradition of the Southern Urals, the method of interviewing, as well as the analysis of thematic content in social networks, we proposed a classification of the types of reconstructions: scientific (ethnographic), ideological, entertainment-commercial, naive (philistine).

Key words: *ethnography, national holiday calendar, reconstruction, intangible cultural heritage, “Midsummer Day”, Kupala, reconstruction.*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ УСТНЫХ ИСТОЧНИКОВ ДЛЯ ОПИСАНИЯ СИСТЕМЫ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ КОМИ-ПЕРМЯКОВ В СЕРЕДИНЕ XX ВЕКА¹

Устные свидетельства, лексические материалы, произведения народного творчества являются важными источниками для изучения народной культуры, в том числе традиций природопользования. В статье предпринята попытка описания системы природопользования коми-пермяков в середине XX в. на примере изучения устных данных об одном селе. Автором рассмотрены особенности застройки территории поселения, места хозяйственной деятельности, используемые природные ресурсы, включение в ритуалы местных природных объектов и народные представления о них.

Ключевые слова: коми-пермяки, система природопользования, народные традиции, устные источники, традиционное хозяйство.

Природная среда для традиционного общества являлась одним из важных факторов жизнедеятельности. В древности экологическая сфера определяла нормативную, материальную и духовную культуру общества [5, с. 21–24]. Социально-экономическое развитие и социокультурные преобразования последних лет неизбежно привели к изменениям в хозяйственной деятельности и системе природопользования народов. Так как сфера экологической культуры коми-пермяков является малоисследованной, при изучении народных традиций природопользования необходимым становится сбор и систематизация данных о народных знаниях, нормах и практиках использования природных ресурсов. Одним из способов восстановления народного опыта является анализ устных источников. В российской этнологии существует особый подход к изучению устной истории, который характеризуется универсальностью методов, так как они позволяют изучить любые процессы и явления в жизни современных и отчасти предшествующих поколений [15, с. 7].

Виды устных материалов, повествующих о народном опыте и знаниях, разнообразны. Среди них можно выделить группу лексических материалов — обозначения растений, животных, географические термины и т. д. Наличие лексических единиц является признаком выделения объектов природного мира, их распознавания. Некоторые обозначения называют признаки и свойства объектов природного мира, то есть отражают народные знания о них и отчасти способы их применения: *шӧмкор* — щавель, досл. ‘кислый лист’; *сьӧлӧмтурун* — кровохлебка лекарственная, досл. ‘сердечная трава’; *дзюртан турун* — очиток, досл. ‘скрипучая трава’, применялся от болей в суставах, позвоночнике. К особой группе устных материалов можно отнести народные топонимы, которые позволяют судить об освоении территории, знании местного ландшафта, способах его использования. Например, в коми-пермяцком языке окончание топонимических объектов на слово *ыб* (*иб*) ‘поле’ означает использование земель в сельскохозяйственных целях (Важыб ‘старое поле’, Трипаныб ‘поле Трифона’), присутствие в них

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания; номер государственной регистрации темы АААА-А19-119032590066-2.

собственных имен или прозвищ — освоение их определенным лицом или семьей: «Зотеев Пальник. Это старик Зотя, Зотей, хотел делать себе землю и строиться там. Он сжёг это место, а это <огонь> всё дальше-дальше пошло. Наверно гектаров двести сгорело место-то. Это Зотеев Палёж» (зап. от А. Е. Батуевой, 1931 г. р., с. Пуксиб, 2009 г.); «Сэтчин вöи Черепвог.<...> Ся кринкаэсö да кашниккесö керис, черепки-то керис, и вот ся ны-вöн, видно, вöи кёркö, и вот сйö шуисö Черепвог» 'Там был Череп-лог. <...> Он кринки и кашники делал, черепки-то делал, вот он <лог> их был, видимо, когда-то, и это место называли Череп-лог' (зап. от З. С. Петровой, 1946 г. р., д. Алекова, 2015 г.).

Народные знания и представления о природной среде раскрываются в произведениях устного народного творчества. По сказкам, частушкам, детским прибауткам и другим произведениям можно судить об отношении к упоминаемым растениям и животным, их символике, утилитарном, магическом и ритуальном значении (см. например [4, с. 53–58]).

Обряды и ритуалы народа часто осуществлялись в лесу, на лугах, у водоемов, рядом с различными природными объектами; либо в них использовались природные ресурсы (камни, ветки деревьев, вода и пр.); некоторые из ритуалов непосредственно связаны с почитанием природных стихий. Поэтому описания ритуальных практик ценны для изучения традиционного взаимоотношения коми-пермяков с природной средой.

Одним из главных источников о природопользовании являются рассказы и сообщения о хозяйственной деятельности, местах добычи и способах использования природных ресурсов. Данные материалы позволяют судить о степени освоения природного пространства, об особенностях хозяйственного календаря, масштабах влияния народа на природный мир.

Следует отметить, что устные материалы отражают знания отдельных людей, а каждый человек имеет свой жизненный опыт, который может отличаться от опыта другого человека. Таким образом, устные сведения не всегда позволяют восстановить полную картину системы народного природопользования в прошлом. Кроме этого, иногда респондентам сложно четко назвать время описываемых событий, случается, что в рассказах смешиваются факты прошлой и недавней истории. Также по рассказам довольно затруднительно определить нахождение тех или иных называемых объектов и локусов на современной карте.

Этническая территория коми-пермяков — северо-западная часть Пермского края, которая сохраняет статус округа. Большая часть населения округа проживает в селах, деревнях и лесных поселках. В границах края по данным Всероссийской переписи 2010 г. 67 % коми-пермяков составляли сельское население [7]. Коми-Пермяцкий округ расположен на восточной части Русской равнины, имеет разнообразную поверхность, с преобладанием низменного и равнинного рельефа с абсолютными высотами 100–200 м. На севере округа территорию покрывают подзолистые и торфяно-подзолистые почвы, на юге — дерново-подзолистые. Вдоль крупных рек имеются пойменные аллювиальные почвы. Большая часть территории округа покрыта лесами, хвойными и мелколиственными. Вследствие деятельности человека на севере округа древняя темнохвойная тайга сменилась смешанными и лиственными лесами. Территория проживания коми-пермяков имеет густую речную сеть, богата подземными водными ресурсами, большая площадь северной ее части покрыта болотами, там же встречаются озера. Из полезных ископаемых отмечается наличие железной руды, торфа, нефти, газа, глины, песчано-гравийных смесей, мергелей, известняка (см.: [1, с. 164; 2, с. 6–54; 6, с. 196–200; 12, с. 66–73]).

В настоящей статье кратко характеризуется система природопользования коми-пермяков на примере изучения данных об освоении территории жителями одного села. Так как респондентами являются жители 1920–1950-х гг. рождения, рассматриваемые традиции можно отнести к середине XX в. (1940–1960-е гг.). Вместе с тем некоторые из собранных данных повествуют и о более ранних годах. Исследование касается в ос-

новном индивидуальных хозяйств, лишь частично затрагивает деятельность колхозов. Материалы о традициях и природопользовании жителей села собирались автором в разные годы прошедших десятилетий XXI в.

Хотя середина XX в. является не столь отдаленным прошлым, тем не менее этот период имеет свои особые черты, которые отличают его от первых и последних десятилетий столетия. Во-первых, основная сельскохозяйственная деятельность в это время была сосредоточена в коллективных хозяйствах; при этом уклад жизни во многом оставался прежним, традиционным; во-вторых, в этот период в селе уже появляются механические, бытовые, культурные новшества, но они только начинают менять мировоззрение и бытовую культуру народа; в-третьих, закрытие церквей в начале 1930-х гг. обусловило изменения в системе обрядовых практик, сохранение наиболее актуальных для населения ритуалов и закрепление или подтверждение за некоторыми из них сакральных или обрядовых мест. Материалы о середине XX в., с одной стороны, позволяют судить о природопользовании населения на более ранних этапах, с другой стороны, при сравнении дают представление об изменениях в течение последних десятилетий.

Село Пуксиб расположено в центрально-восточной части Коми-Пермяцкого округа, входит в состав Косинского муниципального округа. По переписи Перми Великой 1623–1624 гг. на месте расположения села была записана деревня Нестерова с двумя дворами. В 1840 г. в «Пуксипе» было 40 дворов и проживало 169 человек, в 1909 г. — 104 двора, 802 человека [9, с. 643–644]. По данным 1963 г., в селе числилось 553 жителя [11, с. 369]. При проведении Всеобщей переписи населения Российской Федерации 2010 г. в Пуксипе было зафиксировано 354 человека [14]. Этнический состав населения села и соседних деревень был преимущественно коми-пермяцким. В 1928 г. среди 779 жителей было зафиксировано только трое русских [13, с. 10]. В годы Великой Отечественной войны в селе проживали семьи эвакуированных с западных областей СССР, в середине века на соседних территориях образовывались лесные поселки со смешанным населением, в состав которого входили спецпереселенцы и привлеченные из других регионов трудовые переселенцы. Село стоит рядом с рекой Косой, примыкая северным концом к берегу. Пуксиб окружают леса с преобладанием хвойных пород и болотистые места, вблизи имеются небольшие озера, речки, на территории села есть несколько родников и логов, в которых протекают небольшие ручьи. Овраг в центре села делит его на две части, которые жители называют соответственно *лунвыл* ‘южная’ и *ойвыл* ‘северная’. Соседние населенные пункты — это деревня Войвыл: в двух километрах к северу и деревня Варыш в 7 километрах к югу. В начале XX в. в с. Пуксипе находились церковь, две часовни, две торговые лавки, земское училище, одна кузница [8, с. 83; 9, с. 643]. В середине XX в. село было центром сельского совета, объединявшим шесть населенных пунктов [11, с. 369]. Основным занятием населения являлось земледелие, подсобными промыслами были рыболовство, в начале XX в. также заготовка и сплав леса по реке Косе, извоз [9, с. 643]. Еще в начале XX в. применялось подсечно-огневое земледелие. Жители помнят, что на лесных кострищах (*бинуррез*) сеяли лен и репу. Поля в основном находились в левобережной части территории. В конце XX в. местное сельское хозяйство пришло в упадок, совхоз был ликвидирован в 2005 г. В начале XXI в. отдельные жители села занимались выращиванием свиней, кур, заготовкой леса.

Настоящее изучение системы природопользования жителей села в середине XX в. строится на описании следующих составляющих: 1) постройки; 2) дороги, переправы; 3) места хозяйственной деятельности; 4) использование природных ресурсов; 5) места совершения обрядов, ритуалов, праздничных игр; 6) места, связанные с мифологическими представлениями.

Для восстановления картины застройки поселения и других элементов природопользования, помимо этнографического описания, были использованы ретроспективный и историко-сравнительный методы с учетом наблюдений за современными процессами в селе. За последние десятилетия изменились количество усадеб, планировка

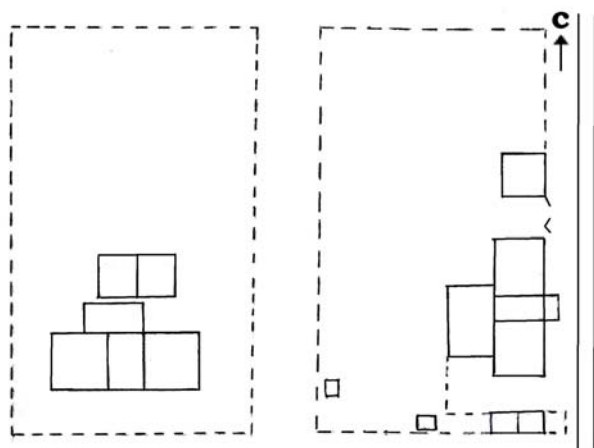

Рис. 1. Пример изменения в размещении построек на территории усадьбы (примерный вид усадьбы в первой половине XX в. (по рассказам) и в конце XX в.)

дворов. Некоторые избы в середине XX в. переносили в границах усадеб на новые места ближе к создаваемым в тот период улицам (рис. 1). Все перемены сложно восстановить, поэтому отметим только наиболее существенные, которые свидетельствуют о застройке новых территорий или освобождении старых. Итак, в середине XX в. не было кварталов и улиц с новыми жилыми постройками в южной и центрально-восточной части села, а в северной части, напротив, размещались хозяйственные строения колхоза: фермы, конюшня, маслозавод, склады, зерноток, мельница, сушилка, овин, кузница и др. Часть территории в северной половине в настоящее время занимают гаражи, остальная пустует. Бани в прошлом стояли не на территории усадеб, как в настоящее время, а рядом с оврагом в центре села, на ближайшей к реке улице — напротив домов (рис. 2). В начале XX в. на речках стояли мельницы, которые к середине

Рис. 2. Схема селения с обозначением построек и мест хозяйственной деятельности в середине XX в.

столетия уже не сохранились. Примерно в 3 км к югу от села протекает ручей под названием Мельницашор, на котором, по-видимому, в прошлом находилась мельница. Кроме этого, по рассказам, мельницы были на речке Кэссия (Косья), примерно в 12 км к югу от села, и на речке Пан, в 1,5 км к северу от села. Зданий церкви и часовен в середине XX в. уже не было. Церковь сгорела, рядом с местом ее нахождения в середине XX в. стоял клуб, в конце XX в. — магазин.

Многие тропы, дороги, места переправ, ведущие от села на разные участки лесных пространств и в другие населенные пункты, сохраняются в настоящее время и используются местным населением. Часть из них можно увидеть на современных спутниковых картах. Исчезнувшей можно назвать лесную дорогу в западном направлении к д. Бачманово, которая уже давно не используется. За рекой дороги шли к уже несуществующим деревням и лесным поселкам, в настоящее время некоторые жители еще пользуются ими во время лесных промыслов. У северного конца поселения, который примыкает к берегу реки, в середине XX столетия в летний сезон устраивали паром. Выше по течению были места переправы бродом. На другой берег, кроме этого, переправлялись на лодках, которые были почти у каждого семейства и остаются значимым средством передвижения в настоящее время.

Для хозяйственных нужд использовали территорию усадеб, поселения, его окраину. Особо можно выделить места выпаса животных. Домохозяева южной части села выпасали скот в лесу к юго-западу от населенного пункта, куда вела лесная дорога, домохозяева северной части — вдоль реки Косы к северу от села. Такая традиция сохранялась до конца XX в. После сенокоса и уборки хлебов скот пасли на лугах и полях. Ближайшие к реке хозяйства держали гусей, которые свободно выпасались на берегу и на ближайших небольших озерцах. Овцы и свиньи гуляли по населенному пункту.

В середине XX в. сенокосные угодья принадлежали колхозу, это были луга вдоль реки Косы, ложбины у полей, до коллективизации ими пользовались крестьянские хозяйства. При колхозах сено для личных хозяйств косили там, где оставалась трава после колхозной страды; кроме этого, в качестве оплаты за работу каждому колхознику выдавали воз сена. Уже в 1970–1980-е гг. частным хозяйствам начали выделять участки леса для расчистки их под покосы. Такие участки были в разных местах от 3 до 7–8 км от села, большинство их уже заброшены, заросли деревьями и кустарниками. При заготовке силоса для колхозов в прошлом использовали ближайшие к лугам естественные низменности, ложбины или выкапывали ямы прямо на сенокосных угодьях.

В середине XX в. местные жители продолжали культивировать лен и коноплю. Стебли конопли замачивали в специальных ямах — *копанеч*, которые выкапывали в заболоченных местах — *оль*. По воспоминаниям, такие ямы располагались с западной и с восточной стороны от села (рис. 2). На лужайках, в том числе в сырых местах, выстилали осенью лен.

Местные природные ресурсы для жителей села были постоянным источником жизнеобеспечения, служили строительным материалом, топливом, пищевыми продуктами и др. В настоящее время многие из них остаются востребованы. Отметим некоторые из используемых ресурсов и места их добычи.

Воду для домашнего потребления брали из источников и колодцев на территории поселения. Лишь на некоторых из них в прошлом были поставлены срубы в виде колодцев. На ручьях устраивали корыта для стирки и полоскания белья. Также белье полоскали на реке Косе. Многие ручьи имели свои названия: *Шыгыршорыс сэтчин, деревня конечас, кытён пирмааз* <...> *Эта шорыс, первойыс, сійё Пипашорён шуллисё. А сэтчин дальше шор жё котёртё, сійё Пөимкаршор бёра шуллисё. А вот мян вичкуыс кор эстён вёлі, сәж этаті лог кодъыс тай мян, лог ёні дёс тырис, а мян сәті шор жё котёртис, этё бёра Кызшор шуллисё.* 'Шыгыр ручей там, в конце деревни, где фермы. <...> Этот первый ручей, его Пипа ручей называли. А дальше тоже ручей течет, его Пэимкар (Пепельный город) ручей называли. А когда у нас здесь церковь была, тогда здесь лог был,

сейчас лог зарос, у нас здесь тоже ручей бежал, его опять Кыз (Крупный) ручей называли' (зап. от А. С. Федосеевой, 1922 г. р., с. Пуксиб, 2011 г.). Судя по устным сообщениям два ручья после постройки дорог исчезли.

Население активно занималось рыболовством. Лов рыбы осуществляли на озерах (Вежаты, Телянты, Съодты, Кӧджӧрӧм и др.), речках (Пан, Сия, Лолым, Кэссия), старицах. Местные рыбки ловили пескарей, ершей, окуней, плотву, щук, язей, карасей, гольянов, ельцов, лещей, налимов, голавлей, уклеек, судаков, в редких случаях стерлядей, хариусов и сазанов. Во время половодья ставили снасти на затопленных лугах у леса недалеко от села, а также в болотистом месте гуменнице к югу от поселения, где летом текли небольшие ручьи. После сплава леса сети ставили на реке Косе. Там же удочками и подольниками ловили рыбу после спада воды. Популярным у молодежи местом лова был берег Косы рядом с фермой, так как после мытья фермерской посуды в реку попадали остатки молочных продуктов, на этом месте собиралась рыба. Неводом рыбачили осенью на речках, впадающих в Косу выше и ниже по течению от села примерно на 11–13 км, когда щука и окунь спускались на зиму в Косу. Рыболовство остается популярным занятием у населения, при этом практически уже не используются морды, невода, меньше посещаются труднодоступные для современного транспорта рыболовные места.

По рассказам, среди жителей села были охотники, но информацию об охотничьих угодьях пока удалось собрать скудную. Охотились на лосей, медведей, белок, глухарей, тетеревов, зайцев. Охотники в лесу имели свои тропы, избушки. На охоту уходили примерно за 20 км от села. Недалеко от населенного пункта ставили силки на рябчиков, петли на зайцев. Вблизи села на болотистом месте и на огородах зимой ловили снегирей, этим занимались часто подростки.

Сбор дикорастущих трав, ягод, грибов остается значимым подсобным занятием местного населения, которое обеспечивает семьи дополнительными пищевыми продуктами. Жители хорошо ориентировались в местных лесах и болотах, знали, где какие плоды можно собрать. У многих людей были свои маршруты и потаенные места для их сбора. Особо можно выделить болота за рекой Косой, где многие собирали и продолжают собирать морошку, чернику, бруснику и клюкву. В самом селе и в лесах рядом с ним в небольшом количестве росли кедрь. Кедровые орехи были одним из местных лакомств. За их сбором ходили за реку Косу в болотистое место близ речки Сии, а также к реке Лолым. Кедровник у Лолыма позднее был срублен при лесозаготовках, некоторые кедрь близ речки Сии уничтожены собирателями шишек на рубеже XX–XXI вв.

Лес для строительства и заготовки дров рубили на выделяемых колхозом или леспромхозом участках, которые в основном находились по левую сторону от реки Косы. Древесный материал (береста, ветви ивы, стволы черемухи, осины и других деревьев, корни ели, лапки пихты и можжевельника, лыко) использовали для разнообразных целей — изготовление утвари, транспортных средств, рыболовных снастей и многого другого. В качестве пищевого продукта весной собирали камбий березы и сосны, молодые побеги ели и сосны (*туган*). В середине XX в. в хозяйстве активно продолжали использовать лыко. Основным местом его сбора был лес близ деревни Важыб (за р. Косой в 9 км от Пуксиба), где росли молодые липы.

В самом селе почти у каждой усадьбы растут деревья и кустарники — береза, черемуха, рябина, кедрь, лиственница и др. Часть деревьев была высажена хозяевами, некоторые же, по рассказам, выросли сами. Для посадки обычно приносили небольшие деревья из лесу. В прошлом в селе росло много тополей, которые, по-видимому, высаживали в начале XX в. из завезенных саженцев. Деревья в периметре поселения использовали в качестве опоры для качелей и некоторых хозяйственных сооружений. Порубка деревьев, посаженных человеком, у коми-пермяков была под негласным запретом, считалось, что это может принести несчастье.

Для битья печи в Пуксибе использовали красную глину. Ее брали в логу в южной части села, позже добывать ее там запретили, так как начала осыпаться земля с рядом

стоящими избами. Также пробовали брать глину рядом с прежним местонахождением церкви, но при раскопках были выкопаны старые могилы. Позднее глину добывали на более дальних мест, в 2–3 км севернее села близ дер. Войвыл. Южнее села на полях выкапывали белую глину (сёй), песок, известковый камень. Еще в начале XX в. из белой глины изготавливали горшки, которые сохранялись в домашнем обиходе до конца столетия, но о самом ремесле жители уже подробно рассказать не могут. Также глину использовали для побелки печей. Песок применяли в строительстве: поднимали на чердак дома для утепления. Камень собирали для банных каменок и других целей. Галечный камень добывали близ дер. Варыш.

Многие ритуальные праздничные и обрядовые действия в селе проходили на открытом воздухе в определенных местах поселения и его окраинах и предполагали использование того или иного вида рельефа или природного объекта. Обозначим кратко, какие именно места и когда использовались населением в ритуальных целях.

В начале XX в., когда в селе действовала церковь (1917–1931 гг.) [10, с. 192], в день Крещения на реке устраивали иордань для освящения воды. В последующие годы в Крещении ритуалов у водоемов не проводили; обычай был возрожден в конце XX в., когда религиозные жители стали брать крещенскую воду из колодцев и родников.

Основным развлечением на Масленицу было катание с гор. Катались с холмов на берегу реки: «Лотки-то сделаем такие большие, человек по пятнадцать садились, по десять. Детей было полно. <...> Иногда тут зальют водой, да туда докатимся этим лотком-то. Вы прямо до речки скатывались? До конца, до того берега мы скатывались» (зап. от Е. И. Федосеевой, 1948 г. р., с. Пуксиб, 2012 г.). Скатывались и по покато́й дороге от центра села до северной его окраины; в конце последнего дня катились с зажженными факелами и в конце населенного пункта пели песни: «Масленичасо́ бо́рья лунсо́ пондасо́ ысласьны, во́лїсо́ лотоккез кузьо́сь, сажонкаэз кы, сэтчо́ пуксясо́, симо́т трубкаэз о́зталасо́, сельсоветсяняс керку конечо́дз сэтчино́дз шучь ыскóлтльлїсо́. Сэсья симо́т трубкаэсо́ бо́сьтасо́ и сэтoн сыласо́...» «В последний день Масленицы начнут кататься, были длинные лотки, как сажонки, на них сядут, зажгут трубки из бересты, от сельсовета до последних домов вплоть скатывались. Потом возьмут берестяные трубки и тут поют...» (зап. от М. Е. Федосеевой, 1931 г. р., с. Пуксиб, 2009 г.).

На Пасху молодежь устанавливала качели. Видимо, со временем места установки качелей менялись. Так, люди постарше вспоминают, что качели вешали вблизи школы на тополя и у восточной окраины села на болотистом месте на стойки из жердей. По другим данным, качели устанавливали на берегу реки в северной части села, опорой для них служила береза и жерди, а также на кедрах в южной части населенного пункта.

Во время ледохода пожилые женщины провожали лед. Участницы обряда работали на ферме, которая стояла недалеко от берега реки. После работы они выходили на берег, брали с собой брагу. У реки пели три песни, бросали в воду куски шанег и небольшие обрывки красных ниток: «Берег дорас сыласо́, да бокас бидон. “Ты прошай” да эшó мoдїкó сылoны...» «На берегу реки споют, сбоку бидон. “Ты прощай” и еще другую поют [песню]...» (зап. от А. И. Митюковой, с. Пуксиб, 2009 г.). В соседних населенных пунктах подобных обычаев зафиксировано не было, не все жители села знали и участвовали в этом ритуале в середине века, поэтому по собранным материалам сложно судить о том, насколько давняя была эта традиция.

Местными престольными праздниками были дни в честь св. Георгия (Егорий лун) 6 мая и 9 декабря. В весенний праздник было принято устраивать молебн на реке. Прежде на возвышенном берегу стояла часовня. Недалеко от места ее расположения на праздник приносили иконы, читали молитвы, освящали воду, некоторые люди стояли в реке, чтобы избавиться от болезней. До образования колхозов хозяева заводили в воду также лошадей. Освященную речную воду забирали по домам. Так как в советский период в православные праздники приходилось работать, моление у реки

устраи́вали рано утром или вечером после работы. Традиция сохранялась еще в первом десятилетии XXI в. [3, с. 42–43].

Значимыми для коми-пермяков являются поминальные дни. Помимо поминок на кладбище в четверг перед Троицей (Семик) и Прокопьев день (21 июля) жители села посещали места старых могил. Одно из таких мест находится в центре села. В начале XX в. рядом с церковью на Ильин день устраивали поминальную трапезу с печеными бараньими головами. По рассказам, некоторые жители продолжали поминать там и в советские годы. Данная практика актуализировалась на рубеже XX–XXI в., пожилые жительницы села собирались для поминования на этом месте в Троицкую субботу. Кроме этого, посещали старые могилы перед Троицей у деревни Войвыл и в более отдаленных местах.

На Троицу было принято ставить березы у домов, на лужайках. Большое гулянье проходило на центральном лугу рядом с клубом, вблизи прежнего места нахождения церкви. В конце праздника березу относили к реке, в северную часть села и бросали ее в воду: «Сэтӧн сьыласӧ, йӧктасӧ береза дынас. Кытчӧдз сійӧ оз нуӧ, сӧ чышьяӧннэныс да ленточкаэз сэтӧн олӧны. Сэся нуасӧ вадорас, эся пӧрчаласӧ, сэся лэдзасӧ сьылтӧн березасӧ...» 'Здесь сплут, попляшут у березы. Пока ее не унесут, все платки и ленты на ней висят. Потом ее унесут к реке, затем развяжут их, потом опустят березу с песнями...' (зап. от М. Е. Федосеевой, 1931 г. р., с. Пуксиб, 2009 г.).

Своеобразный маршрут по традиции совершали жители села, когда проводили молебен по дождю. Молиться начинали у ключа в южном конце населенного пункта, брали из него воду, шли по полям с западной стороны от села, останавливались напротив кладбища, заканчивали у ручья в северном конце поселения. Такие молебны еще проводили в начале XXI в.

В описанных ритуальных практиках отмечается использование местных деревьев, растущих в селе, холмов, воды ключей, проведение обрядов на ближайшем поле. Наиболее часто в народных праздничных традициях был задействован берег реки на северной окраине села. Очевидно, что бывшие места нахождения церкви и часовни сохранили за собой статус обрядовых, именно вблизи них проходило больше всего ритуальных актов. Отчасти это обусловлено удобным их месторасположением.

В настоящее время у разных поколений жителей села бытуют повествования о невероятных происшествиях, встрече с мифологическими персонажами и представления о страшных и опасных местах. Например, это лес, где блуждают грибники, дорога лешего, где постоянно дуют ветра и появляются вихри, водоемы, у которых видели девушку с длинными волосами и из которых выходят водяные лошади и коровы, страшные, темные на вид озера и речки. Многие из рассказов повествуют о недавнем прошлом, поэтому сложно судить, воспринимались ли указываемые в них локусы в первой половине и середине XX в. такими же дивными или опасными. Среди всех мест можно выделить те, названия которых указывают на мифологические представления или сакральный характер. Данные топонимы, вероятнее всего, образовались на более раннем этапе, но мифологические представления о них сохранились до начала XXI в. Одно из озер, расположенных на юго-востоке от Пуксиба, называют Съӧдты 'Черное озеро', о нем рассказывают следующее: «Съӧдты эм, сја съӧд, нӧштӧм, дӧс полӧм петӧ. Сэтӧн, шуӧны, ваиссез пӧ олӧны» 'Черное озеро есть, оно черное, некрасивое, прямо страх берет. Здесь, говорят, водяные де живут' (зап. от А. С. Федосеевой, 1922 г. р., с. Пуксиб, 2011 г.). То есть озеро по своим внешним характеристикам воспринималось как опасное место. С восточной стороны от Пуксиба, между селом и рекой Косой, есть два озера — большое и маленькое Вежаты. Название дословно можно перевести как 'Святое озеро'. О большом озере рассказывают, что оно очень глубокое, но в центре якобы есть возвышенность; берег озера топкий, слабо очерчен; рядом с ним видели необычного коня или сидящего на берегу водяного; самолеты, пролетая над озером, понижаются, как будто их притягивает к нему. В настоящее время никто не может объяснить,

почему озера имеют такие названия, тем не менее с ними связано много поверий. Еще недалеко от Пуксиба имеются родники, которые называют *чучкõй õшмõс* 'чудской колодец'. Жители села смогли вспомнить лишь, что в местных преданиях об одном из родников шло повествование о маленьких людях. По-видимому, в прошлом ключи связывали с деятельностью древних жителей края или мифологического народа чуди, и отголоски этих представлений еще сохранялись в середине XX в.

Приведенное описание отражает лишь часть системы природопользования жителей села, так как ориентировано на определение используемых для хозяйства и в ритуальных целях локусов. Для более полного изучения требуется подробная информация об интенсивности и способах использования природных ресурсов, народных экологических нормах и правилах, изучение хозяйственной деятельности коллективных хозяйств. Для подтверждения и дополнения устных материалов необходимо также изучение архивных данных.

Настоящее исследование позволяет судить о зависимости крестьянских хозяйств в середине XX в. от местных ресурсов, о существовании сельских обычаев и порядков, учитывающих особенности местности и окружающей природы. Судя по имеющимся материалам, осваиваемое для разных целей пространство в основном включало в себя ближайшие к селу территории, лишь редкие ресурсы и занятия охотой требовали более отдаленных путешествий. Наиболее значимыми для населения ресурсами можно назвать лесные и водные, которые определяли материальную культуру, особенности хозяйственной деятельности и ритуальных практик. Водоемы служили ориентирами в пространстве, обуславливали развитие рыболовной сферы и требовали наличия соответствующих транспортных средств. Основные изменения в системе природопользования к настоящему времени связаны с застройкой местности, переменами в сельскохозяйственной деятельности населения, забвении некоторых обычаев и ритуальных практик. По имеющимся материалам, занятия населения в середине XX столетия в рамках индивидуальных хозяйств имели незначительное воздействие на местный рельеф и не предполагали истощения каких-либо местных природных ресурсов в отличие от деятельности лесозаготовительных и сельскохозяйственных организаций.

Список литературы

1. Алейников А. А., Алейникова Н. И., Чагин Г. Н. Лесные участки как историко-культурные ценности: особенности их выявления и сохранения на Северо-Западе Пермского края // Вестник Пермского университета. История. — 2018. — Вып. 3. — С. 163–173.
2. География Коми-Пермяцкого автономного округа : учеб. пособие. — Пермь : Перм. кн., 1992. — 143 с.
3. Голева Т. Г. Егорьев день в локальных традициях коми-пермяков // Традиционная культура : науч. альманах. — 2012. — № 1. — С. 37–46.
4. Голева Т. Г. Мир природы в коми-пермяцкой частушке // Традиционная музыкальная культура строгановских вотчин : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Строгановские чтения». — Усолье, 2016. — С. 53–58.
5. Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. — Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 1995. — 606 с.
6. Исаева Г. А. Геологические формации и полезные ископаемые Коми-Пермяцкого округа // Проблемы минералогии, петрографии и металлогении : научные чтения памяти П. Н. Чирвинского. — 2011. — № 14. — С. 196–200.
7. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Население по национальности и владению русским языком (городское и сельское) [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. URL: <https://permstat.gks.ru/folder/37549> (дата обращения: 03.02.2021)
8. Коса. Путеводитель / авт.-сост. М. И. Изергина, И. С. Останина, О. П. Кучева, Э. Н. Кологова. — СПб. : ООО «Маматов», 2014. — 96 с.
9. Кривошеков И. Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. — Пермь : Электро-типография «Труд», 1914. — 839 с.
10. Мартынов М. Е. Монастыри и храмы Косинско-Камского поречья: Исторические очерки. Документальные материалы. — Пермь : Изд-во Богатырев П. Г., 2020. — 320 с.
11. Пермская область: Административно-территориальное деление на 1 июля 1963 г. — Пермь : Пермское кн. изд-во, 1963. — 503 с.
12. Слащев Д. Н., Санников П. Ю. Леса высокой природоохранной ценности северо-запада Пермского края // Географический вестник. — 2011. — № 2. — С. 66–73.

13. Список населенных пунктов Уральской области. Т. 5 : Коми-Пермяцкий округ. — Свердловск, 1928. — 18+86 с.
14. Численность населения городских округов, муниципальных районов, городских и сельских поселений, городских населенных пунктов, сельских населенных пунктов Пермского края по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. — URL: <https://permstat.gks.ru/> (дата обращения: 12.04.2021).
15. Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX в. Устная история. — Барнаул : БГПУ, 2008. — 528 с.

Сведения об авторе

Т. Г. Голева, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Пермский федеральный исследовательский центр УРО РАН. Пермь, Россия. golevat@yandex.ru

APPLICATION OF ORAL SOURCES FOR DESCRIPTION OF THE KOMI-PERMIAN NATURE USE SYSTEM IN THE MIDDLE XX CENTURY

T.G. Goleva, Candidate of Sciences (History), Senior Research Associate, Perm Federal Research Center UB RAS. Perm, Russia. golevat@yandex.ru

Oral testimonies, lexical materials, folklore are important sources for the study of folk culture, including the traditions of nature management. The article describes the Komi-Permian nature use system in the middle of the 20th century on the example of studying oral data about one village. The author considers the features of the development of the territory of the settlement, the places of economic activity, the natural resources used, the inclusion of local natural objects in the rituals and folk ideas about them.

Key words: *Komi-Permyaks, nature management system, folk traditions, oral sources, traditional economy.*

Т. Ю. Адукова

НАГРУДНИК ЯГА В НАЦИОНАЛЬНОМ КОСТЮМЕ БАШКИР В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ РЕСТАВРАЦИИ, РЕКОНСТРУКЦИИ И РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ ФОРМ

Статья посвящена эволюции нагрудника яга — основного маркера традиционного женского костюма зауральской территориально-этнографической группы башкир. Исследования автора, проводившиеся с начала 1990-х гг. до первого десятилетия XXI в., показали, что за последнее столетие сфера бытования яги значительно сократилась, при этом традиционная яга заменяется облегченными формами и даже имитациями. На руках у населения к концу XX в. осталось всего несколько десятков аутентичных образцов на всей территории проживания зауральских башкир. Однако в последнее время появилась новая тенденция в башкирской культуре — изучать старый быт и воссоздавать точные копии его элементов, в том числе образцов костюмного декора. По мнению автора, ведущим звеном в исторической реконструкции яги могут стать музеи, их деятельность позволит реконструкторам-любителям воссоздавать образцы яги на научной основе.

Ключевые слова: зауральские башкиры, женский нагрудник яга, современные формы яги, историческая реконструкция яги.

Введение

Яга (в переводе «ворот») — традиционное для женского костюма зауральских башкир нагрудное украшение — на протяжении XX в. постепенно изменяет свои формы, сужается и сфера бытования яги. Все это связано с общими социально-экономическими процессами, затронувшими в том числе и зауральских башкир.

Современный этнический костюм башкирок, используемый, как правило, для участия в самодеятельных сценических выступлениях и в общественных мероприятиях с национальной окраской, дополняется бижутерией; нагрудник в нем присутствует не всегда, но даже когда он есть, то представляет собой или облегченный (назовем его переходным) вариант, или имитацию, и это вполне устраивает носителей культуры. Сейчас почти не осталось мастеров, умеющих изготавливать традиционную ягу.

В статье дается сравнительный анализ старинных и современных вариантов яги, дается характеристика функций этого украшения в традиционном и современном костюме башкир, а также рассматривается новое явление, возникшее в культуре башкир в конце XX в. — стремление создавать исторические реконструкции подлинных элементов традиционного костюма, в том числе украшений, этим занимаются отдельные энтузиасты. Поскольку старинных экземпляров яги и других декоративных деталей женского костюма зауральских башкир на руках у населения почти не осталось, особую ценность приобретают предметы, попавшие в музейные фонды, в частности, хранящиеся и пока не изученные образцы в коллекциях музеев Челябинской области. Наша задача — подробно изучить старинные подлинники и современные нагрудники, также попавшие в коллекции музеев, пополнить коллекции новыми предметами, организовав этнографические экспедиции по дополнительному сбору образцов традиционного костюма, и издать каталоги, включающие изображения, описания и анализ разных вариантов яги. Это позволит не только ввести сохранившиеся аутентичные

образцы в научный оборот, но и даст возможность реконструкторам-энтузиастам осуществлять научную реконструкцию яги.

Цели данной работы — рассмотреть эволюцию нагрудника яга за последнее столетие, показать, каким образом производится реставрация старинных образцов носителями культуры, проследить, в каких направлениях развивается в настоящее время эта часть костюмного декора зауральских башкир, и выявить роль музеев в исторической реконструкции подлинной яги.

Традиционная яга в работах этнографов

Традиционная яга — нагрудник, простеганный и расшитый монетами, кораллами, металлическими бляшками и деталями из других материалов, — привлекала внимание этнографов на протяжении всего XX в. Первым ее описал С. И. Руденко, который занимался сбором материалов среди зауральских башкир в начале XX в. [9, с. 157–199]. Позднее яга была проанализирована в этнографическом очерке «Зауральские башкиры», основанном на материалах полевых исследований Р. Г. Кузеева, Н. В. Бикбулатова, С. Н. Шитовой середины XX в. [7, с. 125–127] и в работе С. Н. Шитовой «Народная одежда башкир» [10, с. 125–227]. Традиционным башкирским нагрудником, в том числе нагруднику яга, уделяется внимание и в изданиях начала XXI в.: в совместной работе Н. В. Бикбулатова, Р. М. Юсупова, С. Н. Шитовой, Ф. Ф. Фатыховой по этнической истории и традиционной культуре башкир [3, с. 129–143]; в книге искусствоведа А. Г. Янбухтиной «Декоративное искусство Башкортостана» [11]; в подготовленном Уфимским научным центром РАН альбоме-каталоге «Башкирские нагрудные украшения из кораллов и монет» [1, с. 6–15] со вступительной статьей С. Н. Шитовой, где дается сравнительный анализ особенностей разных типов традиционных нагрудников с указанием границ распространения каждого типа. Подробно проанализированы нагрудники в работе Т. А. Масленниковой, опубликованной в 2017 г. в международном научно-исследовательском журнале [8].

Как выглядит традиционная яга

Классическую форму нагрудника можно проиллюстрировать предметом из коллекции Кулуевского музея (рис. 1).

Образец из Кулуево полностью соответствует традиционным канонам этого типа башкирских нагрудников. Его основа — трапециевидной формы, с округлым вырезом у шеи, который заканчивается цельнокроеными лямками с петлями для пуговиц. Поскольку петли имеются на обеих лямках, можно предположить, что это украшение носили в комплекте с наспинником инхелек, что характерно для зауральских башкир (такое двойное спинно-нагрудное украшение имели только женщины из зажиточных семей). Основа нагрудника сшита из хлопчатобумажной ткани желтого цвета с черной окантовкой и простегана вручную. Лицевая сторона зашита несколькими десятками монет разного достоинства и разного времени выпуска (присутствуют и царские серебряные монеты, и советские из белого металла). Монеты нашиты по вороту и по центральной части нагрудника горизонтальными рядами, по бокам — вертикальными столбцами, некоторые нашиты гербом наружу, другие — номиналом.

Рис. 1. Нагрудник яга. Село Кулуево, Аргаяшский р-н Челябинской обл., нач. XX в. Фото И. А. Батаниной

Часть монет нашита на тканевые подвески, что усиливает «звучность» яги при движениях женщины. Кроме монет, в число нашивок также входят бляхи из белого металла, с камнями и без камней, обереги из камней. Нижнюю половину нагрудника занимает коралловая сетка, оканчивающаяся бахромой из сложенных вдвое низок коралловых бусин, на концах низок пришиты монеты (некоторые утрачены). На левом краю яги в нижней части виден фрагмент завязки или петля, возможно, для скрепления нагрудника с наспинником. Размеры нагрудника: 34×35 см, длина лямок 11 см.

Старинные нагрудники, зафиксированные автором в сельских населенных пунктах Аргаяшского района Челябинской области и Сафакулевского района Курганской области, изготовлены по такой же схеме. Все они шиты вручную, имеют пояса и плечевые завязки или застежки. Иногда в верхней половине традиционной яги можно увидеть металлическую цепочку, прикрепленную за два конца поверх других нашивок таким образом, чтобы она провисала свободно. Длина нагрудников ниже талии (с бахромой); можно отметить, что яга у сафакулевских башкир длиннее, чем у аргаяшских, иногда бахрома доходит до середины живота.

Среди нашивок нередко можно встретить медали, значки. Так, на яге Закии Хужиной в верхней части располагаются два значка — «Материнская слава» и «Победителю Всероссийского смотра». «Ездили на 250-летие Челябинска с концертом, — комментирует Хужина, — пели, танцевали, читали стихи, нам дали значки». Справа и слева на яге — по брошке, нашита медаль «Петродворец» (ПМА 1: Хужина).

Сужение сферы бытования яги на протяжении XX в.

Раньше яга имелась у каждой женщины, у богатых их могло быть несколько. Функции яги были разнообразны: непосредственное жизнеобеспечение (хранилище капитала женщины; утеплитель костюма, в котором верхняя одежда была распашной без застежек [1, с. 11]; защита груди от механических воздействий), социально-знаковая функция (указатель на возрастную и социальный статус, а также на уровень материального достатка [3, с. 137]), сакральная функция (предмет охранной и побудительно-множительной магии [1, с. 11–12; 3, с. 137; 5, с. 45–46]), этномаркирующая (указатель на принадлежность к определенной группе башкир и на этническую направленность общественного мероприятия), эстетическая (завершающая деталь декора костюма).

Нагрудники яга массово бытовали у зауральских башкир до 1930-х гг. включительно, продолжали изготавливаться и использоваться до середины 1950-х гг. Однако в течение XX в. сфера применения нагрудника яга постепенно сужается. К концу XX в. традиционные нагрудники практически вышли из употребления, они хранятся в семьях в основном как реликвии или отложенный капитал. До сих пор ценятся и отдельные элементы рассыпавшейся от ветхости яги — старинные серебряные монеты, ювелирные бляхи с камнями и проч.: их можно перешить на новый нагрудник или продать. Из рассказа Рахили Аминовой: «У нас в Бакаево одна женщина яму копала в огороде и — стук-стук — нашла старинный чайник, и там лежала очень большая двойная [т. е. нагрудник с наспинником. — Т. А.] яга с очень старинными монетами. Она раздала все родственникам, т. к. яга рассыпалась, — много яг сделали» (ПМА 2: Аминова).

Ягу и другие ценные украшения женщины стали прятать в период индустриализации в советское время, когда, по свидетельству информаторов, представители местных властей требовали отдавать все драгметаллы — их пускали в переплавку. Маулида Мустафина: «У меня яги не было. Сестры мои на концерты брали у бабок яги, камзолы. Заставляли после революции, в 30-е годы, сдавать яги — на трактора надо было — металл лить. Так не все отдавали, в золу прятали, соседка-бабушка рассказывала» (ПМА 3: Мустафина).

К началу 2000-х гг. на территории обитания зауральских башкир (Курганская и Челябинская области и северная часть Учалинского района Башкортостана) осталось всего несколько десятков старинных образцов нагрудника яга.

С какой одеждой и какими украшениями сочетается традиционная яга, в каких ситуациях ее полагается использовать

Яга всегда считалась частью выходного костюма, во время работы по хозяйству ее не носили, что подтверждают опрошенные автором информаторы.

Ягу надевали на платье поверх камзола (безрукавки) и никогда — поверх фартука, т. к. фартук до начала XX в. был одеждой только для работы по хозяйству, и традиция сочетать его с праздничным комплектом не сформировалась. Эта традиция зафиксирована автором в ряде полевых снимков, а также в беседах с информаторами.

Жительница Челябинска Гюльнара Шафикова, собравшая коллекцию старинных изображений башкир, также отметила это правило: яга надевается на камзол и не сочетается с фартуком. Она поместила на своей странице «ВКонтакте» фотографию группы молодых башкир — участников художественной самодеятельности из дер. Тунгатарово Учалинского района Башкортостана 1930 г. Все изображенные на снимке девушки — в костюмах с ягой в ее традиционном варианте, и у всех, кроме двух, нагрудник надет на камзол. Только у двух девушек, у которых камзолы очень длинные, они надеты поверх яги [2].

К концу XX в., когда традиция уже сохранялась лишь условно, наблюдается сочетание яги в т. ч. в комплекте с фартуком вместо камзола.

Ягу носили и с верхней одеждой — открытым халатом елян, в этом случае нагрудник был виден между распахнутых пол халата.

Платье, которое надевается в комплекте с ягой, претерпевает в течение XX в. значительные изменения. Когда-то башкирки шили платья сами, из однотонных тканей, оформляя их традиционной вышивкой либо оборками и(или) нашивками из контрастной по цвету ткани. Сейчас в национальный костюм могут включаться и покупные платья (пестрые шелковые, иногда с люрексом), главное — чтобы платье было ниже колен, с длинными рукавами и закрытым воротом.

Пожилые женщины на мою просьбу продемонстрировать свой национальный костюм с ягой всегда надевали полный комплект, таким же образом они одевали, по просьбе показать национальный костюм, своих молодых родственниц. Молодежь эту традицию — надевать ягу только поверх платья и камзола — сегодня не соблюдает: ягу могут надеть и просто на платье, в том числе с короткими рукавами, и на футболку.

Одновременно с ягой, по традиции, надевали другие украшения: наспинник инхелек (к началу XXI в. сохранились единичные экземпляры); нагрудные украшения (бусы); косные (разнообразные косники); головные (серьги); наручные (браслеты, перстни, кольца); нагрудно-наплечные перевязи (хэситэ, эмейзек) с нашитыми на них монетами и бляхами (перевязь носили поверх яги, но могли и вместо яги); кроме того, могли надеть две яги, одну поверх другой. Эта традиция имеет место по сей день: на праздничные мероприятия или собираясь в гости, женщины, особенно молодые, надевают несколько видов украшений. В некоторых семьях сохранились старинные предметы, но женщины всех возрастов не пренебрегают и современными, купленными в магазине браслетами, бусами, серьгами (нередко предпочитая покупные украшения), а кое-что, как в старину, изготавливают и сами, к примеру, нагрудно-наплечные перевязи.

Реставрация нагрудника яга современными носителями культуры и развитие переходных форм во второй половине XX в.

Старинные нагрудники, хранящиеся в башкирских семьях, как правило, имеют неполную сохранность, и перед тем, как реализовать этот отложенный капитал, или собираясь включить ягу в праздничный костюм, владельцы реставрируют ее, более или менее бережно, обычно с использованием современных материалов (ниток, тканей и т. д.). Утраченные детали из серебра, самоцветов, кораллов, раковин-каури могут заменяться более дешевыми элементами, например, бисером, современными российскими или вышедшими из употребления советскими монетами.

Участницы фольклорных коллективов второй половины XX — начала XXI в., реставрируя старинную ягу, действуют гораздо смелее и иногда фактически создают новое украшение, приспособлявая ягу для новой роли — быть частью костюма для выступлений: металлические детали и кораллы перешиваются на новую основу, недостающие элементы дополняются современной бижутерией, самодельными жестяными бляшками, значками, пуговицами, браслетами, непарными сережками, утраченные кораллы заменяются бисером любого цвета, коралловая сетка может отсутствовать. В результате создается переходная форма яги, представляющая собой облегченный вариант. Появление переходной формы стало возможным с утратой во второй половине XX в. большинства первоначальных функций этого украшения, в результате чего яга стала обходиться без ряда деталей, в т. ч. сакральных (бляхи с самоцветами, кораллы и др.) и пополняться деталями-имитациями.

По-видимому, спокойное отношение носителей культуры к реставрации старинной яги с помощью современных деталей связано с тем, что башкирка, по традиции, могла постепенно, год за годом, пополнять свою ягу различными элементами как взамен утраченных, так и по мере накопления личного капитала и повышения своего социального статуса (например, нашивалась медаль «За материнство», как на упомянутом выше нагруднике Хужиной).

Пример такой отреставрированной яги — нагрудник Фаузии Мавлекаевой, участницы фольклорного коллектива из дер. Бажикаева Аргаяшского района (яга от ветхости рассыпалась, и женщина перебрала ее и перешила на новую основу, при этом заменила кораллы зеленым бисером). Данный экземпляр я приобрела для Музея природы и человека заповедника «Аркаим» в качестве переходного варианта яги как части декора современного национального костюма башкир: этот нагрудник бытовал в семье, Мавлекаева носила его как дополнение к праздничному костюму для национальных общественных мероприятий (сабантуй, каргатуй и др.) и для участия в традиционных семейных обрядах (надевала, идя на свадьбу).

Современная яга-имитация

Сценические нагрудники, которые создаются специально для выступлений, — это полностью имитации.

Сценическая яга может создаваться в разных вариантах: самодеятельном (фольклорном), когда авторами являются участники фольклорных коллективов или (в детских коллективах) старшие родственники и педагоги, в учебном и профессиональном варианте. В процессе создания профессиональных сценических образцов в условиях массового производства участвуют художники-дизайнеры и профессиональные портные [6]. Иногда профессиональные образцы дорабатываются в самодеятельных коллективах. В обоих случаях создается яга-имитация, которая может включать отдельные, самые броские декоративные элементы, характерные для яги. Разница между профессионально изготовленными образцами и продуктами самодеятельного творчества в том, что яга — продукт массового производства, лишена индивидуальности, тогда как самодеятельные мастера создают неповторимые образцы, и даже если за основу берутся разработки, опубликованные в печати, или заимствуются идеи из готовых сценических образцов, в ягу добавляется собственное творческое начало (хранящиеся в личной памяти впечатления, личное представление о том, какой должна быть современная яга). Самодеятельный вариант изготовления сценической яги-имитации востребован в башкирском обществе, он все больше заменяет традиционную ягу.

Облик самодеятельной (фольклорной) сценической яги находится в развитии, наблюдаются различные варианты. В некоторых образцах сохранены основы традиционной композиции и цветовое решение, имитируются традиционные материалы. Порой же отличия от традиции так велики, что нагрудник становится неузнаваем, он воспринимается зрительно не как яга, а как некое усредненное нагрудное украшение,

ассоциирующееся с башкирскими и татарскими нагрудниками вообще. Однако все эти фольклорные нагрудники используются в одних и тех же ситуациях, в костюме играют одну и ту же роль, имитируя облик подлинной яги, и сами мастерицы — носительницы национальной культуры — называют все эти образцы ягами.

В 2007 г. мною был приобретен для коллекции Музея природы и человека заповедника «Аркам» образец современной яги-имитации, изготовленный Луизой Каримовой, жительницей села Аргаяш, в конце 1990-х гг. (рис. 2).

Сравнивая данный образец со старинными нагрудниками, мы видим в нем значительные отступления от традиции. При этом Аминова является носителем национальной культуры, прекрасно разбирается во всех деталях башкирского костюма, видела множество подлинных яг и знает, как их шить по всем правилам. Яга Аминовой значительно короче и уже, чем традиционные нагрудники. Ее высота (без бахромы) 36 см против, как правило, более 60 см в старинных образцах. Хотя женщина, которой эта яга принадлежала, невысокого роста, все же и для нее такая длина недостаточна. Покрой — прямоугольник, а не трапеция, вырез горловины неглубокий, отчего плечи намного ниже, чем в подлинных ягах. Основа не простегана, поэтому нагрудник мягкий, не держит форму. Отсутствует завязка на талии, которая не только снимала часть тяжести с плеч, но и фиксировала нагрудник при наклоне вперед. Количество нашивок на традиционных ягах, не считая коралловых бусин, — около 200, они, как правило, из белого металла (серебра), кроме наградных знаков, которые могут быть и желтыми. На этой яге нашито 103 монеты, примерно поровну белых и желтых. Многие монеты нашиты не чешуеобразно (внахлест), как на старинных ягах, а так, что краями не касаются друг друга, отсюда — утрата шумового эффекта. На данной яге совсем нет ювелирных подвесок, нет нашитой на основу коралловой сетки. Здесь также нет свободно висящих матерчатых тесемок с нашивками из монет, что некогда, вместе с подвесками, увеличивало «звучность» яги, а значит, по старинным поверьям, ее магическую силу. Бляхи с самоцветными камнями, служившие в качестве оберегов, заменены аналогами — пластмассовой бижутерией. Отсутствуют серебряные монеты и ювелирные подвески, которые придавали яге вес не только в буквальном смысле, но и в переносном; вес яги Аминовой около 400 г против 1,5–2 кг в традиционных образцах. Монеты советского периода, нашитые на ягу, уже не являются ни знаком престижа, ни отложенным капиталом: все они устаревшие, вышедшие из денежного обращения. Поскольку основа нагрудника — без прокладки и не простегана, а нашивки расположены неплотно, эта яга уже не может защищать тело физически. Таким образом, жизнеобеспечивающие функции также утрачены здесь полностью. Исчезла и социально-знаковая функция: эта яга не отражает имущественное и социальное положение женщины, она не указывает

Рис. 2. Нагрудник башкирский женский яга (сценический). С. Аргаяш, Аргаяшский район Челябинской обл., конец 1990-х гг. Автор — Л. К. Аминова, башкирка, 1941 г. р., жительница с. Аргаяш. Ягу сшила сама для выступлений в фольклорных спектаклях Аргаяшского народного театра, использовала до 2007 г. Фото Т. Ю. Адуковой

на возрастную группу, а лишь обозначает лицо — участника определенного действия (праздника, обряда, сценического эпизода). Сохранена эстетическая роль, присутствует и этномаркирующая функция — этот предмет похож на башкирский, поэтому вполне может участвовать, вместе с другими похожими предметами, в построении национального облика костюма.

Изменения в конструкции и материалах современной яги обусловлены изменением ее функций по сравнению с традиционным типом этого украшения. Современная яга-имитация является завершающим цветовым и композиционным элементом костюма для общественных мероприятий, обозначает лицо — участника того или иного действия, указывает на национальную направленность мероприятия, а также маркирует этническую принадлежность участников (в большинстве случаев, но не всегда, так как участниками фольклорного коллектива могут быть представители разных национальностей).

Таким образом, яга-имитация несет этномаркирующую и эстетическую функции, тогда как в традиционной башкирской культуре яга выполняла и ряд других ролей. Утрата большей части присущих яге ролей в костюме связана и с изменением образа жизни (тяжелые нагрудники в современном быту просто неудобны), и с изменением эстетических предпочтений, и со стиранием местных различий, когда-то существовавших даже внутри одной территориально-этнической группы, и с общей тенденцией к унификации, стандартизации костюма по городскому вненациональному образцу.

Сегодня пожилые башкирки продолжают использовать национальный костюм с нагрудником яга в семейных и религиозных обрядах и праздниках, при этом яга может быть аутентичной (изредка), либо переходного типа, либо сценической имитацией традиционного нагрудника (праздничный национальный костюм может быть и без нагрудника, достаточно, чтобы был камзол), тогда как молодые башкирки и женщины среднего возраста и в Курганской, и в Челябинской областях к началу XXI в. уже полностью исключили нагрудник из костюма для семейных обрядов и праздников и используют его только как деталь костюма для сцены и для общественных мероприятий этнической направленности.

Авторская типология форм яги, сложившихся к началу XXI в.

На основании исследования динамики изменений башкирского нагрудника яга за последнее столетие автором предлагается следующая типология форм яги, сложившихся к началу XXI в.

1. Традиционный вариант, сохранился к началу XXI в. лишь у немногих женщин.
2. Переходный вариант, когда берутся детали со старых, обветшавших нагрудников и перешиваются на новую основу, т. е. выполняется вольная реконструкция; недостающие элементы дополняются современными материалами, в соответствии с финансовыми возможностями и эстетическими предпочтениями мастерицы.
3. Самодеятельный (фольклорный) сценический вариант — имитация, отдаленно напоминающая традиционную ягу по своей общей схеме, большинство нашивок — бижутерия, могут присутствовать и мелкие современные моменты; яга в этом варианте сохраняет индивидуальность, каждый образец создается в единственном экземпляре.
4. Профессиональный сценический вариант — имитация, создаваемая в условиях массового производства по схемам, разработанным профессиональными дизайнерами.

Историческая реконструкция яги в башкирской культуре начала XXI в.

В первом десятилетии XXI в. во всем мире проявляется новая тенденция в развитии народной культуры, связанная с усилением интереса к своим родовым истокам, — стремление создавать образцы одежды, реконструированные по старинным образцам и максимально приближенные к традиции. Это осуществляется отдельными мастерами-энтузиастами в качестве домашнего хобби, а также в рамках проектов,

организуемых национально-культурными центрами. Данный культурный феномен определяется историками как любительская реконструкция в отличие от научной реконструкции, осуществляемой на основании системного подхода, с применением экспериментальных методов [5, с. 110].

Новая тенденция имеет место и в современной башкирской культуре — в разных районах расселения башкир создаются национально-культурные центры, организуются мастер-классы, курсы, школы по изучению местной культуры, по изготовлению предметов одежды, украшений, максимально приближенных к старинным подлинникам, есть и такое направление, как творческая интерпретация. Проводятся фестивали, выставки, где можно продемонстрировать семейные реликвии и свои собственные изделия. Организуются предприятия малого бизнеса, изготавливающие национальную одежду и украшения на заказ. Все это имеется и на территории расселения зауральских башкир. Пример — деятельность челябинского женского клуба Башкорт милли кейеме [2]. Другой пример — семейная мастерская реконструктора Ильдара Гатаулина в Уфе. В этой мастерской организуется не только производство изделий на заказ, но и обучение желающих основам изготовления подлинных элементов башкирской одежды и украшений. Мастера предлагают и арендную услугу — «яга напрокат», когда клиент арендует украшение на какое-нибудь важное мероприятие, например, на свадьбу, которую желает оформить в национальном духе. Это новшество не противоречит естественному бытованию яги в народной культуре башкир: женщина может попросить у знакомых, родственников дать ей ягу на время для какого-нибудь мероприятия, для выступления на сцене и т. д. Можно предположить, что новая тенденция будет развиваться, энтузиасты-любители применяют изделия в стиле максимально точной реконструкции, участвуя в национальных праздниках (сабантуй, каргатуй и др.), фестивалях традиционной культуры. Национальная одежда и украшения, изготовленные творческими мастерскими, востребованы во время постановок фильмов на соответствующие темы, приобретаются выставочными центрами, в том числе зарубежными, заказываются башкирами из разных слоев общества в качестве модных атрибутов для семейных обрядов в национальном стиле (к примеру, жених может подарить невесте полный национальный костюм).

Изготовлением деталей традиционного костюма занимаются сегодня и сельские мастерицы-надомницы. Но сохранилось очень немного башкирских мастериц, которые шьют традиционные нагрудники, при этом они фактически производят реконструкцию по старинным образцам.

Свой вклад в развитие интереса у башкир к национальному костюму вносят и государственные учреждения культуры. Так, в Челябинской областной татаро-башкирской библиотеке, Челябинском областном центре народного творчества, Музее археологии и этнографии Челябинского государственного университета во время выставок и других мероприятий проводятся мастер-классы по изготовлению предметов башкирского костюма, в том числе — нагрудных украшений яга, камзолов и др. деталей национального костюма, во время этих занятий проводятся учебные реконструкции. Так, во время выставки «Башкиры Южного Зауралья» в Музее археологии и этнографии ЧелГУ было проведено несколько мастер-классов по изготовлению предметов башкирского костюма (нагрудников, камзолов), с приглашением в качестве ведущих местных реконструкторов (Александр Акулов) и специалистов из Уфы (Ильдар Гатауллин, Гульгина Баймурзина).

В научной реконструкции сложносоставных башкирских украшений, таких как женские нагрудники яга, ведущей вполне может стать роль музеев. Именно музеи сохранили аутентичные образцы яги и могут реализовать системный подход к сравнительному изучению традиционных и современных нагрудников, применить экспериментальный метод для выявления бытовой нагрузки этого и других видов женских украшений. Музеи могут организовывать школы, классы, обучающие современных

Рис. 3. Мероприятие на выставке «Башкиры Южного Зауралья» в МАЭ ЧелГУ: мастер-класс уфимских реконструкторов. Занятие ведет Гульгина Валитовна Баймурзина (она в красном камзоле), этнограф, главный специалист по фольклору РЦНТ, руководитель студии «СЕЛТЭР», заслуженный работник культуры Республики Башкортостан. На заднем плане, слева — Ильдар Гатауллин, художник-дизайнер, историк, этнограф, коллекционер, эксперт по оружию, реконструктор башкирского костюма. МАЭ ЧелГУ, город Челябинск, октябрь 2018 г. Фото И. А. Батаниной

реконструкторов-любителей изготовлению нагрудников на основании эталонных экземпляров, хранящихся в фондовых коллекциях, с применением научного подхода. Музеи также имеют возможность собирать на временных выставках разнообразные образцы яги, описывать их, сравнивать и публиковать. Музеи могут производить исторические реконструкции для пополнения фондовых коллекций. Успешный опыт такого рода осуществлен, к примеру, Этнографическим музеем народов Забайкалья, которым в 2017–2018 гг. были воссозданы образцы всех местных разновидностей бурятского костюма; получившаяся коллекция заняла достойное место в стационарной экспозиции. Ценность этой коллекции, как считают ее авторы, — не только в полноте, но и в том, что в ходе исторической реконструкции предмет воссоздается в том виде, какой он имел на момент, когда был новым, тогда как аутентичные предметы, как правило, имеют утраты, общую поношенность и не так привлекательны для зрителей [4, с. 11–16]. Подобный опыт исторической реконструкции — в отношении башкирского костюма и традиционных украшений, в том числе нагрудников яга, — было бы интересно воспроизвести и нашему Музею археологии и этнографии ЧелГУ; конечно, здесь потребуются финансовая поддержка руководства университета, а возможно, и городских властей.

Список литературы

1. Башкирские нагрудные украшения из кораллов и монет [Альбом-каталог]. — Уфа : ЦЭИ УНЦ РАН; Информреклама, 2006. — С. 6–15.
2. Башкорт Милли кейеме [Электронный ре-

- сурс] // ВКонтакте. — URL: <https://vk.com/bashkeieme> (дата обращения: 10.04.2021).
3. Бикбулатов Н. В., Юсупов Р. М., Шитова С. Н., Фатыхова Ф. Ф. Башкиры: Этническая история и традиционная культура. — Уфа : Башкир. энцикл., 2002. — С. 129–143.
 4. Бильдужева С. В. Применение реконструкции как метода воссоздания традиционного костюма бурят в этнографическом музее народов Забайкалья [Электронный ресурс]. — URL: <https://minkultrb.ru/articles/themes/15810-primeneniye-rekonstruktsii-kak-metoda-vossozdaniya-traditsionnogo-kostyuma-buryat-v-etnograficheskom/> (дата обращения: 10.04.2021)
 5. Верещагина И. М., Савинцева М. Е. Феномен исторической реконструкции в приобретении новых знаний о прошлом общества // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. — 2019. — № 59. — С. 110–116.
 6. Камалиева А. С. Особенности художественного стиля башкирских женских украшений // Вестник Кемеровского ГУКИ. Серия: Искусствоведение. — 2015. — № 32. — С. 187–195.
 7. Кузеев Р.Г, Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н. Зауральские башкиры (Этнографический очерк быта и культуры конца XIX — начала XX вв.) // Археология и этнография Башкирии. — Т. 1. — Уфа : Башкир. фил. АН СССР, 1962. — 160 с.
 8. Масленникова Т. А. Нагрудники как неотъемлемый компонент убранства башкирского народного костюма (территориальные различия, семантика и способы декорирования) // Международный научно-исследовательский журнал. — 2017. — № 6 (60). — С. 12–17.
 9. Руденко С. И. Башкиры: Историко-этнографические очерки — М.; Л., 1955. — С. 157–199.
 10. Шитова С. Н. Народная одежда башкир // Археология и этнография Башкирии. — Т. III. — Уфа : Башкир. фил. АН СССР, 1968. — С. 125–227.
 11. Янбухтина А. Г. Декоративное искусство Башкортостана. XX век: От тамги до авангарда — Уфа : Китап, 2006. — 222 с.

Список полевых материалов автора

- ПМА 1 — Полевые материалы автора. Экспедиция в Аргаяшский р-н Челябинской обл., дер. Бажикаева. 23 сентября 1992 г. (информант: З. Н. Хужина, 1928 г. р.).
- ПМА 2 — Полевые материалы автора. Экспедиция в Сафакулевский р-н Курганской обл., дер. Азналино. 12 августа 2006 г. (информант: Р. З. Аминова, 1940 г. р.).
- ПМА 3 — Полевые материалы автора. Полевые сборы в г. Челябинск. 13 апреля 2008 г. (информант: М. Г. Мустафина, 1951 г. р.).

Сведения об авторе

Т. Ю. Адукова, старший лаборант учебно-научного центра изучения проблем природы и человека, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. adukova_tu@mail.ru

THE CHEST DECORATION YAGA IN THE NATIONAL BASHKIR COSTUME IN MODERN CONDITIONS: PROBLEMS OF RESTORATION, RECONSTRUCTION AND DEVELOPMENT OF MODERN FORMS

T.Y. Adukova, Senior Laboratory Assistant at the Educational and Scientific Center for the Study of Nature and Human Problems, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. adukova_tu@mail.ru

The article is devoted to the evolution of the Yaga chest decoration, that is the main marker of the traditional female costume of the Trans-Ural territorial-ethnographic group of the Bashkirs. The author's research, that were conducted since the early 1990s. until the first decade of the XXI century, showed that over the last century the sphere of existence of the yaga has significantly decreased, while the traditional yaga is being replaced by lightweight forms and even imitations. In the hands of the population by the end of the XX century, only a few dozen authentic samples remained throughout the territory of the Trans-Ural Bashkirs. However, recently, a new trend: to study the old way of life and recreate exact copies of its elements, including samples of costume decor, has emerged in Bashkir culture. According to the author, museums can become the leading link in the historical reconstruction of the yaga, their activities will allow non-professional reconstructors to recreate the samples of the yaga on a scientific basis.

Key words: *Trans-Ural Bashkirs, female chest decoration yaga, modern yaga forms, historical reconstruction of the yaga.*

Ю. С. Чернышева

К ВОПРОСУ О РЕКРУТСКОЙ ОБРЯДНОСТИ В РУССКИХ ТРАДИЦИЯХ ПРИКАМЬЯ¹

Представлена реконструкция ключевых ритуальных действий обряда проводов в солдаты. На основе этнографических материалов с конца XIX в. до 80-х гг. XX в. разных районов Пермского края составлена целостная картина обряда. Особое внимание уделено локальным различиям внутри региона. Выделяются и описываются характерные черты проводов в армию северных и южных районов Прикамья. Сравнивается традиционный обрядовый комплекс проводов в армию русского населения Прикамья с соседними народами — коми-пермяками, удмуртами, марийцами, татарами, башкирами, чувашами.

Ключевые слова: рекрутская обрядность, проводы в армию, рекруты, военная служба.

Рекрутская обрядность — наравне со свадебной и похоронной — являлась неотъемлемой частью духовной культуры русского населения Пермского Прикамья. Обряд, довольно продолжительный во времени, наполнен многочисленными ритуалами, направленными на благополучное прохождение предстоящей службы в армии, удачное ее завершение и возвращение домой. Основными источниками исследования послужили материалы этнографических экспедиций, опубликованные в сборниках по традиционной культуре Пермского края под авторством А. М. Белавина, И. А. Подюкова, С. В. Хороборых, С. М. Поздеевой, А. В. Черных и др., статьи, также ряд дореволюционных публикаций описательного характера В. Серебренникова, П. И. Юшкова, П. Шмакова. Использовались также полевые материалы автора и архивные экспедиционные материалы Пермского федерального научно-исследовательского центра Уральского отделения РАН. Хронологические рамки исследования — с конца XIX в. до 80-х гг. XX в. Территориальные рамки включают в себя две группы районов Пермского края — северную (Усольский, Соликамский, Юсьвинский, Юрлинский, Карагайский районы) и южную (Кунгурский, Суксунский, Октябрьский, Кишертский районы).

Важным элементом в исследовании обрядности является выделение особенностей ритуальных действий в различных районах. С помощью этих данных становится возможным как установление территориальных границ обрядового комплекса, так и определение соседних комплексов, из которых эти элементы могли быть заимствованы при контактах этнических групп. В качестве значимых признаков для выделения локальных различий были использованы элементы рекрутского костюма, формы благословения, манипуляции с волосами, выход рекрута из дома и особенности поведения провожающих рекрута родственников.

Основным аксессуаром и маркером рекрута являются ленты. Вообще ленты понимаются как маркирующий ритуальный предмет-символ, выделяющий лиц по обрядовой роли [12, с. 96]. В Пермском крае ленту крепили на головной убор, на грудь, на пояс. Для северных районов характерно крепление ленты на головной убор: *«В армию ребят брали, дак тогда мода была ленточки покупать на фуражку. Значит, мол, идет призывник»* (с. Касиб Соликамский р-н) [5, с. 132]. *«Рекруту на тряпочку ленточки привяжут, на голову под фуражку. Разноцветные ленточки-то: розовые, красные, зелёные, черные бывают»* (д. Гунино Усольский р-н) [7, с. 126]. А. В. Черных отмечает, что

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00117 «Традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов Урала и Поволжья»).

для северных районов характерно было прикрепление нескольких лент к головному убору [16, с. 373]. Одну ленту, как правило, крепили на грудь: «Девка, котора любит, на грудь парню ленточку прикальват» (д. Полесье Усольский р-н) [7, с. 126]. «На фуражке у парня ленточки, девки ленточки собирают ему, а подружка своему парню накальвает на грудь» (д. Лызиб Соликамский р-н) [5, с. 132]. Такой способ прикрепления ленты бытует как в северных, так и южных районах края. Повсеместно в крае отмечается крепление лент не только на рекрута, но и на предметы, которые он использует, — гармонь, дуга у повозки, машина: «Ленточки на гармошку навешают, тут бантик сделают, на грудь. Лошади были. Лошадей украсят: на дуги ленточки навешают. На фуражку тоже ленточки» (с. Вильва Соликамский р-н) [5, с. 133]. «Кузов машины, на которой уезжал парень, девушки украшали ветками березы и лентами» (д. Ярино Карагайский р-н) [6, с. 178–179]. «Вон Ваську Галузина отправляли, увозили на грузовой машине, и машину тоже украшали. Всё березами было обделано, с лентами. До самого Кунгуру так везли, с песнями, нас там еще милиция задержала: думали, шофёр тоже пьяный» (с. Бым Кунгурский р-н) [9, с. 97]. Примечательно, что традиция украшения предметов и транспортного средства сохраняется в некоторых территориях и до сегодняшнего дня, а одни из первых упоминаний встречаются еще в краеведческом Ежемесячнике 1925 г.: «Самому угроку придется идти “на службу” — вь солдатах. Когда молодець гуляет “некрутомъ”, онъ украсетъ “гармошку” цвѣтными лентами» [16, с. 246]. Стоит отметить также, что «для южных районов Пермского края более характерны другие варианты использования этого атрибута — несколько лент связывали вместе и носили в руках, завязывали на поясе, затыкали за пояс» [16, с. 376]. Еще одной особенностью южных районов можно назвать активное использование платочков: «А с собой чѣ давали. Носовые платки давали» (с. Кыласово Кунгурский р-н) [1]. В этих районах носовые платочки часто заменяли маркирующую функцию ленты в обрядовом костюме рекрута: «Носовые платки — это подарки девушкам, которые его любили. И чем больше этих платков, тем больше девушек, значит, его любили. И поэтому каждый старается раздобыть платков как можно больше. И если иному не подарят их в достаточном количестве, то он покупает их сам. Этими платками рекрут время от времени помахивает, иногда в такт песни» [20, с. 23]. «Делали парням платки из белого колленкора или там был другой матерьял батист. Обвязывали платки цветными нитками. Девочек нас было много, всем мальчикам дарили платки. Они уходили — махали нам платками. А то все платки девочки соберем в кучу, наберется, может, штук пятнадцать-двадцать, на булавочку сколем и даем тому парню, которого провожаем» (с. Калинино Кунгурский р-н) [9, с. 96]. «Платочек давали, да ещё не один платочек носил с собой» (д. Ильята Кишертский р-н) [8, с. 96].

Интересны аналогии украшения рекрутских фуражек и конской сбруи у коми-пермяков: «Выбиралась праздничная сбруя с бубенчиками, узда и шлея увешивались разноцветными ленточками. Цветные ленточки пришивали и на фуражку новобранца» [14, с. 113]. Похожие описания встречаются и в рекрутском обряде тулвинских татар и башкир: «Лошадь, на которой везли солдата, украшали, как на праздник, для этого выбирали праздничную выездную дугу и сбрую, на дугу вешали колокольчики, украшали ее тастымалами — длинными полотенцами с узорными концами, а к шлее привязывали бубенчики» [13, с. 157]. Важно отметить, что у татар и башкир (которые проживают на юге края) дуга у повозки украшалась длинными полотенцами. И у русских южных районов украшение полотенцами и платочками более частотно, по сравнению с русскими северных районов края — «Полотенце парню дарили — края вышиты цветочками» (с. Осинцево Кишертский р-н) [8, с. 95]. В Куединском районе встречаются такие описания: «Рекрут ходит с полотенцем [на шее], к кому заходит, те ему тоже полотенца дарят» (с. Дубленёвка). В последнем примере А. В. Черных делает предположение, что обычай с полотенцем заимствован у чувашей, с которыми русские проживали совместно в некоторых деревнях района [16, с. 380].

Благословение в рекрутской обрядности — один из важнейших элементов. У русских существовало несколько устойчивых форм благословения: от родителей хлебом или иконой с молитвой, от печки и от коня. Родительское благословение — обязательный элемент обряда. Один из ранних источников, содержащий информацию о проводах в армию, так описывается благословение: «*Отец берет икону, перед нею на колени становится рекрут, отец окрутит троекратно вокруг головы иконой, затем поставит ее на голову крестообразно тоже три раза, после чего рекрут встает, крестится, целует икону, то же проделывают мать, крестный и крестная; при чем который-нибудь из последних надевает на рекрута крест*» [18, с. 29]. Практически неизменно этот ритуал бытовал и в середине XX столетия. Так, в северных районах старожилы вспоминают: «*Благословляют новобранца — он в ноги родителям падёт, его целуют. Целуют — как крестятся, как Богу молятся. Раньше иконкой благословляли, распятием, а час крестом так целуют*» (с. Усть-Зула Юрлинский р-н) [3, с. 26]. «*Благословляли как: станешь, себе на ноги что бросишь, чтобы закрыта обувь была, он на колени станет, головой в эту тряпку, благословишь его по спине любой иконой*» (д. Кекур Усольский р-н) [7, с. 128]. На юге края встречаются подобные описания: «*У отца прощенья просят на колених, мать иконой благословляет*» (д. Никольск, Куединский р-н). «*Иконой по солнцу вокруг головы обведет, крест сделают и дают поцеловать*» (д. Сюрка, Куединский р-н) [15, с. 146]. «*На службу благословляли иконой: “Господи, благослови, спаси тебя от всякого злого человека, от пули”*» (д. Ильята Кишертский р-н) [8, с. 96]. «*Благословят парня родители с иконкой. И в церковь быват сходят. Как вот раньше в свадьбу падали в ноги, и в армию идут, тут тоже родителям в ноги падает призывник*» (с. Калинино Кунгурский р-н) [9, с. 96]. Вообще благословение родителей уходящего в армию молодого человека — повсеместная практика не только у русских, но и у всех остальных народов края.

В крае также повсеместно упоминаются ритуальные практики с использованием хлеба. «*Уйдет парень, хлеб клала мать на полку, два года на полке сидел кусочек, как ждал*» (д. Зарубина Юрлинский р-н) [3, с. 26]. «*Мама заставит в печь посмотреть. Она и благословляла его хлебом. Хлеб потом в сундук клали, хранили*» (д. Пашёво Кишертский р-н) [8, с. 96]. И не только среди русского населения, но и у татар, башкир, удмуртов, марийцев — «*Существовал, например, обычай перед выходом солдату надкусывать каравай хлеба. Этот каравай хранили до возвращения солдата*» [14, с. 253]. Можно сделать вывод, что традиция благословения хлебом характерна для рекрутского обряда региона в целом.

Еще одна распространенная форма благословения рекрута в Прикамье — от печи. «*Пойдут из дому, велят парню в печку посмотреть. Он пойдет, вернется, посмотрит в печку. Откроет печку, чтобы посмотреть небо там сверху*» (д. Ракшино Кудымкарский р-н) [3, с. 24]. «*Некоторым говорят, русская печка если есть, значит, надо в печку посмотреть или в подпол посмотреть — для того чтобы из дому уехал — не тосковал*» (с. Тюинск Октябрьский р-н) [10]. Примечательно, что подобная традиция отмечается у удмуртов (нужно было откусить кусок глины от печи и хранить его до возвращения рекрута), марийцев (поцеловать печь), татар и башкир (кричать в печную трубу, смотреть в чело печи) [14, с. 157, 189; 13, с. 155].

Благословение, получаемое от коня, также встречается на территории Прикамья. Подробное описание этого ритуала и несколько форм его бытования встречается в Усольском районе: «*Лошадям в ноги заставляли падать. Говорят: “Ты пади лошади-то в ноги, пусть она тебя благословит”. Он в передние ноги упадёт. А лошадь что: иная поднимет ногу, а другая нет. И которая лошадь поднимет ногу, вроде как благословила*» (с. Верх-Кондас Усольский р-н). «*Специально у меня к брату приводили белую лошадь, он ей в ноги падал. Она не простилась с ним, вот он в армию-то и погиб. Если бы она ногу подняла, простилась бы, а она этого не сделала, так и сказали, что не вернётся. Он и не вернулся*» (д. Кекур, Усольский р-н) [7, с. 130]. Встречались и обратные

толкования поведения коня, например в Карагайском районе: «*Перед отъездом в армию кланялись коням. Замечали — если конь переступает ногами, то живым солдат не вернётся, а если спокойно стоит — всё будет хорошо*» (д. Монастырёк Карагайский р-н) [6, с. 178]. Среди жителей Юсьвинского района (коми-пермяков) также распространён обычай получения благословения от коня: «*Которого провожают — новобран, к лошади выйдет. На лошадь, в ноги кланяется. На колени встает и кланяется, как будто богу молится*» (д. Дмитриево Юсьвинский р-н) [19, с. 62]. Интересно, что в других районах края эта форма благословения не встречается. Но похожий ритуал гадания на предстоящую службу с участием коня бытовал у тульвинских татар и башкир: «*После того, как солдат садился в телегу или сани, смотрели, с какой ноги пойдет лошадь. Если она переступала с правой ноги, считалось, что солдат вернется здоровым, а служба будет хорошей, и, наоборот, если лошадь начинала шаги с левой ноги, ждали, что служба будет неудачной*» [13, с. 157]. Таким образом, ритуал благословения в рекрутской обрядности в целом однороден на территории всего края. Исключение составляет получение благословения от коня, который зафиксирован только в трех районах северной части.

Важно отметить манипуляции с волосами рекрута. Кроме практической гигиенической цели, стрижка имела и ритуальную нагрузку. «*Солдату будущею волосы состригёшь, положишь на полочку. Когда домой придёт, сожгём в печке*» (с. Полва Кудымкарский р-н) [3, с. 24]. «*В армию идёт парень, волосы стрижут, хранят их, чтобы парень вернулся. В сундук клали*» (д. Киселёво Кишертский р-н) [8, с. 96]. Аналогичные ритуальные практики бытуют и в южных районах: «*И волосы некрутам стригли, матери. Возьмут немножко и куда-то запрятают волосы-те. Потом, когда вернется, тогда убирают*» (д. Зарека Кунгурский р-н) [9, с. 58]. «*В Суксунском районе перед отправкой новобранца мать стригла рекрута. Волосы при этом собирались и хранились на божничке до возвращения солдата*» [15, с. 148]. Стрижке рекрута как ритуальной практике посвящено отдельное исследование [17], поэтому детальное рассмотрение излишне. Важно заметить, что существует несколько форм стрижки: 1) дома членами семьи или друзьями, когда каждый состригает прядь волос; 2) в специализированном месте (в конце XIX — начале XX в. это может быть приёмная, где определяли годность рекрутов к службе, к концу века в крупных населенных пунктах — парикмахерская). При этом состриженные волосы могли хранить дома до возвращения молодого человека из армии (за печью, на божничке, в сундуке) или сжигать в печи.

Выход рекрута из дома во многих территориях края строго регламентировался. Как правило, рекрут выходил из дома, а после возвращался обратно под различными предлогами. Так, в Усольском, Кунгурском, Октябрьском, Суксунском районах отмечается, что парень, уходя из дома, оставляет шапку, а затем возвращается за ней обратно в дом — «*Всякие запуки делали — шапку кидали в угол*» (с. Калинино Кунгурский р-н) [9, с. 97]. «*Проводят из избы, народ-от выйдет весь. Он (некрут) вернется. А он шапку положит на брус и уйдет с народом. Потом вернется, его благословят, он берет шапку и выходит*» (д. Усть-Лог Суксунский р-н) [4, с. 12]. С выходом из дома связано еще одно предписание. В некоторых районах края при проходах в армию разрешается плакать: «*Проводины делали, оплакивали, кто уходит*» (с. Серга Кунгурский р-н) [9, с. 96]. Более того, бытовавшие в конце XIX в. плачи сохранились в некоторых деревнях в виде причетов: «*Мать причитат: “Остались вдвоем со стариком, на кого оставляешь”, всяко причитат, это как отправка, утром, как ехать. Мать причитат. Причитат, что ростила, а он отправляется, что одних оставляет*» (г. Усолье) [4, с. 13]. Вообще в одном из первых описаний проводов в армию, зафиксированных в Прикамье П. Шмаковым, отмечается: «*У одного новобранца жена остается дома. Уцепилась руками ему за шею да и не отпускает: небось не сладко одной-то будет без дружка любезнаго. “Запервячка” — в слезы. А глядя на неё и другие заплакали*» [20, с. 45]. В то же время в других районах плакать по рекруту категорически запрещается — «*Когда в армию провожают, реветь нельзя, чтобы солдата сухим встречать*» (с. Пожва Юсьвинский р-н) [3, с. 26].

Объяснить запрет или разрешение на слёзы во время проводов в конкретной территории края не представляется возможным. Скорее всего, это связано с личным опытом жителей каждой деревни, который сформировал определенные закономерности: «*плачешь по рекруту — будешь плакать по покойнику*» [10]. Важно отметить, что в Юрлинском районе наблюдается обычай рекруту бить посуду: «*Вернется, попьет, поест маленько, посуду изломает одну в печке, в челе*» (д. Зарубина Юрлинский р-н) [2, с. 143]. «*Нальют рюмку, он выпьет и рюмку об стену вдребезги*» (д. Шестина Юрлинский р-н) [3, с. 24]. В то время как в других районах отмечали: «*Посуду только на свадьбу бьют. На проводах нет*» [10].

Проанализировав рекрутскую обрядность русских Прикамья с конца XIX в. до 80-х гг. XX в., можно сделать несколько выводов. Внутри рассматриваемой этнической группы существуют различия, сводимые к локальным традициям (костюму, ритуальным практикам). Так, в северных районах края в костюме рекрута преобладает традиция украшения несколькими лентами головного убора, а в южных — крепления одной ленты на груди или же повязывания полотенец, крепления носовых платочков. Практики получения благословения от родителей и от печки распространены по всей территории края и не обладают специфическими чертами. Интерес представляет ритуал благословения от коня, который зафиксирован среди русского населения в Усольском и Карагайском районах. При выходе рекрута из дома его обязательно возвращают обратно — в некоторых районах, чтобы он забрал шапку, в других — посмотрел в печь. Регламентируется момент расставания с рекрутом — в некоторых районах нужно его оплакивать и причитать, в других это строго запрещается. В целом рекрутская обрядность русских совпадает с обрядовыми комплексами соседних народов края. Возникновение некоторых особенностей и различия в толковании поведенческих норм сложно объяснить однозначно. Скорее всего, такие небольшие различия возникают из конкретных прецедентов и остаются в коллективной памяти в качестве нормы. Не отрицается влияние обрядового комплекса соседних этнических групп.

Список источников и литературы

- Архивные экспедиционные материалы ПФИЦ УрО РАН. Кунгурский район. — 2014.
- Бахматов А. А., Подюков И. А., Хороборых С. В., Черных А. В. Юрлинский край. Традиционная культура русских конца XIX–XX вв. : материалы и исследования. — Кудымкар : Коми-Перм. кн. изд-во, 2003. — 496 с.
- Бахматов А. А., Голева Т. Г., Подюков И. А., Черных А. В. Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор : материалы и исследования. — Пермь: «ОТ и ДО», 2008. — 501 с.
- Белавин А. М., Подюков И. А., Черных А. В., Шумов К. Э. Война и песня. Солдатские и военные песни в фольклорной традиции Прикамья. — Пермь, ПГПУ, 2005. — 200 с.
- Подюков И. А., Черных А. В., Хороборых С. В. Земля Соликамская. Традиционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского района. — Пермь : Перм. кн. изд-во, 2006. — 344с.
- Подюков И. А. Карагайская сторона: Народная традиция в обрядности, фольклоре и языке. — Коми-Перм. кн.изд-во, 2004. — 320 с.
- Подюков И. А., Белавин А. М., Крыласова Н. Б., Хороборых С. В., Антипов Д. А. Усольские древности. Сборник трудов и материалов по традиционной культуре русских Усольского района конца XIX–XXвв. — Усолье, Соликамск ; Березники : Перм. кн. изд-во, 2004. — 240 с.
- Подюков И. А., Поздеева С. М., Хороборых С. В., Черных А. В. Песни и сказы долины камней. Обрядность и фольклор Кишертского района : материалы и исследования. — Березники : ООО Типография купца Тарасова, 2008. — 384 с.
- Подюков И. А., Поздеева С. М., Хороборых С. В., Черных А. В. В каждой деревни чё-то да разное. Из кунгурской семейной традиции (двадцатый век). — Пермь : Типография купца Тарасова, 2007. — 284 с.
- Полевые материалы автора. Экспедиция в Октябрьский р-н Пермского края. Сентябрь 2018 г. (информанты: Ю. И. Катаев, 1947 г. р.; Н. П. Катаева, 1956 г. р.).
- Серебренников В. Гармоника как народный музыкальный инструмент, по песням крестьянской молодежи Оханского уезда, Пермской губернии // Иллюстрированный сборник — ежегодник Пермского губернского земства. — Вып. II. — 1916. — С. 242–251.
- Славянские древности : этнолингвист. слов. : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. — Т. 3 : К (Круг) — П (Перепелка). — М. : Междунар. отношения, 2004. — 697 с.
- Тулвинские татары и башкиры: этнографические очерки и тексты / Черных А. В. (отв.

- ред.), Урстемирова Л. И. (отв. ред. татарского текста), Моргун Д. Ф., Плюхин А. А., Мулла-нурова Д. Д.; науч. ред. Чагин Г. Н. — Пермь : Ин-т истории и археологии УрО РАН ; Перм. гос. пед. ун-т, 2004. — 456 с.
14. Черных А. В. Народы Пермского края. История и этнография. — Пермь : Пушка, 2012. — 296 с.
15. Черных А. В. Поведенческие нормы в рекрутской обрядности (по материалам Пермского Прикамья) // Мужской сборник. — Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре: Социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор. — М. : Лабиринт, 2001. — С. 142–149.
16. Черных А. В. Традиционный костюм народов Пермского края. Русские. Мужская одежда. — СПб. : Маматов, 2020. — 540 с.
17. Чернышева Ю. С. Волосы и стрижка в рекрутской обрядности русских Прикамья: семантический аспект // Вестник Научной ассоциации студентов и аспирантов. — 2019. — № 1 (15). — С. 85–92
18. Шмаков П. По лицу земли: Очерки из жизни Прикамья. — Оса, 1916. — 90 с.
19. Юсьва — лебединая река : сб. тр. и материалов по традиционной обрядности Юсьвинского района. — Усолье, 2015. — 450 с.
20. Юшков П. И. Обычай проводов рекрута. Статья крестьянина с. Медянки Уинского района // Кунгурско-Красноуфимский край. — 1925. — № 11/12. — С. 28–31.

Сведения об авторе

Ю. С. Чернышева, научный сотрудник отдела истории, археологии и этнографии, Пермский федеральный исследовательский центр УРО РАН. Пермь, Россия. yulyachernysheva99@gmail.com

ON THE QUESTION OF RECRUITMENT RITES IN RUSSIAN TRADITIONS OF KAMA REGION

Y.S. Chernysheva, researcher, The Department of history, archaeology and Ethnography of the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Perm, Russia. yulyachernysheva99@gmail.com

The article presents a reconstruction of the key ritual actions of the rite of sending soldiers. On the basis of ethnographic materials from the end of the XIX century to the 80s of the XX century from different districts of the Perm region compiled a complete picture of the rite. Special attention is paid to local differences within the region. The characteristic features of the wires to the army of the northern and southern parts of the Kama region are highlighted and described. The article compares the traditional ritual complex of sending Russian population of Kama region to the army with the neighboring peoples — the Komi-Permyaks, Udmurts, Mari, Tatars, Bashkirs, Chuvash.

Key words: *recruitment rites, seeing off to the army, recruits, military service.*

О. А. Теуш

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ГИДРОЛАНДШАФТА ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ

Европейский север России — это территория, примыкающая к Северному Ледовитому океану. Гидроландшафт региона богат: многочисленны реки и озера. Вместе с тем традиционные потребности жизнеобеспечения населения требуют преобразования гидрообъектов и создания искусственных водоемов. В хозяйственных целях нередко выкапывали пруды или создавали их путем устройства плотин на реках. Пруд образовывался на реке и при установке плотины для водяной мельницы, которая в диалектах называется *kípa* 'плотина у водяной мельницы, заваленная землей для удержания воды' (Влг.: Влгд.). Пруд использовали в различных целях: не только как источник воды для хозяйственных нужд, но и как место разведения промысловых рыб, резервуар для вымачивания льна и конопли, место сбора воды для полива растений, территорию водопоя животных. Для передвижения по поверхности пруда и ловли рыбы оборудовали пристань (*prívoloka*, *prilávišce*, *bráníca* и т. д.). Источником питьевой воды чаще служил не пруд, а колодец, который в зависимости от способа благоустройства и местонахождения в диалектах номинируется по-разному (*водочёрпня*, *копóшка*, *крини́ца* и т. п.).

Ключевые слова: Европейский север России, гидроландшафт, природопользование, географическая лексика, заимствование.

Сельское хозяйство является той деятельностью человека, которая полностью зависит от наличия водообеспечения. С другой стороны, водные источники и водоемы необходимы и для других целей: получение питьевой воды, использование воды для санитарных нужд, применение водных путей для передвижения.

При том, что европейский север России богат естественными водными ресурсами, сельское хозяйство требует создания водных резервуаров, и, поскольку передвижение по воде — наиболее быстрый и удобный способ перемещения в пространстве, возникает потребность в оборудовании мест причала и стоянки судов. Диалекты европейского севера России изобилуют лексикой, связанной с преобразованием естественных водных объектов и созданием новых водных источников, а также возведением сооружений для их использования. Анализ семантики и происхождения лексем позволяет реконструировать традиционные способы преобразования гидроландшафта и выявить цели этой деятельности.

Для хозяйствования на территориях, где нет крупных водоемов, сельское население оборудует пруды.

Лексема *пруд* обозначает 'водоем в естественном или выкопанном углублении, а также запруженное место в реке' [20, с. 773]. Слово имеет праславянское происхождение: < праслав. **prōdъ* и связано чередованием гласных с **prēd-*, отраженном в русск. диал. *прѣнуть* 'прыгнуть, скакнуть' [20, с. 113]. Этимологическая семантика корня реализуется в пруд 'участок реки с быстрым течением' (Арх.: Шенк.) [9]. Значение 'пруд' отражено в приставочных образованиях: *запру́док* 'пруд' (Яр.: Бурм.) [23, т. 4, с. 96], *пру́дина* 'небольшой пруд' (Костр.: Галич.) [9], *спру́да* 'пруд' (Киров.: Халт.) [9]. Производные обозначают местность вокруг пруда: *запру́дица* 'место около пруда, поросшее осокой

и затопляемое водой' (Яр.: Больш.) [23, т. 4, с. 96], *опрудина* 'место вокруг пруда' (Яр.) [12, с. 134], (Яр.: Дан., Нек., Перв.) [23, т. 7, с. 53].

Поскольку пруд — это крупный водоем, нередко его специально выкапывали. Наименования пруда, производные от глагола *копать* 'отваливая землю, делать углубление' [20, с. 363], многочисленны. Основным является *копань* 'искусственный водоем (пруд, канал, канава, колодец и т. д.)' (Влг.: Бел., Ваш., Выт.) [9], (Влг.: Гряз.) [17, т. 3, с. 100], (Карел.: Прион., Пудож.; Ленингр.: Кириш., Подп.; Новг.: Бат.) [18, т. 2, с. 418]. В севернорусских диалектах в том же значении представлены: *копаница* (Влг.: Хар.) [9], *копанка*. (Влг.: Влгд., Кадн.) [5, с. 206], (Влг.: В.-Уст., Влгд., Гряз.) [17, т. 3, с. 99–100], *копанье* (Влг.: Выт.) [18, т. 2, с. 418], *копашечка* (Влг.: Чаг.) [9], *копашка* (Влг.: Чаг.) [9], *копёж* (Влг.: Тот.) [5, с. 206], *копóшка* (Влг.: Чаг.) [9].

Пруд образовывался на реке при установке плотины для водяной мельницы, которая в диалектах называется *кiна* 'плотина у водяной мельницы, заваленная землей для удержания воды' (Влг.: Влгд.) [5, с. 194]. Лексема является результатом семантической деривации: производна от *кiна* 'пачка или связка предметов, лежащих один на другом' (< ср.-в.-нем. *kīp* 'связка' или швед. *kīrra* 'то же') [20, с. 335]. Пруд, находящийся за плотиной, назывался *плёсо* 'перегороженная запрудой часть реки' (Влг.: Тот.) [17, т. 7, с. 67]. Значение вторично к отмеченному на той же территории *плёсо* 'широкая часть реки со спокойным течением' (Влг.: Тот.) [9]. Признак 'подъем воды в реке при установке плотины' отражается во внутренней форме слова *звод* 'пруд' (Влг.: К.-Г.) [9] — образования с упрощением приставки *вз-* > *з-* от глагола *взводитъ* 'поднимать' [20, с. 88].

Описательными наименованиями являются: *омóка* 'заросший пруд' (Новг.: Чуд.) [18, т. 4, с. 312] (субстантивное производное от **otekti*, образованного с приставкой *о-* от праслав **tekti* 'течь' [20, с. 986]), *глушка* 'пруд в течении реки, залив' (Киров.: Халт.) [9] (связано с *глухой* 'тихий, без проявления жизни' [20, с. 154]), *кругляш* 'пруд' (Яр.: Ряз.) [23, т. 5, с. 94] (< *круглый* 'имеющий форму круга' [20, с. 383]), *непробёжное место* 'место, где скапливается вода' (Влг.: Баб.) [9]. Особо номинируется пруд для разведения карасей: *кара́сник* (Влг.: Ник.) [9].

В целом, цели создания прудов многообразны: создавался естественный крупный резервуар воды, который использовался для водопоя животных, разведения рыбы, полива растений, стирки и полоскания белья и т. п.

Частной реализацией географических лексем с широкой «водной» семантикой становится значение 'пруд' у следующих слов: *заводь* 'мелкий заросший пруд' (Яр.: Рост.) [23, т. 4, с. 60] (ср.: *заводь* 'толое место среди зарослей в озере или реке', 'небольшое озеро на месте старого русла реки', 'место, покрытое водой после половодья' (Яр.) [4, т. 1, с. 561; 12, с. 68; 23, т. 4, с. 60]); *ляга* 'небольшой водоем, озерко, пруд' (Арх.: Вель., Вин., В.-Т., Карг., Кон., Нянд., Пин., Плес., Прим., Уст.; Влг.: Бел., Ваш., Вож., Выт., Кир., Сямж., Тарн.) [9], (Арх.: Карг., Он., Плес.; Влг.: Выт., Кир., Чаг.; Ленингр.: Подп.; Новг.: Пест.) [18, т. 3, с. 172], (Влг.: Баб., Сямж.) [17, т. 4, с. 61], (Олон.: Выт., Заон., Карг., Лп., Пудож.) [10, с. 52], *ляговiна* 'то же' (Арх.: Вель., Карг.) [9], (Арх.: Плес.; Влг.: Выт., Кир.) [18, т. 3, с. 172–173], *ляжка* 'то же' (Арх.: Карг.; Карел.: Кондоп.; Мурм.: Терск.) [18, т. 3, с. 176] (при диал. *ляга* 'низкое сырое место' широкого распространения, < праслав. **lęg-* 'качаться, колебаться' [20, с. 422]).

Займствованным отономастическим образованием является *ердан* 'искусственный пруд' (Киров.: Халт.) [9]. Основное значение слова — 'пруть для крещенского водосвятия' (Влг.: Влгд., В.-Уст., Гряз., Кадн., Ник., Тот.) [5, с. 122]. В диалектах лексема имеет разветвленную семантику: 'глубокое место, яма в реке, ручье, озере, омут' (Арх.: Вель., Нянд., Уст.; Влг.: Бабуш., В.-Важ., Нюкс.; Киров.: Халт.) [9], (Арх.: Плес., Прим.) [2, т. 13, с. 122]; 'углубление в ручье, где полощут белье' (Влг.: В.-Важ.) [17, т. 2, с. 73]; 'родник' (Арх.: Плес., Уст.; Влг.: Выт.) [9]; 'яма, вымываемая подземными ключами' (Арх.: Карг., Он.) [2, т. 13, с. 122], (Арх.: Вель., Уст.; Влг.: Тот.) [9]; 'яма, провал, окно воды на болоте' (Арх.: Вель., В.-Т., Плес., Уст., Холм.; Влг.: Нюкс.) [9]; 'пропасть, яма' (Киров.: Халт.) [9]; 'ов-

раг' (Киров.: Халт.) [9]. Слово заимствовано в диалекты из общенационального языка: *иорд́ань* 'место на реке, где производится освящение воды, отмечаются некоторые церковные праздники [по названию реки Иордана, в которой, по евангельскому сказанию, крестился Иисус Христос]' [20, с. 305].

Диалектное *бочевá* 'прибрежная полоса реки, пруда' (Влг.: Гряз.) [9] возникло в результате фонетической модификации существительного *бечевáя* 'узкая полоса земли вдоль берега по которой идут бурлаки', сейчас 'береговая полоса, используемая для нужд судоходства, сплава' [20, с. 44]. Слово считается заимствованием из поволжских тюркских языков, ср. тюрк. кыпчак. *беҗеу* < **beҗegü* < монг. *бийси* 'тесьма, лента, завязка' [20, с. 43–44].

Большая часть заимствованных наименований пруда имеет финно-угорское происхождение.

Русск. диал. *баданá* 'небольшой пруд, яма с водой' (Яр.: Некр.) [9], имеющее также значение 'большая яма в болоте, заполненная водой' (Яр.: Некр.) [23, т. 1, с. 27], находит соответствие в фин. *potama, potoma* 'пруд, искусственный водоем, лужа' [25, т. 3, с. 614; 26, т. 2, с. 406].

'Пересохший пруд на реке' называется *бокáл* (Киров.: Халт.) [9]. Источник заимствования нужно усматривать в ф.-у., ср. фин. *rako* 'разрыв, разлом', 'трещина, расселина, расщелина', 'разрыв, дыра', 'полюнья, разводье', эст. *ragu* 'то же' [25, т. 2, с. 470; 26, т. 2, с. 291].

Прибалтийско-финское происхождение имеет *бóрот* 'углубленное и расширенное место в ручье' (Яр.: Пош.) [23, т. 2, с. 17]: < приоб.-фин., ср. фин. *poro* 'осадок, гуща', 'слякоть, грязь', *porokko* 'пески, песчаное пространство', эст. *pori, põri* 'грязь, слякоть' [25, т. 3, с. 604–605; 26, т. 2, с. 399].

Наименование небольшого искусственного водоема лексемой *бочáг* (Костр.: Галич.) [9], (Яр.: Больш., Пош., Рыбн.) [23, т. 2, с. 19] может быть интерпретировано на основании саам. ин. *vuáčsi* 'длинное, узкое болото или залив', норв. *vuod̥s̥o* 'болото, которое образуется водой текущего ручья' [25, т. 6, с. 1825; 26, т. 3, с. 418], *vuod̥s̥o* 'болото, которое образуется при понижении уровня воды в ручье (при пересыхании ручья)' [24, т. 1, с. 1072].

Г. Куликовским отмечено *лáхта* 'пруд, в котором мочат лен' (Олон.) [10, с. 48]. Это значение является вторичным к *лáхта* 'залив в реке или озере' (Арх.: Карг., Кон., Леш., Мез., Он., Пин., Плес., Прим., С.-Дв., Холм.; Влг.: Выт., Сок., У.-Куб.) [9], (Арх.: Плес.; Карел.: Пудож.) [18, т. 3, с. 102], (Кольск.) [13, с. 79] (< приоб.-фин., ср.: фин. *lahti* 'бухта, залив', карел. *lakši, laksi*, ливв. *lahti*, люд. *laht*, вепс. *laht*, вод. *lahti*, эст. *laht* 'то же' [25, т. 2, с. 269; 26, т. 2, с. 36], вепс. *laht* 'заболоченная часть озера', 'низкий берег озера или реки, заливаемый водой во время половодья' [6, с. 271]). Этимологию см.: [21, т. 2, с. 467].

Фонетически близкое *лу́хта* 'пруд' (Влг.: Кад.) [18, т. 3, с. 102], имеющее в качестве основных значения 'залив на реке' (Олон.) [10, с. 51], 'залив в реке, озере, застающийся травой' (Арх.: К.-Б.; Влг.: Бел., Выт.) [9], (Влг.: Выт.) [18, т. 3, с. 102], 'яма с водой, лужа' (Арх.: К.-Б.; Влг.: Бел., Выт.) [9], (Ленингр.: Лод.) [18, т. 3, с. 102], является заимствованием из саам., ср. патс. *luht̥*, нот. *lūđh̄ta*, кильд. *lūht̥(A)*, йок. *lūkt̥(A)* 'залив, бухта' [24, т. 1, с. 224], саам. ин. *luhta* 'заливной луг', норв. *luk'te, luk'ta, lútta* 'осока', или приоб.-фин., ср. фин. *luhta* 'заливной луг', карел. *luhta* 'прибрежный луг', ливв. *luhtu* 'озерко, лужа', люд. *luht, luht̥e* 'лужа, грязь', 'заливной луг' [25, т. 2, с. 306; 26, т. 2, с. 98].

Прибалтийско-финского или саамского происхождения, ср. фин. диал. *lisma* 'грязь, ил, тина', саам. лул. *lisme*, швед. *lisme* 'то же', вепс. *ližm* 'илистый' [11, с. 239–240], лексема *лiчма* 'искусственный водоем, пруд, яма с водой' (Влг.: Бел., Ваш.) [9], имеющая вариант *рiчма* 'небольшой искусственный водоем' (Влг.: Ваш.) [9]. В силу широты семантики этимона слово *лiчма* развивает широкий спектр иных географических значений, кроме анализируемого: 'гладкая поверхность озера' (Влг.: Бел.) [9], 'небольшой плавучий остров в озере' (Влг.: Бел.) [9], (Влг.: Хар.) [17, т. 4, с. 42], 'берег озера' (Влг.: Бел.),

‘труднопроходимое место на берегу со скрытым течением’ (Влг.: Бел.), ‘топкое, низкое место, как правило, у берега.’ (Влг.: Бел.), ‘место впадения реки в озеро’ (Влг.: Бел.), ‘помост на берегу, с которого полощут белье’ (Влг.: Бел.) [9].

В целом исконные наименования пруда зависимы по внутренней форме от двух прагматических установок: представлений о возможности, способе и месте устройства водоема и целей, поставленных при создании пруда. Для заимствованных наименований значение ‘пруд’ вторично и развивается на русской почве.

‘Место на берегу реки, водоема, оборудованное для причала судов, лодок, а также небольшой порт на внутренних водных путях’ обозначается лексемой *пристань* [20, с. 740]. Слово имеет праславянское происхождение: ~ болг. *пристан*, словен. *pristān*, польск. *przystań*, производно с суффиксом -нь от глагола **pristati* (русск. *пристать* ‘о судах, плавучих средствах: подойдя к берегу, причалить’) [20, с. 740]. Лексема многозначна: отмечено *пристань* ‘приют, убежище’ (Сев.) [Даль 3, 445]. Аналогичный набор значений имеет однокоренное *присталище* ‘место на берегу, где оставляют лодки’ (Киров.: Халт.) [9], ‘приют, убежище’ (Сев.) [4, т. 3, с. 445], ср. также *присталище* ‘место на берегу, где оставляют лодки’ (Арх.: Вин.) [9], *присталь* ‘то же’ (Сев.) [4, т. 3, с. 445].

Литературным синонимом слова *пристань* является лексема *причал* ‘место у берега, оборудованное для стоянки и обслуживания судов, для причаливания лодок’ (< *причалить* ‘подвести к берегу (к земле), привязать (судно, дирижабль)’, ‘о судах, дирижаблях, космических кораблях: подойти, пристать’) [20, с. 744]. С той же внутренней формой функционирует диал. *прильвище* ‘пристань’ (Арх.) [4, т. 3, с. 434], ср. *приплыть* ‘достичь чего-нибудь плывя’ [20, с. 737].

Отглагольным образованием является лексема *приво́лка* ‘место у берега реки или озера, где пристают рыболовы’ (Арх.: Мез.) [16, с. 137], имеющая также акцентуальный вариант *приво́лока* со значением ‘место на берегу, куда вытаскивали сети’ (Арх.: Вель., Кон., Нянд., Плес., Холм.; Влг.: Кир.) [9]. Производящим является глагол *приво́лочь* ‘доставить волоча’ [20, с. 728].

П. А. Дилакторский приводит слово *прилавище* ‘пристань’ (Влг.) [5, с. 406], которое наряду с русск. литер. *прила́вок* ‘род узкого, закрытого спереди стола в магазине, отделяющего полки с товарами и продавцов от покупателей, а также стол для продажи товаров на рынке’ [20, с. 733] производно от *ла́ва, ла́вка* ‘скамья’ праславянского происхождения, находящего параллели в индоевропейских языках: лит. *láva* ‘нары, кровать’, латыш. *lava* ‘нары, лавка, полок в бане’ [21, т. 2, с. 444].

Лексему *браница* ‘расчищенное место на лодочной пристани, куда выгружают груз или товар’ (Кольск.) [13, с. 23], ‘пристань для малых судов в морском заливе или в бухте’ (Арх.: Кем.) [15, с. 14; 16, с. 10] нужно рассматривать как производное от **brati* ‘расчищать’, ср. *брать* ‘убирать лен, коноплю, вытаскивать, выдергивать их из земли’, ‘убирать хлеб руками’, ‘копать, убирать картофель’ и т. п. [19, т. 3, с. 165].

Значение ‘причал на берегу реки’ имеют лексемы *исáда* (Влг.: Ник., Тарн.) [9], (Вят.) [7, с. 63] и *исада* (Арх.) [4, т. 2, с. 48]. Слово *исáда* крайне многозначно: ‘намывной песчаный берег реки’ (Арх.: Вель., В.-Т., Котл., Уст., Шенк.; Влг.: Ник.; Костр.: Галич., Кологр.) [9], (Арх.: Вель.; Влг.: Тарн.) [17, т. 3, с. 19], ‘песчаный нанос на дне реки; намывная песчаная отмель’ (Арх.: Вель., Вин., Уст., Шенк.; Влг.: В.-Важ.) [9], (Арх.) [Даль 2, 48], (Арх.: Шенк.) [16, с. 60], (Влг.: Баб., В.-Важ., В.-Уст., Тарн.) [17, т. 3, с. 19], ‘островок’ (Влг.: Тарн.) [17, т. 3, с. 19], ‘пологий спуск к реке’ (Влг.: Кад.) [18, т. 2, с. 294], ‘староречье’ (Арх.: В.-Т.) [9], ‘небольшое озеро, образующееся после разлива реки или озера’ (Влг.: У.-Куб.) [9], ‘яма в реке’ (Арх.: Уст.) [9], ‘заросли кустарника на речном берегу или на песчаном речном острове’ (Арх.: Вель., В.-Т., Шенк.) [9], ‘заливной луг, большой сенокосный участок (как правило, на речном берегу или на низком месте)’ (Арх.: Вель., Вил., Вин., В.-Т., К.-Б., Котл., Пин., Уст., Шенк.; Влг.: В.-Важ., Влгд., В.-Уст., Ник., Тарн.; Киров.: Халт.; Костр.: Кологр.) [9], (Влг.: Баб., В.-Важ., Вож., М.-Реч., Тарн.) [17, т. 3, с. 19], ‘участок реки, используемый как рыболовное угодье’ (Влг.: Кад.) [18, т. 2, с. 294], ‘речной песок’ (Арх.: Вель., Уст.;

Влг.: В.-Важ., Ник., Тарн.) [9], 'небольшой участок леса' (Арх.: Уст.; Влг.: У.-Куб.) [9], 'луговое место, на котором растет мелкий ивняк и трава' (Арх.: Шенк.) [15, с. 75; 16, с. 60], 'место перед болотом' (Влг.: У.-Куб.) [9], 'участок в поле, где сажают капусту' (Влг.: Бабуш.) [9], 'пастбище' (Вят.) [7, с. 63], 'хорошая кормовая трава' (Арх.: Уст.) [9]. М. Фасмер *исад* 'пристань', *исады* 'место высадки, прибрежное поселение' возводит к форме *из-сад- [21, т. 2, с. 139], для которой производящим является глагол *садить* 'просить, заставлять или давать возможность сесть' [20, с. 849].

Описательной является лексема *тишинá* 'приморская пристань в затиши, в укрытии от ветров' (Арх.) [4, т. 4, с. 407]. Слово *затишь* определяется как 'закрытое от ветров место; раздол, заводь, прикрытая побережьем' [4, т. 1, с. 649] и производно от прилагательного *тихий* 'небольшой скорости, не быстрый' [20, с. 984], в данном случае характеризующего ветерок.

Из голландского языка (ст.-голланд. *beurze, beurse, burse* [bürze] 'кошелек', 'биржа') [22, т. 1, с. 90] заимствовано *бёржа* 'рынок, базар, торг, площадь' (Влг.: Влгд., Гряз.) [5, с. 24], от которого производно *бёржа* 'место на берегу реки, предназначенное для приготовления бревен к сплаву' (Арх.: Вин., Карг., Мез., Он.) [2, т. 2, с. 24], (Арх.: Кон.; Влг.: Бел., Сямж.; Киров.: Халт.), 'пристань' (Влг.: Бел.) [9].

Скандинавским заимствованием является лексема *брюга* 'пристань в виде помоста, выдвинутого в реку для причаливания судов' (Кольск.) [13, с. 24], 'морская пристань для обслуживания промысловых судов на погрузке и выгрузке' (Арх.), 'склад на морской пристани' (Арх.) [2, т. 2, с. 144], 'морская пристань с подъемником или краном и весами для взвешивания грузов' (Беломор., Сев.) [19, т. 3, с. 220]. Источником лексемы являются скандинавские языки, ср. швед. *brygga*, дат. *brygge* 'набережная, причал', норв. *brygge* 'пристань, причал, мостки', 'мол, пристань' [8, с. 60], ~ нем. *Brücke* 'мост' [1, т. 4, с. 306].

Финно-угорского происхождения лексема *юрйки* 'пристань у отлогого берега или ступени у крутого берега для ловли рыбы с приспособлениями для сушки рыболовных снастей' (Помор.) [3, с. 397]. Слово имеет то же происхождение, что и русск. диал. *юркой* 'крутой, покатый (о береговом спуске)' (Новг.) [4, т. 4, с. 668], которое возводится к прибалтийско-финским источникам (карел. ливв. *jürkkä*, фин. *jyrkkä* 'крутой' [21, т. 4, с. 533]).

В целом компактная группа наименований пристани демонстрирует единство этимологических линий в исконных наименованиях. Вместе с тем достаточно велико количество заимствований, что, безусловно, связано с торговыми контактами и совместной деятельностью в использовании водного пространства.

Наиболее необходимым и частотным устройством, помогающим использовать водные ресурсы, является колодец. Колодцем называют 'укрепленную срубом узкую и глубокую яму для получения воды из водоносного слоя' [20, с. 349]. Традиционный колодец делали в виде деревянного сруба из крепких пород древесины. К постройке колодца приступали в самое сухое время года, когда почва подсохла, а грунтовые воды находятся на самом нижнем уровне.

Древнерусским названием колодца являлась лексема *колодезь* ~ укр. *колодязь*, блр. *калодзеж*, ст.-слав. *кладъзь*, сербохорв. *клядѣзь*, словен. *klādez* [20, с. 349]. Праславянская форма восстанавливается как **koldeзь* [20, с. 349]. Слово считается заимствованием из гот. **kalding*, которое проникло также в финский язык: фин. *kaltio* 'источник' [21, т. 2, с. 293]. Гот. **kalding* < *kalds* 'холодный' и соответствует швед. *Käldinge*, дат. *Kolding*, стар. *Kalding* 'холодный' [20, с. 349].

В диалектах лексема *колóдец* приобрела спектр вторичных географических значений: 'небольшое пространство («окно») чистой воды в болоте' (Арх.: Вель., В.-Т., Леш., Мез., Пин., С.-Дв., Шенк.; Влг.: В.-Важ., К.-Г., Хар.; Костр.: Кологр., Чухл.) [9], (Влг.: В.-Уст.) [17, т. 3, с. 86], (Карел.: Кондоп.) [18, т. 2, с. 401], (Новг.: Чуд.) [14, т. 13, с. 41], 'родник в болоте, дающий начало реке' (Арх.: В.-Т.), 'топкое место на болоте' (Арх.: Леш., Мез., Прим.), 'яма на дне реки' (Арх.: Вил., Пин., Холм.; Влг.: Влгд.; Костр.: Галич., Пыщуг.), 'место

в реке со стоячей водой' (Арх.: Мез.) [9], 'холм, бугор, под которым, по преданию, находится зарытый клад' (Влг.: Кадн.) [5, с. 202]. Производные лексемы варьируют ту же семантику: *колóдечек* 'родник, подземный ключ' (Карел.: Медв.) [18, т. 2, с. 401], *колóдчик* 'небольшое пространство («окно») чистой воды в болоте' (Арх.: В.-Т.; Влг.: Вож.; Костр.: Антр.) [9], 'родник, подземный ключ' (Влг.: Гряз., М.-Реч.) [17, т. 3, с. 87], (Ленингр.: Лод., Подп., Тихв.) [18, т. 2, с. 401], (Костр.: Антр.) [9], 'низкое сырое место в лесу' (Костр.: Пыщуг.) [9], *колóчик* 'родник, подземный ключ' (Арх.: Вин.) [9], 'окно воды в болоте' (Арх.: Вин.) [9]. Вся вторичная семантика основана на семантическом переходе 'колодец' > 'родник'.

Обратное развитие семантики ('родник' > 'колодец') наблюдается у лексемы *ключ*. В основном географическом значении *ключ* — это 'вытекающий из земли источник, родник' [20, с. 342]. Родственными параллелями являются болг. диал. *к'л'уч*, употребляющееся в выражении *ври с к'л'уч*, сербохорв. *к'љу'ч* 'жидкость, бьющая ключом', *к'л'уча-ти* 'кипеть бурлить' [20, с. 342]. В севернорусских диалектах *ключ* — это 'колодец, где бьют ключи' (Ленингр.: Кириш., Тихв.; Новг.: Бат., Любыт., Пест., Солец.) [18, т. 2, с. 376]. Производным является *ключóк* 'ключ, родник' (Карел.: Медв.; Ленингр.: Бокс., Лод., Тихв.; Новг.: Пест., Чуд.) [18, т. 2, с. 376–377], 'родниковый колодец' (Ленингр.: Бокс., Лод., Сланц.; Новг.: Бат., Солец., Шим.) [18, т. 2, с. 377].

Из частей колодца номинируется только дно: *подбóива* 'дно колодца' (Арх.: В.-Т.), при этом глубокий, непересыхающий колодец называется *подбóивенный* (Арх.: В.-Т.) [9].

Ряд наименований описателен: *водочёрпня* 'место, где брали воду' (Новг.: Борович.) [14, т. 1, с. 131], *копóшка* 'искусственный водоем (пруд, колодец и т. д.)' (Влг.: Чаг.) [9].

Лексема *крини́ца* 'ключ, родник, колодец на водяной жиле, куда вставляются бочка или чан' (Твер.) зафиксирована В. И. Далем [4, т. 2, с. 194]. Слово *криница* в значении 'источник' представлено уже в древнерусском языке и находит соответствие в укр. *криниця* 'ключ, родник, источник', блр. *крыніца* 'то же' [20, с. 380]. Семантика 'яма с водой' считается первоначальной, а более известное название сосуда *кринка* 'расширяющийся книзу удлинённый глиняный горшок для молока', др.-русс. *крина* 'сосуд', *кринка* 'мисочка' производно от географического [20, с. 380].

Единственным заимствованием в лексической группе наименований колодцев является *чáрова* 'пересохший колодец' (Арх.: В.-Т.) [9]. Лексема может быть сопоставлена с саам. *išárra* 'тундровая возвышенность; ягельная кочка' [24, с. 647]. В этом случае развитие семантики интерпретируется следующим образом: 'болотная кочка' > 'пространство между кочками' > 'окно воды в болоте' > 'колодец' > 'пересохший колодец'.

В целом группа лексем с семантикой 'колодец' является очень компактной, что обусловлено древностью доминирующего слова.

Высокая численность диалектных лексем, номинирующих элементы антропогенного гидроландшафта, свидетельствует о глубокой зависимости традиционной крестьянской культуры от водных ресурсов, их обилия и степени доступности.

Список литературы

1. Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. — М., 2007. — Вып. 1. — 368 с.
2. Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. — М., 1980. — Вып. 1.
3. Гемп К. П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. — М.; Архангельск, 2004. — 637 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. — М., 1955.
5. Дилакторский П. А. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. — Вологда, 1902. — 677 с.
6. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. — Л., 1972. — 747 с.
7. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. — М., 1991. — 511 с.
8. Ивашова Н. М. Фонетико-морфологические особенности освоения прямых заимствований западноевропейского происхождения в говорах Русского Севера // Этимологические исследования. — Вып. 7. — Екатеринбург, 2001. — С. 58–63.
9. Картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского университета).

10. Куликовский Г. Словарь областного олонечского наречия в его бытовом и этнографическом применении. — СПб., 1898. — 151 с.
11. Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. — Ч. 1. — Екатеринбург, 2001. — 346 с.
12. Мельниченко Г. Г. Краткий ярославский областной словарь. — Ярославль, 1961. — 224 с.
13. Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов. — Мурманск, 1979. — 184 с.
14. Новгородский областной словарь / отв. ред. В. П. Строгова. — Новгород, 1992–1995. — Вып. 1–12.
15. Опыт областного великорусского словаря. — СПб., 1852. — 275 с.
16. Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. — СПб., 1885. — 198 с.
17. Словарь вологодских говоров. — Вологда, 1983. — Вып. 1.
18. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных территорий. — СПб., 1994. — Вып. 1.
19. Словарь русских народных говоров. — М.; Л., 1965. — Вып. 1.
20. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. — М., 2008. — 1175 с.
21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. — М., 1967–1973.
22. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. — Т. 1–2. — М., 1994. — 623 с., 560 с.
23. Ярославский областной словарь. Отв. ред. Г. Г. Мельниченко. — Вып. 1–10. — Ярославль, 1981–1991.
24. Itkonen T. I. Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja. — Helsinki, 1958. — О. 1–2. (LSFU, XV).
25. Suomen kielen etymologinen sanakirja. — Helsinki, 1958–1981. — О. 1–7. (LSFU, XII).
26. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. — О. 1–3. — SKST 556. — Helsinki 1992–2000.

Сокращения

1. Названия районов, уездов, губерний и областей

Антр. — Антроповский район Костромской области	Кадн. — Кадниковский район Вологодской области
Арх. — Архангельская область (губерния)	Карг. — Каргопольский район Архангельской области, Каргопольский уезд Олонечкой губернии
Баб. — Бабаевский район Вологодской области	Карел. — республика Карелия
Бабуш. — Бабушкинский район Вологодской области	К.-Б. — Красноборский район Архангельской области
Бат. — Батецкий район Новгородской области	К.-Г. — Кичменгско-Городецкий район Вологодской области
Бел. — Белозерский район Вологодской области	Кем. — Кемская волость Архангельской губернии
Беломор. — побережье Белого моря	Кир. — Кирилловский район Вологодской области
Бокс. — Бокситогорский район Ленинградской области	Кириш. — Киришский район Ленинградской области
Больш. — Большесельский район Ярославской области	Киров. — Кировская область
Борович. — Боровичский район Новгородской области	Кологр. — Кологривский район Костромской области
Бурм. — Бурмакинский район Ярославской области	Кольск. — Кольский полуостров
Ваш. — Вашкинский район Вологодской области	Кон. — Коношский район Архангельской области
В.-Важ. — Верховажский район Вологодской области	Кондоп. — Кондопожский район Карелии
Вель. — Вельский район Архангельской области	Костр. — Костромская область
Вил. — Вилегодский район Архангельской области	Котл. — Котласский район Архангельской области
Вин. — Виноградовский район Архангельской области	Ленингр. — Ленинградская область
Влг. — Вологодская область	Леш. — Лешуконский район Архангельской области
Влгд. — Вологодский район Вологодской области	Лод. — Лодейнопольский район Ленинградской области
Вож. — Вожегодский район Вологодской области	Лп. — Лодейнопольский уезд Олонечкой губернии
В.-Т. — Верхнетоемский район Архангельской области	Любыт. — Любытинский район Новгородской области
В.-Уст. — Великоустюжский район Вологодской области	Медв. — Медвежьегорский район Карелии
Выт. — Вытегорский район Вологодской области, Вытегорский уезд Олонечкой губернии	Мез. — Мезенский район Архангельской области
Вят. — Вятская губерния	М.-Реч. — Междуреченский район Вологодской области
Галич. — Галичский район Костромской области	
Гряз. — Грязовецкий район Вологодской области	
Дан. — Даниловский район Ярославской области	
Заон. — Заонежский уезд Олонечкой губернии	
Кад. — Кадуйский район Вологодской области	

Мурм. — Мурманская область
Нек. — Некоузский район Ярославской области
Некр. — Некрасовский район Ярославской области
Ник. — Никольский район Вологодской области
Новг. — Новгородская область
Нюкс. — Нюксенский район Вологодской области
Нянд. — Няндомский район Архангельской области
Олон. — Олонецкая губерния
Он. — Онежский район Архангельской области
Перв. — Первитинский район Ярославской области
Пест. — Пестовский район Новгородской области
Пин. — Пинежский район Архангельской области
Плес. — Плесецкий район Архангельской области
Подп. — Подпорожский район Ленинградской области
Помор. — Поморье (побережье Белого моря)
Пош. — Пошехонский район Ярославской области
Прим. — Приморский район Архангельской области
Прион. — Прионежский район Карелии
Пудож. — Пудожский район Карелии, Пудожский уезд Олонецкой губернии
Пыщуг. — Пыщугский район Костромской области
Рост. — Ростовский район Ярославской области
Рыбн. — Рыбинский район Ярославской области

Ряз. — Рязанский район Ярославской области
С.-Дв. — район г. Северодвинск Архангельской области
Сев. — Север
Сланц. — Сланцевский район Ленинградской области
Сок. — Сокольский район Вологодской области
Солец. — Солецкий район Новгородской области
Сямж. — Сямженский район Вологодской области
Тарн. — Тарногский район Вологодской области
Твер. — Тверская область (губерния)
Терск. — Терский район Мурманской области
Тихв. — Тихвинский район Ленинградской области
Тот. — Тотемский район Вологодской области
У.-Куб. — Усть-Кубинский район Вологодской области
Уст. — Устьянский район Архангельской области
Халт. — Халтуринский район Кировской области
Хар. — Харовский район Вологодской области
Холм. — Холмогорский район Архангельской области
Чаг. — Чагодощенский район Вологодской области
Чуд. — Чудовский район Новгородской области
Чухл. — Чухломской район Костромской области
Шенк. — Шенкурский район Архангельской области
Шим. — Шимский район Новгородской области
Яр. — Ярославская область

2. Наименования языков и диалектов

блр. — белорусский язык
болг. — болгарский язык
вепс. — вепский язык
вод. — водский язык
гот. — готский язык
дат. — датский язык
др.-русс. — древнерусский язык
ин. — диалект Инари саамского языка
йок. — йоканьский диалект саамского языка
карел. — карельский язык
кильд. — кильдинский диалект саамского языка
кыпчак. — кыпчакский язык
латыш. — латышский язык
ливв. — ливвиковский диалект карельского языка
лит. — литовский язык
лул. — диалект Луле саамского языка
люд. — людиковский диалект карельского языка
монг. — монгольский язык
нем. — немецкий язык
норв. — норвежский язык; норвежский диалект саамского языка
нот. — нотозерский диалект саамского языка
патс. — диалект Патсйоки саамского языка

польск. — польский язык
праслав. — праславянский язык
приб.-фин. — прибалтийско-финские языки
русс. — русский язык
саам. — саамский язык
сербохорв. — сербохорватский язык
словен. — словенский язык
ср.-в.-нем. — средне-верхненемецкий язык
ст.-голланд. — староголландский язык
ст.-слав. — старославянский язык
тюрк. — тюркские языки
укр. — украинский язык
фин. — финский язык
ф.-у. — финно-угорские языки
швед. — шведский язык; шведский диалект саамского языка
эст. — эстонский язык
3. Прочие.
диал. — диалектное
литер. — литературное
см. — смотри
ср. — сравни
стар. — старое
т. д. — так далее
т. п. — тому подобное

Сведения об авторе

О. А. Теуш, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет.
Екатеринбург, Россия. olga.teush@yandex.ru

SPIN-код: 3095-0190

 0000-0002-7273-6629

TRANSFORMATION OF THE HYDRO-LANDSCAPE OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE POPULATION

O.A. Teush, candidate of philological Sciences, associate Professor, Ural Federal University. Yekaterinburg, Russia. olga.teush@yandex.ru

The European north of Russia is the territory adjacent to the Arctic Ocean. The hydro-landscape of the region is rich: numerous rivers and lakes. At the same time, the traditional life-support needs of the population require the transformation of hydroelectric facilities and the creation of artificial reservoirs. For economic purposes ponds were often dug out or created by damming rivers. The pond was formed on the river and during the installation of a dam for a water mill, which in dialects is called a *кúна* 'dam at a water mill, filled up with earth to hold water' (Vlg.: Vlgd.). The pond was used for various purposes: not only as a source of water for household needs, but also as a place for breeding commercial fish, a tank for soaking flax and hemp, a place for collecting water for watering plants, and a territory for watering animals. For movement on the surface of the pond and fish equipped Marina (*прíволока, прилáвище, бранíца*, etc.). Source of drinking water most often was not a pond, a well, which depending on the way of improvement and where you are in the dialects denominated in different ways (*водочёрня, копóшка, кринíца*, etc.).

Keywords: *European North of Russia, water landscape, natural resource use, geographic lexicon, borrowing.*

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

УДК 93

Е. А. Чайко

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ: ВЕКТОРЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ (историографический аспект)

На основе поисковой базы E-library анализируется содержание понятия «историческая реконструкция» в практике научного исследования. Делается вывод, что под исторической реконструкцией понимается комплексное междисциплинарное исследование, направленное на воссоздание эпизода/фрагмента/процесса исторического прошлого, а также его результат в виде некоей модели. Модель может быть выражена в вербальной форме или в материале (вещественной, графической, виртуальной форме). Другая группа значений понятия «историческая реконструкция» связана с различными социокультурными практиками — способами и формами актуализации исторической памяти в социуме, проблемами самореализации личности. Их изучение лежит в плоскости социологии, культурологии, педагогики.

Ключевые слова: историческое познание, метод, исторический источник, реконструкция, междисциплинарность, костюм, социокультурная практика.

В теории исторического познания концепт «историческая реконструкция» является фундаментальным понятием классической науки о прошлом. Смысл идеи исторической реконструкции заключается в том, что, применяя различные методологические процедуры, историк нацелен на описание и объяснение объективной картины прошлого. Предпосылка научного подхода вытекает из того, что, как выразился И. Д. Ковальченко, «всё, что было в прошлом, уже совершилось и поэтому является инвариантным» [20, с. 238]. Историческая реконструкция понимается как цель и как метод, т. е. «теоретически обоснованное нормативное познавательное средство» [20, с. 40]. Содержание исторической реконструкции определяется как «восстановление (материальное или идеальное) самого объекта исторического знания посредством перестройки имеющейся в различных прямых источниках информации о нем или обращения к косвенным источникам и выявления закономерностей исторического развития объекта» [23, с. 32]. Использование метода предполагает постановку познавательной задачи, которая содержала бы исходные данные об объекте прошлого, основные и дополнительные условия получения полного знания об этом объекте, представление о недостающих звеньях, которые необходимо восстановить в объекте познания посредством исторической реконструкции. Целью применения метода исторической реконструкции на эмпирическом уровне признается исторический факт, на теоретическом

уровне — воспроизведение его сущности. Признается, что «исторический факт является результатом конструктивной деятельности историка, а достоверность результатов исторической реконструкции зависит от правильности постановки задачи, выбора методов и средств, от полноты источников [...], от творческого потенциала историка» [23, с. 117].

При подготовке доклада были проанализированы данные поисковой базы E-library по запросам «историческая реконструкция», «археологическая реконструкция». Поиск по запросу «историческая реконструкция» дал более 15 тыс. результатов (из них диссертации и монографии — 54), по запросу «археологическая реконструкция» более 30 тыс. результатов (из них монографий и диссертаций — 39). Приведенные цифры говорят о широком употреблении термина «реконструкция» в названиях исторических исследований.

Анализ эмпирической базы показал, что объектом исторической реконструкции в практике исторического исследования становится любое явление прошлого, отражение которого в исторических источниках отличается высокой степенью дискретности или фрагментарности. Так, объектом реконструкции выступает психика человека как социальный феномен, обусловленный исторически развивающейся социокультурной практикой [3; 28; 29]; система научных взглядов, к примеру, Эрнста Юнгера, философские идеи которого представлены фрагментарно во многих его сочинениях [11]. Близкий по смыслу мотив исследования и логику исследования можно увидеть в историко-биографических реконструкциях или реконструкциях исторических событий [9] и т. п.

В наибольшей степени фрагментарность присуща источникам по истории дописанных обществ. Реконструкция, как средство преодоления ограниченности источников, предполагает достраивание, воссоздание недостающего путем применения главным образом междисциплинарных методов исследования. Метод реконструкции применяется в исследованиях мифологических представлений [6]. Ярким примером может служить монография А. В. Коротаева и Д. А. Халтуриной «Гены и мифы. Глубокая историческая реконструкция». Для реконструкции происхождения и эволюции дуалистических космогоний авторы использовали метод сравнения ареального распределения космогонических фольклорно-мифологических мотивов и генетических маркеров (отцовских и материнских линий), а также привлекали материалы исторических наук (религиоведения, археологии, этнографии), палеоклиматологии, лингвистики, физической антропологии, статистические методики. По мнению исследователей, «такой междисциплинарный синтез дал возможность прийти к достаточно неожиданным выводам и предложить новую реконструкцию происхождения и эволюции дуалистических космогонических мотивов в Евразии и Северной Америке» [19, с. 8].

Выбор методов исторической реконструкции зависит от специфических черт исторической реальности. Так, сибирскими учеными предложен метод выделения и реконструкции археологических многокомпонентных социокультурных комплексов [10; 26; 27; 16, др.]. Основу таких комплексов составляют этнически определяемые археологические материалы памятников и объекты, ассоциированные с более поздним, но родственным по происхождению населением [4, с. 16]. Н. А. Томилов предложил их называть этнографо-археологическими комплексами (ЭАК), подчеркивая их археологическую основу и использование в анализе методов и данных этнографии. По мнению ученого, при соблюдении единой методики, метод выделения ЭАК является эффективным для реконструкции таких элементов культуры, как территория распространения, пространственная организация, пути сообщения, структура населенных пунктов, домостроение, погребальный обряд, хозяйство населения, демография [4, с. 20].

Еще одним примером воплощения метода исторической реконструкции в практике исторического исследования может служить опыт реконструкции социальной, политической, этнической истории, идеологических систем средневековых обществ

Северного Кавказа на основе междисциплинарного изучения археологического костюма и его использования в качестве исторического источника [14]. Для раскрытия заключенного в археологическом костюме исторического и социокультурного содержания автор исследования З. В. Доде предлагает репрезентационный метод, основанный на герменевтико-феноменологической традиции, рассматривающей артефакт как факт истории и культуры. Применение этого метода предполагает выделение нескольких уровней информации, присущей археологическому костюму как историческому тексту [14, с. 27]:

1. Сенсуально-рационалистический уровень, содержащий информацию об утилитарно-функциональных свойствах костюма, его форме, элементах, качестве материалов и т. п. На этом этапе исследования устанавливаются сведения о производстве костюмных форм и связанных с этим процессом занятиях населения, ландшафтно-климатических условиях жизни и т. п. Данный уровень сопряжен с информацией о природной среде и экономической организации общества. На этой ступени автором применялись естественно-научные методы исследования.

2. Семиотический уровень информации раскрывает значения и смыслы признаков костюма как объекта исторической реконструкции. Информация на этом уровне сопряжена с этносоциальным устройством обществ, религиозно-магическими представлениями, политической организацией, художественно-эстетическими воззрениями. Анализируя данный уровень информации, автор опирается на предложенную И. Д. Кольвальченко методику применения семиотического подхода для анализа исторических источников [20, с. 137]. Она предполагает выделение синтаксиса, семантики и прагматики. Синтаксисом в данном случае выступает определенный набор элементов костюма, которые конституируют положение владельца в социокультурном контексте. По мнению автора, с точки зрения семантики, элементы синтаксиса можно разделить на знаки-признаки и знаки-символы. Так, знак-признак «количество используемого шелка в костюмах алан» рассматривается как показатель социального положения погребенного в обществе. Знак-символ есть визуальный образ заключенного в нем смысла. Так, золотые наверхшия на шлемовидных головных уборах алан, по мнению автора, символизируют солнце, поскольку в нартском эпосе им приписывается это значение. Прагматика в контексте выявления семиотического уровня информации археологического костюма понимается как конкретное информационное содержание определенных элементов костюма, которое определяет поведение тех, кто использует и воспринимает костюм как сигнальную систему. Прагматический смысл семиотики костюма, по мнению автора, лежит в поле ценностных ориентаций, принятых в обществе.

3. Культурологический уровень информации позволяет рассматривать костюм в контексте этнокультурной динамики и взаимодействия в историческом контексте.

4. Исторический уровень информации. Вышеперечисленные информационные аспекты костюма как исторического источника могут быть поняты и правильно оценены лишь при рассмотрении их в конкретных исторических условиях и связях [14, с. 37–39].

Репрезентационный метод изучения археологического костюма применяется также Е. В. Куприяновой в монографии, посвященной реконструкции социального статуса женщины в обществе эпохи бронзового века — «положения в обществе и роли в духовной жизни» [22, с. 9].

Таким образом, реконструкция, как метод исторического исследования, выступает в качестве средства преодоления ограниченности источников и предполагает воссоздание недостающих элементов путем применения специфических в каждом случае междисциплинарных методов исследования.

Физическую реконструкцию, или воспроизведение/воссоздание вещей и других объектов материальной культуры, на наш взгляд, можно рассматривать как частный

случай научной исторической реконструкции. И. Д. Ковальченко, характеризуя информационный потенциал вещественных памятников, отмечает, что в них «информация выражена как результат практической деятельности людей и в этом отношении выступает в объективно-синтактическом смысле, т. е. как следы практической деятельности, которые должны быть переведены в синтактически-субъективную форму, или, говоря иначе, выражены в той или иной знаковой системе. Она может быть естественно-описательной, графически-изобразительной или иной» [20, с. 134]. Пользуясь терминологией И. Д. Ковальченко, физическую реконструкцию (т. е. в материале) можно характеризовать как способ выявления информации, заключенной в вещевом памятнике, путем воспроизводства объективно-синтактического смысла древнего предмета или объекта в аналогичном современном предмете или объекте.

Так, историко-архитектурные ландшафтные реконструкции в реальном или виртуальном формате направлены на воссоздание исторического облика архитектурно-ландшафтных объектов [2; 17]. Примером подобного исследования может служить диссертация Д. И. Жеребятъева, в которой автор на основе синтеза исторических источников и использования программ трёхмерного моделирования создает виртуальную реконструкцию московского женского монастыря «Всех скорбящих радости». Автор отмечает перспективность использования метода для воссоздания объектов городской застройки в случаях их полной утраты или сильного разрушения [17, с. 4].

Как направление исследований и как методика рассматривается практика реконструкции археологических предметов, а также техник и технологий древности (экспериментальная археология) [21; 24]. Количество сайтов по экспериментальной археологии в сети Интернет более миллиона. Н. А. Томилов, характеризуя этот метод, отмечает, что для его применения «есть и ограничения [...]: нельзя требовать от экспериментатора абсолютной доказательности, результаты эксперимента не всегда можно соотносить со временем и пространством, необходимы серии опытов для большей достоверности и использования материалов и методик, соответствующих древним» [4, с. 16].

Признание костюма в качестве важного исторического источника, помогающего раскрыть материальный и духовный мир исторических обществ, выявить отдельные этносоциальные аспекты и эстетические идеалы прошлого, вызывает интерес к его реконструкции. В практике исследований представлены реконструкции археологического, традиционного, исторического костюмных комплексов. Под последним, как правило, понимается форменная одежда и одежда горожан рубежа XIX и XX вв., уже утрачившая к этому времени ярко выраженную этническую «окраску».

Реконструкции археологического костюма. Основным преимуществом археологических находок костюма — украшений, фрагментов одежды, обуви, головных уборов является их достоверность, как подлинных материальных фрагментов исторического прошлого. С другой стороны, археологические материалы не дают полной картины для реконструкции. Для преодоления фрагментарности археологических данных используются различные методики, к примеру, изучение органических остатков одежды в лабораторных условиях после извлечения непо потревоженных захоронений единым блоком (монолитом) [1, с. 157]. Привлекаются иные источники — изображения, письменные свидетельства, фольклор и этнологические данные. Исходя из специфики источников, лежащих в основе реконструкции, З. В. Доде выделяет типы археологической реконструкции костюма:

– аутентичная (прямая полная) реконструкция полностью основывается на первоисточнике, на артефактах, позволяющих восстановить крой одежды, ее пространственную форму, манеру ношения, комплекс убранства, орнамент и колорит тканей, пропорции соотношения антропологических данных и размеров одежды;

– обобщающая (аподиктическая) реконструкция используется в том случае, когда приходится составлять образ костюма по остаткам из разных комплексов. Истинность реконструкции проверяется по изобразительным и письменным источникам.

Аподиктическая реконструкция репрезентирует не конкретный археологический комплекс, а культурную форму, характерную для определенного историко-культурного пространства;

– гипотетическая реконструкция используется в тех случаях, когда присутствуют лишь элементы костюма и нет возможности восстановить системообразующую основу костюма — одежду, головной убор или обувь. Модель в этом случае строится на обосновании предположений [14, с. 35–36].

Реконструкция этнографического (традиционного, народного) костюма. В этнологических исследованиях изучению костюма уделяется значительное внимание. При этом понятие «реконструкция» по отношению к костюму используется гораздо реже, чем в археологии. Возможно, в силу того, что этнографу, в отличие от археолога, не приходится прибегать к реконструкции предмета в буквальном смысле — этнографические образцы одежды предстают перед исследователем в более-менее целом виде. Термин «реконструкция» применяется, если речь идет о хронологически ранних этапах бытования этнического костюма, отсутствии аутентичных аналогов и т. п.

При этом термин «реконструкция» широко используется для обозначения процесса воспроизведения/воссоздания традиционного костюма в материале или виртуально, а также и самого результата этого воспроизведения. Данная область научного исследования находится на стыке этнологии и технологии, последняя понимается как «практическое применение знания и использование методов в производственной деятельности» [12]. Технологиям реконструкции традиционного, а также исторического костюма посвящены ряд публикаций, инициированных кафедрами дизайна одежды технических вузов [7; 15]. По аналогии с предлагаемой З. В. Доде типологией реконструкций археологического костюма можно выделить типы реконструкций этнографического и исторического костюма:

1) реконструкции-копии, если в основе реконструкции лежит конкретный образец. Другими словами, точные повторы подлинных образцов, предполагающие применение аналогичных материалов, повтора техник и технологий изготовления;

2) обобщающие (собираательные) реконструкции — достоверные реконструкции этнографического/исторического костюма, выполненные на основе изучения коллекций подлинных образцов, визуальных источников, фольклорных материалов, письменных источников, с применением аналогичных материалов, техник и технологий изготовления. Для развития данного направления важны публикации подлинных образцов, что позволит мастерам делать обобщающие реконструкции с высокой степенью достоверности. Очевидно, можно говорить о складывании региональных школ реконструкции этнографического и исторического костюма; во многих областях они сложились на базе государственных центров народного творчества.

Термин «историческая реконструкция» в научном исследовании также закрепился применительно к социальному действию в современном обществе, направленному на воссоздание элементов материальной культуры прошлого и использование изготовленных образцов в ситуациях, наиболее приближенных к их историческим прототипам. С позиции культурологии подобная деятельность по исторической реконструкции рассматривается как социокультурное явление [5]; с позиции социологии — как экстернальная субкультура и социальное движение [8; 13; 25]; с позиции социальной педагогики и психологии — как социально-педагогическая общность [18]. С позиции теории исторического познания, социокультурную практику исторической реконструкции предлагаем рассматривать в качестве формы актуализации добытого исторической наукой знания в общественном сознании; с позиции теории исторической памяти — как способ актуализации исторической памяти.

Интерес движения исторической реконструкции к материальной культуре прошлого, как правило, сосредоточен на костюме, вооружении, а затем уже — предметах быта, объектах архитектуры и др. Наибольшее внимание в сфере нематериальной культуры

вызывают боевые практики, кулинария, отдельные элементы ритуалов и музыкально-хореографической культуры [25, с. 150].

Организационной основой движения исторической реконструкции выступают первичные группы. Их классификация предлагается исходя из различных параметров: исходя из их юридического статуса они могут быть зарегистрированными официально или незарегистрированными; исходя из специфики реконструируемой исторической реальности — военными или невоенными, направленными на реконструкцию различных исторических эпох; исходя из численности первичных групп и характера социальных связей внутри групп это могут быть реконструкторы-одиночки, семейные пары с детьми, группы близких друзей (до 6–8 человек), клубы исторической реконструкции (по 8–30 человек), объединения клубов [13, с. 412–413].

Таким образом, в практике исторического исследования под исторической реконструкцией понимается комплексное междисциплинарное исследование, направленное на воссоздание эпизода/фрагмента/процесса исторического прошлого. Объектом исторической реконструкции может быть любое явление прошлого, отражение которого в исторических источниках отличается высокой степенью дискретности или фрагментарности. Под исторической реконструкцией понимается как метод исследования, так и его результат в виде некой модели. Модель может быть выражена в вербальной форме или в материале (вещественной, графической, виртуальной форме). Другое значение понятия «историческая реконструкция» связано с социокультурными практиками — способами и формами актуализации исторической памяти в социуме, особенностями самореализации личности и т. п. Данная проблематика лежит в плоскости социологии, культурологи, педагогики.

Список литературы

- Алтынбеков К., Досаева Д. К. Опыт реконструкции «археологического» костюма // Поволжская археология. — 2017. — № 1 (19). — С. 157–17.
- Баранов Ю. М., Курлаев Е. А. Реконструкция утраченных промышленных объектов и раритетных технологий с использованием компьютерного моделирования // Российский научно-технический музей: проблемы и перспективы. — Н. Тагил, 2000. — С. 46–53.
- Барская А. Д. Психолого-историческая реконструкция особенностей психики гомеровского человека : автореф. дис. ... канд. психол. наук. — М., 1998. — 27 с.
- Бережнова М. Л., Корусенко С. Н., Матвеев А. В., Татауров С. Ф., Татаурова Л. В., Тихомиров К. Н., Тихонов С. С., Томилов Н. А. Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: природная среда, этнос, источники. — Омск : Наука, 2014. — 192 с.
- Богданов С. В. Культурологический и воспитательный потенциал движения военно-исторической реконструкции в России : автореф. дис. ... канд. культурологии. — Саратов, 2015. — 19 с.
- Богодайко О. В. Мифологическая культура орочей XIX-начала XX века: историческая реконструкция : автореф. дис. ... канд. культурологии. — Комсомольск-на-Амуре, 2012. — 23 с.
- Баширова К. А., Шагова Ю. А., Малинская А. Н. Реконструкция исторических костюмов для туристического маршрута «Ситцевые короли Ивановского края» виртуального музея // Молодые ученые — развитию национальной технической инициативы (ПО-ИСК). — 2019. — № 1. — С. 144–145.
- Божок Н. С. Движение исторической реконструкции как феномен молодежной культуры : дис. ... канд. социол. наук. — Саратов, 2013. — 156 с.
- Винник А. В., Лебедев В. Ю. Историсофские проблемы реконструкции исторических событий: ритуал императорской коронации Наполеона I. К постановке проблемы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. — 2010. — № 1. — С. 22–30.
- Гололобов Е. И. Палеоэкономическое моделирование как метод археологической реконструкции (на примере таежной зоны среднего Приобья) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Барнаул, 1998. — 16 с.
- Гузикова М. О. «Тотальная мобилизация» Эрнста Юнгера как проект модерности: историческая реконструкция и интерпретация : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Екатеринбург, 2004. — 23 с.
- Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь : в 2 т. Т. 2. (П–Я). — М., 1999. — 528 с.
- Донская В. К. Организационные формы движения исторической реконструкции // Фундаментальные исследования. — 2014. — № 5–2. — С. 411–414.
- Доде З. В. Костюм населения Северного Кавказа VII–XVII веков: реконструкция этносо-

- циальной истории : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — М., 2007. — 62 с.
15. Дубатова И. В. Особенности реконструкции исторического костюма // Инновационные направления в образовании, экономике, технике и технологиях. — Ставрополь : Ставролит, 2015. — С. 224–228.
 16. Дудкина С. А. Методика реконструкции использования тканей в погребальной обрядности (по материалам археологических памятников) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Сургут, 2005. — 16 с.
 17. Жеребятьев Д. И. Методы исторической реконструкции памятников истории и культуры России средствами трёхмерного компьютерного моделирования : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 2013. — 28 с.
 18. Кадер А. М. Движение исторической реконструкции как среда самореализации личности в сфере досуга : автореф. дис. ... канд. пед. наук. — СПб., 2018. — 16 с.
 19. Коротаяев А. В., Халтурина Д. А. Мифы и гены. Глубокая историческая реконструкция. — М. : Либроком, 2010. — 182 с.
 20. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. — М. : Наука, 2003. — 485 с.
 21. Коробейников А. В. Историческая реконструкция по данным археологии. — Ижевск : Изд-во НОУ КИГИТ, 2005. — 180 с.
 22. Куприянова Е. В. Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как «текст» (по материалам некрополей Южного Урала и Казахстана). — Челябинск : АвтоГраф, 2008. — 243 с.
 23. Ларина Т. М. Методологические проблемы исторической реконструкции : дис. ... канд. философ. наук. — Куйбышев, 1984. — 155 с.
 24. Малинова Р., Малина Я. Прыжок в прошлое. — М. : Мысль, 1988. — 271 с.
 25. Радченко Д. А., Писарев А. Е. Историческая реконструкция: нормативное пространство и фольклор субкультуры // Традиционная культура. — 2012. — № 1 (45). — С. 150–161.
 26. Татауров Ф. С. Реконструкция социально-культурного облика русского населения западной Сибири конца XVI — первой половины XVIII в. по археологическим материалам // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле — Белокурихе. — Барнаул : Изд-во Алтайс. гос. ун-та, 2017. — С. 307–310.
 27. Тихонов С. С., Татауров С. Ф. Возможности использования археологических и этнографических материалов для реконструкции народных знаний населения Сибири XVII — первой четверти XX в. // Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума. — Новосибирск, 1998. — С. 19–26.
 28. Федоркова И. Р. Психологическая реконструкция московского купеческого общества как субъекта предпринимательской активности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. — М., 2000. — 23 с.
 29. Харитоновна Е. В. Социально-исторические детерминанты агрессивного поведения: Психолого-историческая реконструкция на материалах 20-х и 90-х гг. XX в. : автореф. дис. ... канд. психол. наук. — М., 1999. — 161 с.

Сведения об авторе

Е. А. Чайко, кандидат исторических наук, заведующая музеем археологии и этнографии, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. e.a.chaiko@yandex.ru

HISTORICAL RECONSTRUCTION: VECTORS OF INTERPRETATION (HISTORIOGRAPHICAL ASPECT)

E.A. Chaiko, Candidate of historical science, Head of Museum of archaeology and ethnography, Chelyabinsk State University. Chelyabinsk, Russia. e.a.chaiko@yandex.ru

The article analyzes the content of the concept of "historical reconstruction" in the practice of scientific research based on the analysis of the E-library search database. It is concluded that historical reconstruction is meant as a complex interdisciplinary research aimed at recreating an episode/fragment/process of the historical past, as well as its result as a certain model. The model can be expressed either in verbal or in material form (real, graphic, virtual form). Another group of meanings of the concept "historical reconstruction" is associated with various social — cultural practices such as ways and forms of actualization of historical memory in society, problems of self-realization of the person. Their study refers to sociology, cultural studies, pedagogy.

Key words: *historical cognition, method, historical source, reconstruction, interdisciplinarity, costume, social-cultural practice.*

Е. А. Трофимова, В. М. Костомаров, Д. Н. Маслюженко, И. К. Новиков

ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЕ СВАТИЛИЩЕ САВИН-1: ОТ ОТКРЫТИЯ ДО МУЗЕЕФИКАЦИИ (проблемы и перспективы)

В 2020 г. на территории Белозерского района Курганской области на месте исследованного еще в 1980-е гг. энеолитического святилища Савин-1 была возведена его полноразмерная реконструкция (новодел). Подобные работы в сфере создания и функционирования археологических музеев под открытым небом на территории РФ проводились впервые. С целью достижения научности, аутентичности, открытости и доступности для посетителя в рамках проекта были проведены работы по его популяризации (открытые лекции, выпуск антологии статей, создание сайта); на основе анализа отчетной документации был создан проект реконструкции раскопанного памятника с учетом ряда допущений (дополнение натурной реконструкции системой смотровых настилов-дорожек), ее позиционирование на месте перед проведением строительных работ, а также частичное электромагнитное сканирование площадки памятника с целью определения иных объектов.

Ключевые слова: энеолит, святилище, музей под открытым небом, Юго-Западная Сибирь.

Археологический памятник Савин-1 находится на правом берегу р. Тобол, в 40 км к северу от г. Кургана и в 1 км северо-восточнее д. Бузан Белозерского района Курганской области. Объект расположен на возвышенности под местным названием Савин в широкой пойменной долине р. Тобол. Возвышенность (шириной 60 м и длиной 350 м) со всех сторон окружена старицами, при этом с ее вершины хорошо просматривается вся окружающая местность. Это должно было сыграть определенную роль при выборе места для его освоения в прошлом.

В 1982 г. житель д. Бузан В. П. Бабушкин принес находки с этого места в Курганский областной краеведческий музей. В том же году сотрудник музея М. П. Voxменцев начал проводить раскопки археологического памятника, который на основании ранее принесенных артефактов он отнес к эпохе энеолита и на начальном этапе считал поселением. Исследования под его руководством продолжались до 1986 г. В 1983–1984 гг. в них принимала участие в качестве научного руководителя сотрудник Института археологии АН СССР Т. М. Потемкина, которая и высказала впервые идею о том, что изучаемый объект является более своеобразным и может интерпретироваться как святилище. В последующие 25 лет в цикле статей именно она эту идею обосновала, тем самым введя Савин-1 в систему древних вудхенджей периода раннего металла. При этом долгое время объект подобного рода на территории Западной Сибири считался единственным для эпохи энеолита.

В раскопе были выявлены остатки древних сооружений — два примыкающих друг к другу круга из рвов диаметром 18 м и глубиной 0,2–1,2 м. В кольцевых рвах были оставлены проходы с восточной и западной сторон, на дне рва, внутри колец и за их пределами зафиксированы 117 ям, часть из них осталась от врытых в землю столбов. Сохранились также ямы с жертвоприношениями. В последних были найдены кости животных (лошадь — 92 особи, косуля — 64, лось — 9, кабан — 8, медведь — 2, волк — 1), изделия из кости, камня, глины, фрагменты древних сосудов, принадлежавших к различным культурным традициям эпохи энеолита Западной Сибири и Северного Казахстана. В северной части были обнаружены остатки 21 кострища. В каждом круге

в южной части рвов в их юго-восточных секторах находилось по одному погребению людей [6, с. 153–157].

В 1997 г. на памятнике в ходе совместной с КГУ экспедиции проводилась реконструкция столбовых конструкций этого святилища с целью подтвердить его использование в качестве археоастрономического объекта, где проводились определенные календарные наблюдения за Солнцем и Луной. На место возведения этой реконструкции выезжали не только руководство университета, но и области, что впервые актуализировало вопрос о возможности создания археологического музея под открытым небом. Однако нерешенность вопроса о его охране и дальнейшем финансировании в специфических условиях конца 1990-х гг. привела к тому, что реконструкция была разобрана самими археологами.

С учетом последующих археологических работ на территории Курганской и Тюменской областей можно говорить о том, что Савин-1 входит в круг древностей наиболее восточных круглоплановых деревянных святилищ Евразии эпохи палеометалла, к которым также на Юге-Западной Сибири относятся такие памятники, как Слободчики 1 и Велижаны 2 [1, с. 260; 2, 1995, с. 240–248]. В. С. Мосин относительно датировки двух из этих святилищ пишет: «Наиболее приемлемой является дата — 4530 ± 200 (SPb-548), которая соответствует многочисленным датам с памятников второй половины энеолитического времени в Зауралье и Северном Казахстане (поселение Ботай). В калиброванном значении это вторая половина IV — начало III тыс. до н. э. Близкую дату — 4330 ± 120 (SPb-540) имеет и святилище Слободчики 1» [5, с. 5].

В 2015 г. по просьбе В. Ю. Мурзина, шадринского общественного деятеля, активно участвующего в развитии местного туризма, Д. Н. Маслюженко и И. К. Новиков написали небольшую популярную статью о потенциале развития музейного комплекса, связанного со святилищем Савин [4, с. 22–23]. В феврале 2019 г. на совещании у и. о. губернатора Курганской области В. М. Шумкова была поставлена задача по созданию полноразмерной реконструкции данного объекта в рамках работ по развитию регионального туризма. Осенью 2019 г. КООО «Зауральское общество друзей истории, археологии и культуры (ЗОДИАК)» и Курганский государственный университет в лице Д. Н. Маслюженко и И. К. Новикова подали заявку на грант по проекту воссоздания облика знакового памятника зауральской археологии святилища Савин как потенциального центра будущего музея под открытым небом. Проект был поддержан Фондом президентских грантов. К участию в нем были привлечены сотрудники Ассоциации экспериментальной археологии «Археос» И. А. Семьян, Е. А. Трофимова, В. С. Журавлев и ТюМНЦ СО РАН В. М. Костомаров, а также непосредственные авторы раскопок Т. М. Потемкина и М. П. Вохменцев. Были сформулированы ключевые принципы реконструкции: научность, стремление к аутентичности, открытость и доступность для посетителя.

На протяжении ноября 2019 — февраля 2020 г. в рамках работы по гранту были прочитаны научно-популярные лекции перед различной по составу аудиторией. Особое значение придавалось работе с администрацией, работниками культуры, учителями, предпринимателями Белозерского района и особенно ближайшей к будущей реконструкции д. Зюзино. С одной стороны, это было связано с необходимостью решения земельных вопросов и получения иных мер поддержки, а с другой — с необходимостью разъяснения сути проводимых работ. Уже на этом этапе руководители гранта столкнулись с высказываниями в СМИ о возведении языческого капища и последующем «мракобесии», в том числе принесении там жертвоприношений [например: 3]. В ответ на это представителями РПЦ было предложение на этой же возвышенности построить деревянную православную часовню. Таким образом, с самого начала проект столкнулся с крайне неоднозначным восприятием со стороны ряда представителей общественности и СМИ.

Естественно, что в ответ необходимо было усилить именно просветительскую часть проекта, в том числе была подготовлена и издана антология статей «Святилище Са-

вин-1 эпохи энеолита в Притоболье», работа над которой велась совместно с Т. М. Потемкиной [8]. Идея антологии была в том, чтобы не только познакомить потенциальных читателей с ранее недоступными им материалами, которые были раскиданы по различным изданиям, но и показать как менялись взгляды самих исследователей на этот объект. Также был запущен сайт «Святылище Савин. Музей под открытым небом» [7], за создание которого отвечал известный курганский общественный деятель А. М. Вагин. На ресурсе был размещен не только весь материал книги, но и популярное введение в проект, а также различные иллюстрации и фотографии из истории изучения объекта. За год сайт посетили более 7 700 человек с пиками в июне и ноябре 2020 г., причем более 50 % из них это лица от 25 до 44 лет и чаще всего они смотрели именно научно-популярное введение или фотоархив. Уже на этом этапе работы по проекту для охвата максимально широких слоев при поддержке пресс-службы университета к осуществлению всех этапов работ по гранту привлекались СМИ как Курганской области, так и УрФО.

Однако результатом проекта должно было все-таки стать создание базовой площадки музея под открытым небом «Святылище Савин». Перед специалистами «Археоса» стояла задача подготовить проект реконструкции раскопанного памятника.

В фазе проектирования были определены следующие этапы:

1) сбор материала и формирование базы данных по изученным объектам святылища Савин;

2) реставрация полевых материалов раскопок святылища Савин;

3) анализ глубин залегания остатков конструкций святылища;

4) планиграфический анализ расположения объектов и конструкций святылища;

5) создание сводных таблиц по объектам и конструкциям святылища с размерными параметрами;

6) расчет предельных высот столбов, установленных на святылище;

7) создание 3D-модели реконструируемого объекта (рис. 1);

8) подготовка проектной документации для реализации натурной копии святылища.

Рис. 1. 3D-модель музея под открытым небом «Святылище Савин»

Проведенные работы позволили не только воссоздать облик святилища Савин, но и уточнить те гипотезы, которые были выдвинуты авторами раскопок. В частности, на данный момент мы предполагаем, что площадка песчаной дюны на берегу р. Тобол, где располагалось святилище Савин в древности, пережила два этапа застройки: на первом этапе активно функционировала северо-западная часть площадки, где сохранились остатки жилища. Пол жилища был забутован остатками костей диких животных. Площадка вокруг жилища была окружена двумя полукруглыми рвами, в которых были установлены столбы, а в южном — еще и человеческое погребение. Вероятно, в ходе оставления святилища на этом этапе остатки ритуальных трапез и инвентарь (например, керамические сосуды) были перемещены в северный ров. С вероятным оставлением этой площадки можно связать и следы огня и сгоревших столбов за пределами северного рва, к северу от него. На втором этапе функционирования святилища по невыясненной пока причине было смещено к юго-востоку, где была также сформирована центральная площадка, вокруг которой располагались два полукруглых рва. Южный ров этого этапа более глубокий, чем остальные рвы, в нем, помимо находок артефактов, найдено групповое погребение трех человек, которое было засыпано охрой.

По всей видимости, уже гораздо позднее, после прекращения функционирования объекта, на этой же возвышенности было сооружено несколько жилых и погребальных объектов. В частности, одно такое погребение было изучено еще авторами раскопок и отнесено к раннему железному веку, хотя и не введено в научный оборот. Анализ отчетной документации однозначно показывает его более поздний характер относительно святилища, но отсутствие инвентаря, курганной насыпи и других погребений не позволяет датировать это захоронение более точно.

Работа с отчетными материалами также позволила определить, что предельная реконструируемая высота столбов в наземной части варьируется от 1,5 до 2,5 м, в соответствии с данными анализа раскопанных ям от столбов. Реконструируемая глубина рвов также варьируется: на первом этапе функционирования их глубина составляла от 0,3 (для южного рва) до 0,4 м (для северного рва); на втором этапе функционирования их глубина составляла от 0,4 (для северного рва) до 1 м (для южного рва). Диаметр ям от столбов также позволяет определить и иные размерные характеристики, в том числе выявить минимум три группы столбов разного диаметра. Однако в дальнейшем специфика поставленного для строительства пиломатериала не позволила до конца выдержать эту часть реконструкции. При этом вместе с М. П. Вохменцевым было принято решение поставить только 73 столба, которые с большей степенью вероятности были связаны с различными ориентирами, хотя исследователи и насчитывали 117 столбовых ямок. Несомненно, окончательное подтверждение археоастрономических идей, в том числе наличие гномона, требует проведения дальнейших натурных наблюдений на возведенном объекте. Одной из нерешенных проблем является и возможное наличие связки между столбами, как это видно по некоторым реконструкциям европейских вудхенджей, однако в случае Савина данный архитектурный элемент не может быть подтвержден археологически.

Реализация строительной части проекта велась в период с июня по ноябрь 2020 г. В рамках этой стадии были определены следующие этапы:

- 1) подготовка площадки для будущего строительства: разравнивание, удаление травяного покрова;
- 2) разметка и пикетаж контуров земляных объектов и столбов;
- 3) земляные работы: выборка грунта из рвов, разравнивание площадки;
- 4) монтажные работы: установка столбов.

В ходе натурной полевой реконструкции выявилось несколько моментов и трудностей, связанных с достаточно точным позиционированием пикетажного поля. В первую очередь необходимо упомянуть, что памятник, раскапывавшийся более 30 лет назад, не имел четких реперных увязок. За основу для позиционирования методом об-

ратных засечек брался пикетаж поквдратного контура раскопа, среди колов старой сетки удалось обнаружить два пикета, которые и стали реперами. Для выноса использовался геодезический тахеометр, который позиционировался по осевым координатам методом обратной засечки (прямая и обратная геодезическая задача), максимальная погрешность не превышала 1–2 см. Вынос столбовых конструкций и границ рвов производился согласно предоставленному пикетажному журналу, сформированному на основе обработки старых планов раскопок и памятника.

Изначально были вынесены площадные объекты — рвы, контуры настилов. Затем были вынесены центральные координаты столбов, т. к. контур оформлялся уже в процессе монтажа в соответствии со спецификацией. Данный этап был связан напрямую с формированием основы строительства и обозначается как промежуточный, переходный от проектной части к собственно к реконструкции. Особых проблем в ходе разбивки и пикетирования выявлено не было, скорость работы в совокупности определялась лишь погодными явлениями и была достаточно быстрой.

Кроме расположения объектов в системе условных реперов были взяты географические координаты основных пикетов и реперов, которые использовались для наиболее точного позиционирования раскопа и места реконструкции в общей границе памятника, для сохранения существующего культурного слоя.

Среди прочих методик можем отметить частичное электромагнитное сканирование площадки памятника с целью определения иных объектов, связанных с культурным слоем и точностью расположения раскопа. Сканирование показало наличие двух подквадратных объектов, которые более похожи на сооружения и расположены в 20 м от границы размещения реконструкции святилища, что позволит в дальнейшем не только проводить научные изыскания, но и музеефицировать еще и сооружения, обнаруженные в ходе раскопок. Кроме этого велась постоянная фиксация с БПЛА, наземной фототехникой, на всех этапах работы, что позволяет детально представить как сам процесс, так и масштаб реконструкции.

Еще на стадии проектирования базовой площадки музея под открытым небом был произведен ряд допущений: было решено дополнить натурную реконструкцию

Рис. 2. Святилище Савин, восстановленное на непосредственном месте проведения его раскопок

системой смотровых настилов-дорожек, которые позволят задать направление осмотра и разумно ограничат доступ посетителей к наиболее уязвимой части реконструкции — земляным рвам. Также в целях безопасности было принято решение забетонировать основания столбов, тем более, что в силу предоставленных спонсорами пиломатериалов не во всех случаях удалось соблюсти точные размерные характеристики столбов, особенно относительно их диаметра. На стадии реализации также есть допущения: сроки реализации не позволили в полной мере произвести ряд работ в рамках экспериментальной программы по древней деревообработке и произвести установку столбов вручную. Тем не менее моделировка рвов, выборка грунта производились вручную. Эти дополнения позволяют считать реконструкцию святилища Савин архитектурной репликой, новоделом, но не полноценной реконструкцией. Однако на данной стадии развития музея под открытым небом «Святилище Савин» эти допущения не являются критичными, но позволяют наглядно продемонстрировать, как выглядело место отправления религиозных культов населения Юго-Западной Сибири в эпоху энеолита.

В ноябре 2020 г. святилище Савин было полностью восстановлено на непосредственном месте проведения его раскопок (рис. 2) и приняло первых представителей СМИ, местного музейного сообщества и туристов. Весной команду проекта ждет ряд работ по благоустройству площадки, а также проведение экспериментальной программы по древней деревообработке. В то же время до конца не решенными остались вопросы управления данным комплексом и построения программы его дальнейшего развития именно как археологического музея под открытым небом.

Список литературы

1. Вохменцев М. П. Энеолитический памятник с круговой планировкой // Археологические открытия-1995. — М. : Наука, 1995. — С. 260.
2. Дрябина Л. А. Энеолитическое святилище Велижаны 2 под Тюменью // Словцовские чтения-1995 : материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. — Тюмень : ТОКМ, 1995. — С. 37–38.
3. Кобяков О. В вотчине Губернатора Зауралья языческое капище откроют для поклонения [Электронный ресурс]. — URL: <https://ural-meridian.ru/news/188250/> (дата обращения: 20.03.2020)
4. Маслюженко Д. Н., Новиков И. К. Зауральский Стоунхендж. Савин как археологический бренд Курганской области // Мое Зауралье. — 2015. — № 8. — С. 22–23.
5. Мосин В. С. Введение // Святилище Савин-1 эпохи энеолита в Притоболье: антология статей / сост., отв. ред. Д. Н. Маслюженко. — Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2020. — С. 3–7.
6. Потемкина Т. М., Гусаков М. Г. Религиозные представления населения эпохи энеолита Зауралья (по материалам раскопок святилища Савин) // Религиозные представления в первобытном обществе : тез. докл. — М., 1987. — С. 153–157.
7. Святилище Савин. Музей под открытым небом [Электронный ресурс]. — URL: <https://savin.kurgan.pro/> (дата обращения: 12.04.2021)
8. Святилище Савин-1 эпохи энеолита в Притоболье. Антология статей / сост., отв. ред. Д. Н. Маслюженко. — Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2020. — 208 с.

Сведения об авторах

- Е. А. Трофимова**, сотрудник Ассоциации экспериментальной археологии «Археос». Екатеринбург, Россия. trofimovaforarchaeos@gmail.com
- В. М. Костомаров**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора археологии, Тюменский научный центр Сибирского отделения РАН. Тюмень, Россия. vkostomarov@yandex.ru
- Д. Н. Маслюженко**, кандидат исторических наук, доцент, директор гуманитарного института, Курганский государственный университет. Курган, Россия. denmas13@yandex.ru
- И. К. Новиков**, старший преподаватель, Курганский государственный университет. Курган, Россия. novikov2479@mail.ru

ENEOLITHIC SANCTUARY SAVIN-1: FROM DISCOVERY TO MUSEUMIFICATION (PROBLEMS AND PROSPECTS)

E.A. Trofimova, Employee of the Association of Experimental Archaeology "Archeos". Yekaterinburg, Russia. *trofimovaforarchaeos@gmail.com*

V.M. Kostomarov, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Archeology, Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Tyumen, Russia. *vkostomarov@yandex.ru*

D.N. Maslyuzhenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Director of the Humanitarian Institute, Kurgan State University. Kurgan, Russia. *denmas13@yandex.ru*

I.K. Novikov, Senior Lecturer, Kurgan State University. Novikov, Russia. *novikov2479@mail.ru*

In 2020, on the territory of the Belozerskiy district of the Kurgan region full-size reconstruction of the eneolithic sanctuary Savin-1 (modern replica) was erected on the site, where it was discovered in the 1980s. Such work in the field of the creation and functioning of archaeological museums in the open air was carried out for the first time on the territory of the Russian Federation. In order to achieve scientificity, authenticity, openness and accessibility for the visitor, work within the project was fulfilled on its popularization (open lectures, the release of an anthology of articles, the creation of a site). Based on the analysis of the reporting documentation, a project for the reconstruction of the archaeological monument was created, taking into account a number of projection variants (full-scale reconstruction is provided with a system of observation flooring tracks). This system was set on the spot before construction work. Partial electro-magnetic scanning of the monument site was done in order to determine other objects.

Key words: *eneolite, sanctuary, open-air museum, South-Western Siberia.*

М. В. Семьян, Ф. Н. Петров

РЕКОНСТРУКЦИЯ ОБЪЕКТОВ ЖИЛОЙ АРХИТЕКТУРЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА: ОПЫТ НОВЫХ РЕШЕНИЙ В МУЗЕЙНОМ МАКЕТИРОВАНИИ

В 2020 г. в Заповеднике «Аркаим» были созданы три новых музейных макета поселений и жилищ бронзового века Зауральской степи. Макет поселения Аркаим и одного из жилых помещений этого поселения предназначены для тактильного изучения и ориентированы на слабовидящие группы населения. Макет жилища поселения Левобережное (Синташта II) отражает домостроительные традиции, хозяйство и быт населения третьей четверти II тыс. до н. э. и содержит в себе рассказ о культуре и быте населения бронзового века, переданный через тематические сюжетные композиции.

Ключевые слова: реконструкция, бронзовый век, поселение, жилище, музейный макет, Аркаим, Синташта.

В сфере познавательного туризма большое значение имеет приобщение зрителей к памятникам истории и культуры, пробуждение у них интереса к изучению истории через визуальные образы. Важным направлением передачи информации в музейной сфере являются различные образцы макетного искусства. Они позволяют на небольшой по размеру площади передать максимум информации об исторических памятниках, а также дают возможность включить в демонстрацию этих памятников сюжетные элементы, повествующие о каких-либо исторических событиях или культурной повседневности того или иного времени.

Реконструкция существовавших в древности объектов, сохранившихся только в виде фрагментированных остатков, — одна из самых интересных и трудных задач археологии. Укрепленные поселения Зауральской степи первого этапа позднего бронзового века (ПБВ-1) — памятники, к воссозданию архитектурных образов которых специалисты обращались неоднократно. Объективная сложность и неоднозначность результатов изучения древо-земляной архитектуры только по ее материальным остаткам, а также большой интерес к данному периоду определили значительное количество и разнообразие существующих на сегодня вариантов реконструкций [8, с. 192–194]. Визуальные реконструкции поселений и жилищ последующих периодов эпохи бронзы на территории нашего региона предпринимались только в рамках проекта «Парк Аркаимского периода», реализованного в 2016 г. [1]. Однако на территории других степных регионов подобные графические реконструкции и архитектурные модели представлены в целом ряде музеев — например, реконструкция поселения срубной культуры в Старооскольском краеведческом музее, макет селища Смеловка I хвалынской культуры валиковой керамики в Энгельском краеведческом музее, реконструкция поселения срубной культуры Усово озеро в киевском Археологическом музее и др.

В 2020 г. в музее заповедника «Аркаим» был выполнен макет жилища межовской культуры XIV–XII вв. до н. э., исследованного на поселении Левобережное (Синташта II). Макет создавался в рамках подготовки выставки «Левобережное — укрепленное поселение скотоводов и металлургов бронзового века», которая была проведена в Брединском районном историко-краеведческом музее осенью 2020 г.

Поселение Левобережное (Синташта II) находится на левом берегу р. Синташта на окраине пос. Комсомольский Брединского района Челябинской области. Его открыла в 1989 г. И. М. Батанина по результатам дешифрирования аэрофотоснимков, а исследовала с 2015 по 2019 г. археологическая экспедиция заповедника «Аркаим» под руководством Ф. Н. Петрова. Поселение многослойное, от синташтинской культуры на исследованном участке сохранился только окружавший поселение ров, колодец и несколько хозяйственных ям; петровская и алакульская культура представлены отдельными фрагментами керамики; также был изучен фрагмент черкаскульского жилища и межовское жилище 10, материалы изучения которого и стали основой для подготовки макета.

Котлован жилища 10 вытянут в направлении север—юг, имеет подпрямоугольную форму, размеры 20×13 м, глубина в материке в наиболее углубленной центральной части жилища — до 1 м. От северо-западного края жилища в направлении на север-северо-запад отходит вытянутое углубление в материке, которое может быть интерпретировано как вход. Параллельно осевой линии жилища, в общем направлении с севера на юг тянутся четыре параллельные линии столбовых ямок: одна из них идет по западному краю жилища, вторая — у его восточного края и две — по дну котлована.

С котлованом жилища 10 связано 180 столбовых ямок, при этом фиксируется ряд случаев расположения нескольких столбовых ямок в непосредственной близости друг от друга или их смыкания: таким образом, ямки «сдваиваются» или даже «страиваются»; в их расположении присутствует ряд нарушений общей структуры, что свидетельствует о неоднократных ремонтах и перестройках жилища. В центральной части жилища было исследовано два очага — грунтовый, прослеженный по углублению в материке и скоплению прокаленного грунта, и выложенный битым обожженным камнем.

Заполнение котлована жилища 10 довольно единообразное — нижнюю часть заполнения образует слой темно-серой супеси, в которой фиксируется подавляющее большинство находок, сделанных в пределах жилища. Большинство этих находок относится к последнему, межовскому этапу существования поселения. У западного и северного края котлована жилища прослеживаются участки, на которых стенки котлована подсыпаны светло-серым зольстым грунтом (зольником). Сверху слои заполнения нижней части котлована жилища перекрывает слой темной, сильно гумусированной супеси, состоящий, вероятно, из дерна, которым была покрыта крыша жилища, и из гумусного слоя, сформировавшегося естественным путем в увлажненном микропонижении рельефа. Радиоуглеродный AMS-анализ органических остатков с пола жилища позволяет уверенно датировать время его существования XIV–XII вв. до н. э. [2], что соответствует третьему периоду позднего бронзового века (ПБВ-3).

На основании материалов полевых исследований конструкции жилища 10 поселения Левобережное (Синташта II) можно сделать вывод, что это была крупная постройка площадью около 260 м², полуземлянка каркасно-столбовой конструкции. Основу архитектурного решения жилища составляли подпрямоугольный котлован и четыре параллельных ряда деревянных столбов, которые были вытянуты по его длинной оси, причем две крайние линии деревянных столбов поддерживали стены жилища, а две центральные — его кровлю. Такая архитектурная модель часто реконструируется для крупных, существенно углубленных в грунт отдельно стоящих жилищ столбовой конструкции, расположенных на территории Евразийской степи и датирующихся заключительными этапами позднего бронзового века (ПБВ-3 и ПБВ-4) [7, рис. 21–24].

Целью подготовки макета жилища было не только продемонстрировать конструкцию жилища, но также визуальными средствами рассказать о способе хозяйствования и образе жизни людей, населявших Зауральскую степь в последние века бронзового века. Для того чтобы детально показать реконструируемую конструкцию жилища, было принято решение изобразить в макете северную половину жилища, с разрезом. Чтобы зритель имел возможность лучше рассмотреть на макете внутреннюю структуру

и интерьер, мы решили задействовать сюжет ремонта жилища. Масштаб макета 1:36. Форма котлована и расположение опорных столбов полностью соответствуют данным, полученным в ходе раскопок жилища [6, с. 4].

Подготовленный макет жилища 10 отражает архитектуру, домостроительные традиции, хозяйство и быт населения третьей четверти II тыс. до н. э. Он ориентирован на широкую музейную аудиторию и выполнен в соответствии с принципом «живое прошлое». Наряду с реконструкцией архитектуры жилища, детально отражающей зафиксированные в раскопе объекты, он содержит в себе рассказ о культуре и быте населения бронзового века, переданный через тематические сюжетные композиции.

Первым этапом при подготовке макета стало составление чертежной документации конструкции жилища в формате макета и подготовка эскиза жилища и связанной с ним хозяйственной деятельности, которую выполнил специалист Учебно-научного центра изучения проблем природы и человека Челябинского государственного университета Н. Ф. Петров (рис. 1). Фигурки людей и животных для макета выполнила сотрудник заповедника «Аркаим» М. А. Таирова. Они позволили реализовать в макете ряд небольших сюжетных сценок: вооруженный луком пастух на лошади пасет овец; двое мужчин ремонтируют дом под любопытным взглядом пастушеской собаки; внутри жилищ у очага женщины готовят обед, а пожилая дама отдыхает на лежанке. Эти сюжеты отражают различные элементы хозяйства и быта степного населения периода ПБВ-3 и позволяют использовать макет в экскурсионной деятельности (рис. 2, 3).

Так, сцены скотоводства говорят о том, что именно эта отрасль хозяйства служила основой степной экономики II тыс. до н. э.; фигура конного пастуха говорит о состоявшемся к этому времени переходу от упряжной езды к верховой езде на лошадях; вооружение пастуха иллюстрирует тот факт, что степные скотоводы широко использовали в быту лук и стрелы для защиты своих стад; стадо овец демонстрирует повысившуюся в третьей четверти II тыс. до н. э. роль овцы в стаде; овцы в жилище демонстрируют, что большие дома использовались для совместного проживания людей и скота. Занимающийся ремонтом дома мужчина использует бронзовый топор-кельт с характерным расположением лезвия перпендикулярно рукояти; именно такие топоры широко распространены в степных культурах в указанный период. Женщины, занятые домашней работой, демонстрируют традиционное для степных скотоводов гендерное разделение

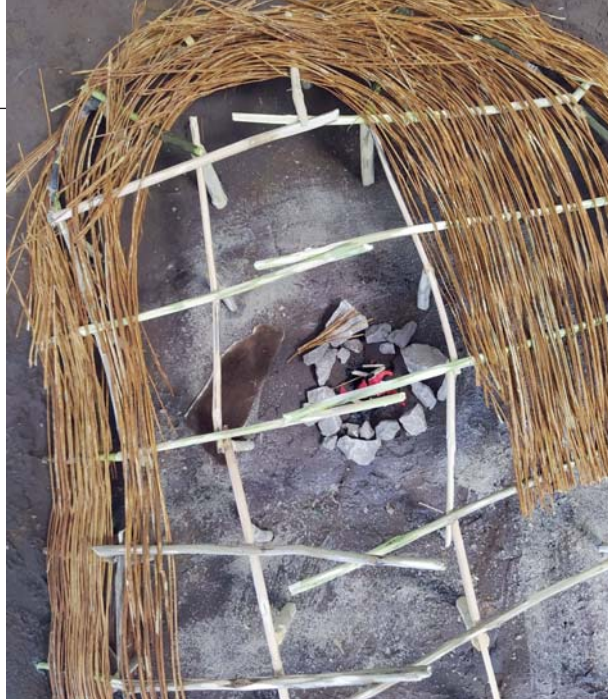

Рис. 1. Северная часть жилища 10 поселения Левобережное (Синташта II), XIV–XII вв. до н. э.
Эскиз, автор Н. Ф. Петров

Рис. 2. Макет жилища 10 поселения Левобережное (Синташта II) в процессе изготовления, вид сверху

труда на женский труд дома и мужской труд в степи. Совокупность всех сюжетных сценок позволяет использовать макет для иллюстрации многих положений экскурсии.

Также в 2020 г. в музее заповедника «Аркаим» были созданы два музейных макета для Челябинской областной специальной библиотеки для слабовидящих и слепых. На сегодня одной из наиболее актуальных проблем, к которой обращено внимание многих исследователей, является проблема доступности мирового культурного наследия для самых широких слоев населения и та роль, которую играют современные информационные технологии в решении этой проблемы. Еще в 1984 г. в Декларации, принятой на международной музейной конференции в Квебеке, отмечалось: «В современном мире, который стремится использовать для своего развития все средства, музеи должны выйти за пределы традиционных задач и функций: идентификации, консервации и просвещения и перейти к осуществлению более широких программ, которые позволят им активнее участвовать в жизни общества и полнее интегрироваться в окружающую среду. Чтобы достичь этого и вовлечь посетителей в свою деятельность, музеи все чаще обращаются к принципу междисциплинарности, к применению в культурно-просветительской деятельности новейших методов коммуникации и современных форм работы с населением» [4, с. 21].

Пространственное моделирование объекта сегодня обычно осуществляется с применением 3D-графики и VR-технологии, однако при всей прогрессивности данный метод экспонирования исторического наследия имеет и минусы. Прежде всего, такой объект

3. Макет жилища 10 поселения Левобережное (Синташта II), фас и профиль, увеличенный фрагмент

виртуален и неосязаем, а осязаемость демонстрационных материалов очень важна для слабовидящих. Макеты должны не только давать представление об устройстве конструкций древности, но и оказывать влияние на эмоциональную сферу наблюдателя, поэтому выбор подходящих материалов для такого макета чрезвычайно важен [10, с. 57].

По системе принципов инклюзивного музея — музея для всех — в 2020 г. были изготовлены макет укрепленного поселения Аркаим (рис. 4) и одного из аркаимских жилых помещений (рис. 5). Они предназначены для тактильного изучения, ориентированы на слабовидящие группы населения и являются частью библиотечного проекта «Тактильное Синегорье», реализуемого в рамках национального проекта «Культура».

Макет поселения Аркаим был изготовлен в соответствии с современными представлениями об архитектуре укрепленных поселений бронзового века как

крупных блоков стандартизированных жилых помещений, окруженных общей грунтово-земляной стеной и рвом, которые были внешней границей жилых помещений и играли в первую очередь не оборонительное, а хозяйственное значение [5; 9].

План макета был выполнен в соответствии со сводным планом раскопок и геофизических исследований поселения Аркаим, а в качестве образца было выбрано жилище 2–3, исследованное в западном секторе внешнего круга жилищ [3, рис. 1]. Размеры и местонахождение деталей макетов выполнены в соответствии с масштабированными планами. Несмотря на небольшие размеры, макеты обладают высокой степенью достоверности, а в крошечный колодец внутри жилища даже можно налить воду.

Основной задачей при исполнении макетов для Челябинской областной специальной библиотеки для слабовидящих и слепых была необходимость полноценно совместить визуальную и тактильную составляющие. Для их изготовления были использованы натуральные материалы, такие как дерево, песок, глина, хвоя. Благодаря этому посетители библиотеки смогут прочувствовать текстуру каждого материала, представить, как в древности выглядели дома снаружи и изнутри, а так же представить окружающее их степное пространство.

Рис. 4. Макет поселения Аркаим (XXI–XIX вв. до н. э.), изготовленный по заказу Челябинской областной специальной библиотеки для слабовидящих и слепых

Рис. 5. Макет интерьера жилища 2-3 поселения Аркаим (XXI–XIX вв. до н. э.), изготовленный по заказу Челябинской областной специальной библиотеки для слабовидящих и слепых

Список литературы

1. Гараненко А. С. Парк Аркаимского периода: как гранты помогают спасать археологические памятники // Филантроп. Электронный журнал о благотворительности. Опубликовано 23.03.2017. — URL: <https://philanthropy.ru/cases/2017/03/23/47576/> (дата обращения: 31.03.2021).
2. Епимахов А. В., Петров Ф. Н. Этапы функционирования поселения бронзового века Левобережное (Синташта II) в Зауралье (хронологический аспект) // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее : материалы междунар. конф. — СПб. : ИИМК РАН, РГПУ, Самара: СГ-СПУ/ООО «Порто-принт», 2020. — С. 27–28.
3. Зданович Г. Б., Малютина Т. С. Археологический предмет в культурном слое укрепленного поселения (по материалам поселения

- Аркаим) // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии) : материалы конф. / Поволжский педагогический вестник. — № 3. — 2014. — С. 45–54.
- Квебекская декларация: основные принципы новой музеологии // *Museum: международный научный журнал ЮНЕСКО*. — 1985. — № 148. — С. 20–21.
 - Корякова Л. Н. К вопросу о жилой среде и образе жизни населения Южного Зауралья в эпоху бронзы (по материалам раскопок в бассейне р. Карагайлы-Аят) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд : сб. науч. тр. — Барнаул : Алтайс. гос. ун-т, 2017. — С. 533–534.
 - Петров Ф. Н. Левобережное — укрепленное поселения скотоводов и металлургов бронзового века // *Материалы выставки музея заповедника «Аркаим»*. — Челябинск : Фонд «Наследие», 2020. — 20 с.
 - Ромашко В. А. Заключительный этап позднего бронзового века левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры). — Киев: Скиф, 2013. — 592 с.
 - Солдаткин Н. В. Визуальные образы синташтинско-петровских поселений: варианты существующих реконструкций // V Северный археологический конгресс : тез. докл. — Екатеринбург : Альфа-Принт, 2019. — С. 192–194.
 - Чечушков И. В. Зима близко: городища бронзового века во вмещающем ландшафте (опыт ГИС-анализа) // *Геоархеология и археологическая минералогия*. — Вып. 5. — 2018. — С. 171–178.
 - Щербина А. В. Музейное проектирование : учеб.-метод. пособие. — Тольятти : ТГУ, 2011. — 68 с.

Сведения об авторах

М. В. Семьян, специалист по экспозиционно-выставочной деятельности, Челябинский государственный историко-культурный заповедник «Аркаим». Челябинск, Россия. mariasemyan@mail.ru

Ф. Н. Петров, научный сотрудник, кандидат философских наук, Челябинский государственный историко-культурный заповедник «Аркаим». Челябинск, Россия. steppe_exp@mail.ru

RECONSTRUCTION OF RESIDENTIAL ARCHITECTURE OF THE BRONZE AGE: EXPERIENCE OF NEW SOLUTIONS IN MUSEUM DESIGN

M.V. Semyan, specialist in exposition and exhibition activities, Chelyabinsk State Historical and Cultural Reserve «Arkaim». Chelyabinsk, Russia. mariasemyan@mail.ru

F.N. Petrov, researcher, Candidate of Philosophy, Chelyabinsk State Historical and Cultural Reserve «Arkaim». Chelyabinsk, Russia. steppe_exp@mail.ru

In 2020, three new museum models of settlements and dwellings of the Bronze Age of the Trans-Ural steppe were created in the Arkaim Reserve. The layout of the Arkaim settlement and one of dwelling of this settlement are intended for tactile study and are aimed at visually impaired groups of the population. The model of the dwelling of the settlement of Levoberezhnoe (Sintashta II) reflects the house-building traditions, economy and life of the population of the third quarter of the 2nd millennium BC and contains a story about the culture and life of the population of the Bronze Age, conveyed through thematic plot compositions.

Key words: reconstruction, Bronze Age, settlement, dwelling, museum model, Arkaim, Sintashta.

Ю. С. Макуров

МОДЕЛЬ КАЗАХСКОГО КЛАДБИЩА В ИСТОРИЧЕСКОМ ПАРКЕ ЗАПОВЕДНИКА «АРКАИМ»: ОПЫТ СТРОИТЕЛЬСТВА И НАБЛЮДЕНИЯ ЗА РУИНИЗАЦИЕЙ

В 2010 г. в заповеднике «Аркаим» появился новый музейный объект — модель казахского кладбища в натуральную величину, демонстрирующая надмогильные сооружения степей Южного Урала в новое и новейшее время. Архитектурными прототипами стали образцы мемориальной архитектуры юга Челябинской области и Западного Казахстана. Со временем модель приобрела не только экспозиционное значение, но и стала объектом наблюдений за руинизацией конструкций. Спустя 10 лет после постройки можно сделать первые выводы об этих процессах.

Ключевые слова: археологическое моделирование, реконструкция, казахское кладбище, Аркаим, каменные ограды, саманная ограда, Челябинская область.

Исторический парк заповедника «Аркаим» представляет собой подлинные (перенесенные с места раскопок) или реконструированные объекты археологического наследия. Начало создания парка положено в 1993–1995 гг., когда в заповедник были перевезены объекты могильника Путиловская Заимка, Обручевская аллея менгиров и другие подлинные археологические памятники. В это же время по рисункам Ж.-А. Кастанье восстановлены курганы поздних кочевников [1, с. 99–100]. В первой половине 2000-х гг. появилась полномасштабная реконструкция кургана раннего железного века («Курган Темир»), реконструкция жилищ ботайской культуры («Жилища каменного века») и подлинные этнографические объекты — дом оренбургского казака и ветряная мельница. В 1995 г. была создана экспериментальная реконструкция, которая начала разрушаться сразу после строительства и сохранилась только в виде задержанных руин — макет жилища поселения Аркаим, выполненный в натуральную величину [2; 3].

В разные годы над созданием парка трудились археологи И. Э. Любчанский, А. Д. Таиров, А. М. Кисленко, Ю. С. Макуров и многие другие, работы по музеефикации этнографических объектов производились под руководством и при участии А. А. Рыбалко, О. В. Новиковой, Ю. М. Шишкина. Опыт работы по музеефикации памятников историко-культурного наследия в заповеднике «Аркаим» охарактеризован И. Э. Любчанским [5] и М. Р. Макуровой [6; 7].

Облик исторического парка был окончательно сформирован к 2004–2005 гг. С тех пор появился только один новый объект — казахское кладбище, о котором пойдет речь в настоящей публикации (рис. 1, 2).

Концепция модели была сформирована в русле общей концепции Музея Заповедника «Аркаим», музея сохраняющего, изучающего и популяризирующего культурное и природное наследие народов Южного Урала. Причина, по которой в заповеднике был создан этот объект, связана со стремлением хронологически завершить исторический парк. В части парка, связанной с погребальной обрядностью, были представлены объекты всех исторических эпох, но до строительства казахского кладбища не хватало памятника нового времени, характеризующего погребальный обряд поздних

Рис. 1. Модель казахского кладбища в историческом парке заповедника «Аркаим» на космоснимках Google

кочевников. Имеющихся к моменту строительства наработок было достаточно, чтобы разнообразить парк новым объектом.

Просветительская цель объекта — сформировать представление о погребальной обрядности и религиозных верованиях казахов Урало-Казахстанского региона в новое и новейшее время. Главными задачами было создание музейно-экскурсионного объекта «Казахское кладбище» в границах исторического парка и разработка экскурсионной программы. Идея комплекса заключалась в ландшафтной композиции, демонстрирующей надмогильные сооружения степей Южного Урала в указанное время.

Объект был задуман как собирательный образ, перед строителями не было задачи восстановить в точности какой-либо конкретный некрополь. По этой причине не совсем корректно употреблять в его отношении термин «реконструкция». Употребление этого термина допустимо для каждого отдельного надмогильного сооружения,

Рис. 2. Модель казахского кладбища в историческом парке заповедника «Аркаим». Вид с вершины реконструкции «Курган Темир»

но не для комплекса в целом. Гораздо уместнее будет наименование «модель в натуральную величину».

Важно, что в момент создания кладбища в заповеднике «Аркаим» функционировало «Стойбище степного кочевника» — комплекс, состоящий из нескольких юрт для проживания туристов, одной юрты экспозиционного назначения и различных построек (загон для скота, навесы, печь). Таким образом, знакомство с материальной и духовной культурой поздних кочевников осуществлялось с помощью двух объектов — жилого и погребально-культового назначения.

Особенностью создания модели было то, что все работы, начиная от подготовки проекта до строительства (за исключением эксплуатации спецтехники), были

осуществлены исключительно силами студентов исторического факультета ЧелГУ (некоторые из них ныне трудятся в заповеднике «Аркаим»). Работы были начаты в июне 2010 г., окончены в августе того же года.

Объект было решено разместить рядом с реконструкцией «Курган Темир», в отдалении от комплекса тюркских средневековых памятников. Такое расположение соответствует наблюдаемой в нашем регионе тенденции нахождения многих мусульманских кладбищ рядом с курганами, которые могут быть отнесены к раннему железному веку.

Работы прошли все этапы, характерные для археологической реконструкции или моделирования — теоретический этап, графическая реконструкция, физическая реконструкция. На первом этапе была сформирована общая концепция объекта, определены конструкции, которые сформировали модель, выбраны этнографические и археологические прототипы. На втором этапе был разработан архитектурный проект, создана графическая визуализация, произведены необходимые расчеты, определены материалы. На третьем этапе произведено физическое моделирование. Ниже приведен список возведенных сооружений кладбища и их прототипы:

1. Каменные кольцевые выкладки. Один из наиболее массовых типов сооружений на мусульманских кладбищах региона. Камни на таких выкладках уложены плотным кольцом, чаще — в форме овала, так, что центральная часть оставалась без камня. Выкладки имеют незначительную высоту — как правило, 0,2–0,4 м, размер по длинной оси от 1,5 до 3 м, реже — до 5 м [10, с. 105]. Смоделированные выкладки воссозданы по материалам исследований мусульманского кладбища Мандесарка 1, расположенного в Карталинском районе Челябинской области (выкладки № 25–29) [9, с. 13–14]. Они имеют овальную форму, усредненный размер 1,5–2,5 м и расположены цепочкой общей длиной около 10 м, ориентированной по линии ССВ—ЮЮЗ. Выкладки очень похожи на каменные набросы (которые по сути — небольшие каменные панцири формой и размерами); часто отличаются лишь тем, что в центральной части отсутствуют камни, благодаря чему и создается форма кольца. Вероятно, что отсутствие камня в центре некоторых выкладок связано с разрушением внутримогильных конструкций и проседанием камней над ними. Расположение однотипных сооружений в ряд — одна из характерных для мусульманских кладбищ планиграфических ситуаций. Это связано с родовой или семейной структурой памятника, то есть в цепочке, скорее всего, похоронены близкие родственники.

2. Комплекс из нескольких овальных каменных кольцевых выкладок, соединенных между собой. Как показали этнографические исследования, такие сооружения широко распространены на казахских кладбищах юга Челябинской области [10, с. 105]. Камни на таких выкладках также уложены кольцом, но ширина линии выкладки камней при этом значительно уже, чем в одиночных выкладках, а сами размеры выкладок обычно больше — до 4–6 м и более по длинной стороне. Такие выкладки стыкуются друг с другом, образуя замысловатый комплекс из нескольких сооружений (иногда до 10 и более конструкций). При этом отдельные кольца имеют общие участки выкладки [10, с. 105]. Именно такой вариант сложной композиции из нескольких кольцевых выкладок был воссоздан во время строительства кладбища. Автору модели на момент строительства не были известны графические планы таких оградок с кладбищ нового или новейшего времени юга области, поэтому прототипом послужил комплекс из мусульманского могильника Перевозный-9, датированного поздним средневековьем. Общая площадь, занятая выкладками, составила около 200 м².

3. Прямоугольная каменная оградка с вертикально вкопанными камнями и новоделом стелы с тамгой. Подобные ограды, как показали исследования автора последних лет, практически не встречаются в Южном Зауралье. С. Е. Ажигали отмечает их встречаемость на юге Западного Казахстана [1, с. 356]. Конкретного прототипа у данного сооружения нет, он построен по фотографиям подобных оград на некрополях Мерет (п-ов Мангышлак, Западный Казахстан), Карасакал (среднее течение р. Эмба, Западный

Казахстан) и других. Размер ограды составил около 2,5×1,5 м. Новодел надгробия изготовлен по образцу одной из стел на некрополе Даумшар (среднее течение р. Эмба, Западный Казахстан), для этого был подобран камень подходящей формы. Тамга на стеле принадлежит роду шомышты-табын. Материалы по прототипам опубликованы в монографии С. Е. Ажигали «Архитектура кочевников: феномен истории и культуры Евразии» [1, с. 321, 356]. Необходимо отметить, что данное издание было «настойной книгой» строителей модели кладбища.

4. Прямоугольная каменная ограда с кладкой «в елочку» (рис. 3). При строительстве ограды применена комбинированная техника кладки: две длинных стороны выложены тонкой плиткой горизонтальными рядами, две коротких выложены «в елочку» (плитки кладутся под наклоном, образуя вертикальный зигзаг). Размер ограды составил около 3×2 м, она построена по фотографиям и прорисовкам подобных сооружений на некрополе Абильда-Казырет (р. Сагыз, Западный Казахстан), опубликованным С. Е. Ажигали [1, с. 152, 282, 286]. Ни на момент строительства, ни сейчас подобного способа кладки на «местных» кладбищах автором не встречено.

Рис. 3. Модель казахского кладбища в историческом парке заповедника «Аркаим». Каменная ограда с кладкой «в елочку». 2010 г.

5. Прямоугольная каменная ограда. Наиболее массивное из каменных сооружений, представленных в комплексе. Его размеры составляют около 4×6 м при высоте чуть более 1 м. Как показали разведочные исследования 2013–2019 гг., подобного рода ограды очень часто встречаются на мусульманских кладбищах юга Челябинской области [10, с. 106]. На момент строительства прототипами послужили памятники, которые уже были объектами исследования автора — это объект № 7 кладбища Мандесарка 1 [9, с. 7, 38] а также ограды, расположенные поблизости от устья р. Худолаз в Кизильском районе Челябинской области [4, с. 82–83]. Аналогичные или похожие четырехугольные ограды широко известны и в соседнем Западном Казахстане. С. Е. Ажигали относит их к монументальным (нерядовым) формам памятников — оградкам типа «торткулак» (törtkil — четырехугольный, тюрк.) [1, с. 152, 280–281]. Рядом с оградой установлено одно из надгробий из коллекции заповедника «Аркаим», привезенное с окраины пашни в Кваркенском районе Оренбургской области А. Д. Таировым (по всей видимости, кладбище, откуда происходит надгробие, было распахано). Стела переведена С. Закировым, датирована 1874 г., в нижней части — тамга в виде буквы «Т» (род жагалбайлы).

6. Сдвоенные каменные ограды. Представляют собой вариацию прямоугольных оград, имеющих общую стену. Общий их размер составляет около 6×5 м. Подобные ограды встречаются и в Челябинской области, и в Западном Казахстане. Наблюдения за эпиграфикой более поздних соединенных оград позволяют сделать вывод, что в них погребали родственники.

7. Саманная ограда (рис. 4). На территории Челябинской области подобных объектов пока не выявлено. Однако саманные, или сырцовые ограды широко распространены в Западном Казахстане (также относятся к оградкам «тортукак») [1, с. 290]. Ограда возведена по мотивам сырцовых «тортулаков» с порталом и возвышенными углами

Рис. 4. Модель казахского кладбища в историческом парке заповедника «Аркаим». Саманная ограда

(некрополь Алтын, бейит Тагай, торткулак Меирмана и др.) [1, с. 291]. Созданное сооружение отличается значительной высотой по сравнению с каменными оградами. Толщина стен соответствует длине кирпича — около 45 см. На фасаде был сделан портал. Первоначальная высота ограды была около 1,7 м, по углам и над порталом сделаны возвышения в три кирпича, таким образом, максимальная высота составляла около 2,2 м. Важно, что в Челябинской области широчайшим образом представлены архитектурные «преемники» саманных оград — аналогичные сооружения, но выполненные из заводского кирпича или иных современных строительных материалов. Такие надмогильные сооружения строятся повсеместно до сих пор.

В завершение описания объектов макета необходимо повторить, что три из перечисленных типов не зафиксированы на территории Челябинской области (ограда с вертикальными камнями, ограда с кладкой «в елочку», саманная ограда). Решение об их строительстве связано со стремлением разнообразить архитектурный облик объекта и показать погребальную архитектуру соседнего Западного Казахстана.

Несколько замечаний важно сделать о материалах и техниках, используемых в строительстве. Для кольцевых выкладок, ограды из вертикально установленных камней и ограды с кладкой «елочка» использовался серый плитняк (базальт) из водосбросного канала недостроенного Большекараганского гидроузла. Плитняк добывался самостоятельно из стенок канала. Порода расщеплялась на достаточно тонкие, толщиной несколько сантиметров, плитки с острыми краями. Края, как правило, обламывались дополнительно, чтобы придать камню нужную форму и уменьшить ломкость краев.

Для больших оград, где была необходима основательная, прочная и ровная кладка (самая большая ограда и сдвоенные ограды), применялся камень, приобретенный в соседнем пос. Амурское. Этот камень ранее использовался для ограждения придомовых территорий и в момент, когда был приобретен, представлял собой груды, оставшиеся от старых заборов. Среди пород камня из Амурского преобладали граниты и базальты, размеры и толщина камней были в несколько раз больше, чем на материале из канала. Сложность создания кладок из этого камня заключалась в том, что из-за неровности и разных размеров материала было необходимо внимательно определять, в какую часть кладки следует положить тот или иной камень. Один из камней, привезенных оттуда, использовался для создания надмогильной стелы с тамгой.

Для сооружения саманной ограды у жителей соседних с Аркаимом пос. Амурское и Черкасы был приобретен саманный кирпич. Меньшая часть кирпича на момент приобретения представляла собой небольшую полуразрушенную придомовую постройку, используемую ранее для содержания птицы. Другая, большая часть, представляла собой остатки саманного дома в виде остовов стен. По словам местных жителей, обе постройки были сооружены примерно в 1950-е гг.

Размер кирпича составлял около 45×20×13 см. Основной компонент теста — суглинок или глина, перемешанная с песком. В тесте много крупных фракций — дрсва, рубленая солома, возможно — навоз, незначительное количество битого стекла.

При строительстве использовался раствор, изготавливаемый по большей части из обломков кирпича, повредившегося при транспортировке и погрузке-разгрузке. Для этой же цели с места разбора дома был привезен некондиционный кирпич. При необходимости, для улучшения вязкости раствора, добавлялся суглинок из старого карьера между историческим парком и пос. Александровский.

Саманная ограда — единственное сооружение макета, где было сделано подобие фундамента. Для этого по линии кладки был снят дерн на глубину около 25 см. Далее в полученное углубление была засыпана супесь в количестве достаточном, чтобы верхний ряд кирпича на половину толщины оказался ниже уровня дневной поверхности. Прочие сооружения (за исключением ограды с вкопанными вертикально камнями) делались без какой-либо подготовки поверхности. Судя по наблюдениям, это не повлияло на прочность и устойчивость конструкций.

После окончания строительства были подготовлены материалы к экскурсии (текст, методические указания, сопроводительные материалы, список рекомендуемой литературы). После доработки они легли в основу научно-популярной статьи в сборнике «Аркаим между прошлым и будущим», предназначенном в первую очередь для реализации посетителям заповедника «Аркаим» [8].

В 2014 г. был произведен ремонт саманной ограды. Причины ремонта были связаны с появлением крупных вертикальных трещин около входа в ограду и по ее углам, а также с проседанием кирпича над входом. Образование трещин происходило строго по швам кирпича, то есть качество материала не было причиной разрушения. Растрескивание произошло из-за строительной ошибки в укладке кирпича, из-за которой стороны ограды оказались недостаточно связаны между собой и начали попросту расползаться в разные стороны на 3–4-й год после окончания строительства. Вероятно, что если бы не был осуществлен ремонт, ограда разрушилась бы к 2015–2016 г. Вторая ошибка оказалась связана с тем, что на момент стройки было принято решение не делать какого-либо укрепления над входом внутрь ограды. Тогда казалось, что небольшая ширина входа и большой размер кирпича позволят удержать кирпич на весу и для строительства перемычки не потребуются увеличения несущей способности кладки посредством армирования. В результате на следующий год после сооружения ограды было замечено проседание перемычки и образование трещин у входа, которые с каждым годом увеличивались. В ходе работ 2014 г. ограда была полностью переложена, над входом произведено простейшее армирование с помощью толстой деревянной доски (отмечу, что на поздних кирпичных оградах, которые есть во множестве на современных кладбищах, эта проблема решается посредством армирования стельным уголком). По сравнению с изначальной постройкой перестроенная ограда оказалась на 20–30 см ниже, так как в ходе разбора первоначальной конструкции часть кирпича повредилась и его попросту не хватило на верхний слой.

Одна из долговременных научных задач, поставленных при строительстве этого объекта, — это наблюдения за руинизацией сооружений. Изначально было принято решение, что какие бы разрушения ни происходили на кладбище, серьезные ремонтные работы производиться не будут (исключение — ремонт саманной ограды из-за строительной ошибки). Теперь, спустя 10 лет после появления объекта, можно осуществить первичную оценку археологизации сооружений и сделать следующие выводы (рис. 5):

1. Каменные набросы и кольцевые выкладки задерживались настолько, что их едва ли можно отличить от выкладок, например, столетней давности, которых автор наблюдал во множестве. По всей видимости, интенсивное дернообразование вокруг камней происходит в первые годы после укладки, далее этот процесс происходит медленнее. Таким образом, датировка подлинных сооружений по внешнему виду весьма затруднительна.

2. Состояние каменных оград хорошее. Незначительные разрушения произошли в основном по углам конструкций, связаны они, видимо, с тем, что некоторые посетители забираются на ограды. Могильные холмики внутри оград полностью заросли степной растительностью. Супесчаный раствор, используемый при строительстве самой большой ограды, в кладке почти не виден, он сохранился лишь в глубине кладки, где вышележащие камни препятствуют смыву. Кладка «елочка» на самой маленькой ограде из плитняка разрушилась примерно наполовину. Причины ее повреждений могут быть разные, учитывая легкость тонких каменных плиток (1–2 кг), из которых сложена «елочка».

3. Состояние саманной ограды хорошее. После ее реконструкции значительных трещин не наблюдается. Размытие кирпича, наблюдаемое в первые 2–3 года после постройки, значительно замедлилось. Вероятно, это связано с двумя причинами. Во-первых, за это время произошел смыв поврежденного во время работ поверхностного слоя кирпича, внутренняя часть кирпича в целостности. Во-вторых, смыв внешнего слоя

Рис. 5. Модель казахского кладбища в историческом парке заповедника «Аркаим». Каменная и саманная ограда. 2020 г.

привел к обнажению на поверхности кирпича крупных фракций раствора, из которого он был сделан (дресва, плотная солома). Эти фракции более устойчивы к физическому воздействию осадков (например, к крупным каплям дождя), чем основной компонент раствора — супесь.

В настоящее время процесс руинизации продолжается, за состоянием объекта ведутся ежегодные наблюдения, осуществляется фотофиксация. В будущем целесообразно расширить макет, добавив в него новые сооружения, в первую очередь — новоделы стел.

Список литературы

1. Ажигали С. Е. Архитектура кочевников — феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало — Каспийского региона). — Алматы : Ғылым, 2002. — 654 с.
2. Гутков А. И., Русанов И. А. Жилище поселения Аркаим (археологические источники и опыт реконструкции) // Культура древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала : материалы 3-й Междунар. науч. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». — Ч. V, кн. 2. — Челябинск, 1995. — С. 122–126.
3. Гутков А. И., Русанов И. А. Отчет по договору «Исторический парк», объект: макет жилища поселения Аркаим в натуральную величину. Отчет. — Челябинск, 1995. — 17 с., илл.
4. Зданович Г. Б., Батанина И. М., Левит Н. В., Батанин С. А. Археологический атлас Челябинской области // Вып. 1. Степь-лесостепь. Кизильский район : тр. музея-заповедника «Аркаим». — Челябинск : ЮУКИ, 2003. — 240 с. : илл.
5. Любчанский И. Э. Опыт работы по музеефикации памятников историко-культурного наследия Южного Урала в Челябинском университете // Южный Урал в межнациональном пространстве культур: традиции и современность : материалы науч.-практ. конф. Аркаим, 5–6 июля 2014 г. — Челябинск : Абрис, 2014. — С. 96–102.
6. Макурова М. Р. Музеефикация памятников археологии в Заповеднике «Аркаим» [Электронный ресурс] // V (XXI) Всероссийский археологический съезд : сб. науч. тр. / отв. ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. — Барнаул : Алтайс. гос. ун-т, 2017. — С. 659–660.

7. Макурова М. Р. Музеефикация памятников археологии в Челябинской области // Историко-культурное наследие как потенциал развития туристско-рекреационной деятельности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. 16–17 апреля 2015 г. — Казань : Изд-во Казан. гос. ин-та культуры, 2015. — С. 98–112.
8. Макуров Ю. С. Погребальные комплексы казахов Урало-Казахстанского региона как элемент «народного ислама» в степях Евразии // Аркаим: между прошлым и будущим : сб. науч.-популяр. ст. — Челябинск, 2011. — С. 138–152.
9. Макуров Ю. С. Разведочные работы в верховьях р. Мандесарка на территории Карталинского района Челябинской области в 2008 году : отчет. — Челябинск, 2009. — 81 с.
10. Макуров Ю. С. Мусульманские кладбища степной зоны Челябинской области (предварительные итоги полевых исследований 2013–2016 гг.) // Археология Среднего Приобья и сопредельных территорий: материалы круглого стола, посвященного 50-летию Курганской археологической экспедиции (8 декабря 2016 г.). — Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2016. — С. 103–109.

Сведения об авторе

Ю. С. Макуров, начальник отдела заповедного режима, Челябинский государственный историко-культурный заповедник «Аркаим». Челябинск, Россия. ymakurov@yandex.ru

MODEL OF THE KAZAKH CEMETERY IN THE HISTORICAL PARK OF THE ARKAIM RESERVE: EXPERIENCE OF CONSTRUCTION AND OBSERVATION OF RUINIZATION

Y.S. Makurov, head of the Reserve Regime Department, Chelyabinsk State Historical and Cultural Reserve «Arkaim». Chelyabinsk, Russia. ymakurov@yandex.ru

In 2010 a new museum object appeared in the Arkaim Reserve — a life-size model of the Kazakh cemetery. It demonstrates the tombstone structures of the steppes in South Ural in modern and contemporary times. Architectural prototypes were samples of memorial architecture in the south of the Chelyabinsk region and West Kazakhstan. In course of time the model acquired not only an expository value, but also became an object of observation for the ruinization of structures. 10 years after the construction we can draw the first conclusions about these processes.

Key words: *archaeological modeling, reconstruction, Kazakh cemetery, Arkaim, stone fences, adobe fence, Chelyabinsk region.*

И. А. Семьян, С. Бакас

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЕРСИЙ РЕКОНСТРУКЦИИ СОСТАВНОГО ЛУКА СИНТАШТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Приводится обзор международного экспериментального исследования по воссозданию составного лука синташтинской культуры. Проект осуществляется коллективом исследователей из России и Греции в рамках грантовой программы всемирной ассоциации экспериментальной археологии EXARC — «Twinning program». Авторами проекта был изучен глобальный контекст конструктивных особенностей луков неолита и эпохи бронзы. С помощью привлечённых экспертов были проанализированы особенности находок деталей составного лука и оценён уровень специализации древнего производства. Используя аутентичные технологии и материалы, авторы статьи создали четыре варианта реконструкции лука синташтинской культуры и смогли достичь оптимального конструктивного решения.

Ключевые слова: синташтинская культура, археологический эксперимент, составной лук, военное дело, эпоха бронзы.

На сегодняшний день очевидно, что стремительное развитие специализированного вооружения, появление колесничного комплекса и уникальной традиции укрепленных поселений на Южном Урале связаны именно с синташтинским временем. Но, несмотря на существующий прогресс в исследованиях, остается неясной степень влияния военной сферы на структуру общества и организацию жизни населения.

Процесс создания модели военной сферы жизни носителей синташтинской культуры не завершен. У исследователей вопроса существуют разногласия в интерпретации ключевых моментов. Основные точки зрения зачастую не имеют соответствия и в терминологическом аппарате. Разногласия сильны в вопросах типологии предметов, технологии производства оружия, а также в реконструкции сферы применения образцов вооружения.

Изучение военного дела является узловым моментом для понимания общественного устройства древнего синташтинского населения. Изготовление вооружения и военного снаряжения в силу экономических закономерностей является сферой наибольшей концентрации прогрессивных технологий и специализированного производства. Таким образом, выводы о степени организации производственных процессов потенциально предоставляют исследователям опорные данные для моделирования социальной сложности всего общества.

Большое количество находок наконечников стрел и их преформ в поселенческих и погребальных материалах свидетельствует о ключевом значении лука в вооружении синташтинской культуры. Данный тезис подтверждается находками роговых деталей сложных луков, найденных в трех синташтинских погребальных комплексах: Каменный Амбар-5, Степное, Солнце II [1]. В январе 2019 г. руководителем лаборатории экспериментальной археологии Научно-образовательного центра евразийских исследований ЮУрГУ Иваном Семьяном и его коллегой из Греции, директором ассоциации исторических исследований «Koryvantes» Спиросом Бакасом был выигран исследовательский грант Всемирной организации экспериментальной археологии EXARC — Twinning Program, в рамках которого была разработана полностью аутентичная реконструкция составного лука синташтинского типа. Для работы над проектом был подключен

широкий круг консультантов — археологов-экспериментаторов из EXARC, занимающихся проблематикой древних луков [4].

В качестве объекта для реконструкции был выбран комплекс роговых деталей из кургана 4, ямы 13 могильника Степное, так как он видится наиболее конструктивно интересным и цельным. Находки были расположены в одной из самых крупных ям многомогильного кургана. На перекрытии погребальной камеры залегали многочисленные останки жертвенных животных, включая целый скелет собаки. В древности яма была ограблена. В погребении параллельно друг другу находилось два потревоженных костяка мужского и женского пола возрастом около 9 лет. Несмотря на разграбление, в яме сохранился богатый погребальный инвентарь: четыре орнаментированных сосуда, щитковый псалий с шипами, предмет из дерева с металлическими скрепками, каменные орудия, 13 наконечников стрел из камня, кости и рога, астрагалы животных, серебряная пронизь. Роговые детали лука располагались в различных частях ямы, что может быть как следствием разграбления, так и особенностью погребального ритуала. Примеры ритуальной порчи оружия в синташтинской погребальной практике хорошо известны [3].

Роговая деталь S-образной формы лежала в ногах мужского костяка. Предполагаемая «полочка для стрел» лука находилась у восточной торцевой стенки ямы. Расстояние между находками составляло 1,3 м [1]. S-образная деталь имеет размеры 70×35×25–27 мм (рис. 1, А). Планка основания имеет уступ, окончание крюка плоско срезано, паз с обратной стороны имеет прямоугольное сечение. Роговая «полочка» (40×19×16) (рис. 1, С) имеет прямоугольное в плане основание, составляющие единое целое с тремя поперечно выступающими «ребрами», образующими два «ложа» для стрелы. Основание имеет продольную желобчатую форму. Из этого же погребения происходит два окончания кибити лука из отростков рога лося (рис. 1, В). Они залегали в западной половине погребения, параллельно и вплотную друг к другу, острыми концами к стенке ямы. Важно, что рядом с этими предметами находилось десять наконечников стрел (семь — из кости и рога и 3 — из камня). Наконечники залегали на полу ямы бессистемно, что, вероятно, связано с разграблением. Параметры и размеры окончаний заметно отличаются. Длина составляет 118 и 69 мм при почти одинаковом внешнем диаметре в 19–20 мм. Внутри оба изделия имеют глухую коническую втулку, которая в коротком навершии занимает почти всё внутреннее пространство на глубине 55 мм, а в длинном образце не превышает и половины — 69 мм. Минимальная толщина стенок у основания не более 1 мм. Оба артефакта имеют сквозное отверстие диаметром 6 мм ближе к окончанию

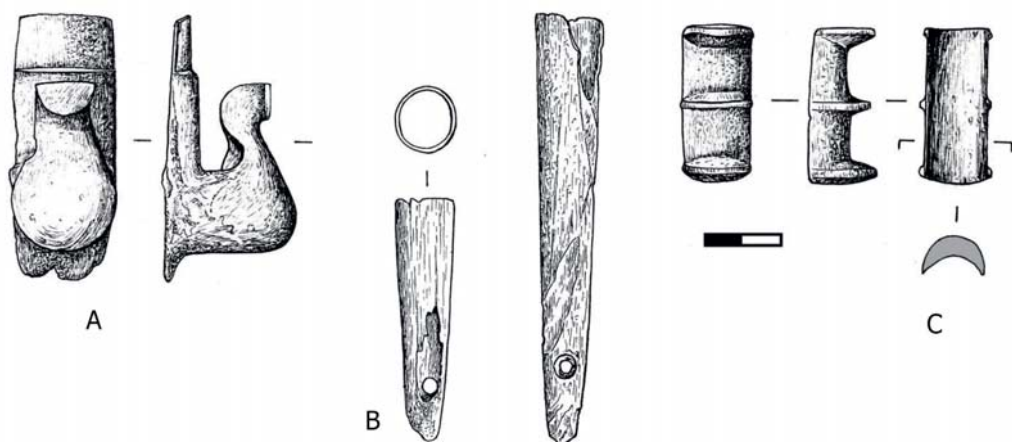

Рис. 1. Роговые детали луков из кургана 4, ямы 13 могильника Степное

нию. У длинного экземпляра есть боковая выемка, которая, вероятно, была утрачена у короткого навершия ещё в древности [1].

На основании материалов находок нашей рабочей группой были изготовлены реплики роговых деталей лука (рис. 2). Принципиальные этапы алгоритма производства были выполнены аутентичным способом — с помощью реплик бронзовых инструментов: топора, пилы, лучкового сверла, ножа. Также по древней технологии были изготовлены наконечники стрел из кремня, бронзы и кости.

Рис. 2. Серия роговых реплик детали А

Для сборки лука в проект был приглашен опытный эксперт по реконструкции луков древности — греческий мастер Иоаннис Бокогианнис. Отсутствие длинных костяных деталей не даёт повода говорить о наличии сложной конструкции композитного лука, как в байкальских находках эпохи неолита. Исходя из расчётов о возможной максимальной массе стрелы с металлическим наконечником в 180 г, следует заключить, что реконструируемый лук мог быть только длинным [7]. Для изготовления тела лука мы использовали упругое и хорошо противостоящее сжатию, эндемичное для Южного Урала дерево — вяз [6]. Составной лук позволял обеспечить большую силу натяжения и метать даже самые массивные типы синташтинских наконечников.

Версия конструкции лука I (рис. 3, I) была построена в конце мая 2020 г. по схеме, описанной А. В. Епимаховым и А. Г. Берсеневым [1]. Реконструированный лук был изготовлен из древесины вяза, высушенного в течение 10 месяцев. Деталь А была помещена с внешней стороны (спине) верхнего окончания лука на специально уплощенную поверхность рукояти. Деталь В была установлена на нижнем окончании лука, обеспечивая постоянное крепление тетивы. Как ранее отмечали авторы реконструкции [1, с. 184], парность находок и их расположение рядом косвенно свидетельствует об этой версии конструкции. Деталь С была установлена в центральной части лука, над рукоятью, и в результате получилась своеобразная «полочка для стрел». Конечным результатом стал лук длиной 182 см и натяжением 72 фунта (32,66 кг). Испытатель совершил из лука более 100 выстрелов, стреляя аутентичными стрелами при длине натяжения тетивы в 66 см. Испытания показали, что масса детали А вызывала значительный дисбаланс. Вскоре после начала испытания сильные вибрации сломали лук над основанием верхнего плеча (рис. 4).

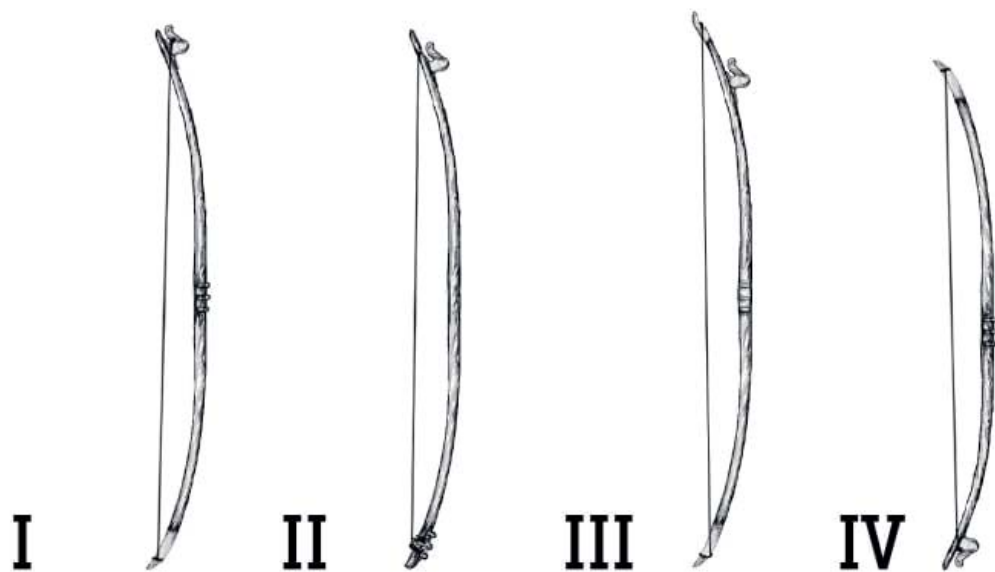

Рис. 3. Версии реконструкции луков. Автор рисунка: Антон Суворов

Лук версии II (рис. 3, II) по реконструкции Д. Г. Здановича [1, с. 185] был изготовлен в первой половине июня 2020 г. Реконструированный лук был выполнен из древесины вяза, которую предварительно сушили десять месяцев. Д. Г. Зданович в своей версии сохраняет деталь А на верхнем окончании лука, но на его внутренней стороне (животе лука). Его предположение состоит в том, что деталь С могла быть использована в качестве ложа для тетивы на нижнем окончании лука. Кроме того, он предполагает, что деталь С служила для постоянного закрепления одного конца тетивы, а деталь А являлась ложем тетивы боевого положения [1, с. 185]. Роговые детали были прикреплены к древку с помощью клея из костей животных и коровьих сухожилий. Конечным результатом стал лук длиной 180 см и натяжением 65 фунтов (29,48 кг). Команда внесла поправку в версию и поместила деталь А на внешней стороне лука (спине). Испытания показали, что в противном случае лук не работал бы безопасно: существовала критическая опасность того, что тетива

Рис. 4. Испытания конструкции лука версии I. Испытатель И. Бокогианнис. Фото С. Бакаса

при большом натяжении сорвётся с ложа. Лук показал себя удовлетворительно во время экспериментальных выстрелов, поскольку размещение детали С на нижнем окончании обеспечило большую эластичность и эффективность изгиба нижнего плеча лука. В натянутом состоянии лук имел асимметричный изгиб из-за массивной детали А. Во время выстрелов на этот раз уровень вибрации был ниже, но все же они по-прежнему разрушали конструкцию (рис. 5).

Версия III (рис. 3, III) была построена в июне 2020 г. и вдохновлена работой Х. Паулсена [5, р. 99]. Данная версия предусматривала размещение детали А в качестве ложа транспортировочного положения тетивы на внешней стороне (спине) верхнего плеча лука. При этом на верхнем окончании лука находилось обыкновенное деревянное боевое ложе. Деталь В разместили на нижнем окончании лука, обеспечивая крепление тетивы, в то время как деталь С в центральной части лука, над рукояткой, выполняла роль вышеописанной «полочки для стрел». В итоге получился лук длиной 182 см и натяжением 70 фунтов (31,75 кг). Экспериментальные выстрелы вскоре продемонстрировали очевидные недостатки конструкции, поскольку деталь А действовала как «шина» для верхнего плеча лука и мешала правильному изгибанию. Нет сомнений, что большая серия выстрелов привела бы к поломке, так как при данной компоновке детали работали против механики лука (рис. 6).

На основе полученных данных команда проекта разработала версию IV (рис. 3, IV). Лук был сконструирован и испытан в августе 2020 г. В связи с тем, что масса детали А существенно превосходила деталь В и создавала дисбаланс механики лука, детали поменяли местами, а для создания баланса верхнее плечо было удлинено. Конечным результатом стал лук длиной 187 см и натяжением 64 фунта (29,03 кг) (рис. 7).

Результаты экспериментальных стрельб показали высокие качества лука. В натянутом состоянии асимметричный лук образовывал плавную пропорциональную дугу. Во время экспериментальных выстрелов лук показал высокую механическую

5. Испытания конструкции лука версии II. Испытатель С. Бакас. Фото Е. Антониаду

Рис. 6. Испытания конструкции лука версии III. Испытатель С. Бакас. Фото Е. Антониаду

Рис. 7. Испытания конструкции лука версии IV.
Испытатель С. Бакас. Фото Е. Антониаду

Лук имел ключевое значение в жизни синташтинского общества. Высокий практический и семиотический статус лука мог способствовать созданию особенной, специализированной формы оружия. С высокой вероятностью деревянные и роговые детали лука изготавливались различными мастерами. Натурные испытания и компьютерное моделирование продемонстрировали, что с учётом большой массы крупных типов синташтинских наконечников стрел, для эффективной стрельбы натяжение лука должно было превышать 28 кг. Исходя из археологического контекста данный лук мог быть только составным, но не композитным, а единственным возможным местным сырьём для изготовления цельнодеревянного лука подобного типа мог являться вяз. Описывая уровень специализации производственного процесса, следует отметить, что даже этап подготовки деревянного сырья требовал специальной технологии заготовки и длительной просушки древесины. Изготовление комплекта из трех роговых деталей согласно нескольким поставленным опытам могло занимать у мастера больше недели. Таким образом, реконструкция технологии позволила надёжно установить, что процесс изготовления составного лука подобного типа требовал существования производственной специализации в догосударственном обществе и был сопряжён с большими

мощность при стабильной функциональной повторяемости (более 300 выстрелов), а также полное отсутствие деструктивных вибраций.

Наиболее экзотическим элементов лука явилась гипотетическая «полочка для стрел» — деталь С. Команда экспертов из World Archery провела испытания данного элемента и полагает, что, когда стрела помещалась в нижнюю планку, это могло быть связано с выстрелом с близкого расстояния (<20 м). Помещение стрелы на верхней планке могло быть связано с целями, которые находились на большом расстоянии и требовали подъёма стрелы. Экспериментальные стрельбы с использованием всех уровней продемонстрировали потенциальную функциональность детали (рис. 8).

Рис. 8. Испытания детали С
в конструкции лука версии IV.
Испытатель С. Бакас. Фото Е. Антониаду

трудовыми затратами. Подобные эксперименты способны внести важную лепту в теорию формирования социальной сложности, очерчивая пределы возможного и описывая причины возникновения ранних комплексных обществ [4].

Список литературы

1. Берсенева, А.Г., Епимахов А. В., Зданович Д. Г. Луки синташтинской культуры: материалы и варианты реконструкции // Аркаим — Синташта: древнее наследие Южного Урала : сб. науч. тр. к 70-летию Г. Б. Здановича. — Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 2010. — Ч. 1. — С. 82–95.
2. Епимахов, А. В. Некоторые вопросы реконструкции параметров синташтинского дистанционного вооружения (методический аспект) // Челябинский гуманитарий. — 2011. — № 3 (16). — С. 106–115.
3. Шевнина И. В., Логвин А. В. Могильник эпохи бронзы Халвай III в Северном Казахстане // Материалы и следования по археологии Казахстана. Т. VII. — Астана : Издат. группа фил. Ин-та археологии им. А. Х. Маргулана, 2015. — 248 с.
4. Earle T. How Chiefs come to Power: The Political Economy in Prehistory // Stanford University Press. — Stanford, 1997. — 250 p.
5. Paulsen H. Pfeil und Bogen in Haithabu. Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. — Bericht 33. — Neumünster : Wachholtz, 1999. — Pp. 93–143.
6. Semyan I., Bakas S. Archaeological experiment on reconstruction of the “compound” bow of the Sintashta Bronze Age culture from the Stepnoe cemetery // EXARC Journal 2021 Issue 2. — Leiden, 2021. — Pp. 51–68.
7. Stobbe A., Gumnior M., Rühl L., Heike S. Bronze Age human-landscape interactions in the southern Transural steppe, Russia — Evidence from high-resolution palaeobotanical studies // The Holocen. — 2016. — Vol. 26, iss. 10. — Pp. 1692–1710.

Сведения об авторах

И. А. Семьян, руководитель лаборатории экспериментальной археологии Научно-образовательного центра евразийских исследований, Южно-Уральский государственный университет. Челябинск, Россия. ivansemyan@mail.ru

С. Бакас, научный сотрудник, Варшавский университет. Флорина, Греция. spyrosbakas@gmail.com

EXPERIMENTAL STUDY OF VERSIONS OF RECONSTRUCTION OF THE COMPOUND BOW OF SINTASHTA CULTURE

I. A. Semyan, South Ural State University, head of the laboratory of experimental archaeology in the Center of Eurasian Studies. Chelyabinsk, Russia. ivansemyan@mail.ru

S. Bakas, researcher, Warsaw University. Florina, Greece. spyrosbakas@gmail.com

This article reviews an international experimental study to recreate the compound bow of Sintashta culture. The project is carried out by a team of researchers from Russia and Greece within the framework of the grant program of the world association of experimental archaeology EXARC — “Twinning Program”. The authors of the project studied the global context of the constructive functions of the bows of the Neolithic and Bronze Age. With the help of the involved experts, the features of the finds of the parts of the compound bow were analyzed and the level of specialization of the ancient production was assessed. Using authentic technologies and materials, the articles created four options for reconstructing the Sintashta culture bow and achieving an optimal engineering solution.

Key words: *Sintashta culture, archaeological experiment, compound bow, warfare, Bronze Age.*

ФЕСТИВАЛЬ ЗАПОВЕДНИКА «АРКАИМ»: ОПЫТ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Проектная деятельность является актуальной и инновационной формой в изучении современных исторических, этнических и социокультурных процессов. Основу статьи представляют материалы, полученные автором при организации, подготовке и проведении тринадцати фольклорно-этнографических фестивалей, прошедших на территории туристического лагеря музея-заповедника «Аркаим» с 1997 по 2018 г. Темы первых фестивалей были посвящены дому, семье, детству, традиционной свадьбе, ремеслам и рукоделию народов Урала. Праздник Ивана Купалы дал название пятому и последующим фестивалям. За девять лет данный этнокультурный проект превратился в региональный с международным участием фестиваль. География гостей и участников постоянно расширяется. Фольклорные коллективы, отдельные солисты, мастера традиционных ремесел приезжают на фестиваль из Поволжья, Оренбуржья, Башкортостана, областей Большого Урала и Западной Сибири, а также ближнего зарубежья — из Казахстана и Беларуси. Конкурсная программа также расширяется. Появляются новые номинации, конкурсы, игровые площадки, мастер-классы. Постоянно обновляются выставки. В рамках последних фестивалей были организованы и проведены две научно-практические конференции, по итогам изданы сборники статей. На высоком научно-просветительском и организационном уровне ведется поиск новых форм проведения мероприятия. Сегодня фестиваль, являясь формой событийного туризма, дает возможность через проектное управление развивать и популяризировать историческое знание, а успех и востребованность фестиваля «На Ивана, на Купала...» привели к появлению в заповеднике «Аркаим» фестиваля исторической реконструкции «Пламя Аркаима» и гастрономического фестиваля «Августовские Спасы», впоследствии получившего название «Крынка».

Ключевые слова: фольклорно-этнографический фестиваль, этнокультурный проект, заповедник «Аркаим», культура межэтнического общения, государственная национальная политика, национальные и религиозные традиции, социальная функция культуры.

В современном мире этнический и религиозный факторы для любого государства являются факторами национальной безопасности, а традиционные формы духовности и национальной культуры — основанием для идентичности. Игнорирование процессов в сфере межнациональных, этноконфессиональных отношений оборачивается стратегической недооценкой мировой тенденции усиления роли религиозной и этнической традиций.

Действительно, в настоящее время все сильнее проявляются националистические тенденции, объясняющиеся стремлением этносов возродить, сохранить и развивать свои культурные традиции и язык, утвердить современную культуру на личном и групповом уровнях посредством национальных форм и символов. Но эти идеи, по своей сути прогрессивные и продуктивные, подчас вос-

Вечерний костер

принимаются крайне односторонне, вне контекста единого образовательно-воспитательного и культурного пространства, вне принципа диалога этносов и культур.

Диалог, культура межэтнического общения в полиэтнической культурной среде возможны лишь тогда, когда каждый из ее субъектов, осознавая свою самоценность и самодостаточность, видит, понимает и принимает ценности другого в общении. Если же этого не происходит, то возникают явления либо этноцентризма и культурного национализма, либо культурного тоталитаризма, когда государство, отстаивая свои интересы, противится развитию национальных культур. И то и другое одинаково отрицательно влияет как на развитие традиционных культур, так и на культуру межэтнического общения.

При этом комплексно решить проблему этнокультурного и духовного развития народов и регионов России одновременно с противодействием этнополитическому и религиозно-политическому экстремизму только за счет использования ис-

ключительно рыночных механизмов не представляется возможным в силу того, что эта проблема является составляющей частью проблемы национальной безопасности и предполагает формирование общероссийской идентичности.

Этнокультурное многообразие России может являться как фактором устойчивого развития, так и, при определенных условиях, вызовом государству и обществу, размывающим общегражданскую солидарность и общероссийскую идентичность. За годы отсутствия системной и эффективной государственной национальной политики обострились прежние и возникли новые региональные проблемы в сфере межнациональных и этноконфессиональных отношений.

Особенностью же этнокультурной сферы является то, что в ней оказывается влияние на глубинные многовековые национальные и религиозные традиции и основные результаты деятельности выражаются, как правило, в отложенном по времени соци-

Восхождение на гору

альном эффекте, в частности, в увеличении интеллектуального потенциала, изменении ценностных ориентаций и норм поведения, в постепенной модернизации всего общества. Однако эти процессы средне- и долгосрочного характера. Сложность заключается и в том, что в этнокультурной сфере далеко не все может быть измерено при помощи количественных индикаторов.

Важнейшая социальная функция культуры — быть транслятором не только национальной, этнической, самобытной культуры, но и средством приобщения подрастающих поколений к общечеловеческим ценностям, к мировому культурному процессу, неотъемлемой частью, равноправным компонентом которого является культура любого народа. Но для этого необходим диалог культур, межэтническое общение.

На наш взгляд именно современные этнокультурные проекты и призваны решать эти задачи.

Проектное управление является не просто единичным случаем решения определенных задач и достижения конкретных целей. Проектный менеджмент в современном мире — намного более обширное явление, чем может показаться. За последние время сформировалась определенная культура проектного управления. В основе работы многих организаций — благотворительных, медицинских, образовательных, культурно-досуговых, НКО, фондов, государственных и частных корпораций и т. д. — лежит проектная деятельность. По данным Международной ассоциации управления проектами, современный инструментарий выполнения проектов позволяет сэкономить 20–30 % времени и 15–20 % ресурсов. Управление проектами сегодня активно дополняет прежде развитую форму управления организациями и дает возможность субъектам культурной политики реализовывать в процессе сотрудничества разнообразные творческие идеи. Практика показывает, что проектное управление давно успешно применяется в научном сообществе. Абсолютная прозрачность и управляемость процессом, четкое распределение персональной ответственности и измеримый конечный результат на заранее спланированную дату — это далеко не все, что делает привлекательным проектное управление. Проектная деятельность является специфической формой регулирования социокультурных процессов. Проектное управление позволяет с большей четкостью отследить ход движения идеи от начала ее претворения в жизнь до логического завершения. В рамках каждого проекта можно увидеть и оценить результаты выполняемых работ, осуществить общий анализ трудовых, временных, человеческих и иных ресурсов, а так же затрат. При этом названные элементы, возможно,

Участники фестиваля

рассматривать в разрезе как одного проекта, так и целого портфеля проектов, а в будущем и определенной стратегии развития. Проектная деятельность учреждений науки и культуры относится к разряду инновационной, творческой деятельности, ибо она предполагает преобразование реальности, строится на базе соответствующей технологии, которую можно унифицировать, освоить и усовершенствовать. Актуальность овладения основами проектирования обусловлена, во-первых, тем, что данная технология имеет широкую область применения для всех областей исторического знания. Во-вторых, владение логикой и технологией проектирования позволит специалистам более эффективно осуществлять аналитические, организационно-управленческие и консультационно-методические функции.

Гончар

Фольклорно-этнографический фестиваль евразийских народов «Аркаим»

Идея проведения в заповеднике «Аркаим» фольклорно-этнографического фестиваля евразийских народов возникла в 1997 г. Автором идеи была этнографическая группа в составе А. А. Рыбалко, О. В. Новиковой, О. Ю. Мальцевой. Основные задачи, которые были призваны решать фестивали, с одной стороны, достаточно глобальны, с другой — понятны и близки каждому человеку.

Цели и задачи фольклорно-этнографического фестиваля евразийских народов «Аркаим»:

- изучение и возрождение традиционной материальной и духовной культуры, обрядов и обычаев, традиционных ремесел и рукоделий евразийских народов;
- установление и поддержание научных контактов между учеными-историками, этнографами, фольклористами, природоведами и экологами, сотрудниками музеев, учреждений культуры и образования в деле изучения и сохранения разнообразия традиционных культур народов евразийских степей;
- расширение научно-просветительского и культурно-образовательного пространства Челябинской области и повышение интереса школьников и молодежи к изучению традиционных культур древних и современных народов.

С 1997 по 2002 г. в музее-заповеднике «Аркаим» проведено три фольклорно-этнографических фестиваля. Темы фестивалей были различными: «Дом. Семья. Детство», «Традиционная свадьба», «Ремесла и рукоделия народов Урала». Фестивали всегда привлекали пристальное внимание ученых-этнографов Челябинска, Уфы, Екатеринбурга, краеведов городов и поселков Челябинской области — Сатки, Юрюзани, Фершампенуазы, Парижа. Чтобы стать участником фестиваля, фольклорные коллективы проходили серьезный конкурсный отбор, подтверждая соответствие предлагаемого материала концепции и тематике. Участниками становились лучшие фольклорно-этнографические коллективы, занимающиеся собиранием, сохранением и изучением аутентичного фольклора, этнических традиций, обычаев, обрядов; краеведческие и историко-этнографические музеи; мастера традиционных народных промыслов, ремесел и рукоделий. Программа фестивалей всегда была тематической, и темы выбирались такие, которые были интересны не только специалистам-этнографам, музейным работникам, но и широкому кругу участников, зрителей и гостей.

Конкурс венков

Конкурс мастеров

Мастера пятриковской росписи

Конкурс Солнцекатания

Прыжки через костер

Конкурс традиционной кухни

По прошествии времени можно сказать, что фольклорно-этнографический фестиваль в заповеднике «Аркаим» пользовался необыкновенной популярностью — его всегда ждали, к нему готовились основательно и серьезно, о сроках проведения начинали интересоваться с начала года. Практически каждый фестиваль, независимо от темы, собирал до 100 человек участников и до 1500 гостей и зрителей.

Популярность фольклорно-этнографического фестиваля, на наш взгляд, была обусловлена не только интересом к традиционной культуре, многонациональным составом населения Челябинской области, но и высокой планкой аутентичности, качеством материала, представляемого участниками, а также разнообразием программы. Коллективы и каждый из участников могли проявить себя в мастер-классах, выставках-ярмарках, конкурсе традиционной кухни, принять участие в концертной программе, пообщаться с коллегами-историками, этнографами, фольклористами, познакомиться с тематическими выставками из фондов музеев Южного Урала.

Идея проведения этнографических фестивалей в заповеднике «Аркаиме» не оставляла равнодушными и административные структуры. Учредителями фестиваля являлись администрация Челябинской области, администрация города Челябинска, Главное управление культуры области, администрация города Магнитогорска, администрации районов Челябинской области.

С 2003 г. в связи с некоторыми организационными и финансовыми сложностями традиция проведения фестиваля прервалась на целых восемь лет, но в 2010 г., получив поддержку Министерства культуры Челябинской области, руководство заповедника приняло решение возобновить фестиваль.

С 2010 г. фестиваль стал ежегодным и приурочен к традиционному празднику Ивана Купалы с датами проведения 5–7 июля. Время показало правоту этого решения. За девять лет данный этнокультурный проект превратился в региональный с международным участием фестиваль. География гостей и участников постоянно расширяется. Фольклорные коллективы, отдельные солисты, мастера традиционных ремесел

Концертная программа

приезжают на фестиваль из Поволжья, Оренбуржья, Башкортостана, областей Большого Урала и Западной Сибири, а также ближнего зарубежья — из Казахстана и Беларуси. Становится разнообразнее и фестивальная программа — добавлена номинация «Этномода», где представлены коллекции дизайнеров, а конкурс дефиле пользуется заслуженной популярностью у зрителей и участников. Постоянно обновляются выставки. В рамках последних фестивалей были организованы и проведены две научно-практических конференций, по итогам изданы сборники статей. Коллектив заповедника «Аркаим» постоянно ищет новые формы мероприятия, поддерживая высокую организационную и научную планку.

Конкурс этномоды

Мы твердо уверены, что программы фольклорно-этнографического фестиваля могут быть интересны разным возрастным и социальным группам.

Сегодня фестиваль также является формой событийного туризма и представляет прекрасную площадку для творческого, научного и культурного обмена, дает возможность для развития и популяризации исторического знания, а успех и востребованность фестиваля «На Ивана, на Купала...» привели к появлению в заповеднике «Аркаим» фестиваля исторической реконструкций «Пламя Аркаима» и гастрономического фестиваля «Августовские Спасы», впоследствии переименованного в фестиваль «Крынка».

Музей-заповедник «Аркаим» уникален: комплексный характер определил высокую степень изученности территории юга Челябинской области, и задача сотрудников заповедника состоит в популяризации накопленного материала — археологического, исторического, этнографического, природного. Мы твердо уверены, что развитие и популяризация исторического знания, воспитание молодежи, сохранение традиции, сегодня возможны только через живое заинтересованное общение, через интерактивные программы и фестивальное движение.

Сведения об авторе

О. Ю. Мальцева, Челябинский государственный университет, инженер второй категории Музея археологии и этнографии. Челябинск, Россия. arkaim.ok@mail.ru

FESTIVAL OF THE RESERVE "ARKAIM": THE EXPERIENCE OF ETHNO-CULTURAL DESIGN

O.Yu. Maltseva, engineer of 2 category of Museum of archaeology and ethnography, Chelyabinsk State University. Chelyabinsk, Russia. arkaim.ok@mail.ru

Project activity is an actual and innovative form in the studying modern historical, ethnic and socio-cultural processes. The article is based on the materials obtained by the author during the organization, preparation and conduct of thirteen folklore and ethnographic festivals held on the territory of the tourist camp of the Arkaim Museum-reserve from 1997 to 2018. The themes of the first festivals were dedicated to home, family, childhood, traditional wedding, crafts and needlework of the peoples of the Urals. Celebration of Ivana Kupala gave its name to the fifth and subsequent

festivals. For 9 years, this ethno-cultural project had turned into a regional festival with international participation. Guests and participants came from different regions and even countries.. Folk groups, individual soloists, masters of traditional crafts come to the festival from the Volga region, Orenburg Region, Bashkortostan, the regions of the Greater Urals and Western Siberia, as well as neighboring countries from Kazakhstan and Belarus. The competition program is also growing. There are new nominations, competitions, playgrounds, master classes. Exhibitions are constantly updated. During the last festivals, two scientific and practical conferences were organized and held, and collections of articles were published as a result. Maintaining a high scientific, educational and organizational level, afterwards two collections of articles were published. Today, the festival, as a form of event tourism, gives an opportunity to develop and popularize historical knowledge through project management. And the success and demand for the festival "On Ivan, on Kupala..." led to the appearance in the Reserve "Arkaim" festival of historical reenactments "the Flame of Arkaim" and the gastronomic festival "August Spas", later called "Krynka".

Key words: *Folklore and ethnographic festival, ethnocultural project, Arkaim nature Reserve, culture of interethnic communication, state national policy, national and religious traditions, social function of culture.*

Л. А. Халтурина

ГОВОРЯЩИЕ ПРЕДМЕТЫ

(из опыта реставрации предметов фонда
Музея природы и человека г. Ханты-Мансийска)

В фондах «Музея природы и человека» г. Ханты-Мансийска есть много предметов, которые прошли через руки реставраторов и на первый взгляд не представляют ничего необычного. В процессе предварительного изучения и планирования реставрационных процессов эти предметы открылись с неожиданной стороны. В докладе описаны два предмета из фондов музея, при реставрации которых были получены интересные сведения об истории их бытования. Одним из них является поздравительная открытка «С днем Победы!» (музейный шифр ХМ-341/1-3), второй предмет — спичечный коробок (в карте регистрации «Утварь очажная», музейный шифр ХМ НВ-4976).

Ключевые слова: реставрация, музей, открытка, спичечный коробок, история бытования.

В фондах «Музея природы и человека» г. Ханты-Мансийска есть много предметов, которые прошли через руки реставраторов. Вещи, о которых я хотела бы рассказать, — с первого взгляда обычные предметы, ничего выдающегося, не самые сложные в реставрационных работах. В процессе предварительного изучения и планирования реставрационных процессов они открылись с неожиданной стороны.

Одним из таких предметов является поздравительная открытка от М. С. Ситникова «С днем Победы!» (музейный шифр ХМ-341/1-3). При внимательном визуальном изучении предмета оказалось, что это немецкая поздравительная открытка «С пасхой!», которая была переделана М. С. Ситниковым в поздравительную открытку «С 9 Мая!». В открытку вставлена тетрадь, состоящая из двух листов, с рукописным текстом чернилами черного цвета, которая прикреплена с помощью капроновой белой нити через стиб открытки в центре. Нить выведена наружу и завязана на бантик (рис. 1).

На открытке в верхней левой части изображены два белых цветка, напоминающих розы с зелеными веточками. В нижнем левом углу такие же два цветка меньшего размера. Очень бледная надпись на немецком языке: «Fröhliche Ostern!» («Веселой пасхи!»). Видимо ее пытались удалить, но получилось только ослабить. Поверх этой надписи рукописный текст: «С днём Победы!», ниже «Маркел», сделанный чернилами черного цвета. Сохранность открытки не позволяла ей участвовать в выставке «И быть над землей рассветам...»,

Рис. 1

посвященной 9 Мая. Реставрационным советом было выдано задание привести предмет в экспозиционный вид.

Описание сохранности предмета. Бумага пожелтела. Множественные загрязнения, пятна. Вкладыши пожелтели, пятна коричневого цвета, многочисленные мелкие разрывы, утраты фрагментов в нижней части. Один лист состоял из четырех фрагментов. Деформация бумаги (см. рис. 1).

Перед реставрацией были проведены исследования состояния сохранности предмета и подготовка к реставрации по методическим рекомендациям ВХНРЦ им. И. Э. Грабаря¹. Проба на устойчивость печатного рисунка к воде проводилась микротампоном, смоченным водой, в трех наименее ответственных местах печатного рисунка. Тампон не окрасился. Было выяснено, что промывка открытки в воде возможна. Проба на устойчивость рукописного текста к воде проводилась микротампоном, смоченным водой, в трех наименее ответственных местах текста. Тампон окрасился. Было выяснено, что промывка листов с текстом в воде невозможна. Также была проведена проба на присутствие древесной массы в бумаге. С оборота острым скальпелем на предметное стекло счищено некоторое количество волокон, которые были увлажнены дистиллированной водой. Фильтровальной бумагой удалена лишняя влага. Нанесена капля раствора сернокислого анилина. Окрашивания не произошло, что подтвердило визуальное предположение: в составе бумаги самой открытки нет лигнина, поэтому ее можно обрабатывать хлорамином.

Состав и последовательность реставрационных мероприятий:

1. Удаление общих поверхностных загрязнений с бумаги.
2. Удаление пятен.
3. Промывка.
4. Склейка и подклейка разрывов на бумаге.
5. Восполнение утрат основы.
6. Устранение деформации.
7. Сборка открытки.

Удаление общих поверхностных загрязнений с бумаги проводилось при помощи мягкой сухой кисти, резиновой крошкой (AKAWIPE WEISS /WHITE Art.-Nr.4351). После этого крошка была удалена щетинной кистью средней мягкости. Многочисленные мелкие пятна на лицевой части открытки ослаблялись кончиком скальпеля. Удаление пятен проводилось тампонированием. Открытка размещалась на оргстекле на фильтровальную бумагу. Обрат листа попеременно обрабатывался 3%-ным раствором хлорамина Б и 3%-ным раствором трилона Б. После обработки с оборотной стороны, при помощи пленки открытка была перевернута на лицевую, где также обрабатывались поля, обходя рукописный текст. Чтобы получить раствор для удаления пятен — 3 г хлорамина Б были растворены в 97 мл воды, 3 г трилона Б — в 97 мл воды.

Промывка выполнялась при помощи компрессов. Открытка на 3 минуты помещалась между плитами прессы в прокладках из увлажненной фильтровальной бумаги. Процедура повторялась три раза, с заменой загрязненной фильтровальной бумаги на чистую. Процедура была необходима из-за наличия рукописного текста на лицевой стороне («С днём Победы! Маркел»).

Подклейка разрывов на вкладышах проходила с минимальным участием воды на светящейся пленке SLIMLIGHT на 6%-ный мучной клей подобранной реставрационной бумагой. Остатки клея удалялись при помощи хорошо отжатого ватного тампона.

«Заплатки» для утраченных фрагментов были заготовлены заранее, в соответствии с конфигурацией и размерами утрат, на 1 мм больше. Приклеивались на 12%-ный мучной клей. После чего проглаживались через фильтровальную бумагу косточкой. Укреп-

¹ Метлицкая Л. Л., Костикова Е. А. Реставрация произведений графики: методические рекомендации. — М. : ВХНРЦ им. И. Э. Грабаря, 1995. — 184 с.

лялись при помощи «чайной» бумаги на 6%-ный мучной клей.

Для устранения деформации применялось отдаленное увлажнение. Выравнивание происходило в винтовом типографском прессе между сукнами, досками в течение двух суток, затем между листами фильтровальной бумаги в течение недели. После устранения деформации открытка была собрана на оригинальную шелковую нить, завязанную на бантик с лицевой стороны.

Таким образом, открытка приобрела первоначальный вид (рис. 2–3).

Второй предмет значился в регистрационной карте как «Утварь очаж-

Рис. 2

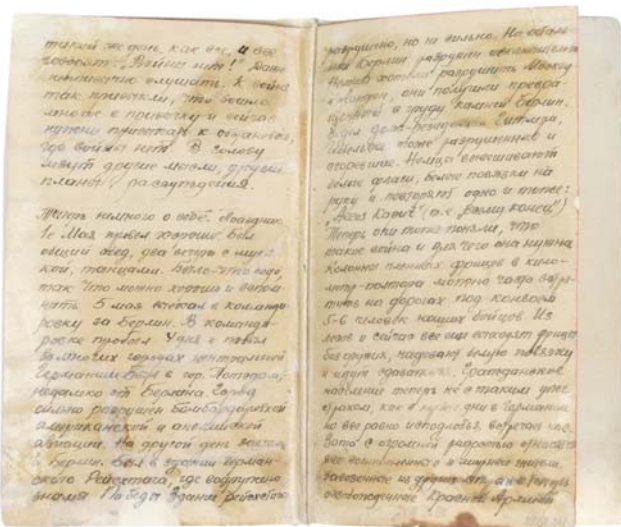

Рис. 3

ная» (музейный шифр ХМ НВ-4976) (рис. 4–6). С первого взгляда это простой спичечный коробок, но у него оказалась очень интересная история происхождения и бытования. После того как предмет поступил в реставрацию, были проведены исторические исследования. Оказалось, что этот довольно редкий коробок был изготовлен на 1920–1937 гг. на государственной спичечной фабрике в Тюмени, в то время, когда спичечные коробки делали еще из фанеры. При беседе со сдатчицей выяснялось, что обрывки купюр, хранящихся в коробке, использовались ею в игре как куколки (рис. 5–6).

Коробок принадлежал семье северных манси и был привезен дедом с золотых приисков под Ивделем. Внутри коробка сохранились спички и скрученные фрагменты бонн 1909 и 1910 гг. Удалось установить, что это 5 рублей, 10 рублей и 100 рублей. Было непонятно, почему деньги в таком состоянии, но ответ оказался прост. Оказывается, внучка владельца коробка, передавая этот предмет в музей, когда-то делала из них куклы и играла, а сохранилось все это благодаря тому, что у манси принято делать так называемые «приклады» после смерти хозяина. В настоящее время деревня оказалась брошенной, пред-

Рис. 4

меты

Рис. 5

Рис. 6

с чердака дома переехали в музей благодаря внучке умершего владельца. Вещи были в неплохом состоянии.

Один фрагмент размерами 10,5×3,7 см от боны достоинством 10 рублей 1909 г. имел на лицевой стороне рисунок диска с барельефом и числом «10» внутри. Под диском на кольце подвешена гроздь из лавровых листьев и фруктов. В центральной части сохранились буквы «Го...», ниже «КРЕ...», ниже часть пятистрочной надписи, еще ниже «Управ» и «Кассир». С оборота красноватый фон из волнистых линий с частью прямоугольной рамки, растительный орнамент.

Второй фрагмент от боны достоинством 100 рублей 1909 г. имел размеры 4,7×3,2 см. С лицевой стороны видна часть портрета Екатерины II: нижняя

часть лица, шея, бюст. С оборота буквы «БЛЕЙ». Здесь же были два фрагмента от боны достоинством 5 рублей 1909 г. На одной из них виден текст: «кредитные билеты на золотую монету...» и рамка, украшенная растительным орнаментом. Ниже под текстом слова «Управляющий А. Коншин и кассир Наумов». С оборота — часть из закона от 14 ноября 1897 г. Фон фрагментов желтовато-коричневый и печать синего цвета.

Поскольку автор не является специалистом по спичечным коробкам, через социальные сети пришлось обратиться к коллекционерам. Двое из них откликнулись и помогли с описанием. Хочется выразить благодарность Алексею Изотову и Дмитрию Спичкину, от которых я узнала, что это ранний коробок, имеющий так называемую круговую этикетку.

Спичечная коробочка представляет собой правильный фанерный параллелепипед, обе стороны которого оклеены круговой этикеткой. Дизайн сторон неодинаков. На лицевой стороне этикетки на розовом фоне сверху в левом углу буквы «СС», в правом «СР», ниже круг, повторяющий круглую печать, в центре изображено здание фабрики, над ним слово: «Тюмень», по кругу текст: «Государственная спичечная фабрика». Внизу по бокам заглавные буквы: слева «В.С.», справа «Н.Х.».

Коробочка состоит из двух корпусов, выдвигающихся один из другого в процессе эксплуатации. Внутренний корпус образован жестко соединенными между собой плоским прямоугольным дном и боковыми стойками, расположенными по периметру дна из тонкой фанеры, обклеены тонкой бумагой сиреневого цвета. Внешний корпус

имеет параллельно расположенные и жестко соединенные между собой посредством двух боковых стоек два плоских прямоугольных основания. Во внутренней коробке лежат 14 спичек. Длина каждой 4,8 см, толщина 2 мм. На спичках лежат четыре фрагмента от трех бонн, свернутых трубочкой.

Предмет имел удовлетворительную сохранность: общее загрязнение, деформация, разрывы, трещины. Фрагменты бонн были также загрязнены, деформированы, имели мелкие разрывы, небольшие утраты.

Перед реставрацией были проведены исследования состояния сохранности предмета и подготовка к реставрации по методическим рекомендациям ВХНРЦ им. И. Э. Грабаря [1], в частности, пробы на устойчивость реставрируемого материала к применяемым композициям. Микротампоном, смоченным водой, был задет текст в трех наименее ответственных местах. Тампон не окрасился, из чего следовало, что промывка в воде возможна.

Состав и последовательность реставрационных мероприятий:

1. Демонтаж.
2. Удаление общих поверхностных загрязнений.
3. Склейка и подклейка разрывов.
4. Восполнение утрат основы, срывов фактуры с подборкой реставрационного материала.
5. Устранение деформации (прессование).
6. Сборка.

Демонтаж коробка проводился очень аккуратно при помощи скальпеля, бамбукового ножа. Затем для удаления общих поверхностных загрязнений этикетка медленно опускалась в воду лицевой стороной вверх, до полного погружения. Время промывки 15 минут. Предмет был промыт от общих загрязнений, пыли, затеков. Фрагменты бонн были промыты аналогично.

Подклейка разрывов проходила на светящейся пленке SLIMLIGHT на 6%-ный мучной клей подобранной реставрационной бумагой. Остатки клея удалялись при помощи хорошо отжатого ватного тампона.

Фрагменты подготовленной бумаги для восполнения утрат приклеивались на 12%-ный мучной клей и обрывались по контуру утрат на скальпель. После чего проглаживались через фильтровальную бумагу косточкой. Укреплялись при помощи «чайной» бумаги на 6%-ный мучной клей.

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

Устранение деформации (прессование) проводилось между сукнами, досками под грузом в течение двух суток, затем между листами фильтровальной бумаги в течение недели.

В конце реставрационных мероприятий этикетка была приклеена на основу при помощи 12%-ного пшеничного клея. Фрагменты бонн, аккуратно свернуты в трубочку и вложены в спичечный коробок (рис. 7–9).

Таким образом, в процессе приведения предметов в экспозиционный вид для демонстрации на выставке, открылось много информации о самих предметах и их владельцах.

Сведения об авторе

Л. А. Халтурина, художник- реставратор II категории по архивным, библиотечным материалам, БУ Ханты-Мансийского автономного округа Югры «Музей природы и человека». Ханты-Мансийск, Россия. uralkrai@mail.ru

TALKING OBJECTS

L.A. Khalturina, artist-restorer of the II category for archival, library materials, Budgetary Institution of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug of Yugra "Museum of Nature and Man". Khanty-Mansiysk, Russia. uralkrai@mail.ru

In the collections of the "Museum of Nature and Man" of Khanty-Mansiysk there are many items that have passed through the hands of restorers and at first glance do not represent anything unusual. During the preliminary study and planning of the restoration processes, they opened up from an unexpected side. The report describes two items from the museum's collections, during the restoration of which interesting information about the history of their existence was obtained. One of them is a greeting card «Happy Victory Day!» (museum code XM-341/1–3), the second item is a matchbox (in the registration card «Hearth utensils», museum code XM HB-4976).

Key words: *restoration, museum, greeting card, matchbox, history of existence.*

В. Е. Симкин

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ПРИЗНАКИ ОСТЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА НА ПРИМЕРЕ ПРЕДМЕТОВ ИЗ КОЛЛЕКЦИЙ МУЗЕЯ ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВЕКА Г. ХАНТЫ-МАНСИЙСКА

Проблема определения остеологического материала при описании изделий работниками фондов является достаточно распространённой и актуальной, как при описании коллекций, так и при составлении этикетаж для выставок. В докладе рассматриваются характерные признаки остеологических материалов, использованных для изготовления художественных и декоративно-прикладных изделий, на предметах из коллекций Музея природы и человека. Значительное внимание уделяется, практике предреставрационного анализа музейных предметов, на примере которых показывается ряд признаков остеологических материалов, используемых в косторезном искусстве. Уделяется внимание отечественным и зарубежным источникам по определению остеологического материала.

Ключевые слова: реставрация, идентификационные признаки, остеологический материал, кость, лосиный рог, резьба по кости.

На территории Западной Сибири с течением времени сформировалась богатая ремесленная традиция обработки кости и рога оленевых. Особенно ярко она проявила себя в художественных и декоративно-прикладных изделиях. В коллекциях Музея природы и человека хранятся экспонаты, выполненные в лучших традициях Тобольской косторезной школы, а также мастерами — современными носителями традиции работы с этим древним материалом. К сожалению, при поступлении на реставрацию музейные предметы зачастую имеют неверное описание, что связано с незнанием характерных признаков остеологических материалов. Изучение данного вопроса необходимо не только для определения материала, из которого был изготовлен предмет, но и с целью составления этикетаж, описания музейных предметов, изучения традиции косторезного ремесла, но также для подбора материала, близкого по свойствам для восполнения утраченных фрагментов скульптур.

В коллекции изобразительного искусства Музея природы и человека большинство предметов, относящихся к настольным скульптурным композициям из бивня мамонта, кости и рога оленевых, являются полисоставными, как по технологии изготовления, так и по использованным материалам (в частности, скульптурные композиции, изготовленные на рубеже XX–XXI вв.). Среди отличительных особенностей в исполнении подобных скульптурных композиций следует отметить технологию изготовления. Так, для создания сюжета, изображающего традиционную жизнь, обычаи хантов и манси, мастерами довольно часто начинает применяться операция по монтированию фигур композиции с помощью костяных штифтов на основании выполненных из лопаты рога европейского лося или ископаемой скелетной кости. Со временем происходят существенные изменения в предпочтениях используемого материала для изготовления непосредственно самих фигур. Современные резчики все чаще используют доступные поделочные материалы, такие как трубчатую кость млекопитающих и рог

европейского лося. Подобные изменения можно объяснить не только внедрением в косторезное ремесло мощного оборудования, позволяющего обрабатывать подобные материалы, но и общей традицией, уходящей корнями во вторую половину XX в., когда благородная кость стала дефицитным сырьём [2, с. 48], вследствие чего главным поделочным материалом становится рог европейского лося, ископаемая скелетная кость, а также трубчатая кость млекопитающих.

Среди основных признаков, позволяющих отличить рог европейского лося от других цельных рогов оленевых, является форма. Лосиный рог более плоский, широкий, не обладает выраженной ветвистостью в отличие от рогов косули, марала или северного оленя. Рог европейского лося также отличается строением, в частности выраженными толстыми стенками, тогда как рог северного оленя наделен более тонким компактным слоем с выраженным губчатым веществом [4, с. 48]. Иными признаками обладают трубчатые кости млекопитающих. Внутри трубчатой кости имеется полость, костная стенка которой ограничена компактным веществом [3, с. 38]. Поверхность компактного вещества пронизана каналами, так называемыми остеонами, через которые при жизни животного проходят кровеносные сосуды. Именно по наличию остеонов, а также специфического желтого оттенка при визуальном осмотре можно отличить трубчатую кость млекопитающего от благородных поделочных материалов, таких как морж, кашалот или бивень мамонта. Ископаемая кость млекопитающих, используемая резчиками по кости в качестве подставок, имеет идентичное строение, но с более выраженной костной трабекулой губчатого вещества и темно-коричневым оттенком.

Учитывая вышеперечисленные признаки, при анализе памятника можно выявить неправильно составленное описание. Таким образом, на этапе реставрационного исследования возникает необходимость в идентификации материалов, из которых выполнен предмет. Наиболее ярким подобным примером из реставрационной практики является скульптурная композиция «Медвежий праздник». Из истории памятника известно, что предмет был изготовлен в 1995 г. в городе Тобольске мастерами резьбы по кости М. В. Темиргазеевым и Я. М. Темиргазеевым. На момент поступления предмета в реставрационную мастерскую в учетной карточке в качестве материала была указана кость (рис. 1).

На момент поступления в реставрацию композиция нуждалась в удалении загрязнений. Были утрачены фрагменты скульптур, в частности бивень у фигуры мамонта, а также голова идола и рог оленя. Полностью утрачена фигура птицы. Была выполнена некорректная идентификация материала. Перед началом проведения реставрационных работ был проведен визуальный осмотр памятника и определен тип остеологического материала. В хо-

Рис. 1. Фото до реставрации. Скульптурная композиция «Медвежий праздник»

де проведенного осмотра на поверхности сохранившихся фрагментов, а также на аналогичных фигурах птиц были выявлены остеоны. На оборотной стороне фигуры идола с утраченной головой имелись остатки костной трабекулы губчатого вещества (рис. 2). Все вышеперечисленные признаки позволили идентифицировать материал как трубчатую кость млекопитающего. В результате для выполнения работ по восполнению фрагмента утраченной фигуры была использована трубчатая кость млекопитающего (рис. 3). Также по результатам проведенных реставрационных работ были внесены соответствующие изменения по материалу памятника в реставрационный паспорт.

Таким образом, было установлено, что подставка композиции выполнена из лопасти рога европейского лося. Идолы, птицы, мамонты, олени, собаки, чум, нарта с медведем, три нарты, фигуры мужчин, лабаз, а также штифты, соединяющие их между собой, изготовлены из трубчатой кости млекопитающего, фигуры сидящих женщин — из бивня мамонта.

Предметы, поступающие на реставрацию из этнографической коллекции Музея природы и человека, также изготовлены из различного остеологического материала, однако значительная часть предметов выполнена из рога оленевых. К подобным предметам относятся пластины, украшенные орнаментом (в частности, заготовка для пояса, изготовленная в 1940-е гг. XX в.) (рис. 4).

На момент поступления предмета в реставрационную мастерскую в качестве материала изготовления предмета была указана кость, таким образом, материал предмета был идентифицирован некорректно. Для определения материала, а также состояния сохранности предмета был проведен визуальный осмотр, по результатам которого была зафиксирована необходимость в проведении работы по удалению загрязнений

Рис. 2. Фото до реставрации. Обратная сторона фигуры идола с остатками костной трабекулы губчатого вещества. Голова фигуры утрачена

Рис. 3. Фото после реставрации. Лицевая сторона фигуры идола. Восполнена утраченная голова фигуры. Выполнен монтаж фигуры

Рис. 4. Фото до реставрации.
Лицевая сторона пластины

отечественным источником, посвященным непосредственно проблеме идентификации остеологического материала, является методическое пособие Д. Ю. Милосердова «Определение остеологических материалов (кости и рога) в художественных и декоративно-прикладных изделиях на основе коллекций Государственного Дарвиновского музея» [3]. Автором были собраны в единое пособие признаки, позволяющие выявлять предметы, выполненные из благородной кости (слона, мамонта, моржа, кашалота и др.), рога, а также кости и панцири черепахи, что, несомненно, подчеркивает актуальность и прикладное значение отечественного пособия по данной тематике. В зарубежной литературе проблема идентификации остеологических материалов получила большую освещенность. Так, среди зарубежных исследователей необходимо отметить публикацию М. Локка «Bone, Ivory and Horn: Identifying Natural Materials» [4]. Автором монографии весьма подробно рассмотрено строение материалов. Особый интерес у отечественных исследователей должна вызвать глава, посвященная различиям между костью и рогом, где достаточно досконально изложены особенности строения такого распространённого материала, как рог лося и северного оленя. Также автором подробно описаны типы и строение благородной кости.

Подводя итог вышесказанному, следует подчеркнуть, что правильно выполненное описание памятника с указанием материала способствует раскрытию не только его художественной или материальной ценности, но также позволяет подобрать наиболее подходящий по своим свойствам к оригиналу материал для восполнения утраченных фрагментов.

Список литературы

1. Бородовский А. П. Древнее косторезное дело Юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н. э. — первая половина II

методом химической очистки с помощью фермента и этилового спирта лицевой и обратной стороны предмета. Помимо прочего был установлен тип остеологического материала, который послужил для изготовления изделия. Так, на оборотной стороне располагалось губчатое вещество с сохранением компактного слоя, что говорит о получении заготовки для изделия путем расчленения лопатки рога вдоль одинарной роговой пластины [1, с. 82]. В результате, исходя из ряда идентификационных признаков, удалось установить, что предмет изготовлен из рога оленевых (рис. 5).

Необходимо отметить, что проблема идентификации остеологического материала отечественными исследователями в рамках музейной деятельности мало освещена и имеет высокую степень актуальности. Основным на сегодняшний день

Рис. 5. Фото после реставрации.
Оборотная сторона пластины

- тыс. н. э.). — Новосибирск : Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1997. — 224 с.

2. Валов А. А. Тобольская резная кость. — Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1987. — 191 с.
3. Милосердов Д. Ю. Определение остеологических материалов (кости и рога) в художественных и декоративно-прикладных изделиях на основе коллекций Государственного Дарвиновского музея: методическое пособие. — М. : ГДМ, 2017. — 96 с.
4. Michael Locke Bone, Ivory and Horn: Identifying Natural Materials. Schiffer Publishing Ltd. — Atglen, Pennsylvania; 2013. — 280 с.

Сведения об авторе

В. Е. Симкин, Музей природы и человека. Ханты-Мансийск, Россия. vsimkin@umuseum.ru

THE IDENTIFICATION SIGNS OF OSTEOLOGICAL MATERIAL ON AN EXAMPLE OF ITEMS FROM THE COLLECTIONS OF THE MUSEUM OF NATURE AND MAN (KHANTY-MANSIYSK)

V.E. Simkin, The Museum of Nature and Man, Khanty-Mansiysk, Russia. vsimkin@umuseum.ru

The problem of determining the osteological material, when describing products by employees of the funds, is quite common and relevant, both when describing collections and when compiling labeling for exhibitions. The report examines the characteristic features of osteological materials used for the manufacture of art and decorative and applied products, on items from the collections of the Museum of Nature and Man. Considerable attention is paid to the practice of pre-restoration analysis of museum items, by the example of which a number of signs of osteological materials used in the art of bone-carving are shown. Attention is paid to domestic and foreign sources on the definition of osteological material.

Key words: *restoration, identification signs, osteological material, bone, elk horn, the art of bone-carving.*

А. Е. Третьякова

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ И РЕКОНСТРУКЦИИ КЕРАМИКИ БЫТОВОГО НАЗНАЧЕНИЯ ИЗ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ФОНДОВ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ЧЕЛЯБИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Каждый отпечаток на таком уникальном материале, как керамика, имеет свое значение и смысл. В керамике важно всё — от состава массы до внешнего вида и его назначения. Каждый нюанс дает нам ключ к определенной информации о том, задумывался ли мастер над составом массы, было ли это кустарное или артельное производство, имела ли значение визуальная составляющая или превалировало исключительно бытовое назначение. И когда я, как практикующий керамист, прикасаюсь к археологическим образцам, которые мне предстоит скопировать или реконструировать технологию производства, меня охватывает приятное волнение, ведь я держу в руках своеобразную «флешку», на которой записана уникальная информация сто- или даже тысячелетней давности. Работа с керамикой в сфере реконструкции — это, несомненно, многоэтапный и многопрофильный процесс. Очень важно, чтобы над процессом реконструкции работали специалисты из области химии, истории/археологии и непосредственно практикующие мастера. И такие коллективные исследования помогут очень точно и максимально достоверно воссоздать каждую деталь предмета из керамики.

Ключевые слова: реконструкция, керамика, археология, эксперимент, комплексный подход.

Работа с керамикой в сфере реконструкции — это, несомненно, многоэтапный и многопрофильный процесс. Очень важно, чтобы над процессом реконструкции работали специалисты из области химии, истории/археологии и непосредственно практикующие мастера. И такие коллективные исследования помогут очень точно и максимально достоверно воссоздать каждую деталь предмета из керамики.

Я же в свою очередь, именно как практик, могу дать поверхностную информацию, ту, что находится на поверхности черепка. Приблизительно о составе массы можно сказать следующее: есть ли там шамот, песок или воластонит, хорошо ли очищалась эта масса или она, скорее всего, использовалась в первоначальном виде. Можно приблизительно сказать о глазури, если такое покрытие имеется: свинцовая ли глазурь (при очень явном блеске), за счет чего достигался цвет глазури (оксид хрома или меди, зеленоватый оттенок, оксид титана желтый, коричневый оксид железа или перекись марганца, оксид кобальта синий (крайне редко встречающийся)). Кроме того, на цвет самого черепка и глазури может влиять огромное множество факторов. Были ли горшки поставлены в печь с просушенной глазурью или сыроватой, какая температура была в печи, причем порой даже 10–20 градусов играют решающую роль во внешнем виде глазури и черепка. Была ли окислительная или восстановительная среда при обжиге. Окислительная среда — это низкотемпературный обжиг с доступом кислорода в камеру, а восстановительная — это бескислородный обжиг, который достигается

либо специальными манипуляциями с печью, либо на очень высоких температурах (более 1200° С). Можно сделать тестовые обжиги с образцами черепков, чтобы понять была ли масса высокотемпературной или низкотемпературной, а состав массы даст понять, достигались ли эти качества особым образом специальными добавками или же подстраивались под имеющиеся качества у местных глин.

В исследовании использовались образцы этнографической посуды из фондов Музея археологии и этнографии Челябинского государственного университета, изучив которые, автор попытался воспроизвести их в современных условиях. В практической части эксперимента были использованы существующие на сегодняшний день пособия и исследовательские материалы [1–4]. Поскольку в моем исследовании был недоступен химический анализ черепков, точный состав глазурей и масс был неизвестен, я добивалась максимальной схожести с помощью экспериментов и доступных мне простых материалов. Визуально можно определить, на каком круге выполнялся предмет — ножном или ручном. Хотя в этом вопросе тоже могут быть нюансы: если мастер был очень высокого уровня, ручной круг имел хорошую инерцию, а сосуд достаточно ровный с характерными спиральными полосами от пальцев, то его легко спутать с сосудом, выполненным на ножном круге. Скорость вращения этих кругов в некоторых случаях может быть приблизительно одинакова. Был ли сделан сосуд из одного куска глины или жгутовым методом, возможно, поможет определить рентген, если вдруг это неочевидно на первый взгляд. Иногда по шву может появиться трещина.

По внешнему виду сосуда я также определяла состав массы и добавляла в свою красную массу немного шамота и песка, а в белую практически ничего, она визуально довольно похожа на исходные образцы. У меня уже имелись обожженные образцы этих масс, и их можно было сравнить с результатами экспериментов. Если предварительно таких образцов не было получено, то очень важно сделать пробники, ведь после обжига масса изменяется полностью и по структуре, и по внешнему виду, дает определенную усадку.

Особенно важны пробники при работе с глазурями. Глазурь может менять свой цвет даже в зависимости от места в печи при обжиге. Если черепок стоял близко к пламени и золе, цвет будет один, если подальше в печи, то цвет может быть совсем другим при одинаковом составе глазурей. Причем при обжиге в электрической печи в современных «идеальных» условиях мало что поменялось. Сосуд может стоять на дне печки или у ее крышки наверху. И даже при самой совершенной технологии печи, цвет глазури может варьироваться. Я замешивала глазурь на основе глины и ожидала коричневатые оттенки, ведь в составе красной низкоплавкой глины есть оксид железа. В качестве плавня добавила гидрокарбонат натрия (сода). Получился довольно близкий результат к желаемому. А при добавлении в этот состав марганца цвет стал темно-коричневым с металлизированным оттенком, такие образцы тоже иногда встречаются. На белом черепке та же глазурь стала желтоватой, с мелкой сеткой цека. При добавлении пигментов в такую глазурь она ведет себя не очень стабильно, вытесняя пигмент к краям.

Получившиеся крынки и горшки довольно точно повторяют форму оригинала, созданы на ножном гончарном круге и на имитированном ручном круге. Технология лепки на ручном круге довольно сложна и требует определенной сноровки.

Сначала выполняется зачин в виде лепешки — донышка. Затем жгутами налепляется стенка и немного вытягивается вверх до нужной высоты и толщины. Глина при такой работе должна быть очень мягкой, чтобы была возможность вытянуть максимально ровно. Если глина мягкая, то стенка сосуда не может быть тонкой, что мы и видим чаще всего на этнографических образцах. А еще можно сказать о значительной доле усадки, ведь тогда из стенок сосуда испаряется значительное количество влаги, сосуд может уменьшиться после обжига на 10–15 %, в зависимости от состава массы и наличия в ней органических примесей. Иногда в стенках сосудов встречаются пузыри воздуха. Есть мнение, что такие полости должны взрываться, но это не так. При

бережном медленном обжиге вся влага спокойно выходит через поры черепка, а воздух свободно выходит через пористую структуру. Взрывы в печи возникают в основном из-за быстрого набора температуры и резких скачков, когда влага из стенки черепка резко стремится выйти наружу и разрывает стенку.

В целом обжиг должен быть довольно медленным и продолжительным. Когда про технологический процесс обжига известно мало, кажется, что достаточно просто разжечь побольше огня в печи и все получится. Но это не так. Технология обжига тоже довольно сложна. Первый этап — это сушка. Даже когда сосуды уже высушены при комнатных условиях, в стенках черепка есть влажность от атмосферного воздуха и химически связанная вода в частицах глины, и на этом этапе (до 300° С) происходит выпаривание всей влаги, он должен длиться довольно долго, хотя бы около часа, пока из трубы не перестанет выходить влажный пар. Затем можно плавно постоянно поднимать температуру, но не быстрее, чем 100° в час, по крайней мере, до предела в 800° (это темно-малиновый цвет черепков), затем можно немного ускорить процесс уже до 100° в каждые полчаса. Затем необходимо плавное самостоятельное остывание печи, без резких перепадов из раскаленного состояния в охлажденное. Тогда посуда будет целой и правильно обожженной. Это основные принципы обжига, без нюансов.

Обычно такие бытовые сосуды приблизительно XIX–XX в. не имеют никакого украшения и сделаны как будто максимально быстро; мастер не уделял много внимания каждой крынке, как очевидно. Это говорит о массовости производства. Верхняя часть венчика часто не покрыта глазурью, чтобы была возможность составить горшки в печи друг на друга и они не слипались, ведь глазурь в печи плавится и при прикосновении глазурованных черепков, они могут приклеиться. И даже оставленный отпечаток пальца мастера на сосуде (крынке) говорит о некоторой спешке и невниманию к художественным деталям. Но сегодня для исследователей этот отпечаток пальца — самое ценное художественное воплощение мастера. Он прикоснулся тут пальцем случайно больше сотни лет назад, а сегодня мы можем тоже прикоснуться к его отпечатку и изучить его работу и быт живших в то время людей. Это чудо вечного материала — керамики, его загадочность и великолепие. Кроме того, у глины есть память. Возможно, этот отпечаток мастер и выправил перед сушкой, но при обжиге вмятинка вновь проявилась. Частицы глины приняли прежнее положение под действием высоких температур. Такое часто происходит особенно с жирной глиной.

Исследования показывают, что каждый отпечаток на таком уникальном материале, как керамика, имеет свое значение и смысл. В керамике важно всё — от состава массы до внешнего вида и его назначения. Каждый нюанс дает нам ключ к определенной информации, требующей внимательного изучения.

Список литературы

1. Захаров А. И. Основы технологии керамики: учеб. пособие. — М. : РХТУ им. Д. И. Менделеева, 2005. — 79 с.
2. Миклашевский А. И. Технология художественной керамики : учеб. пособие для худ.-пром. вузов и училищ. — Л. : Изд-во лит. по строительству, 1971. — 297 с.
3. Народное искусство: сквозь века / сост. Е. И. Артюшкина. — Челябинск : Аркаим, 2007. — 164 с.
4. Образцов А. В. Гончарное производство: практическое руководство. — Иваново : Роцца, 2016. — 100 с.

Сведения об авторе

А. Е. Третьякова, народный мастер-ремесленник Челябинской области, специалист декоративно-прикладного искусства отдела народных художественных промыслов и ремесел Челябинского Государственного центра народного творчества. Челябинск, Россия.
yeja@mail.ru

EXPERIENCE OF STUDING AND RECONSTRUCTION OF MANNER CERAMICS FROM THE ETHNOGRAPHYS FONDS OF MUSEUM OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF CHELYABINSK STATE UNIVERSITY

A.E. Tretiakova, Folk craftsman of the Chelyabinsk Region, specialist of the ornamental-applied art of Department of national art crafts and trades of the Chelyabinsk state center of national art. Chelyabinsk, Russia. yeja@mail.ru

Each imprint on such a unique material as ceramics has its own meaning. Everything is important in ceramics — from the composition of the mass to the appearance and its purpose. Each nuance gives us the key to a certain information, whether the master thought over the composition of the mass, whether it was artisanal production, whether the visual component mattered or only the household purpose prevailed. And when I, as a practicing ceramist, touch the archaeological samples, which I have to copy or reconstruct the production technology, I am gripped by a pleasant excitement, because I hold in my hands a kind of “flash-card” on which the unique information of a hundred or even a thousand years ago is recorded. Working with ceramics in the field of reconstruction is undoubtedly a multi-stage and multidisciplinary process. It is very important that specialists from the field of chemistry, history and practicing masters work on the reconstruction process. And such collective research will help to very accurately and authentically recreate every detail of the object from ceramics.

Key words: *reconstruction, pottery, archaeology, experiment, comprehensive approach.*

Научное издание

**ДРЕВНИЕ И ТРАДИЦИОННЫЕ КУЛЬТУРЫ
ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СО СРЕДОЙ ОБИТАНИЯ:
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ**

*Материалы
I Международной междисциплинарной конференции*

Ответственный редактор *Е. В. Куприянова*

Корректра и вёрстка *М. В. Трифионовой*
Обложка *Ольги Харитоновой*

Подписано в печать 28.10.21.
Формат 70×100 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 19,5. Уч.-изд. л. 21,4.
Тираж 100 экз. Заказ 457.

Челябинский государственный университет
454001 Челябинск, ул. Бр. Кашириных, 129
Отпечатано в издательстве
Челябинского государственного университета
454021 Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 576